
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №4

ЯПОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ
(общество, культура, язык)
к 120-летию со дня рождения Н.А.Невского
(1892-1937)

том 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ
(общество, культура, язык)

к 120-летию со дня рождения Н.А.Невского
(1892-1937)

том 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

ББК 70/79+80/84 (5 Япо)

Коллективная монография подготовлена и издана при поддержке СПбГУ

*Печатается по решению
Учёного совета Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ: В.В.Рыбин, А.В.Филиппов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Соколов А.М. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. ист. наук Самойлов Н.А. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: канд. ист. наук Османов Е.М.,
канд. филол. наук Рыбин В.В., докт. ист. наук Филиппов А.В.,
канд. ист. наук Синицын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Японоведение сегодня (общество, культура, язык): Материалы российских и японских исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 120-летию со дня рождения Н.А.Невского [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №4]: В 2 томах. Том 1. – СПб. – Изд-во РХГА, 2012. – 221 с.

Оригинальное научное исследование подготовлено усилиями специалистов-японоведов из научных учреждений России, Украины и Японии. Авторами коллективной монографии являются хорошо известные японоведы и молодые перспективные учёные. Издание приурочено к 120-й годовщине со дня рождения одного из выдающихся отечественных японоведов Н.А.Невского (1892-1937). Разнообразие направлений и современные достижения весьма рельефно продемонстрированы в предлагаемом вниманию читателя труде.

Проблематика издания отображает и по-своему уникальный срез по тематике спецкурсов, читаемых в высших учебных заведениях Российской Федерации. Диапазон исследований, охватываемых в монографии, представляет как общественные науки (экономику, историю, этнографию и культурологию), так и изыскания в филолого-литературной области. Ведомственная принадлежность авторов указана в начале каждой статьи.

Для востоковедов, широкой общественности, интересующихся Японией, её языком и культурой. Монография может быть рекомендована для изучающих соответствующие учебные дисциплины. Материал приводится на русском и японском языках.

© Авторский коллектив, 2012
© Восточный факультет СПбГУ, 2012

ISBN 978-5-88812-537-3

*Рыбин В.В.,
заведующий Кафедрой японоведения,
Восточный факультет СПбГУ*

Будем помнить! (к 120-летию Н.А.Невского)

В этом (2012) году Н.А.Невскому исполняется 120 лет со дня рождения. Родился он, как известно, 18-го февраля 1892 г. в г. Ярославле, одном из старинных городов на берегу р. Волги.

Страницы биографии

Как пишут биографы Н.А.Невского, он лишился матери в возрасте менее одного года от роду (январь 1893 г.), а его отец (Александр Александрович) женился во второй раз в октябре того же года, однако в январе 1897 г. отец Николая скончался, и пятилетний Коля остался круглым сиротой. После таких испытаний судьбы Николай Невский был принят на воспитание в семью дедушки и бабушки по материнской линии и перевезен в г. Рыбинск, где и прошли его детство и отрочество¹.

В 1900 г. он поступил в подготовительный класс Рыбинской мужской гимназии, в которую был принят на следующий год и в которой проучился 9 лет. Когда Николаю было 13 лет, в восьмидесятилетнем возрасте скончался и его дед. После кончины деда Н.Невский был принят в семью тёти.

¹ Громковская Л.А., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

В годы войны России с Японией, когда многое сообщалось в печати о боевых действиях на Дальнем Востоке и о Японии, его внимание не могла не привлечь информация об этой дальневосточной стране.

Уже в юности Невский проявлял многогранные способности: увлекался разведением голубей, фотографией, идеей создания вечного двигателя, любил танцы и декламацию, овладевал иностранными языками по программе гимназии и пробовал познать татарский язык, общаясь с татарами, жившими по соседству. Чтобы помогать тётке в финансовом отношении, занимался репетиторством. В 1909 г. окончил полный курс гимназии с серебряной медалью.

После этого Николаю предстояло выбрать высшее учебное заведение, в котором продолжить учёбу. Перед Невским стояла дилемма: заняться изучением Востока или посвятить себя техническим наукам, имевшим большее практическое значение. Первоначальное решение не без советов родственников было принято: надо получать техническое образование. И Николай Невский подал заявление в Петербургский Технологический институт. Однако после первого года обучения он обратился с прошением о зачислении его на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Специализировался он по китайско-японскому разряду. Так начался его путь востоковеда.

В Петербургском университете его учителями стали: А.И.Иванов — китаист, преподававший и японский

язык; КУРОНО Ёсибуми (黒野善文) – японец, прибывший в Россию с научной целью и знавший русский язык; профессиональный дипломат Г.И.Доля; В.М.Алексеев – знаток китайского языка. Николай Невский изучал историю Востока под руководством В.В.Бартольда и Н.И.Веселовского, языкознание ему преподавал Бодуэн де Куртенэ, а фонетику – Л.В.Щерба. Его старшими товарищами по учёбе были китаист и японист Н.И.Конрад, лингвист Е.Д.Поливанов (студент историко-философского отделения), вместе с которыми он посещал и занятия в Практической восточной академии, созданной известным востоковедом Д.М.Позднеевым¹. Усердие, старание и успехи Н. А. Невского в академическом плане были отмечены: на двух последних курсах он получал именную стипендию цесаревича.

Н.А.Невский прошел отличную школу не только в университете – он был и слушателем семинаров Л.Я.Штернберга в Музее антропологии и этнографии².

«9 апреля 1914 г. (по старому стилю) Н.А.Невский получил свидетельство об окончании [университетского] курса. Решением ректора Университета от 27 ноября 1914 г. он был оставлен при Университете, а с

¹ 生田美智子。資料が語るネフスキー。大阪、2003年。頁11。

² Л.А.Громковская. Великий филолог // Петербургское Востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 245-246.

1 марта 1915 г. были выделены средства для того, чтобы командировать Н. А. Невского в Японию»¹.

По прибытию в Токио Невский встретился со своими сотоварищами – Отто Розенбергом и Николаем Конрадом. Во время стажировки Николай Александрович занимался исследованиями, связанными с японским синтоизмом (神道). В своём кратком отчёте о занятиях в Японии с декабря 1915 г. по декабрь 1916 г. Н. А. Невский писал: «Единственный путь для исследования первичных верований Японии – это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр. (Особо стоит придворный ритуал и придворные обычаи, в которых тоже сохранилось много пережитков древнего ритуала в неприкосновенном виде.)»².

Из краткого отчёта Невского видно, как глубоко и разносторонне он подходил к изучению поставленной задачи – поиск истоков синто и его первичной/первичных формы/форм с применением сравнительного метода исследования преданий и мифов различных районов Японии (и не только) и их связи с фольклором и этнографией. Много материалов он смог собрать, путешест-

¹ Там же. С. 246.

² Н.А.Невский. Краткий отчёт о занятиях в Японии... // Петербургское Востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 259.

вужа по самым отдалённым уголкам этой дальневосточной страны.

Однако в 1917 г. срок его стажировки закончился. Вернулись в Россию его друзья — Конрад и Розенберг. Н.А.Невский никак не мог принять решение о возвращении на Родину, хотя Университет перестал выплачивать ему денежное довольствие. Письма друзей из СССР о положении дел в стране были разноречивы, поэтому Николай Александрович свой выбор сделал и остался в Японии. Он должен был искать постоянную работу, которая появилась почти два года спустя. В 1919 г. Невский получил место преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище в г. Отару на о. Хоккайдо, где он погрузился в изучение языка и фольклора айну. За три года он достиг высоких результатов и стал одним из авторитетных айноведа. В 1922 г. его пригласили читать курс айнского языка в университет г. Киото. С этого же года Невский живёт в Осака. Там он стал профессором русского языка местного Института иностранных языков и пригласил приехать к нему МАНТАНИ Исо (Исоко), с которой познакомился в Отару и которая помогала ему в работе над его собранными материалами и рукописями. Исо откликнулась на его предложение и переехала к нему в Осака, покинув родительский дом, в который она переехала после отъезда Невского с Хоккайдо. Официально брак Невского и Исо был оформлен в 1929 г. в генконсульстве СССР в г. Кобэ.

За годы пребывания в Осака (1922–1929) Невский трижды (1922, 1926 и 1928 гг.) побывал на островах Мияко, собрав уникальный материал по фольклору местных жителей. Летом 1927 г. он предпринял поездку на о. Тайвань, где собирал материалы по говорам языка цюу. «В осакский период жизни Н.А.Невский заявил о себе и как тангутовед. Тангутика стала тем направлением его творчества, в котором ему суждено было совершить настоящий научный подвиг»¹. Долгое время тангутские письма оставались для учёных загадкой, и именно Невского считали тем учёным, который смог бы их расшифровать. И с этой задачей он успешно справился!

В научном плане Н.А.Невский проявил себя как незаурядный учёный, знаток многих языков, прекрасный этнограф-аналитик, неординарный преподаватель родного русского языка как иностранного и айнского языка японцам, японского языка русским студентам. Вклад Невского в отечественное востоковедение трудно переоценить.

На Родину Невский вернулся в 1929 г. и стал преподавать на Восточном факультете, успев написать ряд ученых пособий по японскому языку.

Жизнь этого выдающегося востоковеда трагически оборвалась: он был арестован по ложному доносу и несправедливо обвинён в шпионаже в пользу Японии.

¹ Громковская Л.Л. Великий филолог // Петербургское Востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 249.

Такая же участь ждала и его жену. Они были расстреляны 24 ноября 1937 г., но истинная причина гибели этого Учёного и его жены, а также и дата приведения приговора к расстрелу в исполнение долгие годы скрывалась. Только в 1991 г. их дочь (дочь «врагов народа») Елена Николаевна Невская смогла получить доступ к следственным материалам отца и матери и узнать, когда и как они погибли¹.

Хочется, чтобы и мы, и представители молодого поколения востоковедов помнили и преумножали научное наследие Николая Александровича Невского.

¹ Невская Е.Н. О родителях // Петербургское Востоковедение. Вып.8. СПб., 1996. С. 530.

Изучение Н.А.Невским языка и культуры Рюкю

- 1. Н.А.Невский как исследователь языка и культуры Рюкю.** Место и значение исследований Невского по языку и культуре Рюкю в его научном наследии.

Н.А.Невский достиг выдающихся результатов в различных областях востоковедения. До сих пор для мировой науки сохраняют значение его работы по тангутоведению, айноведению, языку *цоу*, рюкюанистике (культура и язык Рюкю/Окинавы).

Сейчас на о-вах Рюкю (преф. Окинава и Кагосима) сфера использования местных диалектов и бытования фольклора неуклонно сужается; язык и традиционная культура этого региона, являющиеся родственными японским, находятся на грани исчезновения; рюкюский язык и его диалекты внесены в «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО. Таким образом, значение проделанной русским ученым работы неизмеримо возросло; наследие Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю является важным достоянием российской и мировой науки.

При этом научное наследие Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю еще недостаточно изучено в России и Японии и почти неизвестно на Западе. Еще многое из него лежит в архивах — неопубликованное и даже неизвестное.

Докладчик анализирует наследие Невского в этой области по публикациям в России и Японии и архивным материалам (библиотека Университета Тэнри, Япония; «Архив востоковедов» ИВР РАН, С.-Петербург). Дается критический обзор важнейших публикаций по данной теме, представляются новые и малоизвестные архивные материалы и публикации.

2. Исследования Невского по языку и культуре Рюкю.

2.1. Почему Невский занялся исследованиями Рюкю.

2.1.1. Развитие этнографии, фольклористики и диалектологии в Японии. Роль Янагида Кунио.

Начало XX в. – становление в Японии национальной этнографической науки, которая началась как краеведение (*кэ́до кэнкю́*), фольклористика и диалектология.

2.1.2. Влияние Л.Я.Штернберга и Е.Д.Поливанова.

2.2. Почему Невский занялся исследованиями именно о-вов Мияко.

ПРИМЕЧАНИЕ. Острова Рюкю состоят из трех групп островов — Окинава, Мияко и Яэяма — и составляют префектуру Окинава с административным центром г.Наха.

2.2.1. Исследования языка и культуры Рюкю в Японии (Иха Фую и Мияра Тōсō).

Одна из причин того, что Невский обратился к исследованиям о-вов Мияко, одного из трех географо-культурных регионов Рюкю — язык и культура этих островов не были изучены.

3. Процесс исследования Невским языка и культуры Рюкю.

3.1. Знакомство Невского с культурой Рюкю.

3.2. Три экспедиции Невского на о-ва Мияко (1922, 1926 и 1928 гг.).

Невский побывал на о-вах Мияко (преф.Окинава), когда этот регион еще не подвергся массовому японскому влиянию и сохранял в чистоте свой язык и культуру. Невский собрал большое количество уникальных материалов по языку, фольклору, этнографии и культуре Рюкю. Особую ценность этим материалам придает то обстоятельство, что Невский, обладая особым лингвистическим даром, смог записать фольклорные тексты на местных диалектах посредством особой фонетической транскрипции с точностью, в то время недоступной японским исследователям.

Докладчик реконструирует процесс исследования Н.А.Невским языка и культуры Рюкю на основе своих собственных разысканий на Мияко и других о-вах Рюкю.

3.3. Публикация в Японии материалов первой и второй экспедиций на о-ва Мияко: «Брак и культуры о.Мияко» (「宮古島の結婚と祭礼」), «Исследование песен

«аяго» (「アヤゴの研究」), «Луна и бессмертие. - «Живая вода» -попытка исследования-» (「月と不死〈若水の研究の試み〉」).

3.4. Вклад Невского в развитие этнографии, фольклористики и диалектологии в Японии.

Роль Невского в знакомстве японских лингвистов с «Международным фонетическим алфавитом» (International Phonetic Alphabet, IPA), что позволило осуществлять точную фонетическую запись диалектов.

4. Исследования Невским языка и культуры Рюкю после возвращения на Родину.

4.1. Переход Невского как исследователя Рюкю от раннего этнографического периода к позднему – лингвистическому (на примере двух вариантов работы «Представление о радуге как небесной змее»).

4.2. Работа над словарем диалектов о-в Мияко.

5. Судьба наследия Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю.

5.1. Изучение наследия Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю в России и Японии (Като Кюдзо, Л.Л.Громковская, А.М.Кабанов, В.М.Алпатов, Каримата Сигэхиса, Танака Мидзуэ).

5.2. Сложности в освоении и публикации в России наследия Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю.

Это наследие до сих пор не стало в полной мере предметом научного исследования в России. Объективные причины: (1) часть наследия Невского покоит-

ся в японских архивах, доступ куда ограничен. (2) большинство работ Невского остались только в виде набросков или рукописных заметок. (3) на родине ученого после Н.А.Невского школа рюкюанистики не сформировалась; не было специалистов по языку и культуре этого региона. (4) для фонетической записи языка и фольклора Рюкю Невский использовал системы знаков, понимание которых представляет трудность даже для специалистов.

5.3. Две системы фонетической транскрипции, которые Невский использовал для записи языка и фольклора Рюкю: (1) на основе «Международного фонетического алфавита» (IPA); (2) на основе кириллицы.

Анализ состояния наследия Н.Невского показывает, что и в России, и в Японии многие его работы по языку и культуре Рюкю до сих пор не изданы или изданы в неудовлетворительном виде. Таким образом, в России есть необходимость нового, более полного издания его работ по этой тематике.

5.4. Неизвестные материалы Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю из российских и японских архивов (рукопись «Брак [на Мияко]», два предания о «молодой («живой») воде» в оригинальном переводе Невского, фонетическая транскрипция Невским «Предания о лунном Акаря-ззагама» на диалекте Мияко, песни аяго и тогани).

5.5. «Матерьялы для изучения говора островов Мияко».

Этот величайший – до сих пор неизученный и неопубликованный ни в России, ни в Японии – труд Н.А.Невского составлялся им после его первой поездки в 1922 г. на о-ва Мияко, – и вплоть до его гибели (оригинал хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, С.-Петербург). Это уникальная энциклопедия языка и народной культуры не только Мияко, но всех о-вов Рюкю и Японии. Эти рабочие записи ученого (1200 стр. формата А-4, ок. 5700 словарных статей) написаны на смеси диалекта (с использованием особой фонетической транскрипции), японского и русского языков, а также латиницы; мелкая скоропись, сокращения, специфическая терминология (топонимы, теонимы и т.д.) делают текст весьма трудным для понимания. Докладчик (Е.С.Бакшеев) в настоящее время в сотрудничестве с лингвистами с Окинавы занимается их расшифровкой и подготовкой к изданию.

Докладчик представляет примеры из «Матерьялов для изучения говора островов Мияко».

6. Задачи изучения наследия Н.А.Невского по языку и культуре Рюкю

- Изучение дневников и полевых записей Невского и публикация наиболее их важных фрагментов.
- Составление базы данных и подготовка научной биографии Невского (в части рюкюанистики).

- Подготовка аутентичного, более полного издания работ Невского по языку и культуре Рюкю с полноценным комментарийным аппаратом.
- Публикация неизвестных в России русскоязычных работ Невского (аутентичного варианта статьи «Луна и бессмертие», первого варианта статьи «Представление о радуге как небесной змее», рукописи «Брак [на Мияко]», а также песен аяго и тогани из библиотеки Тэнри).
- Перевод на русский язык японоязычных работ Невского: «Брак и культы о.Мияко», «Фонетическая запись «Сказа о перепелке», «Материалы по детским играм Мияко» и др.
- Исследование рюкюско-японского словаря придворной лексики королевства Рюкю «Конкō кэнсү» (『混効験集』 1711 г.) в переводе Н.А.Невского.
- Расшифровка и подготовка к изданию «Матерьялов для изучения говора островов Мияко» Н.А.Невского.

7. Основные публикации Е.С.Бакшеева по теме доклада

1. Проблемы изучения научного наследия Н.А.Невского по культуре Рюкю/Окинавы в России и в Японии. Сборник РГГУ «История и культура Японии». М., 2011.
2. Н.А.Невский – исследователь культуры Окинавы (части 1-3) // <http://www.ru-jp.org/baksheev12.htm>,

<http://www.ru-jp.org/baksheev13.htm>, <http://www.ru-jp.org/baksheev14.htm>.

3. Обычаи, культуры и поверия островов Мияко, Окинава (по «Матерьялам для изучения говора островов Мияко» Н.А.Невского) Вып. 1-6. <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1472>~<http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1480>. 2010-11.

4. В поисках «Богини из Ниима»: по следам легенды «Почему перестали рождаться красавицы» - Из наследия Н.А.Невского по культуре Окинавы (I) // <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1475>, <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1476>.

5. 「ニコライ・ネフスキーと沖縄・宮古島」 // 『ドラマチック・ロシア in Japan - 文化と史跡の探訪』 企画 ロシアン・アーツ、発行所 生活ジャーナル, 2010.

Борисова А.А.,
Восточный факультет СПбГУ

Женщины в системе *измото* в современной Японии

Система *измото* (家元) – глав домов – является основополагающей системой традиционных японских искусств, таких как чайная церемония, икэбана, театры Но (能) и Кабуки (歌舞伎). Основными чертами этой системы, оформившейся в период Эдо (1603-1868 гг.) являются непрерывность наследования (в случае, если у главы школы нет прямого наследника, следующим *измото* становится усыновленный ученик), передача имени, а также то, что в канон школы не могут быть внесены никакие изменения без одобрения *измото*. Эта система сохранилась до настоящего времени, однако в конце XIX - XX веках в ней произошли существенные изменения. Одним из них стало вовлечение женщин в мир традиционных японских искусств (до реставрации Мэйдзи только мужчины могли практиковать те или иные искусства).

Начиная с реставрации Мэйдзи (1868 г.), женщин стали принимать в школы искусств как учеников. Также женщины получили право на то, чтобы сдавать экзамены и стать преподавателем того или иного традиционного искусства. Однако женщина не могла стать главой школы, унаследовать имя и стать хранителем традиций. Одной из причин этого фундаментального изменения канона школ стали две войны, унесшие жизни множества мужчин: японо-китайская (1894—1895 гг.) и русско-японская (1904-1905 гг.). Вместо погибших

воинов их вдовы, желая найти поддержку в жизни, продолжали изучение чайной церемонии, но на более глубоком уровне, и добивались получения лицензии. Именно так появились женщины-мастера, имеющие право преподавать.

Вместе с распространением чайной церемонии среди женщин увеличивалось и количество учениц, изучающих Путь чая в женских школах. Это послужило толчком для того, чтобы измото предложили изучать искусство чая как обязательный предмет в средней школе. Правительство идею одобрило.

В знании чайной церемонии стали видеть одно из важнейших умений невесты, а количество женщин-мастеров увеличилось. Впрочем, обнаружилась и «оборотная сторона медали» – чайную церемонию стали рассматривать как женское занятие, и число мастеров-мужчин резко сократилось. Благодаря вовлечению женщин в чайную церемонию, система измото выстояла, но для большинства мужчин стало сложнее войти в мир чая [7, стр.73]¹.

В настоящее время женщины активно изучают путь чая. Для многих из них, особенно для домохозяек, чайная церемония является способом общения с людьми, разделяющими общий интерес. Кроме того, можно

¹ Хара Сокэй. «Тя-но ю» нюмон (Введение в Тя-но ю). Токио: РНР кэнкюдзё, 2004. Стр. 73. 原宗啓. “茶の湯”入門. 東京、РНР研究所、2004年、頁 73.

добиться известности, демонстрируя свое искусство на различных встречах и культурных фестивалях. Как показывают последние исследования, женщины Японии больше не хотят быть запертыми в четырех стенах, а всячески стремятся проявить себя. Приведем простой пример.

Все больше женщин занимаются «мужскими» видами традиционных искусств. По данным сайта «Клуб айкидō» (合気道クラブ), примерное соотношение мужчин и женщин, занимающихся айкидо, составляет 3:1, то есть, примерно четверть практикующих это искусство — женщины. Подобная ситуация и с каратэ-дō среди занимающихся каратэ в додзё Мусёрю в префектуре Гумма 30% — женщины. В университете Сага соотношение мужчин и женщин, занимающихся Кэндō (剣道), составляет 2:1¹. Стоит ли говорить о таких видах искусств как чайная церемония или икэбана, где количество женщин составляет 80% и более.

Думается, что подобное увеличение женщин, занимающихся боевыми искусствами (традиционно мужским занятием) связано с тем, что в Японии начиная с начала 90-х гг. все больше женщин устраиваются на работу, стремятся получить высшее образование и таким образом занять свое место в обществе наравне с мужчинами. Пожалуй, самым ярким примером этому является Дои Такако, которая в 1993 г. была избрана

¹ Клуб Айкидо (合気道クラブ). URL: <http://www.sadainoakashi.com/circle-content/24-circle/98-sado.html> (дата обращения: 03.02.2011).

спикером парламента. Исследователь Энн Уасуо в своей книге «Modern Japanese society» отмечает следующее: «Для одиноких женщин старше 20 лет, а в последнее время все чаще и старше 30 лет, самым главным является согласие с самой собой. Они не отрицают брак и рождение детей, но часто откладывают эти события, чтобы реализовать возможности, такие как раскрытие своих талантов, наслаждение ночной жизнью городов, путешествия по миру»¹.

Однако, несмотря на все возрастающее количество женщин, занимающихся традиционными искусствами, в том числе и теми, которые изначально рассматривались как исключительно мужские, до недавнего времени не происходило сколько-нибудь значительного влияния на систему измото. Одним из таких искусств является гйдаю (義太夫) – искусство певцов-сказителей в традиционном театре Дзёрури (浄瑠璃) и Кабуки. Ранее стать гйдаю могли только мужчины (равно как и выступать в театре), однако Анжела Кими Кодрейк в своей книге «Women's Gidayu and Japanese theatre tradition» отмечает: «За длительную историю женского гйдаю ни разу не было случая, чтобы сын или дочь, решившие продолжить путь гйдаю, унаследовали бы сценическое имя своей матери»².

¹ Ann Waswo. Modern Japanese society, - Oxford University press, 1996. P.153.

² Angela Kimi Coaldrake. Women's gidayū and the Japanese theatre tradition. New-York, 1997. P.74.

Однако женщины, занимающиеся гидаю, и сами не стремятся стать частью традиционной системы иэмото. Во многом это связано с тем, что при получении артистического имени, при сдаче экзамена, при ежегодных выступлениях, а также в качестве благодарности учителю и иэмото, ученик должен заплатить определенную сумму денег. Это составляет основной доход иэмото. Женщины же, практикующие гидаю, состоят в Ассоциации Гидаю. В этой ассоциации также существует плата за членство, но каждая из членов Ассоциации Гидаю знает, на что именно идут внесенные ей средства. Кроме того, нет необходимости платить за возможность выступления, как это свойственно системе иэмото¹. Таким образом, можно сказать, что в некоторых случаях женщины, практикующие традиционные японские искусства, не хотят становиться частью системы иэмото, предпочитая определенную независимость.

Есть в этом и негативная сторона: можно говорить об отсутствии традиции передачи от учителя к ученику (в данном случае, ученице) знаний и умений, проверенных временем.

Таким образом, основополагающий принцип системы иэмото, при которой во главе школы стоит мужчина, и его преемником также становится наследник мужского пола, существовал без изменений вплоть до наших дней. Однако в 2001 году впервые во главе

¹ Angela Kimi Coaldrake. Women's gidayū and the Japanese theatre tradition. New-York, 1997. P.75.

школы икэбана Согэцу (草月) встала женщина – Тэсигахара Аканэ (勅使河原茜) (измото в третьем поколении, внучка основателя школы Тэсигахара Софу (勅使河原蒼風)).

Она является вице-президентом общества Согэцу, проводит множество мастер-классов, устраивает выставки и т.д. Тэсигахара Аканэ неоднократно бывала и в России.

Пожалуй, то, что женщина возглавила именно школу Согэцу, не является столь уж неожиданным. Во-первых, Согэцу является одной из самых молодых школ икэбана (основана в 1927 г.). Во-вторых, это первая школы икэбана, основанная на традициях авангарда, а ее основателя даже прозвали «Пикассо цветов». Он первым стал использовать такие материалы, как пластик, металл, дерево для своих композиций. И наконец, все измото Согэцу пробовали себя в самых различных областях: Тэсигахара Софу – известный художник и скульптор, его сын Тэсигахара Хироси (勅使河原 宏) – известный кинорежиссер, снявший такие фильмы как «Женщина в песках» (1963 г.), «Рикю» (1990 г.) и другие. Тэсигахара Аканэ пробовала свои силы в ювелирном искусстве¹.

¹ Школа икэбана Согэцу. Согэцу и современность. Тэсигахара Аканэ. (生け花草月流。草月の今と勅使河原茜) URL: [http://www. sogetsu.or.jp/e/akane/profile/](http://www.sogetsu.or.jp/e/akane/profile/) (дата обращения: 25.10.2011).

Таким образом, легко можно заметить, что в отличие от большинства других более старых школ Согэцу легче принимает изменения и может подстраиваться под реалии современной жизни. Поэтому тот факт, что ее возглавляет не мужчина, не является столь уж удивительным.

Гораздо более интересным представляется то, что наследником иэмото одной из наиболее известных не только в Японии, но и в мире, школы икэбаны Икэнобо (池坊) тоже объявлена женщина — Икэнобо Юки (池坊 由紀). Она станет главой школы Икэнобо в 46 поколении, а в настоящее время является президентом Института Икэнобо в Отяномидзу (Токио). В качестве будущего главы школы Икэнобо Юки делает все возможное для продвижения икэбана не только в Японии, но и за границей. Она демонстрировала свое искусство на таких значимых событиях как Азиатско-европейский саммит на высшем уровне (2005 г.), Программа мирового наследия ЮНЕСКО (2007 г.), Девятая мировая конвенция икэбана в Токио (2007 г.). Кроме того, с 2007 г. она занимает пост вице-президента Японской ассоциации искусства икэбана¹.

Это означает, что можно говорить о радикальных изменениях в системе иэмото, при которой вплоть до самого недавнего времени во главе школы мог стоять только мужчина.

¹ Headmaster designate Yuki Ikenobo. URL: <http://www.ikenobo.jp/english/ABOUT/yuki.html> (дата обращения: 10.01.2012)

Кроме того, не стоит забывать и о таком чисто женском искусстве как гэйся (гейша 芸者). Одной из наиболее известных школ для обучения гэйся является школа Иноуэ (井上), которая была основана около 1800 года Иноуэ Сато. Все главы этой школы носят имя Иноуэ Ятиё (井上八千代) (в настоящее время во главе школы стоит Иноуэ Ятиё V).

Исключительно иэмото решает, каким образом проводить обучение девочек, какому преподавателю поручить руководство той или иной ученицей, подбирает репертуар для ежегодного представления Мияко Одори (都踊り — столичный танец). Иэмото является единственным человеком, которому дозволено вносить какие бы то ни было изменения в репертуар школы или ставить новые танцы¹.

Стоит отметить, что отношения среди гейш также сродни семейным: гейши называют друг друга «старшие сестры» и «младшие сестры». Ранее гейши даже жили в одном доме окия (置屋), что является специфической чертой этого искусства, однако сейчас это правило не соблюдается строго².

Следовательно, несмотря на некоторую специфику, можно отметить, что основные элементы системы иэ-

¹ Tomie Hahn. Sensational knowledge: embodying culture through Japanese dance. United States: Wesleyan University Press, 2007.

² Liza Crikfield Dalby. Geisha. Berkeley, California, United States: University of California Press, 1983. P.4.

мото присущи и искусству гэйся, с одним лишь различием — в данном случае иэмото — женщина.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы. В некоторых видах традиционных японских искусств (например, в чайной церемонии и икэбана), женщины стали частью системы иэмото, несмотря на то, что стать главой школы они не могли. Единственным исключением являлось искусство гэйся, которое изначально было женским. Однако в последнее время и это правило нарушается — иэмото школы Согэцу (икэбана) женщина, наследницей иэмото школы Икэнобо также является женщина. В других же случаях, как например, в случае с исполнительским искусством гидаю, женщины предпочитают не входить в систему иэмото, сохраняя независимость, хоть и не могут при этом, например, передать свое имя ученице.

Таким образом, система иэмото не является закостенелой в своем развитии системой, а изменяется в соответствии с реалиями современной жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Angela Kimi Coaldrake. Women's gidayū and the Japanese theatre tradition. New-York, 1997.
2. Ann Waswo. Modern Japanese society. Oxford University press, 1996
3. Liza Carihfield Dalby. Geisha. Berkeley, California, United States: University of California Press, 1983.
4. Хара Сокэй. «Тя-но ю» нюмон (Введение в Тя-но ю). Токио: РНР КЭНКЮДЗЁ, 2004. 原宗啓. “茶の湯”入門. 東京、РНР研究所、2004年.

Интернет-источники:

5. Headmaster designate Yuki Ikenobo. URL: <http://www.ikenobo.jp/english/ABOUT/yuki.html> (дата обращения: 10.01.2012)
6. Клуб Айкидо (合気道クラブ). URL: <http://www.sadainoakashi.com/circle-content/24-circle/98-sado.html> (дата обращения: 03.02.2011).
7. Школа икэбана Согэцу. Согэцу и современность. Тэсигахара Аканэ. (生け花草月流。草月の今と勅使河原茜) URL: <http://www.sogetsu.or.jp/e/akane/profile/> (дата обращения: 25.10.2011).

*Борисова А.С.,
ИСАА МГУ*

**Круг научных дисциплин, связанных с переводами
псалмов на японский (опыт одного исследования)**

Данная статья является частью большого исследования, посвященного текстологическому анализу двух современных переводов Книги Псалтирь на японский язык («Когояку Сэйсё» (Библия на разговорном языке)¹, 1958 г.; перевод Международного библейского общества, 1977 г.)², и представляет собой вводную часть, знакомящую читателей с собственно научным инструментарием исследовательской работы. Хотя основным вектором анализа можно назвать филологию, круг научных дисциплин, привлекаемых к работе, не ограничивается ей одной. Неоднозначность и смежность самой темы исследования требует также привлечения таких наук, как религиоведение, культурология, философия языка и т.п. Круг филологических, философских, культурологических и религиоведческих проблем включает в себя такие вопросы как место языковых средств в дискурсе данной культуры, связь языка и господствующего религиозного учения, отражение в тексте мировоззренческих установок и онтологических концепций, отражение в переводе динамики развития отношений между культурами, а также передача бытовых и социальных

¹ <http://bible.50webs.org/sj>

² <http://www.ibsstl.org/>

реалий одной страны при помощи языковых средств, характерных для словесности другой страны.

Так как анализ в первую очередь проводится с точки зрения средств языковой выразительности как оригинала, так и обоих переводов, то первоочередного упоминания в списке научных дисциплин заслуживают литературоведение и лингвистика. Каждой из мировых литературных систем присущ свой ряд тропов и языковых конструкций, и необходимо представление о месте того или иного художественного приема в конкретной литературной системе, развитии языка и литературы в ходе исторического процесса, естественности употребления тех или иных языковых средств в конкретном контексте. К примеру, потребуется осведомленность в семантике различных языковых конструкций японского языка, чтобы со всей точностью оценить правильность перевода оригинального текста. Определение господствующих тропов и средств перевода нехарактерных для собственно японской поэтики средств выразительности дает возможность уяснить особенности мышления представителей разных эпох и культур. Близкое рассмотрение системы средств художественной выразительности даёт возможность проследить связь языка и культуры народа, а различия художественных систем литературных традиций разных народов помогают уяснить общие моменты и расхождения между культурами (в рассматриваемом случае – древнееврейской, европейской христианской как транс-культуры и японской).

Однако ограничение диапазона методов исследования исключительно филологическими дисциплинами может привести к значительной односторонности исследования. Литература существует в контексте конкретного историко-культурного дискурса, и изменения языка неразрывно связаны со сменой парадигм мышления и являются индикатором перехода от одной исторической стадии к другой. Так, в древнееврейской поэзии, ярким примером которой как раз и являются псалмические тексты, среди всех тропов наиболее частотны параллелизм и метафора, что связано с авраамической парадигмой, в которой необычайно высок для своего времени уровень абстракции, и метафорические слоги необходимы для описания как раз возникающей гиперреальности¹. Без того, чтобы принимать во внимание концепцию единого Бога, нельзя интерпретировать разные виды метафор и адекватно понимать их смысловое назначение. Равно как и для анализа многочисленных параллельных конструкций необходимо представлять себе древнееврейское понятие о трёхуровневом мире с

¹ Подробнее о феномене гиперреальности можно прочесть у Ж. Бодрийяра: Jean Baudrillard, «Simulacra and Simulations», in Selected Writings, Mark Poster, ed. Stanford: Stanford University Press, 1988, pp.166-184 (Ж.Бодрийяр приписывает распространение подобного вида дискурса преимущественно эпохе постмодернизма, но зачатки избыточной семиотизации бытия можно наблюдать уже в авраамическом монотеизме, где впервые реальность физическая предстает как производное реальности духовной, а основа бытия выводится за рамки материального мира — А.Б.).

божественным, человеческом и вещном уровнями соответственно.

Так и семантико-лингвистический анализ ошибок переводчика будет весьма затруднительным вне религиозного контекста: к примеру, для передачи тех же метафор в японской литературе существует очень небольшой список конструкций, часто неестественно звучащих в поэтическом тексте. Причиной подобного явления стало то, что японская религиозность строит совсем иную парадигму мироздания, в которой нет места духовной реальности и отсутствует представление о трансцендентном, напротив, во главу угла ставится не структуризация, а единство мироздания¹. И поэтому метафорические конструкции, тесно связанные с разделением универсума на концептуальные поля, никак не могли сформироваться в рамках традиционного синтоизма, и в японской литературе их можно встретить в основном в произведениях, написанных в китайском стиле (канси и т.п.), а также в провокационно-антиклассической поэзии хайкай и в поэзии современного стиля, связанной уже с творчеством западных авторов².

Таким образом, никак нельзя обойтись без детального изучения истории и теории религий, сформировав-

¹ Bonnefoy Y. *Asian Mythologies*, University of Chicago Press, 1993.

² Надо отметить, что в перечисленных стихах метафоры чаще всего выступают именно как стилистический атрибут, либо шокируя читателя отклонением от канонов (как в хайкай), либо отсылая к зарубежной литературной традиции — А.Б.

ших как культуру оригинала, так и культуру перевода. Особую значимость это приобретает в связи с тем, что Книга Псалтирь в первую очередь является сводом культовых текстов, до сих пор употребляющихся в литургическом обиходе основных авраамических религий и конфессий. Все средства художественной выразительности в псалмической поэтике не только и не столько несут эстетическую функцию, сколько в литературной форме запечатляют религиозные догмы, поясняя их с помощью понятных читателям образов. Ярчайшим примером могут служить многочисленные псалмические метафоры, связанные с описанием Божества, призванные как описать трансцендентное, запредельное при помощи предметов материальной реальности¹, так и указать на связь земного с небесным². В японской интерпретации, вольно или невольно зависящей от языковых игр синтоистского дискурса, неизбежно частичное или полное непонимание смысла подобных тропов, и в результате вектор повествования может даже смениться на прямо противоположный – уже Бог оказывается вписанным в предметный мир при помощи «физикализирующих» сравнений.

¹ Мень А.В. Библиологический словарь в трех томах. М.: Фонд имени прот. Александра Меня, 2002 С.476.

² При этом важнейший момент – авраамический метанарратив совершает переворот сознания, как раз и явившийся «первой ласточкой» гиперреальности, первенству знаков над вещами: осязаемая реальность подается как проекция трансцендентной, которая теперь считается первичной – А.Б.

Особенно такого надо избегать авторам переводов богослужебного назначения: они чаще всего грешат излишним буквализмом в передаче оригинального текста (что, как правило, вызвано религиозным соображением верности букве сакрального текста), и поэтому текст мало что теряет собственно эстетическую форму, так и оказывается неверно понят читателями. Из исследуемых переводов это можно поставить в вину «Когояку Сэйсё» – язык этого перевода Библии детально отображает структуру оригинала и очень тяжел для понимания людей, не имеющих достаточной религиозной подготовки. Однако, большая эрудированность переводчиков в вопросе систем художественной выразительности и стремление все детально разъяснить читателю тоже может сослужить переводчику плохую службу: перевод МБО именно по этим причинам напоминает скорее пересказ, нежели собственно поэтический текст гимнов, а многочисленные заимствования тропов из классической японской поэтики могут также быть причинами неверной интерпретации библейского текста.

Кроме религиозно-философских дисциплин, для адекватного восприятия текста и достоверного анализа переводов необходимо знакомство с дисциплинами историко-социального и культурологического плана. Текст Книги Псалтирь воспринимается исключительно в контексте историко-политического развития Палестины и близлежащих регионов в эпохи написания и более позднего редактирования текста. Если говорить сугубо о средствах художественной выразительности, культур-

ный и социальный контекст необходимы для понимания богатой идиоматики псалмических гимнов, в особенности идиом, связанных с иерусалимским Храмом, позиционируемым мейнстримной идеологией архаического иудаизма как центр Вселенной и символ присутствия Бога на земле¹. Более того, основные концепты вероучения древних иудеев непонятны без знания исторических обстоятельств, способствовавших их появлению: к примеру, концепт богоизбранности, возникший при необходимости сплотить кочевые кланы древних евреев против сильных соседей.

Даже сами возникновение и эволюция монотеистической идеи неотрывны от социально-исторического развития племен, ее породивших: идея единого трансцендентного Бога давала возможность отделить себя от соседей-политеистов и получить хотя бы в собственных глазах идеологическое преимущество. Псалмы, посвященные войнам древних евреев с соседями, писались с недвусмысленной целью пропаганды своего образа мысли в противопоставлении его другим, «неправильным» точкам зрения, и это находило отражение во многочисленных антитетических параллельных конструкциях. Напротив, в японской исторической реальности отсутствовали подобные напряженные конфликты, имевшие в своей основе идеологическо-религиозные причины. И более того, самой синтоистской религиоз-

¹ Yaron Eliav, *God's Mountain: The Temple Mount in Time, Place and Memory* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005).

ности глубоко чуждо как понятие абсолютной истины, присутствующее лишь в дискурсах, организованных по метанарративному типу, так и жесткий моралистический дуализм (дуальность чистоты-нечистоты саякэ-кэгарэ носит более ритуальную, нежели этическую подоплеку). Однако, в китайской философии присутствовали учения метанарративного типа с сильным этическим компонентом, и поэтому в китайской поэзии, в противовес японской, не было недостатка в антитетических параллелизмах. Именно опыт знакомства со стихами китайского стиля дал возможность читателям воспринять большое количество поэтических антитез в псалмах.

Подводя итог, важно сказать, что анализ текстов с такими обширным рядом разноплановых коннотаций, находящихся в семантических полях различных культурных дискурсов, неизбежно будет интердисциплинарным. Подобные исследования стимулируют сотрудничество и обмен данными различных отраслей науки и по мере возможностей вносят вклад сразу во многие дисциплины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bonnefoy Y. *Asian Mythologies*, University of Chicago Press, 1993.
2. Derrida J. *La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines*. In: *L'écriture et la différence*. P., Minuit, 1972.
3. Fokkema D.W. *Literary history, modernism, and postmodernism*, John Benjamins Publishing Company, 1984.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 2003.

5. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* /Ed. Orthony, A. Cambridge University Press, 1992.
6. Searle J. *Metaphor* // *Metaphor & Thought* /Ed. A.Ortony. 1979.
7. Блэк М. *Метафора* // Теория метафоры. Пер. М.А.Дмитровской. М.: 1990.
8. Горегляд В.Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. 2-е изд. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
9. Елеонский Н., О древнееврейской священной поэзии, ЧОЛДП, 1872.
10. Лиотар Ж.-Ф. *La condition postmoderne* / Шмако Н.А. (пер.) с фр.). М.: Ин-т эксперимент. социологии, СПб.: Алетейя, 1998.
11. “Маньёсю” <http://www.iaas.msu.ru/res/dep6/text1/content.html>
12. Мень А.В. Библиологический словарь в трех томах. М., Фонд имени прот. Александра Меня, 2002
13. Перевод «Когояку Сэйсё» (<http://bible.50webs.org/sj>)
14. Перевод Библии от МБО (<http://www.ibsstl.org/>)

Бреславец Т.И.,
ДВФУ

Концепция *аварэ* в критике ФУДЗИВАРА Сюдзэй

В Японии эстетические принципы искусства и философско-эстетические основы литературы были впервые разработаны в эпоху Хэйан (IX–XII). Решающую роль в их реализации играло мировоззрение художника, которое в хэйанский период носило эклектический характер. Оно слагалось из многих элементов – синтоистских, буддийских, даосских и конфуцианских, о чем свидетельствуют литературные памятники эпохи.

В хэйанское время особой аксеологической категорией стало чувственное восприятие окружающего мира, и на почве эмоционализма, свойственного эпохе, возник культ чувств, любви и наслаждения. Это придало умозрительный характер поэтическому искусству. О стихах антологии «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых японских песен», 920) японский филолог Катагири Ёити пишет, что в них слово и образ сцеплены воедино, но если спросить, что это за образ, то окажется, что он визуальный. В мире человеческой фантазии зрительный образ является чрезвычайно распространенным, обладающим силой всеобщности, поэтому он всюду и всем понятен. Однако зрительное восприятие ослабевает, и тогда предпочтение отдается слову, что и произошло в японской поэзии¹. Иначе говоря, в вака

¹ Катагири Ёити. «Кокинвакасю» но кэнкю (Исследование «Кокинвакасю»). Токио, 1991. С.36.

(японская песня) изображение как таковое утратило соотнесенность с действительностью, с реальным образом мира, как, например, в стихотворении Ки Цураюки (872–945):

Сакурабана	Цветы сакуры
Тиритуру кадзэ но	Сорвал весенний ветер,
Нагори ни ва	И вслед за его порывами
Мидзу наки сора ни	В «безводном» небе
Нами дзо татикэру	Волны поднялись!.. ¹

Автор рисует фантастическую картину прощания с цветами вишни, выражает свое взволнованное состояние. Летящие по ветру лепестки цветов уподобляются волнам на морском просторе. Катагири Ёити приводит свидетельства того, как сторонник конкретной достоверности в искусстве (сясэй), Масаока Сики (1867–1902) выступал с резкой критикой традиционной поэзии, отвергая ее изящную стилистику, основанную на виртуозном владении словом с его широкой многозначностью, свойственной японскому языку. Например, его нападкам подверглось стихотворение Осикоти Мицунэ (898–922):

Кокоро атэ ни	Велению сердца
Орабая ораму	Послушный, сорву
Хацу симо но	Первым инеем тронутый
Окимадовасэру	Очаровательной хризантемы
Сирагику но хана	Белый цветок... ²

Сики счел невозможным созерцать белые цветы хризантем, если они покрыты инеем. В такой ситуации

¹ Кокинвакасю//Нихон котэн бунгаку дзэнсю (Полное собрание японской классической литературы). Токио, 1975. Т.7, с.90, №89.

² Кокинвакасю. Т.7, с.148, №277.

они просто не видны. В другом стихотворении Ки Цураюки он нашел неудовлетворительным подбор лексики (энго):

Касуми тати	Дымка поднялась,
Ко но мэ мо хару но	И на деревьях появились почки,
Юки фурэба	Но пошел весенний снег,
Хана наки сато мо	И вот в селении, где нет цветов,
Хана дзо тирикэру	Осыпаются цветы!.. ¹

Поэт уподобляет снежинки лепесткам цветов, которые засыпают селение ранней весной. Сики объявил это стихотворение невыносимо скучным (ханамоти нарану ута то нари). Критик воспользовался игрой слов в японском языке, поскольку слово «хана» обозначает как «цветы», так и «нос», а устойчивое выражение «ханамоти нарану» имеет еще один смысл: «издавать неприятный запах». Какими бы решительными ни были обвинения поэта-новатора в адрес предшествующей поэзии, они заслуживают внимания, поскольку, отвергая достоверность старинного искусства, подчеркивают его выдающееся качество – эмоциональность².

Эстетическое сознание аристократического общества в эпоху Хэйан вылилось в понятие моно-но аварэ. Слово аварэ первоначально было междометием и выражало восторг. В этом значении оно встречается в летописно-мифологическом своде «Кодзики» («Записи о делах древности», 712) и в антологии «Манъёсю» («Собра-

¹ Кокинвакасю. Т.7, с.65, № 9.

² Катагири Ёити. «Кокинвакасю» но кэнкю. С.34-35.

ние мириад листьев», 759). В хэйанское время аварэ по-прежнему сохраняет свой смысл как обозначение эмоционального состояния: печали, радости, наслаждения, негодования и других движений души, но печаль уже выделяют из этого ряда и расценивают как истинное чувство. В связи с этим категория моно-но аварэ воспринимается в значении «печального очарования вещей».

Поскольку моно есть «вещь», «предмет», то можно заключить, что поиски прекрасного в эпоху Хэйан были обращены к вещественному, предметному миру, который можно осязать и ощущать, видеть и слышать. Красота осознавалась заключенной в самой действительности, но это не значит, что вся сфера действительности входила в сферу эстетических интересов хэйанцев. Представления о прекрасном связывались только с определенным кругом явлений природы — цветением сакуры, багряными листьями клена, пением кукушки.

Итак, сфера моно-но аварэ является избирательной. Аварэ выступает как выражение гармонии чувств и очарования, отсюда изящество, утонченность, изысканность становятся его характеристиками. Закономерно, что выбор объектов, которые могут вызвать подобные чувства, ограничен. Это нашло реализацию в регламентировании тематики, мотивов и образности поэтического искусства, в установлении и сохранении канонических требований, предъявляемых к творчеству.

Обращение к действительности заставляет хэйанцев искать внутреннюю, скрытую суть вещей и явле-

ний, только им свойственную эстетическую значимость. Поэтому моно-но аварэ можно толковать и как «скрытое очарование вещей». Моно-но аварэ генетически восходит к буддийским идеалам. Наряду с анимизмом синто и другими представлениями о соотношении человека с окружающим миром, буддизм был той почвой, на которой сформировалась эта своеобразная философско-эстетическая концепция. В соответствии с проповедуемыми в то время в Японии формами буддизма, в каждом объекте окружающего мира воплощена природа Будды, что и составляет его сокровенную суть. Раскрытие этой сути как прекрасного выявляет содержание моно-но аварэ.

В эпоху Хэйан влияние буддизма еще не носило тотального характера, как позднее. Религиозно-философские аспекты буддийского учения воспринимались в личном плане, в применении к частной ситуации, к индивидуальной судьбе. В Хэйане важное значение придавалось эстетическим аспектам буддизма.

Во всем – в том числе и в грустном, и в печальном – хэйанцы искали очарование, видели его и в бренности бытия, о чем свидетельствует понятие печального очарования бренности (мудзё но аварэ), и в предопределенности судьбы – в печальном очаровании судьбы (сюкусэ но аварэ). Оттого что жизнь бренна, она не утрачивает смысла и ценности, напротив, сама недолговечность красоты делает ее неповторимой и притягательной. Следовательно, в Хэйане буддийские воззрения входят в орбиту моно-но аварэ. В классический период японской

литературы идея аварэ проделала эволюционный путь – от восхищения броской красотой мира до печального очарования его скрытой сути.

Фудзивара Сюдзэй (Тосинари, 1114-1204) в своих критических выступлениях на поэтических турнирах редко апеллировал к категории аварэ. Пафос аварэ в его эстетических представлениях оставался традиционным. Рассмотрим стихи «Роппякубан утаавасэ» («Поэтический турнир в шестьсот пар строф», 1194), в котором критик изложил свои эстетические идеи, упомянув аварэ в девяти случаях.

Любовь. Мосты, №30. «Левые»:	Фудзивара Ёсицунэ
Кои ватару	Исполненная любви,
Ёва но самусиро	В полночь на холодной циновке,
Нами какэтэ	Залитой волной,
Каку я матикэн	Вот так и ожидала его
Удзи но Хасихимэ	Дева у моста в селенье Удзи?..

Сюдзэй высоко оценил стиль (футэй) этого сочинения, нашел, что в нем две последние строки проникнуты душой старинных преданий (фуру моногатари) и в форме (сугата) ощущается глубокое чувство печали (аварэ фукаку)¹. Хасихимэ – Дева-охранительница моста через реку Удзи в столице Хэйан, который был построен в VIII в. Мифологический образ божества уже в ранней японской лирике трансформировался в образ

¹ Роппякубан утаавасэ / Коммент. Минэгиси Ёсиаки. Токио, 2001. С.334.

возлюбленной, как в стихотворении неизвестного поэта:

Самусиро ни	На циновке холодной
Коромо катастики	Узкую одежду расстелив,
Коёи мо я	И сегодня ночью
Варэ о мацураму	Ждет ли меня, как прежде,
Удзи но Хасихимэ	Дева у моста в селенье Удзи?.. ¹

Для странника Дева у моста соединилась с образом жены, в одиночестве ожидающей его возвращения. Нельзя не вспомнить и стихотворение Фудзивара Тэйка (1162-1241), навеянное мотивами предшествующей поэзии. Оно появилось в 1190 г.:

Самусиро я	На циновке холодной
Мацу ё но аки но	Ждет ли ночью осенней,
Кадзэ фукэтэ	Ветром пронизанной,
Цуки о катакику	Свет луны на узком ложе расстелив,
Удзи но Хасихимэ	Дева у моста в селенье Удзи?.. ²

Образ божества ассоциировался также с главой «Хасихимэ» («Девы у моста») из десяти глав «Удзи» романа «Гэндзи моногатари» («Повествование о Гэндзи», 1014). В антологии «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых японских песен», 1205) он встречался в нескольких стихотворениях (№ 420, № 611, № 637).

¹ Кокинвакасю//Симпэн нихон котэн бунгаку дзэнсю (Вновь составленное полное собрание японской классической литературы). Токио, 1994. Т.11, с.267, № 689.

² Синкокинвакасю//Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Токио, 1979. Т.26. с. 148, № 420.

Сюндзэй употребляет аварэ в значении «очарование печали», демонстрируя закрепившуюся практику. Аварэ выступает свидетельством сенситивного и даже сентиментального наполнения текста в соответствии с известным культом чувств. В нем присутствует элемент не только печали, но и сострадания.

Критик обнаруживает аварэ в сугата, неразрывно консолидируя их. В этой связке транспарированию эмоционального содержания способствует сама организация текста. В данном стихотворении она предьявлена как «цитата», сконструированная из множества «цитат». Очевидна интертекстуальная направленность литературно-критического анализа японской поэзии, осуществленного Сюндзэй.

Любовь. Клятвы, №10. «Левые»: Фудзивара Ёсицунэ	
Икэраба	Если буду жив... –
Тикау соно хи мо	Ты клялся, но если не придешь
Нао кодзуба	И в этот день,
Атари но кумо о	За проплывающими облаками
Сорэ то нагамэё	Внимательно проследи...

Любовь. Клятвы, №10. «Правые»: Фудзивара Таканобу	
Кото но ха ни	Роса, что гостит
Сибаси мо томару	На листе недолго,
Цюю но иноти	Выпадет или нет
Какэн какэдзи ва	На листья твоих слов,
Кими ни макасэцу	Зависело от тебя...

Оба стихотворения вызвали одобрение Сюндзэй, в них он увидел «облик», полный печального очарования

(аварэнару сама)¹. Строфы передают уныние дамы, покинутой кавалером, и не могут не вызвать сочувствия — ответного отклика. Во второй строфе использованы традиционные импликаторы ситуации «нарушенной клятвы»: метафора «кото но ха» — «слова-листья», «цую но иноти» — «жизнь росы» как символ эфемерности. В первой строфе идею бренности выразил образ проплывающих облаков (атари но кумо), отмеченный Сюдзэй как образ печали. Он указывал на дым от погребального костра и постоянно встречался в элегиях.

Зима. Увядавшее поле, №18. «Левые»: Фудзивара Канэмунэ

Хана ва нао	Цветы вдали
Соно касука то мо	Едва заметны
Миэватару	На увядшем поле.
Карэно ва сэми но	Ах, как звон цикад
Козэ дзо коисики	Волнует душу!..

Зима. Увядавшее поле, № 18. «Правые»: Дзиэн

Аки но иро но	Краски осени
Уцуроу нобэ о	Поблекли на полях,
Китэ мирэба	А когда пришел
Аварэ ва карэну	На них взглянуть, –
Моно ни дзо арикэру	Осталась неувядшей
	лишь печаль!.. ²

Сюдзэй отдал предпочтение «левому» стихотворению как более изящному (ю), в котором нижняя строфа особенно впечатляет. На его взгляд, в стихотворении Дзиэн тоже хорошо передано увядание природы, и

¹ Роппякубан утаавасэ. С.335.

² Там же. С.185.

кроме того в нем сосредоточено много печали (аварэ оку коморитэ)¹. Критик не порицает поэта за прямолинейное выражение горечи от взгляда на погибшую природу, поскольку мир чувств в системе эстетических воззрений его времени все еще занимал достойное место, находя поддержку в концепции аварэ. В танка можно усмотреть переложение конвенционального мотива из поэзии весеннего цикла: прийти в поле за травами или цветами. «Аки но иро» – «краски осени» корреспондирует с выражением «хана но иро» – «краса цветов», передающим блеск и великолепие природы. Этой скрытой аллюзией скрепляются и строфы раунда.

Осень. Бекасы, № 23. «Левые»: Фудзивара Канэмунэ

Идзу ката э	В какую сторону,
Ханэ каку сиги но	Взлетел бекас,
Татинуран	Крыльями взмахнув?
Мада акэярану	Пока не рассветет
Кири но маёи ни	Блуждать в тумане...

Осень. Бекасы, № 23. «Правые»: Дзякурэн

Хонока ни мо	Неясный шорох
Сиги но хаото дзо	Крыльев бекаса
Кикою нару	И тот слышен.
Нокору кото наки	Осенью не осталось ничего,
Аки но нэдзамэ ни	Чтобы пробудило ото сна... ²

Сюндзэй одобрительно отозвался о стихах этого раунда, однако безусловную победу заслужило «левое» стихотворение. Достоинства «правого» тоже были отмечены. В строке «нокору кото наки» – «не осталось

¹ Там же. С.186.

² Там же. С.150.

ничего» критик увидел «массу печали» (ёродзу но аварэ). Его привлекли необычные строки о том, что слышен только шум крыльев бекаса, а значит, больше ничего живого в природе уже не существует¹.

Можно заключить, что личностные отношения и общение с природой оцениваются в категории аварэ, в которой выделено чувство печали. Эта печаль сопряжена с утратой – любви, ярких красок природы, расцвета жизни. Она вызвана бренностью бытия (мудзё). Следует обратить внимание на то, что не всегда аварэ характеризует лучшее из пары стихотворений, т.е. оно не является высшей ценностью в аксиосфере критика, который учитывает и другие составляющие текста.

¹ Там же. С.151.

Врадий С.Ю.,

ИИАЭ ДВО РАН

Китайские сочинения в Японии периода Бакумацу

В 1840 году в Китае разгорелась первая «опиумная» война, завершившаяся подписанием в 1842 г. неравноправного англо-китайского Нанкинского договора. В 1854 г. Америка угрозой применения силы заставила Японию подписать Канагавский договор, открывший страну для иностранного проникновения.

Так под воздействием внешнего фактора Китай и Япония вышли из состояния изоляции, однако оказались под гнетом неравноправных договоров, ограничивших их суверенные права и предоставивших западным державам односторонние торгово-финансовые и юридические привилегии. При этом вырисовывались две перспективы возможного выхода из кризисной ситуации: быстрое проведение коренных преобразований и вывод общества на тот же, что и у Запада, уровень социально-экономического развития, или насильственное включение в систему мирового капиталистического хозяйства на зависимом положении полуколонии. Япония в результате начала стремительное движение навстречу радикальным переменам, завоевав в конечном итоге независимое место в системе мирового капитализма, а Китай все более превращался в полуколонию иностранных держав.

Между тем, Китай успел сыграть определенную роль накануне и в начальный период реформации Мэйдзи, демонстрируя на своем примере отрицательную альтернативу возможному будущему Японии, а также знакомя с сочинениями своих прогрессивных мыслителей 40-60-х гг. XIX в., в которых описывались заморские государства и их научные достижения. Анализу роли Китая в этот краткий период японской истории и посвящена данная статья.

XIX столетие, как в Китае, так и в Японии было отмечено углублением социально-экономического кризиса на фоне усиливавшейся колониальной экспансии западных держав. Обширный Китай с его многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, а также находящаяся в географической близости Япония давно привлекали внимание европейцев.

Пушки англичан заставили пробудиться дремавшую Цинскую империю. При этом маньчжурский двор имел слабое представление о далеких заморских странах. Император Даогуан (1820-1851) вопрошал приближенных об Англии и России: «Все же, какова примерная величина этих государств? Сколько стран находится в подчинении? А сколько государств превосходят по мощи (Англию) и не подчиняются ей? ...А Россия действительно граничит (с нами)? Ведется ли торговля?» [14, цз. 47, с. 18]

Усиливавшиеся домогательства со стороны иностранных держав проникнуть на внутренний рынок

страны в совокупности с провалом попыток цинского правительства прекратить ввоз опиума и ограничить вывоз серебра, заставляли трезвомысливших представителей феодальной интеллигенции усомниться в справедливости одного из основополагающих принципов конфуцианской идеологии, представлявшей Китай всеильным центром Вселенной.

Одним из первых среди китайских общественных и государственных деятелей XIX в. обратился к Западу за знаниями Линь Цзэсюй 林則徐 (1785–1850). Назначенный в 1839 г. императорским указом особо уполномоченным эмиссаром в южные провинции страны, он оказался в Гуанчжоу, где более всего процветала опиумоторговля. Понимая, что противнику невозможно противостоять, не зная его, он стал собирать все доступные сведения о внешнем мире. Постепенное расширение горизонтов познания привело его к пониманию необходимости учиться у "варваров", перенимать достижения западной науки. Основные положения теории, впоследствии получившей название доктрины усвоения "заморских дел", можно обнаружить в его сочинениях «Описание четырех материков» [9], «Иностранцы о Китае» [10], «Основные сведения о Российском государстве» [11] и пр. Они были основаны на оригинальных западных источниках, переведенных в свое время по указанию Линь Цзэсюя. Главные усилия Линя, подчиненные общей цели, – противостоять внешней экспансии, диктовались потребностями времени, определялись следующей программой: создание эффективной артилле-

рии, строительство мощного морского флота, обучение войск. Заметен прагматический подход, который позднее, в 60-90 гг. XIX в., столь отчетливо проявился в деятельности сторонников политики "самоусиления" в Китае.

Многие произведения Линь Цзэсюя вошли составной частью, и притом довольно существенной, в сочинение Вэй Юаня 魏源 (1794—1856) «Описание заморских стран [с приложением] карт» [5], считающегося, по общепринятому в научной литературе мнению, создателем доктрины усвоения "заморских дел" [2, с.151]. Вэй Юаню также принадлежит сочинение «Записи о военных походах священной династии» 聖武記 (14 цз., 1844) [6], где содержится подробное описание событий первой опиумной войны.

Практическая деятельность Линь Цзэсюя, усилия государственного сановника, ученого Сюй Цзюя 徐繼畲 (1795—1873), написавшего выдающееся сочинение «Очерк всемирной географии» [13], Вэй Юаня способствовали тому, что в Китае появилась тенденция к объективной оценке внешнего мира. Хотя в сочинениях названных авторов наиболее заметна прикладная, практическая цель — усилить военную мощь до уровня, необходимого для отпора внешней угрозе, тем не менее объективно были сделаны первые шаги по пути к переосмыслению места Китая в мире. Помимо того, что были созданы первые серьезные географические сочинения, давшие глобальное представление об окружающем мире, произведения Линь Цзэсюя, Вэй Юаня и

Сюй Цзюня являлись первыми попытками современного видения мира, которые объективно опровергали вырождавшуюся конфуцианскую космографию.

В Японии знали о нелегком положении, в каком оказался могущественный недавно сосед, у которого островное государство заимствовало немалое наследие материальной и духовной культуры.

Несмотря на строгую изоляционистскую политику, проводимую сёгунатом Токугава, китайским и голландским купцам было дозволено прибывать в порт Нагасаки. Одним из непеременимых условий было регулярно докладывать о происходивших за рубежом событиях высшему представителю сёгуната. На основании собранной информации создавались «Книги новостей» 風説書 (букв. «Книга слухов, разносимых ветром»).

Голландские и китайские книги новостей относились в Японии к разряду полузакрытых материалов. Из канцелярии бугё они отправлялись в архивохранилища Токугава. Тем не менее, имевшие к ним доступ некоторые высшие чиновники, конфуциански образованные ученые, правительственные переводчики знакомили с содержанием материалов интеллигенцию Японии. Так, к примеру, поступал ученый-конфуцианец Сионья Тоин 塩谷岩陰 (1809-1867), который, пользуясь своим служебным положением, копировал многие сборники новостей по опиумной проблеме.

Привозимые в Японию китайские книги стали важным источником сведений о событиях опиумной вой-

ны. Они пользовались спросом и являлись предметом импорта, конкурируя иногда даже с китайским шелком. Богато наполненные подлинными материалами, эти книги стали для японцев источником информации, на основании которой ими были написаны многочисленные сочинения об опиумной войне в Китае.

В 1847 г. Сионоя Тоин на основании накопленных материалов написал сочинение под названием «Слухи об Афужун» (阿芙蓉彙聞, 7 цз.), пользовавшееся большим интересом в японском обществе и считавшееся самым полным собранием сведений об опиумной проблеме в Китае. В 1859 г. Тоин опубликовал другое свое сочинение «Каккарон» (隔靴論 «Дискуссии ни о чем»). Посвященное преимущественно описанию событий, имевших место в Китае, оно было наполнено чувством бессильного гнева по отношению к культуре и правилам морали стран Запада. Даже вид европейского письма вызывал у автора чувство отвращения [17, р.539]. Большое внимание в сочинении уделено опиумному вопросу и критике маньчжурского правительства. Исследователи отмечают, что таким образом, в завуалированной форме, Тоин критиковал беспомощную политику сёгуната по отношению к странам Запада [15, р.57].

Произошедшие в Китае в середине XIX столетия опиумные войны рассматривались в Японии в качестве печального примера, ниспосланного Небом, уроки которого следует внимательно изучить и извлечь подобающие выводы.

В «Книге перемен» Ицзин 易經 записана древняя китайская мудрость: «Ступая по инею, думать о грядущих морозах». К этому образному выражению неоднократно прибегали в XIX столетии, предупреждая о том, что опиумная война в Китае может принести еще большие беды Японии, поэтому необходимо заблаговременно принять предупредительные меры. К данному сравнению прибегал, в частности, Сионоя Тоин в своем произведении Каккарон «Дискуссии ни о чем».

Поражение Китая в опиумной войне как бы встрянуло закрытое японское общество. Многие, ощутив непосредственную угрозу иностранного вторжения, которое не замедлило приблизиться к рубежам страны, стали искать причины поражения Китая.

Известный идеолог реформаторского движения в Японии Сакума Сёдзан 佐久間象山 (1811-1864) писал, критикуя консерваторов, отказывавшихся перенимать передовые достижения научной мысли стран Запада: «Наука стран Западных морей искусна, (вот почему эти) государства могучие и процветающие, ... не здесь ли кроется причина того, что они грабят государство Чжоугуна и Конфуция?» [7, с. 218].

Анализируя причины, приведшие Китай к поражению, японцы отмечали коррумпированность политической системы, отсталость вооружения. Долгое время правители Поднебесной пренебрежительно оценивали Западные страны как варварские, не интересовались внешним миром. Конфуцианские схоласты занимались

чистой наукой, написанием сочинений в стиле багу, не имевших никакого практического применения, оторвались от действительности, не смогли оказать реальной помощи государству. Сакума Сёдзан писал: «Хотя исследования ученых-конфуцианцев рафинировано изысканны, однако в конечном итоге оказались пустой болтовней, изложенной на бумаге, не имея какого-либо практического применения» [8, с. 21].

Сакума Сёдзан еще в 1842 г. написал книгу «Восемь стратегических планов морской обороны» 海防八策, в которой не без оснований предполагал, что после того, как англичане закончат боевые действия в Китае, они могут напасть и заставить Японию подписать аналогичный Нанкинскому унижительный договор: «Когда англичане закончат свои дела в Китае, они захотят послать военные корабли в Нагасаки или даже в Эдо» [16, с.269]. Чтобы противостоять врагу, по мнению Сакума, необходимо отлить современные пушки, построить боевые корабли, укрепить военно-морской флот.

Опыт опиумных войн в Китае стал предметом изучения методов взаимодействия с иностранными государствами. Не менее важным стало то, что он показал перспективу открытия государства внешнему миру, способствовал формированию требований о проведении реформ в Японии, которые были сформулированы, исходя из тех сведений о странах Запада, которые были получены непосредственно из книг китайских прогрессивных мыслителей первой половины XIX столетия.

Книги из Китая, посвященные описанию стран Запада, появились в Японии в 40-50-е годы XIX столетия. В 1844 г. на китайском торговом судне было привезено сочинение Вэй Юаня «Записи о военных походах священной династии» 圣武記. «Описание заморских стран [с приложением] карт» (60 цз.) Вэй Юаня было опубликовано в Китае в 1847 г., а уже в 1851 г. первые экземпляры были привезены в Японию на судах китайских торговцев.

Книги привлекли внимание интеллигенции, их стали переводить, комментировать, издавать. Одно время в Японии было опубликовано немало вариантов перевода и толкований на японском языке, которые вносились рядом с китайским текстом. Столь большое число изданий объяснялось ограниченным количеством ввозимых оригиналов книг, часть из которых изымалась правительством либо приобреталась в личное пользование высшими чиновниками.

Активное участие в опубликовании «Описания» Вэй Юаня в Японии принимал Сионоя Тоин. Он выполнил редакторскую обработку текста, изобиловавшего неточностями и неясными местами, написал предисловие к первому разделу сочинения Вэй Юаня, посвященному обороне морских рубежей, который был опубликован в Токио в 1854 г. Вместе с Тоином редакторскую работу, как указано в предисловии, выполнил ученый Мицукури Гэмпо 箕作阮甫 (1799-1863).

В 1853 г. Мицукури Гэмпо в качестве переводчика участвовал в переговорах с российским посланником адмиралом Е.В.Путятыным (1803-1883) в Нагасаки, а на следующий год — в Симода. Можно предположить, что именно ему принадлежит инициатива опубликования в 1855 г. двух разделов из сочинения Вэй Юаня (цз.36-37), посвященных России, которой в тот период в Японии уделяли большое внимание. В «Послесловии к новому описанию России» 再書俄罗斯志后 Сионоя Тоин писал: «Если говорить об обороне границ, то более всего беспокоит Элу (鄂廬 Россия), территория которой граничит с нами, но превышает нашу в десятки раз» [3, с.141].

Известен еще один перевод раздела под названием «Общие сведения о России из Описания заморских стран [с приложением] карт» 海國圖志. 俄羅斯總記, выполненный Оцуки Тэйдзуй 大槻禎瑞 (1818-1857). В предисловии к изданию сказано: «Россия... является могучим государством на земле, от наших айну ее отделяет лишь узкая полоска воды на север, однако о самой стране сведений мало» [3, с.149].

Расширенный вариант сочинения Вэй Юаня в 100 цзюаней был опубликован в Китае в 1852 г., а уже в 1854 г. он был привезен в Японию. О чрезвычайной популярности сочинения Вэй Юаня в Японии свидетельствовало огромное по тем временам количество публикаций: с 1854 по 1856 гг. был издан 21 вариант выборочного перевода сочинения с комментариями [4, с.31].

Подписание американо-японского договора и расширение контактов с США вызвало особый интерес японцев к этой стране, поэтому перевод и комментарии раздела сочинения Вэй Юаня об Америке были опубликованы в указанные годы около 8 раз. Первое издание (6 цз.) было осуществлено в Киото в 1854 г. Англия также была довольно подробно описана тремя публикациями раздела (1856 г., 3 цз.), поскольку в сочинении Вэй Юаня этой стране было уделено повышенное внимание из-за той роли, которую она сыграла в «опиумной» войне. России было посвящено два издания, по одному – Франции, Германии, Пруссии, Индии (1856, 3 цз.), названной по географическому положению и вниманию к ней со стороны капиталистических держав «осью пяти континентов».

В 1859 г. в Японию был привезен «Очерк всемирной географии» Сюй Цзююя, опубликованный в 1861 г. ксилографическим изданием.

Анализ содержания опубликованных в Японии китайских материалов показывает, что основное внимание было уделено вопросам, посвященным обороне морских рубежей, описанию вооружения, боевых судов, историко-географическому описанию государств, имевших контакты с Японией.

Сочинения прогрессивных китайских авторов, считает исследователь Ван Сяоцю, «стали важными книгами по просвещению японцев о ситуации в мире» [4, с.26]. Это были полезные материалы, разъяснявшие между-

народную ситуацию, современную тактику обороны морских границ. Книги китайских ученых, государственных деятелей первой половины XIX столетия описывали иноземные государства, открывали горизонты познания внешнего мира, поэтому они привлекали столь пристальное внимание японского общества.

О популярности сочинения Вэй Юаня в Японии писал в 1902 г. известный участник реформаторского движения в Китае Лян Цичао 梁啓超 (1873—1923): «В Японии эта книга всколыхнула поколение (к которому принадлежали) Сакума Сёдзан, Ёсида Сёин, Сайго Такамори» [12, т.3, с.97].

Приведем в заключение оценку современного японского историка Иноуэ Киёси относительно влияния сочинений китайских авторов в Японии: «Японские ученые, интеллигенция заключительного периода сёгуната в результате изучения Запада и современной культуры по материалам, завезенным из Китая, получили несравнимо больше, нежели от изучения голландской (науки). Революционные изменения в мировоззрении Ёкои Сёнана произошли после прочтения «Хайго тучжи», он стал (сторонником) открытия государства» [7, т.1, с.214-215].

Китай сыграл немалую роль в формировании мировосприятия японцев, его поражение в столкновении со странами Запада способствовало переоценке отношения к внешнему миру, к самому Китаю, стимулировало рост интереса к окружающей действительности. Так

как Китай в силу многих причин не смог дать адекватный отпор военной агрессии стран Запада, отношение к нему стало более критичным со стороны японской интеллигенции [1, с. 43].

Называя причины поражения могущественного некогда Китая, а ныне униженной неравноправными договорами, зависимой от воли Запада страны, ученые Японии обличали собственные недостатки: необученную армию, отсталую тактику обороны, коррупцию правительственных чиновников, политику самоизоляции и проч.

Япония, считали будущие проводники реформ, должна учесть негативный опыт соседней страны, извлечь необходимые уроки, использовать имеющийся потенциал, а также научные достижения Запада для того, чтобы как можно быстрее провести необходимые преобразования в социально-экономической сфере, военном деле, дабы должным образом дать ответ вызову со стороны Западного мира.

Необходимым условием постижения окружающего мира, единственной возможностью сосуществования в нем с другими странами и народами является, считали будущие реформаторы, приобретение и усвоение новых универсальных, полезных знаний. Принимая западные знания, «покоряя варваров их же методами», можно было обрести необходимое могущество и силы для того, чтобы эффективно соперничать в предстоящем состязании со странами Запада.

Становится понятным, под каким углом зрения японские и китайские ученые изучали внешний мир, их мотивация определялась известной аксиомой: «познай других (врага), чтобы быть подготовленным» 知彼備己, и они действительно оказались заинтересованы в изучении стран Запада, их научных достижений, культуры.

Работы китайских ученых свидетельствовали о том, что между Японией, Китаем и странами Запада существовали различия в уровне развития науки, однако этот разрыв может быть преодолен. Японцы пришли к выводу, что изоляция страны от внешнего мира – это анахронизм, который необходимо преодолеть, территориальная разобщенность на домены, пусть и влиятельные, деструктивна для государства и не соответствует национальным интересам, а приоритеты исключительно сельскохозяйственного развития страны являются фикцией ввиду морского окружения островов.

Интенсивный процесс приобщения японской интеллигенции к современным западным знаниям в заключительный период правления сёгуната Токугава осуществлялся благодаря сочинениям китайских мыслителей 40-60-х гг. XIX в., которые стали одним из источников появления новых идей. Они пали на благодатную почву Японии и были использованы в процессе преобразований, имевших место в годы реформации Мэйдзи.

Преобразования Мэйдзи стали своеобразным сплавом традиционных воззрений и современных идеологических концепций, среди которых присутствовало насле-

дие китайской общественной мысли 40-60-х годов XIX столетия, ставшей своеобразным посредником между передовой японской интеллигенцией и западной культурой.

Несмотря на то, что названные сочинения появились раньше в Китае, интерес к ним был проявлен прежде в Японии и лишь в 60—80-х годах XIX в. — среди проводников политики «самоусиления» цзинского государства. Сочинения прогрессивных китайских ученых 40-х годов XIX в. стали источником для критики проводимой сёгунатом политики, которая была направлена на искусственную изоляцию страны от внешнего мира. В заключительный период правления Токугава они оказали определенное влияние на поколение японцев, стремившихся дать отпор внешней экспансии и преобразовать внутреннюю политику и государственное устройство, т.е. стимулировали развитие общественной мысли Японии в направлении реформ Мэйдзи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. — 30-40-е годы XX в.) Изд 2-е, испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2001. 376 с.
2. Тихвинский С.Л. История Китая и современность. Сб. статей. М.: Наука, 1976. 359 с.
3. Аюсава Синтаро 鮎沢信太郎. Сакоку дзидай нихон дзин тэки кайгай тисики 鎖国時代日本人の海外知識 = Знания японцев о заморских странах во времена изоляции государства. Токио, 1943. 363 с.

4. Ван Сяоцзю 王曉秋. 近代中日啓示録 = Описание китайско-японских просвещающих материалов нового времени. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 1987. 302 с.
5. Вэй Юань 魏源. Хайго тучжи 海國圖誌 = Описание заморских стран [с приложением] карт. 1-е изд. 50 цз. Б.м., 1844; 2-е изд. 60 цз. Б.м., 1847; 3-е изд. 100 цз. Янчжоу: Гувэй тан, 1852.
6. Вэй Юань 魏源. Шэн у цзи 聖武記 = Записи о военных походах священной династии. В 2-х т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1984.
7. Иноуэ Киёси 井上清. Нихон гэндай си 日本現代史 I. Мэйдзи исин 明治維新 = Новая история Японии. Т. 1. Мэйдзи исин. Токио, 1955. 266 с.
8. Кониси Сиро 小西四郎. 阿片戰爭の我が國に及ぼせる影響 = Влияние опиумной войны на нашу страну // 駒譯史學 «Комадзава Сигаку». Токио, 1953, № 1. С. 11-24.
9. Линь Цзэсюй 林則徐. Сы чжоу чжи 四洲誌 = Описание четырех материков. 20 цз. Б.м., б.г.
10. Линь Цзэсюй 林則徐. Хуа ши и янь 華事夷言 = Иностранцы о Китае. 1 цз. Б.м., б.г.
11. Линь Цзэсюй 林則徐. Элосы го цзияо 俄羅斯國記要 = Основные сведения о Российском государстве. 1 цз. Б.м. Б.г. // Элосы цзияо 俄羅斯記要 = Основные сведения о России. Шанхай. Предисловие 1882 г. (Ксилограф).
12. Лян Цичао 梁啓超. Лунь Чжунго сюэшу сысян бяньцзянь чжи даши 論中國學術思想變遷之大勢 = О переменах в научной мысли Китая // Иньбинши хэцзи 飲冰室文集 = Собрание сочинений из кабинета Иньбин. 3 т. Пекин, 1932.
13. Сюй Цзюйюй 徐繼畬. Инхуань чжилюэ 瀛環誌略 = Очерк всемирной географии. 10 цз. Б.м., 1850.
14. Чоубань и у ши мо Даогуан чао 籌辦夷務始末 道光朝 = Полный отчет о ведении дел с варварами в правление Даогуана. 1836-1850 // Цзиньдай Чжунго шиляо цункань = Собрание

- материалов по истории Китая в новое время. Сб. 56, вып. 551. В 10-и т., 80 цз. Тайбэй, 1963 (фотолитография).
15. Jansen, Marius B. *Changing Japanese Attitudes toward Modernization*. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1965. 546 p.
 16. Sansom G.B. *The Western World and Japan*. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1950. 515 p.
 17. Van Gulik, R.H. *Kakkaron: A Japanese Echo of the Opium War* // *Monumenta Serica*. Peiping, 1939. Vol. IV. P. 478-545.

*Добринская О.А.
ИБ РАН*

О распространении японского языка в Центральной Азии

Центральная Азия в силу своего геополитического и экономического потенциала представляет большой интерес для Японии. После крушения Советского Союза она одной из первых начала налаживать связи со странами региона. Существенным элементом внешней политики является осуществление активной культурной дипломатии. Ее основные направления включают ознакомление с традиционной и современной культурой, гуманитарные обмены, а также распространение японского языка.¹

Преподавание японского языка в университетах Центральной Азии имеет сравнительно недолгую историю. Впервые курс японского языка был набран в 1990 г. на восточном факультете Ташкентского государственного университета (позже факультет был преобразован в Ташкентский государственный институт востоковедения). В 1991 г преподавание японского языка началось в Кыргызстане, а в 1992 г. – в Казахстане.

В начале 1990-х гг. основные задачи Токио в области распространения японского языка состояли в том, чтобы оказывать помощь желающим изучать язык, а также заложить фундамент для дальнейшего развития знаний.

¹ <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/index.html>

На первом этапе в Центральной Азии наблюдалась нехватка квалифицированного преподавательского состава. Уже в 1994 г. в рамках программы содействия государствам СНГ в этот регион были командированы учителя по линии Японского фонда. Помимо преподавательской деятельности они занимались составлением учебной программы, а также подготовкой местных преподавателей языка. Позже в этих странах начали работать молодые волонтеры по программе Японского агентства международного сотрудничества. Приехавшие из Японии преподаватели имели разный уровень квалификации, а также разную степень мотивации, была велика текучесть кадров, что не могло не сказаться на общей весьма разрозненной картине преподавания языка¹.

В 1990-е годы с помощью японских усилий были сформированы основы для того, чтобы преподавание языка приобрело самостоятельность, то есть могло вестись не командированными из Японии, а местными кадрами, которые прошли стажировку за рубежом и способны обеспечить достойный уровень преподавания. К 2001 г. соотношение преподавателей из Центральной Азии и из Японии стало почти одинаковым, и с тех

¹ Сугиура Тисато. Казафусутан-ни окэру нихонго кёйку-но гэндзё то кадай. – Современное состояние и задачи преподавания японского языка в Казахстане // Центр стажировок университета Цукуба. Сборник трудов, посвященных преподаванию японского языка. 2007. Стр.124.

пор число местных учителей начало постепенно превышать число приехавших из Японии¹.

Значительный импульс распространению языка придает деятельность двусторонних центров развития человеческих ресурсов (иногда называемых Японскими центрами). В 1995 г. Японский центр начал работать в Кыргызстане, в 2000 г. центр развития человеческих ресурсов был открыт в Ташкенте, а в 2007 г. — его филиал в Бухаре. В 2002 г. центр был открыт в Казахстане, на сегодняшний день работают офисы в Алматы и Астане.

Основная цель языковой деятельности в рамках этих центров — организация курсов японского языка для широкой общественности. Если ранее японский изучался в основном в государственных учреждениях, то с открытием центров язык стал доступен всем желающим. Во-вторых, это поддержка преподавателей языка и учебных учреждений. Это курсы для преподавателей, предоставление учебных материалов и т.п. В-третьих, это организация мероприятий, связанных с языком, например, конкурсы, тематические встречи, лекции. В-четвертых это проведение экзаменов для стажировок в Японии.

На настоящий момент в трех государствах Центральной Азии — Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане

¹ 2004 нэн. Узубэкисутан нихонго кёйку дзидзё. Узубэкисутан нихон дзиндзай кайхацу сента. Стр.4. http://www.ujc.uz/files/04_Research.pdf

проводятся экзамены по японскому языку (норёку сикэн). С 2001 г. экзамен проводится в Казахстане, с 2005 г. — в Узбекистане, а с 2007 г. — в Кыргызстане. С 1997 г. в этих странах ежегодно проводится конкурс японского языка среди студентов из Центральной Азии.

С помощью проведения экзаменов, конкурсов, других мероприятий, связанных с японским языком, а также благодаря поддержке ассоциаций преподавателей японского языка и других подобных объединений формируется сеть общения, определенное сообщество, связанное интересом к Японии и японскому языку.

За первые годы преподавания японского языка в странах Центральной Азии его популярность значительно выросла. Например, в Узбекистане число студентов за несколько лет увеличилось почти втрое: в 1998 г. их было 656, а в 2004 г. уже 1853 человек¹. В то же время распространение японского языка в этих странах происходит неравномерно, причем отрыв между ними существенный.

Самую долгую историю и наибольшее развитие распространение японского языка имеет в Узбекистане. Токио всегда уделял особое внимание отношениям с этой страной, не только позиционирующей себя как регионального лидера и занимающей выгодное географическом положении, но и богатой природными ресурсами

¹ 2004 нэн. Узубэкисутан нихонго кёйку дзидзё. — Преподавание японского языка в 2004 г. // Узбекско-японский центр развития человеческих ресурсов. Стр.6. - ://www.ujc.uz/files/04_Research.pdf

и, что важно, с начала 1990-х демонстрирующей постоянный интерес к сотрудничеству с Японией. Наибольшее число изучающих японский язык насчитывается в Узбекистане — 1628 человек. Язык изучают в 16 учебных заведениях Ташкента и Самарканда, Бухары. Кроме того, в г.Риштан Ферганской области несколько лет работает частная школа Норико, история создания которой представляет собой интересный пример того, как одна личность может внести весомый вклад в развитие связей между двумя народами.

Основателем школы является Осаки Сигэкацу, бывший инженер компании Комацу. В 1994-1998 гг. он был командирован в Узбекистан для работы по строительному контракту. За эти четыре года, проведенные в Узбекистане, его семья прониклась огромной симпатией к народу и культуре Узбекистана. Они настолько полюбили Узбекистан, что после выхода на пенсию вернулись в эту страну. Сам С.Осаки решил начать преподавание японского языка на безвозмездной основе. На эти цели он потратил часть своего пособия по выходу на пенсию. Первоначально С.Осаки организовал двухмесячные курсы японского языка, на которых преподавал сам, хотя и не имел соответствующего образования и опыта. Несмотря на это, желающих набралось около 50 человек¹. Спустя несколько месяцев он основал част-

¹ Terao Chiyuki. The Rishtan-Japan center and the Noriko school in Uzbekistan // Shingetsu Electronic Journal of Japan-Islamic relations. Vol 3, March 2008.P.16. - Shingetsu Institute. - www.shingetsu.org

ную школу, которую назвал в честь своей жены Норики (Норики гаккю) в которой преподавали волонтеры из Японии. С.Осаки скончался в 2005 г., однако его школа продолжает существовать и успешно развивается. В частности, об уровне образования в школе Норики свидетельствует тот факт, что в 2006 году ее выпускник победил на конкурсе японского языка среди студентов из стран СНГ.

Помимо преподавания важным элементом повышения уровня и стимулирования мотивации изучения языка является возможность побывать в Японии. Между рядом узбекскими и японскими ВУЗами, такими как Васэда, Хосэй, Цукуба существуют соглашения о международных обменах. Кроме того, в университете Цукуба в сотрудничестве с коллегами из Ташкента с 2006 г. действует Международный Центр Средней Азии, где занимаются совместными исследованиями и разработками в области преподавания. Важно отметить, что в Узбекистане идет разработка собственной базы словарей и учебников японского языка. В 2004 г. был выпущен первый японско-узбекский словарь, а с 2010 г. такой словарь был размещен на сайте Центра развития человеческих ресурсов.

Кыргызстан с самого начала 1990-х годов успешно развивал отношения с Японией. Несмотря на то, что эта страна не отличается какими-либо преимуществами с точки зрения природных ресурсов или геополитического положения, Токио изначально уделял особое внимание отношениям с ней, поддерживая экономичес-

кие реформы и курс на демократизацию. В том числе большое внимание уделялось поддержке изучающих японский язык. Кыргызстан и Россия были первыми государствами СНГ, в которых открылись Японские центры. С момента открытия в 1995 г. в Центре начали действовать курсы японского языка. Позже Центр поменял название и структуру управления, что не повлияло на процесс преподавания языка. По данным на 2009 г. в японский язык в Кыргызстане изучали 713 человек. Преподавание велось в 16 учреждениях, как и в Узбекистане, который превосходит Кыргызстан почти в два раза по площади и в пять раз по численности населения.

Япония придает большое значение отношениям с Казахстаном не только как с крупнейшим государством региона, но и как с перспективным партнером по энергетическим проектам. Однако нельзя сказать, что японский язык в этой стране настолько же популярен, как в Узбекистане. Число студентов японского языка почти вдвое меньше, чем в Узбекистане — всего 723 чел. Более того, в Казахстане в последние годы наблюдается значительное сокращение изучающих японский язык. С 2006 г. по 2009 г. их число снизилось почти вдвое. Уменьшается и количество учреждений, где преподают язык — если в 2006 г. их было 12, то в 2009 г. — 8, что совсем немного для такого крупного государства, как Казахстан.

В Таджикистане и Туркменистане знакомство с японским языком началось недавно. Эти государства остаются наименее открытыми к сотрудничеству с Японией. Таджикистан долгое время оставался вне поля зре-

ния японцев в связи с продолжавшейся с 1992 г. по 1997 г. гражданской войной. После стабилизации обстановки в стране Токио начал развитие культурных связей с Таджикистаном. В 2002 г. в Таджикистане началось преподавание японского языка, и сегодня его изучают 32 студента в двух университетах страны¹.

Долгие годы тоталитарного режима в Туркменистане также препятствовали развитию полномасштабных связей с Японией. Подвижки в изучении японского языка начались только после смены власти. Только в сентябре 2007 года было открыто единственное в стране отделение японского языка в Туркменском государственном институте мировых языков.

В целом же статистика изучения японского языка в этом регионе выглядит довольно бледно. Так, по данным исследования, проведенного Японским фондом, на 2009 год преподавание японского языка в Центральной Азии велось в 43 учреждениях, что составляет всего лишь около 0,3% от общего числа от всех учебных заведений в мире, где преподается этот язык. По этому показателю Центральная Азия находится на предпоследнем месте, уступая только Северной Африке. На 2009 г. изучением японского языка в регионе занимались 3 124 студентов, что составляет 0,1% изучаю-

¹ "Survey on Japanese language education abroad 2009". July 29, 2010. www.jppe.go.jp/e/japanese/survey/result/dl/news_2009_02_e.pdf (29.01.2011)

щих японский язык в мире и находится на уровне стран Ближнего Востока¹.

Кроме того, в последние годы наблюдается сокращение показателей, характеризующих распространение японского языка. Если со второй половины 1990-х годов число изучающих язык постоянно росло, что могло быть связано с высоким первоначальным интересом к Японии, энтузиазмом по поводу развития дальнейших связей между странами, то статистика последних лет показывает, что число студентов снижается, становится меньше и количество учебных заведений с японским языком. Так, по данным 2006 г. и 2009 г. число изучающих японский язык сократилось в Узбекистане с 1903 до 1628 человек, в Казахстане с 1570 до 723 человек, в Кыргызстане — с 1064 человек до 713 человек². В частности, отмечается, что растет число студентов, выбирающих в качестве второго иностранного языка в ВУЗе китайский язык, в том числе переходящих с японского языка на китайский в процессе обучения.

Причины сокращения количества изучающих язык могут быть различными. Возможно, в регионе постепенно проходит «японский бум», и ситуация приходит к

¹ Results (provisional figures) of “Survey on Japanese language education abroad 2009”. July 29, 2010. www.jpjf.go.jp/e/japanese/survey/result/dl/news_2009_01_e.pdf (29.01.2011)

² См. Нихонго кёйку кунибэцу дёхо. Тюо Азия. Информация о преподавании японского языка по странам. Центральная Азия - http://www.jpjf.go.jp/j/japanese/survey/country/2010/index.html#m_asia (18.01.2012)

определенной стабильности. Следует также учитывать, что Япония географически удалена от региона, количество проживающих в Центральной Азии японцев небольшое, что снижает реальные возможности частого использования японского языка. Японский бизнес представлен в регионе скромно по сравнению с китайским. Кроме того, компании не всегда охотно берут на работу местных сотрудников, владеющих японским языком. Поток туристов из Японии в Центральную Азию невелик. Возможностей найти престижную работу в Японии у выпускников ВУЗов из Центральной Азии мало. Что касается преподавательской или научной карьеры, то условия трудоустройства и оплаты труда устраивают далеко не всех. Таким образом, выпускники, владеющие японским языком, далеко не всегда могут найти работу с использованием японского языка, которая оправдывала бы их ожидания и затраченные усилия.

Серьезной проблемой, на которую обращают внимание в Токио, является относительно низкий уровень квалификации преподавательского состава. В связи с низкой заработной платой многие преподаватели либо уходят в другие, выше оплачиваемые, отрасли, либо вынуждены заниматься работой по совместительству. Это не оставляет времени на исследовательскую деятельность. В результате в странах региона практически нет специалистов по филологии и педагогике японского языка¹.

¹ См. там же.

В связи с этим основной задачей на нынешнем этапе Япония считает поддержание мотивации преподавателей, повышение уровня их квалификации, а также обучение специалистов, которые занимались бы исследованием языка.

Одновременно с сокращением численности студентов, изучающий японский язык, происходит определенная структуризация интересов внутри этой группы людей. По мнению Т.Сугиура, долгое время работавшего в Японском центре в Казахстане, в будущем изучение японского языка скорей всего будет тяготеть к двум полюсам — это образование для немногочисленного слоя элиты страны, и изучение японского языка как хобби¹.

* * *

Распространение японского языка является способом приобщения населения страны к японской культуре, а также способствует воспитанию молодежи, которая испытывает интерес к работе в Японии или работе с Японией. Студенты, изучающие японский язык, зачастую в будущем становятся политиками, бизнесменами, которые испытывают симпатию к Японии и готовы прилагать силы к налаживанию двусторонних отношений.

За почти двадцать лет в регионе достигнуты видимые успехи в преподавании японского языка. Язык преподается в ВУЗах, школах, на курсах, не только в столицах, но и в разных городах региона. Наибольшее распространение японский язык получил в Узбекистане, Кыр-

¹ Сугиура Тисато. Указ. соч. Стр.126.

гызстане и Казахстане. При этом лидером в области преподавания японского языка является Узбекистан.

Динамика изучения языка в странах Центральной Азии позволяет предположить, что «японский бум» в регионе постепенно сходит на нет. Уменьшается количество студентов, изменяются цели изучения языка. Проблемы, с которыми сталкиваются выпускники со знанием японского языка, а также сложная ситуация, в которой оказывается преподавательский состав, сказываются на распространении языка в регионе. Это негативно влияет на перспективы дальнейшего совершенствования языковой подготовки и развития собственной школы языкознания.

Безусловно, усилия японского правительства продолжают оставаться важным фактором в деле распространения языка в регионе. В то же время очевидно, что такие факторы, как общая заинтересованность в развитии экономических и политических связей со страной, политика государства в сфере образования будут влиять на дальнейшую судьбу японского языка в Центральной Азии.

*Ибрахим И.С.,
Восточный факультет СПбГУ*

**Анализ средств реализации и особенностей восприятия
эмотивной информации в речи носителями разных
диалектов японского языка**

Связь понятий «эмоция» и «эмотивная информация»:
план выражения и план содержания

Трактовка эмоции и подходы к ее изучению в лингвистике существенно отличаются от тех, которые используют в психологии. В лингвистике объектом изучения является не столько сама эмоция, сколько лингвистический механизм и способы ее реализации в языке, как в устной, так и в письменной речи. Несмотря на то, что эти вопросы вызывают глубокий интерес у ученых, они до сих пор остаются недостаточно изученными. Если говорить о лексическом аспекте выражения эмоций, то существует так называемая эмотивная лексика, в которую входят не только знаменательные слова, собственно обозначения эмоций (радость, радостно, радоваться, грусть, грустно, грустить и т.д.), но также и эмоциональные междометия, являющиеся маркерами наличия эмоции в высказывании. Одной из функций и тех, и других является выражение эмоций, отношений и настроения говорящего в процессе высказывания.

В психологии эмоция рассматривается как универсальное физиологическое явление, присущее любому человеку. С другой стороны, лингвистов интересует различия в реализации этого универсального явления в зависимости от языка и культуры. Другими словами,

эмоция – явление универсальное, а ее реализация – явление лингвокультурное.

В связи с этим нам кажется логичным употребление термина «эмотивная информация», в котором отражены оба аспекта: психологический, связанный с эмоцией, и лингвистический, связанный с передачей информации в процессе коммуникации. Таким образом, объектом исследования становится не сама эмоция, а информация о ней, которая передается в процессе высказывания.

Мы предположили, что в каждом языке для реализации эмотивной информации в речи используются свои средства. В качестве таких средств могут использоваться изменение порядка слов в предложении, специальные классы слов, типа междометий, оноματοпоэтической лексики; специальные просодические средства такие, как интонация, паузация, ритм, темп, фонетические изменения и т.д.

По поводу различий эмоций, отношений и экспрессивности среди исследователей существуют различные мнения. В целом, можно выделить три подхода к трактовке этих явлений. Одни исследователи считают, что это три абсолютно разные явления. Другие считают, что все три термина обозначают одно явление. Третьи считают, что отношения и экспрессивность являются аспектами эмоции. Мы полагаем, что в речи реализуется эмотивная информация, которая является результатом совместной работы этих трех явлений.

Ё. Саэки [Саэки, 2003] в своей работе на примере японского языка рассмотрел соотношение и виды эмоциональных высказываний в устной речи, а также возможность автоматического распознавания эмоции говорящего в устной речи. Он указывает на то, что большинство эмоциональных высказываний состоит из прилагательных и наречий, несущих в себе эмоциональную оценку. Кроме того, он отмечает, что в зависимости от ситуации и говорящего одни эмоциональная оценка в одних и тех же лексических единицах может варьироваться. Для оценки эмоциональной оценки, которая не содержится в лексической форме, он использовал абстрактную шкалу оценки от -3 до +3, выделив, таким образом, 7 групп эмоциональных оценок. За ноль принимались те случаи, когда оценка менялась под влиянием субъективных факторов. Поскольку при оценке степени экспрессивности велико влияние субъективных факторов, то для оценки использовались знаки «+», «-» и «отсутствует». В результате, процент совпадения распознавания эмоции составил 80.7%.

Изучая существующие исследования, мы сделали несколько предположений, нуждающихся в экспериментальном подтверждении.

1. Одна из функций интонации заключается в выражении эмоции и отношения говорящего к содержанию высказывания.
2. Поскольку выражение эмоции осуществляется не только посредством интонации, но и благодаря прочим лингвистическим и нелингвистическим средст-

вам, каждый из этих аспектов влияет на восприятие эмотивной информации, заключенной в высказывании. Кроме того, существует взаимная связь всех средств, участвующих в передаче эмотивной информации.

3. Некоторые исследователи утверждают, что при передаче эмоций и отношений говорящего к содержанию высказывания, доминирующую роль играют нелингвистические средства (мимика, жесты и т.д.). Мы собираемся проверить достоверность данного утверждения.
4. Предположим, что есть ситуации, когда интонация является единственным средством выражения эмотивной информации. Когда в высказывании отсутствует лексический маркер эмоции, интонация начинает выполнять смысловозначительную функцию в рамках отдельной синтагмы или высказывания.
5. Теоретически различия в восприятии эмотивной информации носителями разных диалектов могут проявляться на уровне интонации.

Отбор материала для эксперимента

Большинство исследований, посвященных исследованию интонации как средства выражения эмоции, непосредственно связаны с исследованиями в области автоматизированной речи и синтеза речи. На сегодняшний день одним из недостатков автоматизированной речи, на который указывают исследователи и практики, является ее «неестественность» [Mozzionacci, 1998. с.6]. Широко признается необходимость создания базы

данных эмоциональной речи для проведения дальнейших исследований в этой области. До сих пор исследователи часто использовали для анализа в качестве эмоциональной речи высказывания с имитированными эмоциями, записанные профессиональными дикторами и актерами (например, М. Сугито, 1994). Недостатком этого метода в том, что записанная таким образом речь воспринимается как излишне драматическая и несколько неестественная – типичный вариант сценической речи. Вероятно, в этом случае на реализацию эмоции влияют личные стереотипы диктора о том, как нужно выражать эмоции, а также полученные уроки сценической речи. В результате эмоции, сыгранные на камеру или на микрофон, а точнее их выражение, сильно отличаются от тех, которые мы слышим в повседневной жизни. Кроме того, некоторые виды эмоций человек испытывает в обстоятельствах, которые нельзя назвать повседневными (например, смерть родственника или друга, супружеские ссоры), такие эмоции чаще всего не контролируются говорящим и реализуются в речи независимо от его воли [Cowie, 1996. с.28]. Именно такие эмоции чаще всего служат объектом подражания для сценической речи. Исходя из сказанного выше, объектом нашего исследования стали эмоции и отношения, реализующиеся в повседневной спонтанной речи, поскольку их реализация происходит по воле говорящего посредством набора известных ему языковых средств.

Предварительный эксперимент: цели, задачи, результаты

Для выработки метода отбора высказываний, программного обеспечения и метода для анализа ИК в основном эксперименте был осуществлен предварительный эксперимент. Для этого мы осуществили запись спонтанной речи и попытались выделить эмоционально звучащие фрагменты. Объектом предварительного эксперимента стали 3 эмоции — радость, грусть и злость или раздражение. В связи с этим была поставлена задача: подготовить задание для дикторов, целью которого является спровоцировать данные эмоции в речи. Задание звучало так: «Расскажите три истории из своей жизни: смешную, возмутительную, грустную. При рассказе постарайтесь передать, что вы чувствовали, когда с вами происходили эти события». Одной из задач эксперимента стало: убедиться, что при такой формулировке задания, дикторы правильно понимают и выполняют то, что от них хочет экспериментатор; а также изучить реакцию дикторов на задание.

В задачи этого эксперимента также входило: изучить на примере записанной речи, как эмоции реализуются в спонтанной речи; каким образом интонационно реализуется изменение темы высказывания; отражается ли это на общем настроении высказывания. Кроме того, было проведено пробное аудирование отобранных экспериментатором материалов с целью установить воспринимают ли носители языка эмотивную информацию, содержащуюся в высказывании так, как от них ожидают.

На основании полученных результатов был разработан дизайн основного эксперимента.

Запись спонтанной речи была осуществлена благодаря трем информантам — женщинам: уроженка г. Осака в возрасте 30 лет, две уроженки г. Сакаи префектуры Осака 35 и 36 лет. Женщинам прочитали задание и попросили вести беседу на темы задания. Записанный материал застенографировали и проанализировали на предмет наличия или отсутствия изучаемых эмоций, а также на наличие просодических маркеров изменения темы и атмосферы высказывания.

Записи дали для прослушивания двум аудиторам — мужчине и женщине, уроженцам г.Осака, которых попросили сгруппировать прослушанные высказывания по категориям: радость, грусть, гнев раздражение.

В ходе записи и анализа полученного материала было выявлено следующее. Если в высказывании возникла эмоция радости, то в общем настроении высказывания доминирует светлая атмосфера, несмотря на изменение контекста или темы разговора. Так, записанная беседа началась с рассказа о смешных случаях из жизни, и несмотря на то, что следуя заданию, говорящие стали обсуждать возмутительные и грустные вещи, общий тон разговора был оживленным. Таким образом, можно предположить, что общий тон всего высказывания определяется одной доминирующей эмоцией, остальная эмотивная информация в таком случае подвергается влиянию доминанты и ее роль

заключается в передаче небольших нюансов основной эмоции. Соответственно, можно сделать вывод о том, что для изучения каждой конкретной эмоции, необходимо использовать высказывания в соответствующей ситуации, когда именно данная конкретная эмоция является доминантой.

Что касается восприятия записанных высказываний, то оба аудитора зафиксировали несколько моментов, ход беседы менялся. Однако как они отметили, это скорее были изменения именно темы разговора, а не его тональности. Оба аудитора отметили также и тот факт, что очень сложно однозначно определить эмоции, возникающие в разговоре, как только радость, или грусть, или гнев. Таким образом, мы поняли, что для категоризации эмотивной информации, которая содержится в интонации высказывания, простых лексических обозначений явно недостаточно. Было решено использовать более сложную систему оценки эмоции, которая, как мы писали выше, будет основана на фиксации и замерах сразу нескольких параметров, определяющих эмоцию. В качестве примера такой модели, выше мы приводили многомерную модель R. Cowie [2000], лежащую в основе программного обеспечения Feeltrace для измерения эмоций.

Записанные материалы были стенографированы и проанализированы с точки зрения их содержания и звучания. В результате были выделены следующие эмоции с точки зрения позиции говорящего:

1. Эмоции по отношению к содержанию собственного высказывания.
2. Эмоция по отношению к содержанию высказывания собеседника.
3. Передача говорящим в высказывании эмоций третьего лица.
4. Передача говорящим в высказывании своих собственных эмоций, имевших место в прошлом.

Мы сосредоточились не на тех эмоциях, речь о которых идет в высказывании, а на тех, которые *возникают в процессе высказывания и реализуются в нем*, то есть на первых двух случаях.

Эксперимент на восприятие (Осака)

В ходе основного эксперимента ставилось целью посмотреть, какое влияние оказывают лингвистические и нелингвистические средства, которые участвуют в передаче эмотивной информации на сегментном и супрасегментном уровне, на восприятие слушающего в процессе коммуникации, а также изучить роль интонации в этом процессе.

Для решения задачи по созданию базы ИК эмоциональной речи мы решили отбирать высказывания, в которых интонация является единственным средством реализации эмоции. К таким высказываниям мы отнесли нейтральные по лексическому содержанию высказывания, которые аудиторы опознали как эмоциональные; а также высказывания, в которых интонационное значе-

ние доминирует и корректирует лексическое (также по восприятию аудитором).

Полученные в ходе перцептивного отбора ИК решено разбить на 4 категории, на основании двухмерной модели эмоции (эмоциональная оценка и интенсивность выражения) Feeltrace.

В качестве материала для данного эксперимента были использованы 20-минутная видеокассета с профессиональными интервью для новостей, сделанными корреспондентами Киотосского отделения телерадиокомпании NHK, а также несколько интервью — фрагментов документального фильма о Большом Хансинском землетрясении в Кобэ «К пятилетней годовщине Большого Хансинского землетрясения. Записи воспоминаний пострадавших от землетрясения» (Хансин Тайсин гонэн ано хи-кара. Хисайти хиторихитори-но кироку). Были установлены следующие критерии отбора высказываний.

Во-первых, это должны быть спонтанные высказывания, записанные в особых обстоятельствах, например: объявление результатов вступительных экзаменов, выпускная церемония, воспоминания о пережитом землетрясении, потеря близких людей, душевная депрессия и т.п. Предметом изучения стали эмоции из каждой из 4 частей модели Feeltrace, связанные с эмоциями радости, печали, страдания, гнева.

Во-вторых, запись не должна содержать фоновой музыки и шумов, чтобы быть пригодной для дальней-

шего акустического анализа. К сожалению, особенностью документального фильма явилось то, что особо эмоциональные моменты сопровождаются соответствующей музыкой, чтобы усилить впечатление, оказываемое на зрителя.

В конечном итоге было отобрано 42 высказывания, из которых 4 использовались в качестве тренажера для подготовки информантов к эксперименту.

В процессе коммуникации эмотивная информация передается соответствующими средствами на трех уровнях – сегментном, супрасегментном и нелингвистическом. Мы предположили, что в функция интонации, которая заключается в передаче эмотивной информации, работает в тех случаях, когда на сегментном уровне данная информация отсутствует, либо когда сегментной информации недостаточно, чтобы достоверно определить реализуемую эмоцию (в случае, иронии, например). Опираясь на данное предположение, мы подготовили 4 вида стимулов, предъявляемых информантов для распознавания эмоции:

1. Сегментным средствам передачи информации соответствует написанный текст высказывания.
2. Супрасегментным средствам передачи информации соответствует аудиозапись высказывания (работа интонации = разнице восприятия аудиозаписи и текста).

3. К нелингвистическим (невербальным) средствам мы отнесли мимику и жесты, что соответствует видеозаписи без звука.

Кроме того, в качестве последнего стимула мы подготовили видеозапись высказывания со звуком (далее Full Video или FD), где реализуется работа всех перечисленных средств.

Постановка задач реципиентам
и формализация их перцептивных решений

Порядок предъявления стимулов для распознавания эмоции определяется от стимула с наименьшим количеством информации до полной видеозаписи по мере увеличения количества информации. То есть сначала информантам предъявляется текст, затем аудиозапись, затем видеозапись без звука и в конце видеозапись со звуком. Время демонстрации стимула установлено на уровне звучания самого длинного из отобранных высказываний – 15 секунд. Интервал между стимулами установлен с учетом времени на раздумье и запись – 15 секунд.

Для оценки эмоции в высказывании было использовано две шкалы: шкала оценки – эмоция говорящего по отношению к содержанию высказывания (позитивные - негативные), далее шкала оценки, и шкала интенсивности выражения эмоции, по которым информантам было предложено оценить предложенный им стимул. В отличие от модели Feeltrace, представленной окружностью, мы предложили информантам отдельно

ось координат X и ось координат Y, поскольку во время предварительного эксперимента от информантов были получены сведения о сложности для понимания и оценки эмоции модели окружности и о необходимости ее упрощения. Информантам было предложено следующее задание:

1. Прослушайте/прочитайте/посмотрите предложенный слайд и оцените предлагаемую вам эмоцию, отметив номер слайда на осях X (эмоциональная оценка) и Y (интенсивность эмоции).
2. Одним словом опишите предложенную вам эмоцию.

Второе задание было дано в связи с предполагаемыми сложностями в оценке эмоции по осям, для того, чтобы скорректировать ответы информантов.

Результаты эксперимента

Сравнение средних значений по осям оценка и интенсивность выражения эмоции говорит в пользу того, что актуализация адекватного восприятия сегментных последовательностей в звучащей речи не в последнюю (если не в первую) очередь находится в тесной зависимости от их супrasegmentного (просодического) оформления, роль которого тем выше, чем меньше других факторов звучащей речи (окружающего семантического и грамматического контекста. В 11 случаях восприятие информантами эмоций в высказываниях менялось в зависимости от того, каким видом стимула оно было представлено — только сегментная информация, в виде текста высказывания, или звучащая речь.

При этом анализ изменений восприятия эмоции в высказывании под влиянием интонации в этих случаях показывает, что для четырех высказываний изменения произошли и в восприятии параметра «оценка, содержащаяся в высказывании»; и в восприятии параметра «интенсивность выражения эмоции». Еще в четырёх случаях изменилось только восприятие оценки, в пяти случаях — только интенсивности выражения эмоции.

Мы предположили, что для данных высказываний верно утверждение, что информация, передаваемая интонацией, играет более важную роль, чем сегментная информация, в процессе оценки слушателями эмоций и отношений, содержащихся в высказываниях. В связи с этим, именно они стали объектами нашего анализа. Кроме того, мы решили исследовать распознавание эмоции в стимулах в зависимости от содержащейся в них информации: на сегментном, супрасегментном и невербальном уровне.

Мы сравнили результаты восприятия информантами видеоролика со звуком, то есть стимула, который представляет все виды информации (здесь и далее по тексту Full Video), с результатами восприятия других стимулов. Самый высокий процент совпадения этих ответов выявлены при оценке информантами эмоции высказывания, представленного стимулом — звучащая речь — ответы совпадают для 29 высказываний. За ними по количеству совпадающих ответов следуют результаты восприятия сегментной информации (стимул — письменный текст) — ответы совпадают для 27 высказыва-

ний. Восприятие нелингвистической информации (стимул — видеоизображение без звука) значительно уступает первым двум — ответы совпадают для 19 высказываний.

В результате проведенного эксперимента мы пришли к следующим выводам.

Информация об эмоции и отношения в высказывании выражается комплексно на трёх уровнях: сегментном, супraseгментном и невербальном (жесты, мимика). Особенно часто взаимодействуют невербальные и супraseгментные средства.

Мы рассмотрели 11 высказываний, в которых эмоциональная информация была реализована, главным образом, интонационными средствами. Результаты распознавания эмоции для звуковых стимулов и стимулов — видео без звука гораздо чаще совпадают с результатами восприятия FV, чем результаты, полученные в ходе оценки стимула-текста. Более того, в большинстве случаев в ходе восприятия стимула-текста и стимулов-звука и видео без звука, результат распознавания существенно различается.

Судя по этим результатам, информация, которая передаётся супraseгментными и невербальными средствами играют определяющую роль для распознавания эмоции в процессе коммуникации. Мы провели сравнение разных уровней высказываний и выяснили, что для выражения эмоции интонационные средства привлекаются чаще, чем лексические. Хотя пока достаточных оснований для этого нет, но можно предполо-

жить, что эта особенность является культурологической и характерной именно для японского языка.

Далее, мы рассмотрели степень значимости информации, передаваемой на сегментном, супraseгментном и невербальном уровнях, для распознавания эмоций. Удалось выделить высказывания, где наиболее значимым являлось какое-либо одно из сегментных, супraseгментных или же неязыковых средств. Таких высказываний оказалось немного, поэтому остается непонятным, верны ли сделанные нами выводы только для конкретных случаев или их можно трактовать шире.

В литературе широко признается тот факт, что невербальная информация является основным средством выражения эмоций. Однако в результате данного эксперимента мы выяснили, что невербальные средства не доминируют над другими средствами, а выполняют функцию выражения эмоций в той же степени, что и средства сегментного и супraseгментного уровней языка.

Тенденций в варьировании оценки эмоций в высказывании, в зависимости от того, носителем какого диалекта являются информанты, выявлено не было. Чтобы более подробно изучить вопрос о влиянии диалекта информантов на восприятие эмотивной информации высказывания, мы решили провести повторный эксперимент в г. Йокогама. Йокогама — город в восточной части Японии, на территории которого проживают, главным образом, носители группы так называемых кантосских диалектов, в противоположность кансайско-

му диалекту, распространенному в западной Японии, где находится г.Осака. Эксперимент включал в себя 11 высказываний из эксперимента, проведённого в г.Осака, в которых интонационные средства были основными для реализации эмоции, поскольку мы предположили, что диалектные различия должны возникать именно в интонационных контурах - реализациях той или иной эмоции.

При сравнении значений стандартного отклонения обнаружилось, что эмоциональная оценка, содержащаяся в высказывании, распознается легче, чем интенсивность выражения: разброс в ответах информантов в случае с интенсивностью гораздо выше. Мы полагаем, что такой результат был получен по следующим двум причинам. Во-первых, оценка эмоции на основе двух параметров заимствована из модели Feeltrace и является несколько абстрактной и трудной для понимания нетренированного информанта. А во-вторых, объективно простые оппозиции типа «положительный – отрицательный» или «тёмный - светлый» являются абсолютными и определяются всеми одинаково, а вот интенсивность выражения — понятие относительное и его восприятие является индивидуальным.

Более того, в описании эмоций можно выделить три аспекта:

1. Эмоциональная оценка – положительные и отрицательные эмоции;

2. Слабые и сильные эмоции (например, грусть и скорбь) ;
3. Интенсивность выражения эмоции — активные и пассивные (например, горе и грусть, недовольство и гнев).

В модели Feeltrace для оценки эмоции применяются только два критерия. Мы предположили, что в этом случае, информанты могли испытать замешательство в связи с последними двумя — интенсивностью выражения и слой собственно эмоции. По этой причине было решено рассмотреть данную проблему в следующем эксперименте.

Эксперимент на восприятие в Йокогаме

В результате эксперимента, проведённого в Осака, обнаружился ряд вопросов, которые мы решили рассмотреть в ходе сходного эксперимента в г.Йокогама. Во-первых, мы не обнаружили тенденций в варьировании оценки эмоций в высказывании, в зависимости от того, носителем какого диалекта являются информанты. Однако, результаты существующих исследований говорят о том, что, вне зависимости от сегментной информации, супрасегментная информация, передающая эмоции, разная для каждого диалекта.

В качестве материала для эксперимента в Йокогаме мы использовали в качестве звуковых стимулов высказывания, произнесенные носителями диалектов Кантō и Кансай. Высказывания в произнесении носителей диалектов Кансай, которые были включены в

повторный эксперимент, это те 11 высказываний, в которых по результатам эксперимента в Осака для распознавания эмоции ведущую роль играет супрасегментная информация. Поскольку носители диалекта могут переключаться с родного диалекта на стандартный язык, являясь в определенном смысле билингвами, мы предположили, что носители кансайского диалекта будут более точны в своих оценках эмоции, чем носители кантосского диалекта, близкого к стандартному языку.

Материалы эксперимента были отобраны из записей программ утренних новостей телеканала NHK, а также из документальных фильмов «История токийского такси. Мужчины снова отправляются в путь» (трансляция Н11/1/22) и «Пока что на полставки» (трансляция Н11/1/24), серия «Японское документальное кино» канала NHK. Условия отбора материала были те же, что и в предыдущем эксперименте. Принимая во внимание проблемы, обнаруженные при проведении предыдущего эксперимента, и мнения информантов, мы внесли некоторые исправления в дизайн эксперимента. А именно: мы увеличили паузу между подачами импульсов с 15 до 17 секунд и в то же время сократили общее время презентации. Эксперимент проводился на педагогическом факультете государственного университета Йокогама с участием 10 человек.

О связи диалекта информанта и аудитора с распознаванием эмоций

Мы сравнили данные, полученные для высказываний от информантов – уроженцев Канто и уроженцев района Кансай. Согласно полученным данным эмоция

оценивается по-разному в зависимости от диалекта информантов. При этом самым большим является процент случаев, когда разнятся показатели оценки активности/пассивности эмоции (45,2%). В 33 % случаев информанты по-разному определяют эмоциональную оценку высказывания (положительная/отрицательная). Для 21,7% стимулов оценки обоих показателей отличаются. Однако, из этого нельзя делать вывод, что разница в результатах распознавания связана с диалектами и супрасегментными явлениями, поскольку результаты анализа распределения по разным уровням высказывания свидетельствуют, что не только при звуковом стимуле, но и для всех видов стимулов процент различия в результатах распознавания одинаков.

Для изучения вопроса о взаимосвязи восприятия эмоции и диалекта информантов мы провели сравнительный анализ результатов оценок уроженцев районов Канто и Кансай для 12 высказываний, которые были взяты из предыдущего эксперимента.

Из 12 высказываний только в двух была выявлена разница в результате распознавания эмоциональной оценки между уроженцами районов Канто и Кансай. Высказываний, в которых отмечена разница в результате распознавания интенсивности выражения, оказалось пять. Однако, поскольку мы допускаем возможность того, что информанты могли не понять модели Feeltrace, эти результаты требуют дальнейшего изучения.

В данном эксперименте статистически значимой разницы в результатах восприятия эмоции в зависимости от диалекта информанта получено не было. И все же,

поскольку такие высказывания нам встретились, мы считаем, что необходимо дальнейшее исследование данной проблемы.

Взаимосвязь типа стимула и результата распознавания

Мы сравнили результаты обоих экспериментов в вопросе влияния типа стимула на восприятие эмоциональной оценки. Оказалось, что в результатах эксперимента в г.Йокогама в два раза больше высказываний, в которых оценки эмоции для текста и для звука различаются (32 vs. 11), чем в предыдущем эксперименте. Напротив, количество ответов, когда оценка текста и звука совпадает с оценкой стимула FV, наоборот, в данном эксперименте меньше.

Количество совпадений результатов восприятия видео без звука с результатами для FV, в обоих экспериментах одинаково. Надо отметить, что в материалах второго эксперимента почти в два раза уменьшился процент совпадения интерпретации эмоции в звуковом стимуле и видео без звука (47,2% в Осака и 25,6% в Йокогама). Одновременно оказалось, что процент совпадений информации текста и видео без звука такой же, как и в предыдущем эксперименте.

Мы рассмотрели 32 высказывания, для которых не совпадают результаты восприятия текста и звука. Исходя из имеющихся данных, мы видим, что изменение восприятия эмоции может быть объективно оценено по обоим параметрам.

В предыдущем эксперименте мы получили результаты, свидетельствующие о том, что эмоциональная

оценка распознаётся информантами легче, чем интенсивность выражения. В ходе эксперимента в г. Йокогама были получены те же результаты для стимулов — звука и FV. Однако для таких стимулов, как видео и текст, среднее отклонение при оценке интенсивности выражения эмоций, напротив, низкое, из чего можно сделать вывод, что интенсивность выражения распознаётся лучше, чем эмоциональная оценка.

Сравнив среднее значение отклонения для разных видов стимулов, мы обнаружили, что для результатов распознавания стимулов «звук» и «видео» этот показатель одинаков, а для стимула «письменный текст» — выше, чем у каждого из этих двух стимулов. Исходя из этого, можно утверждать, что информантам легче распознать эмоцию, опираясь на супрасегментную и невербальную информацию, чем только на сегментную (в нашем исследовании представленную стимулом — письменным текстом).

За исключением стимулов-видео, для всех видов стимулов медиана стандартного отклонения распознавания эмоциональной оценки ниже, чем соответствующий показатель для интенсивности выражения. Значение медианы стандартного отклонения возрастает в порядке: видео, звук, текст. Это можно интерпретировать, как то, что сначала воспринимается невербальная информация, потом — супрасегментная и в последнюю очередь — сегментная. Однако, как уже отмечалось, случаев, когда основное влияние на восприятие оказывает невербальная информация, мало.

В связи с выделением так называемых «эмоциональных» интонационным контуров сразу встает несколько

проблем: как определить эмоционально высказывание или нет; каким образом сгруппировать по категориям различные нюансы эмоций. Есть опасность, что при определении наличия и категории эмоции самим исследователем не хватает объективности. Поскольку критерием отбора ИК является восприятие эмотивной информации, то в качестве еще одного из результатов проведенных экспериментов можно считать вывод о том, что можно использовать оценки восприятия как естественный фильтр для отбора и категоризации высказываний для анализа взаимосвязи эмотивной информации и интонации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Cowie, Douglas-Cowie, 1996** — Cowie, R.&Douglas-Cowie, E. (1996) “Changing Emotional State in Dialogue and its Prosodic Correlates”, *Proceedings of ESCA International Workshop on Dialogue and Prosody* Veldhoven, pp.41-46
2. **Cowie, Douglas-Cowie, Schroder, 2000** — Cowie, R., Douglas-Cowie, E., Schroder, M. (2000) A new emotion database: Considerations, sources and scope, *Proceedings of ISCA Workshop on Speech and Emotion*, New Castle, Northern Ireland, pp.39-44
3. **Mozzionacci, 1998** — Mozzionacci, S. (1998) *Speech Variability and Emotion: Production and Perception*, Eindhoven
4. **Саэки, 2003** — Саэки, Ёсиясу 佐伯嘉康 (2003) 「副詞と形容詞に着目した日本語の感情表現性の調査」第 8 回 LACE 研究会
5. **Сугито, Миёко** — 杉藤美代子 (1994) 「談話におけるポーズとイントネーション」『日本語と日本語教育学 第 2 巻 日本語の音声・音韻 (上)』明治書院, pp.343-364

*Иванова Ю.В.,
ДВФУ*

Театр и драматургия в творчестве АРИЁСИ Савако

Известная японская писательница Ариёси Савако (1931—1984) — представительница литературы женского потока — в своем творчестве описывала не только насущные проблемы социума, но и национальную культуру японцев. На формирование спектра тематики произведений писательницы значительное влияние оказывал опыт, приобретаемый ею в путешествиях в качестве корреспондента разных изданий. Она любила писать репортажи, собирать материал для романов в общении с местными жителями, встречаться с людьми искусства и современными писателями. На творчество Ариёси Савако значительное влияние оказали развитие телевидения и резкое увеличение количества еженедельных изданий. Это привело к тому, что большое число ее произведений было опубликовано по главам в еженедельниках и экранизировано.

В российском и зарубежном востоковедении жизнь и творчество Ариёси Савако не являлись предметом комплексного исследования. Изучению данной темы благоприятным образом способствовали критические статьи американских и японских ученых, а также исследования культуры и традиций Японии российскими и советскими востоковедами.

В ходе изучения тем творчества Ариёси Савако весь творческий путь писательницы был условно разделен на

три периода. Таким образом, стало очевидно, что начальный творческий этап ознаменовался появлением первых произведений об актерах Кабуки и пьес. С помощью анализа биографии японской писательницы был установлен главный момент в жизни писательницы – ее увлечение японским сценическим искусством.

Семья Ариёси Савако долгое время жила за границей, переезжая вслед за отцом, которого по долгу службы переводили в разные филиалы международного банка «Ёкогама сёкин гинко» (ныне Токийский банк). Часть детства писательница провела в Индонезии на богатом тропическими красками острове Ява. Будучи слабой здоровьем, она редко посещала школу и большую часть времени проводила в шикарной библиотеке отца, наполненной не детскими книгами, а собраниями сочинений классиков японской литературы [Ивая, 1974. С.452]. Там состоялось ее знакомство с произведениями Нацумэ Сосэки, Мори Огай, Арисима Такэо, Киккути Кан, Ёсикава Эйдзи, которые оказали влияние на формирование представлений Ариёси Савако о Японии, ее красоте, традициях и обычаях.

Писательница вернулась на родину в 1942 г. после объявленного чрезвычайного положения и увидела страну в военное время. Поиски красоты и национальных традиций, утерянных в повседневной жизни, привели ее в театр Кабуки, чья роскошная атмосфера настолько поразила писательницу, что она стала посещать представления практически каждый день [Мияути, 2004. С.11].

В 1949 г. писательница поступила в Токийский женский христианский колледж на отделение английской литературы. Во время своего студенчества Ариёси Савако не бросила увлечение японским театром. Она состояла в кружке Кабуки и была театральным критиком. В 1951 г. Ариёси Савако создала свое первое произведение «Трактат об актерах» («Хаяурон»), которое завоевало приз в конкурсе сочинений журнала «Энгэкикай» («Театральный мир») [Sohierbeck, 1994. P.143]. Успех начинающая писательница закрепила серией удачных статей о театре Кабуки.

В 1952 г., поступив на должность внештатного сотрудника, она получила возможность взять интервью у хореографа театра Кабуки, Адзума Токухо, которая вернулась с труппой из своего первого турне по Америке. Ранее Ариёси Савако довелось посетить представление, поставленное под руководством Адзумо Токухо, поэтому писательница с нетерпением ждала рабочей встречи с хореографом. Обстоятельства сложились так, что в то время Адзумо Токухо подыскивала человека, который мог бы помогать вести переговоры на английском языке о проведении второго турне театра Кабуки по Америке [Мияути, 2004. С.21]. Отличное знание языка помогло Ариёси Савако не только занять должность секретаря-корреспондента труппы в Японии, но и сопровождать творческий коллектив за границей. В ходе турне писательница почерпнула как сведения о символике кимоно, так и информацию о подноготной «веселых кварталов». Кроме того, Ариёси Савако получила возможность

проникнуть за кулисы театра и узнать больше о жизни актеров на сцене и вне ее.

До начала работы с труппой Адзума Токухо писательница опубликовала свой первый роман «Ода заходящему солнцу» («Ракуё но фу», 1954) в шестом номере журнала «Идиоты» («Хакутигун») [Ивая, 1974. С.454]. Начиная с газеты «Асахи симбун», журнал «Бунгакукай» («Литературные круги»), газета «Японское чтение» («Нихон докусё») и другие критические издания дали положительную оценку этому произведению.

После работы с Адзума Токухо в мае 1956 г. Ариёси Савако вернулась на писательскую стезю и опубликовала рассказ «Песнь земли» («Дзи ута»), который получил приз журнала «Бунгакукай» и был номинирован на литературную премию Акутагавы Рюноскэ. Таким образом, сопровождение труппы в турне и близкая дружба с Адзума Токухо благоприятно отразились на писательской карьере Ариёси Савако. До конца своей жизни писательница поддерживала доверительные взаимоотношения с хореографом и писала пьесы специально для труппы Адзума Токухо.

Повествование рассказа «Песнь земли» развернулось вокруг старого исполнителя традиционной японской музыки и его дочери. Слепой отец полностью зависел от молодой девушки, которая не только ухаживала за ним, но и училась секретам его мастерства. Он надеялся, что дочь пойдет по его стопам, но надежды его не были оправданы. Девушка вышла замуж за американца

японского происхождения и покинула Японию [Sohierbeck, 1994. P.143].

Произведение не принесло Ариёси Савако желаемой награды, и премия досталась Кэйтаро Кондо (1920-2002) за рассказ «Рыбацкая лодка». Вскоре с писательницей связался Отани Такэдзиро, один из братьев-близнецов основателей крупнейшей японской театральной и кинокомпании «Сётику». Он попросил Ариёси Савако написать что-нибудь для постановки в Осацком театре марионеток и театре на Симбаси. Так началось активное участие Ариёси Савако в жизни театра Кабуки. Она написала представление с танцем «Ручной барабан Ая» («Ая но цудзуми»), которое было инсценировано в августе 1956 г.

Ариёси Савако занялась драматургией и в июне 1957 г. создала пьесу для театральной труппы Кикугоро, работавшей в бытовом жанре, по мотивам произведения Фукудзава Ситиро «Повесть о горе Нараяма» и поставила ее на сцене. Произведение Фукудзава Ситиро было опубликовано в один год с «Песней земли» (1956) и завоевало премию читателей журнала «Тюо короон» («Центральная трибуна») [Мияути, 2004. С.30].

Накопленные в ходе создания романа «Песнь земли» материалы о традиционном искусстве Японии были положены писательницей в основу ряда работ, вышедших после 1957 г. Ариёси Савако создала веселые произведения – «Красавица Ансю» («Владельца приюта отшельника», 1957), «Гейша, потанцуй вальс со мной»

(«Гэйся варуцу итари ано», 1958), полные лиризма пьесу – «Кукольный театр Дзёрури» («Нингё гэки дзёрури, 1958) и рассказ «Тушь» («Суми», 1961).

Необходимо отметить, что в 1956-1961 гг. активно развивалось телевидение и радиовещание, для которых Ариёси Савако писала разные сценарии. Ею были завершены телевизионный сценарий «Сад камней» (1956) для компании NHK Осака и для радиовещания – сценарий сюиты для исполнения на традиционных музыкальных инструментах «Женщина Ямато – Женщина Даигэн, ныряльщица за ракушками, сбор урожая чая» («Ямато онна – Даигэн онна, ама, тяцуми», 1956). В следующем году по просьбе радио и NHK Осака она написала новое произведение для театра марионеток дзёрури – «Хомура» («Хомура», 1957).

Ариёси Савако занималась не только писательской деятельностью, но и принимала участие в театральной постановке «Сукэроку: цветок Эдо» («Сукэроку юкари но Эдодзакура») в ноябре 1958 г. в роли Сиратама вместе с Исикава Синтаро в роли – Сукэроку, Соно Аяко – Агэмаки, Мисима Юкио – Икю, Фукадзава Ситиро – знаток [Мияути, 2004. С. 33].

Позднее она была приглашена на «встречу-беседу молодых писателей», чтобы представить новое поколение вместе с Оэ Кэндзабуро, Каико Такэси и Кимура Итару. Их беседа была опубликована в еженедельнике Ёмиури (№ 31, август, 1958 г.).

Таким образом, на начальном творческом этапе (1951-1959) общение с разными театральными деятелями, встречи с современными писателями Японии способствовали творческому развитию Ариёси Савако и погружению в театральную среду. Распространение средств массовой информации дало ей возможность не только попробовать себя в создании пьес в разных жанрах японского классического искусства, но и в написании сценариев для теле- и радиовещания. Кроме того, она принимала активное участие в литературной жизни Японии, и ее частое появление на экране не осталось незамеченным. Ариёси Савако считали феноменом новой эпохи, который был близок публике по духу.

В работах начального творческого этапа проявилась склонность и любовь писательницы к традиционной музыке и театру. Однако в нем отсутствовали серьезные темы, свойственные переходному творческому этапу (1959-1969).

В 1959 г. в жизни и творчестве Ариёси Савако обозначился новый виток. Она окончила Токийский женский христианский колледж, выиграла стипендию Рокфеллера и уехала в Нью-Йорк на годовую стажировку в колледже Сары Лоуренс, где наравне со всеми получали образование и иудеи, и черные. В ходе учебы в Америке писательница не только реализовывала свою первоначальную цель – изучение театрального искусства и посещение представлений на Бродвее, но и осуществляла сбор материалов, которые позднее легли в основу ее романов. Писательница познакомилась с госпожой

Саито, владелицей ресторана японской кухни в Нью-Йорке, которая стала прообразом нескольких героинь романов Ариёси Савако.

После окончания колледжа она отправилась в путешествие по одиннадцати странам Европы, посетила страны Ближнего и Среднего Востока и примерно через год вернулась в Японию. Ариёси Савако смогла посмотреть мир, прежде чем приступила к раскрытию острых социальных тем в своих произведениях.

На протяжении переходного творческого этапа предметом авторского внимания становились расовые предрассудки, национальные трагедии японцев, жизнь семьи. Все эти темы Ариёси Савако раскрывала на страницах романов и рассказов. Она уже не создавала пьесы в таком объеме, как это было на начальном творческом этапе. Наряду с этим читатели хотели видеть полюбившиеся им произведения переходного творческого этапа на сцене. Таким образом на подмостках больших театров были поставлены практически все произведения Ариёси Савако: роман «Благовония и цветы» («Когэ», 1959), «Жена лекаря Ханаоки Сэйсю» («Ханаока Сэйсю но цума», 1967), «Нет цветных» («Хисёку», 1963) и многие другие. Они собирали полные залы и пользовались огромной популярностью.

На заключительном творческом этапе (1970–1984) писательница продолжала создавать произведения на социальную тематику, чередуя их с романами о театре. В 1970 г. по приглашению университета Гавайи в течение

шести месяцев Ариёси Савако читала лекции по литературе и театру второй половины эпохи Эдо. По окончании работы она отправилась в Нью-Йорк, где ее поразила спектакль «Девять подсудимых по делу Кетонсвилля», созданный Дэниэлем Велиганом. Ариёси Савако вернулась на родину, полная надежд на постановку этого спектакля на сценах Японии.

В основу полюбившейся писательнице постановки легло «Дело Кетонсвилля». В 1968 г. в городе Кетонсвилль девять призванных на службу католиков, устроив осаду своего места службы, облили повестки бензином и подожгли их. Это была своеобразная акция протеста против войны во Вьетнаме, возникшей из-за гражданской войны 1960 г. и вооруженного вмешательства Америки. Написавший сценарий пистер Велиган был одним из этих девятерых человек.

Не равнодушные к теме войны во Вьетнаме люди помогли Ариёси Савако в создании волонтерского театрального кружка и в постановке спектакля на сцене холла «Кинококуя», который был сыгран в октябре 1972 г. [Мияути, 2004. С. 75].

Таким образом, вся жизнь Ариёси Савако была связана с театром. Несмотря на то, что после начального творческого этапа приоритеты писательницы сместились в сторону создания больших произведений по серьезным проблематикам, ее увлеченность театром выражалась в виде написания пьес. Она смогла написать интересные произведения не только для сцены, но и для телевидения.

Ариёси Савако состоялась как драматург и писательница. По сей день в Японии продолжают ставить на театральных подмостках произведения Ариёси Савако. Особой популярностью среди них пользуются «Благовония и цветы» и «Жена лекаря Ханаока Сэйсю». В главных ролях играют известные актрисы театров. Названия произведений известны по всей стране. Также есть одноименные фильмы и телесериалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Sohierbeck S. Japanese Women Novelists in the 20th Century. 104 Biographies. – Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1994. – 392 p.
2. 巖谷大四。評伝的解説。有吉佐和子// 現代日本の文学。— 東京: 楽手研究者, 1974。— 49 卷。— 450—464 頁。Ивая Тайси。Биография Ариёси Савако // Современная японская литература。— Токио: Ракусю кэнкюся, 1974。— Т 49。— 450—464 с。
3. 宮内淳子。評伝。有吉佐和子// 新湖日本文学アルバム。— 東京: 新湖社, 2004。— 71 卷。— Р.111。Мияути Ацуко。Биография Ариёси Савако // Альбом японской литературы Синтё。— Токио: Синтёся, 2004。— Т 71。— С.111。

Исакова П.А.,
СПбГУ

**Очерк литературной традиции «сидзэнсюги»
(кон. XIX – нач. XX в.)**

В период Мэйдзи (1868-1912) в японской литературе наравне с романтизмом, который в первую очередь утвердился в поэзии, возникло новое литературное направление – «сидзэнсюги» [自然主義] (сидзэн – «натура», «природа»; сюги – «принцип»), – т.н. «движение за натурализм», направление 90-ых годов – 20-ых годов XX века. В действительности оно включало в себя два направления: натурализм и реализм, так как становление в Японии реалистической литературы, характерной для Европы середины XIX века, пришлось на период распространения на Западе натурализма, а вследствие нехватки теоретических знаний японских литераторов произошло смешение понятий «реализм» и «натурализм». Это обстоятельство и стало одним из факторов, повлиявших на утверждение «сидзэнсюги» как главного литературного направления первых двух десятилетий XX в. Как умонастроение и литературное течение оно достигло своего пика в период с 1906 по 1912 годы.

Японский термин «сидзэнсюги» является прямым переводом французского слова натурализм. Японский натурализм основывается на следующих традициях:

1. «Дзэнкисидзэнсюги» (前期自然主義, ранний «сидзэнсюги») или золаизм, который иногда характеризуется как первая ступень японского натурализма и уже содержит важные отличительные черты этого

направления. Представителями раннего натурализма были Косути Тэнгай, Огури Фүё и Нагаи Кафу.

2. Французский натурализм, который в первую очередь появился в Японии благодаря романам Эмиля Золя, а впоследствии благодаря Эдмон и Жюль де Гонкур, Густава Флобера, Ги де Мопассана и Ж.К. Гюисмуса.
3. Пьесы, романы, теоретические труды и стихотворения различных зарубежных писателей, таких как Г.Ибсен, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, И.В.Тургенев, Г.Зудерман, А.Хольц, Д. фон Лилиенкрон и другие, которые оказали большое влияние на современную японскую литературу: от Фтабатэй Симэй — основателя японского критического реализма, и натуралистов до писателей общества «Сиракаба».
4. Японский романтизм. Большая часть натуралистов в начале своей карьеры были известны как романтические лирические поэты, или по меньшей мере сочиняли романтические стихотворения.

Японский критик и литературовед Ёсида Сэйити во вступлении к своей фундаментальной работе «Изучение натурализма» обозначил позитивизм как основу натурализма. Он перечислил в «Статье о позитивизме» следующие типичные черты образа мыслей характерные для позитивизма: реальное как противоположность выдуманному, нужное как противоположность бесполезному, точность как противоположность неясности, относительность как противоположность абсолюту. Ёсида считал, что позитивистский дух, который развивался в Европе в

течение XIX века и в Японии после реставрации Мэйдзи, характеризует настроения людей и является основой натурализма в Европе также как и в Японии. Ёсида относился не только к литераторам, но и к философам таких представителей направления «сидзэнсюги» как, например, Куникада Доппо, Симадзаки Тосон и Таяма Катая, а также Цубоути Сёё, который был не только литератором, театральным режиссёром, одним из создателей современного японского театра, но и литературным теоретиком, который заложил основу реализма в японской литературе, Фтабатэй Симэй и писателей из кружка Кэньюся, которые пробовали – разными путями – изображать мир в своих работах реалистично. Японский натурализм следует воспринимать как слияние новых техник европейского реализма и натурализма с идеями романтиков. В Европе же романтизм был реакцией на трезвый дух просвещения, а реализм пришёл как реакция на отстранённость от действительности и преувеличения, свойственные романтизму. Таким образом ситуация в Японии была в основе своей иной, нежели в Европе, и вследствие этого, японский натурализм как и его влияние на последующее развитие литературы отличались от европейского.

Идейная основа японского натурализма заключается в стремлении к освобождению индивидуума от внешнего и внутреннего давления, которое было навязано ему обществом, семьёй и другими обстоятельствами. Задача состояла в том, чтобы достичь этого освобождения через личностное освобождение писателей.

Японские писатели предприняли попытку сформировать в литературе реалистичный портрет индивидуума и его непосредственного окружения. Акцент при этом был сделан на понятиях «реалистичный» и «индивидуум». По мнению известного американского учёного В.Ф.Сиб-ли, «натуралисты хотели обнажить отношения индивидуума к обществу как к повелительной силе, но они смогли охватить общественное направление в своих работах только в том объёме, в каком оно прямо влияло на поступок героя их романов». [10, с.158]

Немецкий японовед Оскар Бенл в своей статье «Натурализм в японской литературе» сформулировал отличие японского натурализма от европейского следующим образом: «Японские равно как и европейские натуралисты занимались поисками истины, но в то время как европейские натуралисты исследовали явления социальной жизни, японские натуралисты вскрывали внутренний мир человеческой личности» [9, с.31].

Натурализм имел в Японии раскрепощающий эффект; он освобождал от старых социальных связей и ломал старые идеалы. Японские писатели перенесли своё внимание со стиля на содержание. Задачей нового направления было создать литературу без преувеличения – литературу, в которой описывается только действительность.

Литература перестала быть способом развлечения; теперь она ставила себе целью освобождение индивидуума от традиционных связей и феодальной морали.

Главной задачей в литературной среде стало «воссоздание действительности».

По мнению японского литературоведа Ёсида Сэй-ити японский натурализм имел четыре особенности:

1. Обострённое сознание собственного Я у писателей.
2. Желание писать правдиво как основа метода и цели натуралистической работы.
3. Критика сложившейся в современном обществе системы семьи.
4. Созерцательно-нейтральный взгляд на жизнь и общество [11, с.39].

Можно сказать, что программа «сидзэнсюги» состоит из пяти пунктов:

1. В центре внимания должно находиться описание действительности.
2. Акцент в литературном произведении должен быть сделан на индивидууме, а не на обществе.
3. Реалистичное и объективное описание внутреннего мира индивидуума должно освободить самого писателя и других людей от бременя традиций.
4. Непринятие традиционного семейного уклада.
5. Внимание должно быть обращено уже не на красоту, стиль и форму, а на содержание; упор на будничность или негативные стороны жизни.

Исчез страх перед безобразным и негативным, что и легли в основу описания повседневной жизни. Это

привело к глубокому скепсису ко всем жизненным ценностям и к нигилистической установке.

Литература «сидзэнсюги» позднего периода отличается от «дзэнкисидзэнсюги» и характеризуется наличием специфических черт японского реализма: главное место в ней заняли личные записки и заметки, посвящённые мелким фактам и событиям повседневности, и подробное описание низменных желаний, порождённых биологическими инстинктами. Писателям хотелось в виду собственного эгоцентризма выставлять на всеобщее обозрение свой собственный опыт. Они полагали что лучше всего смогут уловить действительность через описание отдельных переживаний.

Японский натурализм охватывает и прозу, и драму, и лирику. Но он, как было упомянуто выше, отвечал таким требованиям, как открытое, голое описание всех фактов без привлечения фантазии и отказ от всех стилистических тонкостей скорее в прозе, чем и в лирике. В первую очередь натурализм перевернул японский роман. Возможно также именно благодаря натурализму прозаическое искусство считается сегодня в Японии важнейшим видом литературы, хотя в прежние времена главенствующее положение занимала лирика. А поэтому следует теперь сказать о выборе основных проблем, которые затрагиваются в романе.

В.Ф.Сибли выделяет следующие проблемы:

1. Ограничения, которые налагают на индивидуума традиционные семейные отношения: изжившая себя

модель взаимоотношений членов одной семьи, основанных на подчинении младшего старшему, проблема «о-миаи» (お見合い, брак по договорённости), недовольство молодёжи, чьи желания в традиционной системе взглядов второстепенны по отношению к обязанностям в семье.

2. Положение женщины в обществе: проблемы беспомощности женщины, проституция. Сибли считает, что образ женщины в японском натуралистическом романе намного слабее и невыразительнее, чем в западном, и полагает, что это характеризует положение женщины в то время в японском обществе.
3. Изоляция индивидуума в сельской местности и направленное против этой изоляции стремление образованных людей переехать в город. Токио воплощает в себе этот большой город, как символ всего нового, тогда как во французском романе этим городом становится Париж.

Натуралисты призывали обратить внимание уже не на стиль, форму и построение, а только на утверждение содержания, вызывающее радикальное изменение стиля, но естественно не полное его отсутствие, так как любое литературное произведение искусства обладает стилем. Вероятно требования японского натурализма ещё длительное время влияли на литераторов, так как многие практически не уделяли внимания стилю и не обращали внимание на слияние "внешних" элементов художественного произведения, таких как форма и построение с собственно содержанием произведения, а концентри-

ровались едва ли не исключительно на содержании литературного произведения.

Японский язык принято подразделять на разговорный и письменный. Первое требование натуралистов, касающееся стиля, звучит так: принятие повседневного языка, а также разговорного языка в качестве языка литературного произведения. Всё больше во времена доминирования натурализма в литературе стали побеждать лексика и грамматика разговорного языка, правда это реально ощущалось лишь в прозе, в поэзии подобные попытки были ещё робки и нерешительны.

Что же касается композиции работы, у натуралистов возникало мало вопросов, так как они просто представляли действительность такой, какая она есть. «Они не выдумывали сложных действий, а брали события из своей жизни. Единственная проблема, которая стояла перед ними, где должна начинаться история и где заканчиваться». [11,с. 71]

Обобщая вышесказанное можно сказать, что направление «сидзэнсюги» на некоторое время стало главным явлением в японской литературе, и смогло добиться обновления литературы и литературных норм, которые действенны и сегодня. Несмотря на то, что это направление разрушалось индивидуальными толкованиями натурализма, тенденцией к нигилизму, персональным развитием писателей, которые его представляли, политической ситуацией, также как и серьёзной критикой, в своих основных положениях он остаётся жив, став вехой в современной японской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Литература на русском языке:

1. Гривнин В.С. Творчество Акутагава Рюноскэ и развитие реализма в японской литературе 10—20-х годов XX века. автореф. дис. на соиск. учён. степ. док. филолог. наук. М., 1974. 42с.
2. Григорьева Т.П. К вопросу о развитии теории реализма в японской литературе // Японская литература. М.: Исследования и материалы, 1959. 147 с.
3. Григорьева Т.П. Японская литература XX века. М.: Художественная литература, 1983. 416 с.
4. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. 368 с.
5. Идзу Тосихико. История современной японской литературы. пер. с яп., ред., коммент. Конрад Н.И. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 431 с.
6. Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М.: Художественная литература, 1973. 462 с.
7. Смирнова Н.В. Таяма Катай и японский натурализм. Диссертация на соиск. учён. степ. кандид. филолог. наук. Л., 1986. 177 с.
8. Соваж Д. Реалии и натурализме в литературе и искусстве., пер. с фр. Серебряковой А. – М.: Типолитография В.Ф.Рихтера, 1891. 350 с.

Литература на английском языке:

9. Benl O. Naturalism in Japanese Literature. Tokyo: Monumenta Nipponica, Vol.9, 1953. 1-33 p.
10. Sibley W.F. Naturalism in Japanese Literature. Cambridge, Massachusetts: Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol.28, 1968. 157-169 p.

Литература на японском языке:

11. Ёсида С. Сидзэнсюги-но кэнкю, гэкан. Токио: Бунсюн, 1958. 287 с.
12. Кикиути К. Гэндай нихон бунгакукан. Токио: Бунсюн, 1967. 225 с.
13. Фукуда К. Хиханронсю. Токио: Киёмидзу сёин, 1938. 329 с.
14. Хасэгава Т. Хиханронсю. Токио: Иванами бунко, 1988. 235 с.

*Исса Н.Х.,
Восточный факультет СПбГУ*

**Подписи на мечах эпохи *дзэто*
и раннего периода эпохи *кото***

Подпись – это та составляющая в атрибуции меча, которая служит критерием при оценке любых предметов искусств, в том числе и мечей. Очень часто мы можем понять, какого уровня перед нами меч, исходя из наличия или отсутствия подписи. Несомненно, что при атрибуции мечей учитываются многие факторы, начиная с формы самого меча и заканчивая теми или иными дефектами, которые в некоторых случаях могли выдать подделку. Подпись – это своеобразный знак качества, который мастер с гордостью ставил на своей работе.

Из многих определений, данных слову «подпись», на наш взгляд, ближе всего применительно к данному материалу, подходит толкование слова в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф.Ефремовой: «Подпись – это надпись на чем.-л.; собственноручно написанная фамилия под текстом, рисунком и т.п. в подтверждение своего авторства или согласия с чем.-л.»¹. В японском языке слово «подпись» записывается иероглифом «Мэй» (銘), который имеет значение «письменный знак, написанный на предмете». Однако в Китае, откуда

¹<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-50173.htm#efremova>

были заимствованы первые мечи, и в Японии назначение подписи было другим. Подписи на мечах в Китае, по видимому, появились очень давно. Сама подпись ставилась не на хвостовике меча, а вверху в области лезвия, она не обозначала имя или фамилию мастера, как это можно увидеть в большинстве случаев на японских мечах. Подпись была предназначена для выражения особых качеств меча, как то: благопожелания, охранные функции и т.д. Иногда случалось, что на изначально не подписанном мече, подпись ставилась позже, описывая судьбу его владельца. Обычно подпись состояла из двух иероглифов, хотя сохранились известные китайские древние мечи, на которых можно увидеть как длинные подписи, состоящие из 5 иероглифов, так и короткие – всего из одного.

По-другому обстоит дело с подписями на японских мечах. Первый меч с подписью был обнаружен в кургане Этафунаяма, находящегося в провинции Кумамото. Предметы, найденные внутри кургана, а также надписи, в частности на мече, дали ценную информацию о возможном правителе, покоящемся там, и о времени этого захоронения. Возведение данного кургана относят к концу V – началу VI в. Найденный меч представляет собой *сугуто* («прямой меч»), и ему дано название «Гинсакүмэй-тати» (銀錯銘大刀), в подписи которого указывается подробная информация, начиная с того, для кого был выкован этот меч, вплоть до указания имени мастера. Эта инкрустированная серебром подпись, имеет в своем составе около 75 иероглифов. Она выполнена в стиле *кайсё* (стиль, близкий к печатным

знакам) с обеих сторон *омотэ* (внешняя сторона ношения меча) и *ура* (внутренняя сторона ношения меча) на самом теле меча. На стороне *омотэ* подпись начинается с иероглифов «王賜» (досл. «дар правителю»), черты которых выполнены крупнее, чем у остальных иероглифов. Кроме того, бросается в глаза, что интервалы между иероглифами достаточно большие и два вышеуказанных иероглифа размещены выше, чем начало подписи на стороне *ура*, – прием, использовавшийся для подчеркивания уважения по отношению к знатной особе. Надо сказать, что при всей своей развернутости подпись не содержит указания на время создания меча, однако определение времени изготовления не составляет труда благодаря другим вещам, найденным в кургане. Долгое время из-за неправильного прочтения иероглифов этот меч приписывали к императору Хандзэй (411-453 гг.), однако благодаря подписи на мече, найденном в кургане Инарияма в городе Гёда, стало понятно, что «Гинсакүмэй-тати» принадлежал императору Юрякү (480-484 гг.), что, в свою очередь, давало представление о том, на какую обширную территорию распространялась власть правителей Ямато. Несмотря на свою детальность, она до сих пор расшифрована фрагментарно. Меч хранится в Токийском национальном музее и имеет статус «Национальное сокровище» (国宝 «Кокухо»).

Следующий меч, который мы рассмотрим, это меч, хранящийся в храме Ситэннодзи – «Хэйси Сёрин». Как и «Гинсакүмэй-тати» он представляет собой *сузүто*.

Согласно различным источникам древности и устным преданиям этот меч принадлежал принцу Сётоку Тайси. Меч «Хэйси Сёрин», выкованный в VII в., пользовался особой славой, и впервые о нем упоминалось в «Годансё»¹, где приводятся четыре упомянутых иероглифа. Однако довольно длительное время подпись на этом мече указывалась неверно, вместо «丙子椒林劍» («Хэйси Сёринкэн») писали «丙毛槐林劍» («Хэймо Кайринкэн»). Виной тому было неправильная расшифровка этих иероглифов в вышеуказанном сочинении и их дальнейшее копирование другими авторами. Только лишь в эпоху Эдо известный политик и конфуцианский деятель Араи Хакусэки в своем произведении «Размышления об истории развития оружия в нашей стране с древнейших времен до средневековья» указывает на эту ошибку. Подпись «Хэйси Сёрин» инкрустирована золотом, расположена в области *коси*² со стороны *ура* и выполнена в стиле *рэйсё*³. Касательно иероглифов данной подписи существуют различные мнения. «Хэйси» (丙子), скорее всего, является обозначением циклических знаков «Хиноэно нэ». Однако по поводу двух следующих иероглифов тот же Араи Хакусэки в упомянутом произведении с некоторой долей сомнения выдвигает версию, что два

¹ Годансё – Собрание легенд и преданий, рассказанных Оэ Масафуса и записанных Фудзивара Санэканэ.

² Коси – область клинка, касающаяся тела воина при ношении меча.

³ Рэйсё – старинная форма иероглифического письма, характеризующаяся плавностью и широтой линий.

последних иероглифа «Сёрин» (椒林) являются именем мастера. Также говорится о возможности соотнесения этой подписи с подписью китайского мастера, а не японского, исходя из техники нанесения. В «Кэнсин токуто кукэцусё»¹ есть запись о том, что это работа корейского мастера, который выковал и обработал меч по приказу Сётоку Тайси в местечке Кудара, известным тем, что там проживали эмигранты, преимущественно корейцы. Эта запись, в принципе, не лишена смысла, так как известно, что к тому периоду, когда был выкован меч, в Японии уже имелось свое производство мечей, однако еще долгое время знать предпочитала заказывать мечи в Корею из-за все еще более высокого качества последних. Хочется добавить, что, несмотря на свою древность, «Хэйси Сёрин-кэн» на протяжении многих веков находился в хранилище культурных ценностей храма Ситэннодзи не в надлежащем виде: наблюдалась частичная коррозия меча, однако при полировке клинка проступила красивая *хада* («узор стали»). Это еще раз доказывает изумительное качество мечей того времени и того, что подпись на нем стоит не зря.

Говоря об эпохе *дзётто* («мечи древности») нельзя не остановиться на мечах, хранящихся в храме Сёсоин. Помимо подписных мечей, происхождение которых можно отнести к работам китайских и корейских мастеров, в Южном хранилище есть 2 *тати*, использовавшие-

¹ Кэнсин токуто кукэцусё – Сборник устных преданий о жизни Сётоку Тайси, составленный в конце эпохи Камакура.

ся во время обрядовых представлений в храме Тодайдзи с подписями «Буо-тати» (武王太刀) и «Хадзинраку-тати» (破陣樂太刀), от чего они и получили свои названия. Можно предположить, что иероглифы «Хадзинраку» обозначают музыку *гагаку*, сопровождающую танец *бугаку*. Не вызывает трудностей определение времени изготовления этих мечей — все указано в подписи. На стороне *омотэ* «Буо-тати» есть подпись «Тодайдзи», на *ура* — «Буо», а на обухе — «Тэмпё Сёхо¹ 4 год 4 месяц 9 число» (752 г.), что соответствует году церемонии освящения статуи Дайбуцу (Большого Будды) в храме Тодайдзи. На «Хадзин-тати» на внешней стороне — «Хадзинраку», все остальное точно также, как и у «Буо тати». Подписи на этих двух мечах, похоже, выполнены в соответствии с предписаниями, указанными в законодательном кодексе «Тайхорё» (701 г.), где было записано: «На всем оружии должна стоять подпись, выполненная по следующему образцу: год и месяц, когда оно было сделано, и имя ответственного мастера. Исключение может быть сделано лишь для оружия типа лука и стрел, на которых подпись выполнить крайне затруднительно²». В статье о правилах торговли также сказано: «Нельзя выставлять на продажу не качественный товар (будь то подделки и бракованные предметы). На таких товарах, как: ёкогатана, копьях, седлах, лаковых издели-

¹ Года Тэмпё Сёхо — 749-757.

² <http://www.wazamon.jp/mamehyakka/mei-1.html>

ях и т.п., должно стоять имя изготовителя»¹. Согласно этим статьям выходило, что в эпоху Нара должны были быть мечи с указанием имен мастеров, выковавших их, однако на протяжении последующих 200 с лишним лет, начиная с мечей *гёбуцу* («собственность императора») из храма Сёсоин, таких мечей не сохранилось. В последующем сборнике «Энгики» (957 г.) было записано, что на оружие, поставляемое двору, необходимо ставить не фамилию мастера, а фамилию чиновника, для которого оно было изготовлено.

В «Дарственных реестрах» храма Сёсоин значатся еще два драгоценных меча «Кингинсо-но тати» (金銀莊太刀), имеющих статус «Национального сокровища». Несмотря на то, что в «Дарственных реестрах» храма Тодайзи 756 г. есть упоминание об этих мечах, как о двух из нескольких предметов императора Сёму, передаваемых храму императрицей Комё, они считались навсегда утерянными на протяжении 1250 с лишним лет. В конце эпохи Мэйдзи во время реставрационных работ под правым коленом статуи Дайбуцу были обнаружены вышеупомянутые мечи и благодаря анализу, проведенному недавно с помощью рентгена, исследователи смогли прочесть подписи, вырезанные на этих мечах: «Ё-но хокэн» (陽宝劍) и «Ин-но хокэн» (陰宝劍), так называемые мечи «Инь и Янь». Стиль этих подписей *кайсё*, и они инкрустированы золотом.

¹ Там же.

В записях «Об исходящих предметах храма Сёсоин» от 3 года Тэмпё Ходзи¹ можно также увидеть запись о двух драгоценных мечах «Цугита»(?) (次田), «Дайсёи(Оои?)» (大小咋). Остается непонятным, являются ли «Цугита»(?) и «Дайсёи(Оои?)» именами мастеров, или это были названия мечей. Из данной записи также не понятно, были эти подписи вырезаны на самом теле меча или на хвостовике.

В целом, хочется заметить, что из-за небольшого количества сохранившихся мечей этой эпохи, а также утерянных записей в реестрах, довольно сложно говорить о каких-либо отличительных особенностях подписей того времени. А тем более классифицировать их.

Следующей за эпохой *дзётто* следует эпоха *кото* («старые мечи»), которая охватывает период с гг. Тэнгё (938-947) по гг. Бунроку (1592-1596) (это периоды *кото*, *тю-кото* и *суэ-кото*). Конечно же, за такой большой период времени возникло много знаменитых школ и появилось много выдающихся мастеров, которые оставили после себя огромное количество прекрасных мечей. Однако это объемный материал, который невозможно уместить в рамках данной статьи, поэтому мы остановимся на эпохе *кото* (с гг. Тэнгё (938-947) по гг. Бумпо (1317-1319)) в более узком ее понимании и рассмотрим подписные мечи мастеров и школ в еще более узкий отрезок времени, а именно – ранний ее период. И

¹ Года Тэмпё Ходзи – 757-765.

начать, несомненно, необходимо с мастера Охара Ясуцуна (середина эпохи Хэйан) из провинции Хоки, подпись на мечах которого считается самой ранней. Самый известный меч этого мастера знаменитый «Додзигири» (童子切), названием для которого, согласно преданиям, послужило событие, когда великий военачальник Минамото Ёримичу (середина эпохи Хэйан) отрубил голову демону Сютэн Додзи, обитающему на горе Оэ в провинции Тамба. На стороне *омотэ* мы можем увидеть два иероглифа «Ясуцуна» (安綱). Считается, что этот *тати* был изготовлен в конце эпохи Хэйан. Сейчас он хранится в Токийском национальном музее и имеет статус «Национальное сокровище». На остальных принадлежащих его работе мечах стоит подпись из тех же двух иероглифов. У его сына Охара Санэмори мы можем увидеть более развернутую подпись: «Хоки Охара Санэмори» (伯耆大原真守), «Охара Санэмори» (大原真守) и «Санэмори цукуру» (真守造). Его подпись выглядит более выписанной, чем у отца, в подписи которого, например, верхний элемент иероглифа «Ясу» (安) вырезан не в виде ключа «^一», а в виде иероглифа «十», а иногда можно увидеть подпись, вырезанную с сильным наклоном вправо. К школе Ясуцуна относятся также мастера Ясуиэ и Арицуна, в подписях которых указано только два иероглифа имени.

После Ясуцуна, который, безусловно, являлся величайшим мастером раннего периода эпохи *кото* и оказал влияние на последующих мастеров не только провинции Хоки, но и других провинций, следует упомя-

нуть о знаменитом мастере Сандзё Мунэтика (эпоха Хэйан) из провинции Ямасиро, работе которого принадлежит один из «пяти мечей Поднебесной» – «Мэйбуцу Микадзука Мунэтика» (名物三日月宗近), на стороне *ура* стоит подпись из двух иероглифов «Сандзё» (三条). Этот *тати* также имеет статус «Национального сокровища» и хранится в Токийском национальном музее. Сохранилось очень мало работ этого мастера, но по ним мы можем увидеть, что у Мунэтика было два вида подписи: «Мунэтика» и «Сандзё». Если первая вырезана на мечах *гёбуцу*, то вторую можно увидеть на мечах, хранящихся в храме Найгутаися.

К школе Мунэтика принадлежало четыре мастера Ёсииэ, Канэнага, Кунинага и Аринару. У каждого из них в подписи обычно значилось два иероглифа. Имена Канэнага и Кунинага предваряли иероглифы Годзё (五条), по названию местности, где они жили и работали. При атрибуции мечей Ёсииэ, считающегося сыном Мунэтика, который вырезал «Ёсииэ-саку» (吉家作), могут возникнуть определенные трудности в связи с тем, что аналогичная подпись была у Ёсииэ Итимондзи. Годзё Кунинага, который приходился сыном Годзё Канэнага и учеником Сандзё Мунэтика, есть известный меч под названием «Мэйбуцу Цурумару» (名物鶴丸), являющийся, без сомнения, украшением всех его работ и находящийся в собственности императорской семьи. Хотя его работ сохранилось мало, но благодаря им мы можем узнать, что Канэнага работал в провинции Аватагути: «Аватагути Торидэн(?)_Кунинага-саку» (粟田口等利伝国永作).

Ко-Бидзэн – это термин, обозначающий мечи или мастеров провинции Бидзэн в период с годов Тэнгё (938-947) до годов Гэнряку (1184-1185), который, судя по биографиям известных мастеров того времени, длился дольше. К школам Ко-Бидзэн относились следующие мастера Томонари, Цунэмицу, Масацунэ, Санэцунэ, Канэхира, Сукэканэ, Мицутада, Юкихидэ. Масацунэ, Санэцунэ, Ёсиканэ, Юкихидэ и Мицутада в подписи обычно вырезали два иероглифа имени. У мастера Томонари было несколько подписей: «Томонари» (友成), «Томонари-саку» (友成作), «Бидзэн-куни Томонари» (備前国友成), «Бидзэн-куни Томонари-цукуру» (備前国友成造). Иероглиф «Томо» (友) написан в стиле *гёсё* («полускоропись»), на некоторых работах подпись вырезана с наклоном влево. В описываемую эпоху существовало семь подписей «Масацунэ» (正恒), поэтому говорили о семи Масацунэ, а именно: пять мастеров из Ко-Бидзэн, один из Ко-Аоэ и один из Цукуси. Без сомнения, сложно атрибутировать мечи с одинаковыми подписями. Необходимо учитывать при экспертизе все, что может быть связано с авторством того или иного мастера. Это и форма меча, и тип *хада*, *хамон* и т.д. На протяжении жизни подпись мастера зачастую менялась по стилю и манере исполнения. Поэтому существуют определенные сложности с сопоставлением большого количества мечей, дошедших до наших дней, с тем или иным Масацунэ. Аналогично обстоит дело с мастером Нобуфуса, так как мастер с таким же именем и подписью работал в школе Итимон-

дзи. Подпись состояла из трех иероглифов – «Нобуфуса-саку» (信房作). Хотя школа Ко-Бидзэн и школа Итимондзи были взаимосвязаны и можно было бы предположить, что это один и тот же мастер, однако в настоящее время считается, что это два разных мастера, принадлежащих к двум разным школам.

На протяжении эпох Хэйан и Камакура работало 3 или 4 мастера по имени Сукэканэ (助包) с совершенно одинаковыми подписями, за исключением размера иероглифов в подписи. Поэтому при атрибуции принято рассматривать мечи с подписями иероглифами среднего размера как самые старые, с иероглифами крупного размера – относящимися к той же школе, но чуть поздней, а с мелко вырезанными иероглифами – к более позднему периоду. Сукэканэ обычно вырезал подпись либо из пяти иероглифов «Бидзэн-но куни Сукэканэ» (備前国助包), либо из двух (助包).

У Канэхира, являющегося одним из трех мастеров, в именах которых стоял иероглиф «Хира» (平) (Ко-Бидзэн сампира¹), есть знаменитый меч «Мэйбуцу О-Канэхира», имеющий статус «Национального сокровища» и хранящийся в Токийском национальном музее. Примечательно, что на этом *тати* стоит длинная подпись – «Бидзэн-но куни Канэхира саку» (備前国包平作), хотя обычно он вырезал короткую «Канэхира» (包

¹ Ко-Бидзэн сампира 古備前三平 — три знаменитых мастера мечей школы Ко-Бидзэн конца эпохи Хэйан, в состав имен которых входил иероглиф «хира» (平): Такахира, Сукэхира и Канэхира.

平). Согласно некоторым источникам он также вырезал подпись «Кавати Хата Канэхира» (河内秦包平).

Школа «Ко-Аоэ» является предшественницей школы «Биттю Аоэ», мастера которой прославились в эпоху Камакура. Ее основателем считают Ясуцугу, с ним вместе работал его сын Морицугу. Так как работ Ясуцугу не сохранилось, о стиле мечей школы раннего периода мы можем судить по работам его сына. Подпись, состоящая из двух иероглифов «Морицугу» (守次), на его мечах разнятся: одни вырезаны в стиле *кайсё*, другие – в стиле *сосё* («скоропись») с сильным наклоном влево. Если исходить из того, что изменения подписи свойственны раннему периоду работы мастера, тогда можно заключить, что первый стиль относится к его ранним работам, а последняя – к более поздним.

Следующий мастер, о котором стоит упомянуть, Миикэ Мицуюэ, мастер, живший и работавший на Кюсю. Его меч, известный под названием «Мэйбуцу О-Дэнта» (名物大典田) входит в число «пяти мечей Поднебесной». На нем стоит подпись «Мицуюэ-саку» (光世作), и он имеет статус «Национального сокровища».

В провинции Бунго работала еще два прославленных мастера ранней эпохи *кото* Тёэн и Дзёсю (Садахидэ). На одном из *танто* Тёэн можно увидеть подпись «Тёэн», «Сэнсю бандзай» (長円、千秋万歳 – перевод «Тёэн», «Желаю долгих лет жизни!»), хотя, как правило, он подписывался двумя иероглифами имени. У Дзёсю больше вариантов подписи: «Дзёсю (Садахидэ)»

(定秀), «Бунго-но күни со Дзёсю (Садахидэ)» (豊後国僧定秀), «Бунго-но күни со Дзёсю (Садахидэ)-сакү» (豊後国僧定秀作). Наличие в подписи иероглифа «Со» (僧) – монах, подтверждает версию о том, что он был монахом с горы Хикосан и являлся учителем известного мастера Юкихира из той же провинции. Однако есть и другая версия, что он был учеником Юкихира. Такая путаница, вероятно, вызвана схожестью стилей этих двух мастеров, что, в принципе, можно сказать и о подписях. Но при детальном изучении посредством сопоставления подписей можно отметить незначительные расхождения, кроме того, среди работ Дзёсю есть *хоримоно* (гравировка) в виде «Күрикара» (дракона, символизирующего Фудо-мё) в области *коси*, считающаяся самым старым *хоримоно* среди именных подписных работ. Подпись мастера выполнена в стиле *кайсё*, иероглифы вырезаны глубоко и выглядят широкими.

Последняя школа, о которой бы хотелось сказать, это школа Наминохира. По преданиям основателем школы был мастер Масакуни, который переехал во время годов Эйэн (987-989) из Ямато в местечко под названием Наминохира провинции Сацума, однако ни одной работы этого мастера не сохранилось. Его сыном считается Юкиясу, имя которого передавалось из поколения в поколение и дошло до наших дней. Он подписывался «Наминохира Юкиясу» (波平行安). Подпись его была выполнена в стиле *кайсё* слегка размашисто. У второго представителя данной школы, который относится к боковой ветви этого рода, Юкимаса, есть тати, где

вырезана дата «Хэйдзи ганнэн» («1 год Хэйдзи¹»). Эта подпись состоит из двух иероглифов «Юкимаса» (行正).

Если подводить итог всему вышеизложенному, хотелось бы сделать следующие выводы:

1. Мечи эпохи *дзэто*, в основной своей массе, не содержат в подписи указания имени мастера. за исключением «Гинсакүмэй-тати», в связи с чем, представляется достаточно трудным задача соотнесения их с каким-либо конкретным мастером. Однако зачастую мы можем увидеть в них датировку. благодаря которой мы можем понять в какое примерно время, а иногда совершенно точно в какой год, как в случае с «Буо-тати» и «Хадзинраку-тати», был создан тот или иной меч. Подписи служат, в основном, для передачи названия меча.
2. Несмотря на то, что в 701 г. кодексом «Тайхорё» был регламентирован состав подписей на оружии, в частности, на мечах, на протяжении долгого времени, почти 200 с лишним лет, не встречается мечей, на которых бы стояли подписи в соответствии с этими указаниями. Понятно, что на оружии, предназначенном для императора и знати и которое имело больше декоративное назначение, не должна была стоять подпись мастера, однако на оружии, предназначенном для военных целей, она была необходима. Первый меч с подписью «Хоки-но Ясуцуна» относит-

¹ Года Хэйдзи — 1159-1160.

ся приблизительно к годам Эйэн (987-989 гг.), но она не содержит указания годов.

3. На мечях раннего периода эпохи *кото* в большинстве случаев стоят подписи, состоящие из двух иероглифов имен мастеров. Хотя некоторые мастера подписывались более длинной подписью, состоящей из названия провинции, имени мастера и иероглифа, обозначающего глагол «делать, изготавливать», что значительно облегчает атрибуцию мечей, хотя, конечно же, здесь есть свои сложности, связанные со схожестью имен и манерой нанесения подписи, определенных дефектов вследствие ударов или коррозии, подделок и т.п. Указание имен и провинций мастеров помогает также в установлении хронологии, изучения стилей мастеров и школ по всей Японии.
4. Уже в более позднее время на мечях мастеров вышеописанных школ и новых школ можно увидеть пространственные подписи, из которых мы можем понять: откуда мастер был родом, где он жил и работал, куда он переезжал, иногда можно определить точную дату смерти, сколько ему было лет на тот или иной период времени, сколько у него было имен за всю его жизнь и т.д. Обо всем этом хотелось бы рассказать подробнее, но, к сожалению, это невозможно сделать в рамках данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. СПб., Атлант, 2003.
2. Большой японско-русский словарь / Под ред. Н.И. Конрада. В 2-х т. М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970.

3. 藤代義雄 (Фудзисиро Ёсио), 藤代松雄 (Фудзисиро Мацуо). 日本刀工辞典 古刀編. — 藤代商店. 1965.
4. 本間順治 (Хомма Дзюндзи). 日本古刀史 . — 日本美術刀剣保存協会. 1958.
5. 大名家秘蔵の名刀展. 東京:猪瀬印刷株式会社, 2010.
6. <http://lunabura.exblog.jp/15365933/>
7. <http://www.wazamon.jp/mamehyakka/mei-1.html>
8. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-50173.htm#efremova>

*Климов А.В.,
Восточный факультет СПбГУ*

**Остров Сахалин
в дневниковых записях МАЦУДА Дэндзюрō**

«Рассказы о северных эдзо» (дословный перевод «Хокуидан 北夷談») представляет собой описание островов Сахалина, Кунашира, Итурупа, Хоккайдо, то есть земель эдзо, находящихся к северу от Японии. Автором является Мацуда Дэндзюрō 松田伝十郎 (1769-1843), который в дневниковых записях «Рассказов» зафиксировал все то, чему был свидетелем. Родился он в провинции Этиго 越後国, ныне это префектура Ниигата 新潟県. Детское имя Кōтарō 幸太郎. В 1772 г. его отец скончался. Кōтарō было тогда 4 года. Мать, оставшись с двумя детьми, рада была любой работе. Мальчик рос в бедности, но был очень крепким. В возрасте 13 лет перебрался в Эдо, стал приемным сыном чиновника бакуфу Мацуда Дэндзюрō и получил имя Дзиндзюрō 仁三郎, потом же стал называться Дэндзюрō, как приемный отец. В 1799 г. (11-й год эры Кансэй 寛政 11年) в возрасте 30 лет по приказу военного правительства отправился в земли эдзо. В 1808 г. (Бунка 文化 5年) он, в сопровождении Мамия Риндзō 間宮林蔵 (1775-1844), перебрался через пролив Соя, разделяющий ныне остров Хоккайдо и Сахалин, и отправился в экспедицию по Сахалину. Первоначально Мамия Риндзō отправился в экспедицию по восточному берегу, потом вернулся, направился по западному берегу и с опозданием на три дня достиг той точки, где уже был Мацуда и записал в отчете: «без

сомнения это остров». Среди японцев именно Мацуда был первым, кто, продвигаясь по западному берегу, убедился, что Сахалин является островом. Мамия же после этого в 1809 г. (6-й год эры Бунка) повторно отправился в экспедицию, перебрался через узкий пролив, высадился на материк и окончательно убедился, что Сахалин является островом. Благодаря Филиппу Францу фон Зибольду (1796-1866) его экспедиция стала известна на Западе. Зибольд даже назвал узкую часть моря, отделяющую остров от суши, проливом Мамия. На протяжении 24 лет Мацуда, выполняя служебные задания, занимался сбором информации по землям эдзо. Причем 19 лет из 24-х Мацуда непосредственно пробыл там. После отставки он все, что видел своими глазами, и все, что ему сообщили, обобщил в сочинении, состоящем из семи тетрадей.

Даже в Японии его имя мало кто знает. У всех специалистов на слуху имена Могамы Токунай 最上徳内 (1755-1836), Кондо Дзюдзō 近藤重蔵 (1771-1829) и Мамия Риндзō. Поэтому и на Западе его имя малоизвестно. Достаточно сказать, что до сих пор нет перевода его труда на другие европейские языки. Мацуда был в 1799 г. направлен в земли эдзо чиновником военного правительства в должности эдзоти торисимэ го-ёгакари 蝦夷地取締御用掛, что значит в условном переводе: «исполняющий обязанности чиновника военного правительства по контролю за землями варваров». Введение такого поста было связано с тем, что военное правительство ввело прямое

управление землями клана Мацумаэ и прилегающих земель эдзо. С этим связана и командировка Мацуда на север. В 1822 г. (5-й год эры Бунсэй 文政) прямое управление было отменено, и земли эдзо были вновь переданы под контроль клану Мацумаэ.

Рукопись, написанная самим автором, либо не сохранилась, либо до сих пор еще не обнаружена. Известны два текста, дошедшие до нас. Один хранится в парламентской библиотеке (коккай тосёкан), другой в Национальном архиве (кокуруцу ко:бунсёкан), ранее в отделе рукописей библиотеки кабинета министров (найкаку бунко). Последний текст опубликован в собрании источников, изданных в печатном варианте под названием «Нихон сёмин сэйкацу сирё сёсэй», т.4¹. Его и взяли за основу исследования. В сжатой форме постараемся изложить основные события, которые описаны Мацуда. Топонимы приводим в японской транскрипции, поскольку, во-первых, не все они сохранились и, во-вторых, нет уверенности, что можно всем им найти русские соответствия.

В третьей тетради Мацуда рассказывает о своем морском путешествии на земли Даттан 韃靼地 в глубине острова Карафуто, т.е. Сахалин. Ему было приказано установить границу земель, находящихся под японским

¹ Мацуда Дэндзюро 松田伝十郎. Хокуидан (北夷談 = Рассказы о северных эдзо). // Нихон сёмин сэйкацу сирё сёсэй (日本庶民生活史料集成 = Собрание исторических материалов о жизни простого народа Японии). В 10 т. Т. 4. Токио, 1969. С.77-175.

управлением. Он отправился на судне из Соя. После того, как прибыл в селение Сирануси シラヌシ, продолжил экспедицию, двигаясь вдоль западного берега. Достигнув мыса Ракка, он убедился, что Сахалин является островом.

В 1807 году по приказу военного правительства все западные земли эдзо отошли под управление бакуфу. В 1808 году Мацуда был отдан приказ отправиться на Карафуто. Стоял вопрос об обеспеченности провиантом экспедиции. Если отправиться на большом судне, то мало свободы в действиях. Если на малом судне, то много продуктов не возьмешь. Поэтому помимо всего прочего взяли сушеной рыбы, чтобы можно было совершить экспедицию за несколько месяцев. Цель экспедиции — исследовать внутренние районы острова, а также установить: Карафуто — это остров, или соединяется с материком. По этому вопросу, отмечает Мацуда, была полная неясность. Кроме того, японцев беспокоили слухи, исходящие от айну, что обязательно придет большой русский корабль на Карафуто. И Мацуда опасался, что если встретится с иноземным кораблем на маленьком судне, то его возьмут в плен. Из obsługi никто из японцев по разным причинам не мог сопровождать Мацуда. В провожатые он вынужден был взять крепких айну.

В 4-ю луну 13-й день (8 мая 1808 г.) при попутном ветре вместе с Мамия Риндзō отправился из Соя на Карафуто. В тот же день высадились на берег в местечке Сирануси. Там была у японцев контора и

сторожевой пост, а также 5 домов местных жителей. Все жители Сирануси вышли на берег их встречать. По морю Мацуда и Мамия проделали путь расстоянием 18 ри (70 км 686 м). Никто из жителей Сирануси не мог ответить на вопросы, каким маршрутом лучше идти вглубь острова и какая там сейчас обстановка. Не могли определиться каким берегом пойти: то ли западным пойти, то ли восточным. Дэндзю̄рō поплыл на лодке вдоль западного берега. А Риндзō — вдоль восточного. Проплыв на утлом судне около 13 ри (50 км 941 м), Мацуда дальше не смог продвигаться из-за того, что ветер нагнал высокую волну. И вынужден он был остановиться на песчаном безлюдном берегу в местности под названием Атоятаннаэ.

Из-за поднявшейся волны он задержался на три дня и отправился в поселок рыбного промысла под названием Тоннаэ. Там был сторожевой пост и восемь домов аборигенов. Большой населенный пункт для этих мест. Он решил выбрать себе из местных жителей провожатых. Мацуда хотел выяснить, какая ситуация в глубине острова. Он собирался пойти в место под названием Борокотан. Местные жители его предупреждали, что в глубине острова живут ульта (люди сантан 山韮人), нивхи (сумэрэгуру スメレングル), ороки (ороко-дзин ヲロコ人) и что они крайне опасны.

Тем не менее, он на лодке покинул Тоннаэ и отправился в Томарихō. Там он увидел место ловли рыбы, склад рыбы и четыре дома аборигенов. Там тоже находился пост, Мацуда остановился на посту. Охран-

ники следили за выловом сельди (нисин) и тихоокеанской трески (тара). Японцы, несущие службу на посту, сами не были в глубине острова.

Путешествуя, Мацуда делал зарисовки гор, жилищ, северных оленей (тонакай), собачьей упряжки, которая тянет вдоль берега лодку, собачьей упряжки с санями, похожими на нарты. А также он четко обозначил карту береговой линии с рекой, горами и поселением. Представляют интерес зарисовки могил двух русских, убитых русскими же. На рисунках представлены разные типы построек, лук, стрела, колчан, курительная трубка кисэру, музыкальный инструмент сямисэн, конусообразная матерчатая шляпа, лодка, портреты аборигенов, кормление собак, три собаки на привязи.

Мацуда описывает нравы, жизненный уклад и привычки местных жителей. Они отличались от тех айну, что жили на берегу в селениях, где располагались сторожевые посты японцев. В частности, нивху (сумэрэгуру) использовали собак, а ороки (ороко) – северных оленей (тонакай). Они использовали их для перевозки багажа и вещей. Северные олени по размеру были как японские лошади. Только вызывали страх своими рогами. Но когда они были накормлены, то вели спокойно и были безопасны. Нивхи, проживающие в глубине острова, использовали собак. В каждом доме их было от 20 до 40. Летом их использовали для того, чтобы тянуть вдоль берега лодки, а зимой – сани, или как написал Мацуда снежную повозку 雪車. Мацуда пытался сам управлять собаками и отмечает, что для этого нужна

тренировка. Каждый день весь пройденный путь он тщательно фиксировал и указывал, какое расстояние им было преодолено. Также он записывал, какие травы растут в той или иной местности. Он отмечал, что много леса, но хороших пород деревьев не так много. Также он фиксировал качество питьевой воды и указывал, где брал воду. В частности, в местности под названием Ванрай плохого качества была вода и в реке и в водоемах, пытались даже копать колодец глубиной 5-6 сяку (151,5 – 181,8 см), но вода была красного цвета, и запах у нее был плохой. Поэтому не могли пить такую воду. Рис, приготовленный на такой воде, приобретал цвет чая и плохо пах. Словами этого не описать. А местные жители с малолетства пользуются этой водой, и не видно было, что от нее страдают. Продвигаясь все дальше на север, Мацуда убедился, что Сахалин является островом.

В 19-й день 6-й луны (12 июля 1808 г.) установился штиль, Мацуда перебрался через бухту и оказался в местечке под названием Накко. Отсюда до места, где проживают люди ульта (сантан), очень близко. Оставив лодку у берега, он пешком прошел до мыса Рака. И здесь он окончательно убедился, что Карафуто это остров. Мацуда записал в своих «Рассказах»: отсюда начинается Великая Япония, считая это место границей японских владений. Он зарисовал это место: на горизонте гора, мыс, на котором виднеются хижины, пролив и море. После этого вернулся в Накко.

Мацуда отмечает, что с древности ульта (люди сантан) каждый год прибывали морем в Сирануси в южной части острова Сахалин, вели торг с айнами, проживавшими там, либо даже прибывали в Соя на Хоккайдо ради торговли с ними. Их маршрут пролегал из мест проживания ульта (народа сантан) в местечко Нотэто, а оттуда вдоль берега по морю в Сирануси. В том, 1808 г., 10 человек айну на двух лодках пересекли море в Манчжурию и прибыли в место Дэрэн. Там они торговали через маньчжурского чиновника. Продали различные меха, а приобрели рис и чумизу.

Мацуда говорит, что этот остров называют Карафуто. Но этимология слова неизвестна. Никто из местных жителей не мог ответить ему на вопрос, почему так назвали остров. Айну (夷人), живущие в удаленных районах, называют этот остров Сирунбайно, а ульта (люди сантан 山靺夷) называют Сирунмосири. Из этого явствует, заключает Мацуда, что название этого острова – Сирун. Далее Мацуда говорит о том, с древности дом Мацумаэ начал просвещать аборигенов, проживающих на островах, а аборигены этого острова прибывали морем в Соя и привозили хлопчатобумажные ткани, сапфиры (青玉 сэйгёку), курительные трубки, торговали мехами выдры, лисицы, енотовидных собак. А также они носили одежды ульта (народа сантан) и одеяния инородного производства. Смотря на эти одежды, чиновники японские и самураи стали их называть китайцами, то есть карабито 唐人, на диалекте Мацумаэ хито произ-

носится как футо, иными словами карафуто. Так и стали называть остров.

Далее Мацуда подробно описывает одежду и быт аборигенов.

На острове, пишет Мацуда, еще не обнаружили гор с золотоносными жилами, из которых можно было бы добывать золото. Так же нет гор, в которых можно было добывать серу (硫黄 иō). От Сирануси до Сияуэни много в море обитает крабов. Они отличаются от тех, что водятся на основной части страны, клешни гораздо длиннее. Размером 1 сяку 5-6 сун (45,45 – 48,48 см). Размером с большой круглый поднос. Мацуда с аппетитом ел таких крабов, по вкусу они отличаются от тех, что водятся у берегов Японии. От моря вглубь острова много комаров. Однако досаждают они только в дневное время суток, ночью их нет. Много ворон, даже где нет жилищ людских, их можно встретить. Воробьи еще не перебрались на этот остров. Во всяком случае, Мацуда их не заметил. Он видел, как ранней осенью на перелете с севера прилетают дикие гуси, а весной возвращаются через Сахалин в северные земли. Он слышал, что в местности Тотэ в глубине острова они гнезятся летом и выводят птенцов. Уток много в местности Нотэто и летом, и зимой, здесь же они выводят утят. Очень много было слепней. Есть насекомые, которых нет, по его словам, на основной территории Японии. В глубине острова водится много диких медведей. Мацуда, когда останавливался во временной

избушке типа шалаша на берегу моря, часто видел рядом с шалашом бродящих медведей.

По словам Мацуда, в последние годы вассалы (кэрай) дома Мацумаэ с экспедицией бывали в глубине острова, они доходили до Порукотан. Дальше никто из японцев никогда не был. Ныне же впервые, как он пишет, с сотворения мира, Мацуда достиг этих мест. Никто из аборигенов в этих местах никогда до этого не видел японцев.

Есть любопытная запись от 17-го дня 5-й луны (10 июня 1808 г.). Мацуда записал слова японца, который сопровождал его, когда они плыли вдоль берега по воде, полностью заполненной сельдью: «Жалко. Пересекаешь на лодке этот косяк сельди – и такое ощущение как будто ступаешь по золотым монетам кобан». Этим же днем помечена еще одна интересная запись. Когда пятеро русских (на языке айну нутя) пришли откуда-то из глубины острова в местечко под названием Мосирия, то у них вспыхнула драка. Двоих застрелил (утикороси) их приятель, потом он сам себе привязал к шее камень веревкой, прыгнул в воду и умер. Тела двух убитых похоронили в Мосирия. И сейчас стоят на месте захоронения как памятные знаки столбы (на рисунке двое в форме буквы «П» покосившихся деревянных ворот одни за другими). Из двух оставшихся русских — один в качестве компенсации за учиненный вред нивху (людьми сумэрэнгуру) привел к себе от них женщину. Поселился в месте под названием Усиёро. На следующий год из внутренних районов

пришли нивхи (сумэрэнгуру), убили его копьем и забрали с собой женщину. Оставшегося одного русского звали Иваном (Ивано イワノ). Как-то он пошел в место под названием Тоннай. На обратном пути он в Воцутиси был убит, говорят, нивхами (сумэрэнгуру). Этот рассказ Мацуда слышал от Тоёцутано и других айну (夷人), живших в Мосирия. Это было лет 17-18 тому назад. Далее идет описание похорон у представителей разных народов.

Лодки делали айну из сосны пятилистной (гоё мацу 五葉松). Использовали только деревянные гвозди. Трудно в нее садиться при волне или ветре. На воде становится не очень устойчивой. Для передвижения на лодке использовали ездовых собак, которые тянули лодку, передвигаясь по берегу. А зимой этих же собак использовали, запрягая в нарты. Наконец, Мацуда вернулся в Сирануси, где японцы расположили для охраны небольшой гарнизон. А оттуда вместе с Мамия Риндзō на лодке вернулись на Хоккайдо в Соя в 20-й день дополнительной 6-й луны (13 июля 1808 г.). Там они обнаружили, что предприняты дополнительные меры безопасности, усилен гарнизон. Караульные следили постоянно за передвижением судов на море. Это все было предпринято из-за того, что русское суда под командованием Николая Александровича Хвостова (1776-1809) и Гавриила Ивановича Давыдова (1784?-1809) недавно побывали в этих местах. По прибытию Мацуда подробно доложил о результатах экспедиции на остров Сахалин. Потом он изложил все в письменной форме. Отчет же Мамия

Риндзō был признан недостаточным, и ему был отдан приказ еще раз обследовать остров Сахалин несколько позже. Мацуда же из Соя отправился в Мацумаэ. Здесь ему было предложено представить в схемах, картах места, которые он посетил. Вместе с вышестоящим начальством, отчетом и схемами-рисунками в 22-й день 9-й луны (10 ноября 1808) отправился в Эдо из Мацумаэ. Прибыл в Эдо в 19-й день 10-й луны (6 декабря 1808). Начерченные им карты и отчет просмотрели высшие чины военного правительства (го-рōдзю 御老中 и вакадосиэри 若年寄). В 27-й день 12-й луны (6 декабря 1808 г.) его усилия в установлении границы с иноземцами на острове Карафуто были отмечены: Мацуда получил в качестве вознаграждения 10 золотых рē.

В четвертой тетради описывается служебная командировка на остров Сахалин в место под названием Кусюнкотан в бухте Анива. На Мацуда была возложена обязанность контроля за торговлей ульта (людьми сантан 山韃人), сопровождая их в морских поездках на материк.

В 22-й день 2-й луны 6-м года эры Бунка (6 апреля 1809 г.) Мацуда получил новое назначение и отбыл из Эдо. По пути он совершил паломничество в святилище Никкō Тōсэгү, где похоронен основатель династии сёгунов из дома Токугава. В 18-й день 3-й луны (2 мая 1809) прибыл в Мацумаэ на острове Хоккайдо. В 17-й день 4-й луны (30 мая 1809) отправился на судне на остров Карафуто. В 19-й день

той же луны (1 июня) вошли в гавань Соя на северной оконечности острова Хоккайдо. Погода была неблагоприятной, и пробыли в Соя до 28-го дня (10 июня). А 29-го дня той же луны (11 июня) направились в Кюсюкотан. Там несли службу самураи из клана Цугару. Недавно здесь побывало иноземное судно (то есть Хвостов и Давыдов), и взяли в плен самураев, несших службу. Теперь же сделано крепостное укрепление, на стенах которого клан Цугару разместил пушки на тот случай, если опять здесь появится иноземный корабль. Во всех местах предполагаемой высадки моряков с русского корабля размещены гарнизоны. Из Кусюкотан Мацуда направился в Сирануси.

Прибыв в Сирануси, Мацуда занялся проблемами торговли между аборигенами. Ульта (люди сантан) издавна приезжали в Сирануси и привозили помимо хлопчатобумажных тканей, перьев орла и сапфира (сэйгёку 青玉), также повседневные вещи для айну (夷人). Айну, проживавшие на Сахалине, по установившейся традиции продавали айну в Соя на Хоккайдо, меха. Со времени, как пишет Мацуда, когда айну с обоих островов попали под управление клана Мацумаэ, у них рос долг из-за торговли с улта (людьми сантан). Последние каждый год, появляясь в Сирануси, требовали возвращения долга у айну, а у них не было возможности погасить долг. Ульта (люди сантан) стали настойчиво требовать погасить долги, перешли к противоправным действиям. Каждый год стали возникать ссоры, беспорядки. И если все оставить как есть и ничего не пред-

принимать, считал Мацуда, то все это в ближайшем будущем может привести к массовым беспорядкам. Мацуда в письменной форме изложил способ урегулирования проблемы. Он предложил, когда придут ульта (люди сантан), организовать встречу тех, кто дал в долг, с теми, кто взял в долг, в присутствии свидетелей этих сделок. Уточнить размер долгов. Заставить айну вернуть своими силами ту часть, которую они в состоянии погасить, оставшуюся часть оплатят японские чиновники по статье расходов военного правительства. В качестве замены письменной расписки, свидетельствующей получение остатка долга, у каждого аборигена из племени улты (сантан) возьмут отпечаток руки на бумаге с написанием на ней имени каждого из них. После того, как вернут эти земли под управление клана Мацумаэ, передать чиновникам Мацумаэ коробку, в которой будут храниться эти расписки.

Очень трудно было установить размеры долгов, потому что письменно они не фиксировались из-за безграмотности аборигенов. Каждый из них полагался только на свою память. И особенно все запутывалось, когда возвращался долг частями, а одна из сторон не могла (или не хотела) вспомнить факта существования какой-то части долга. Поэтому и надо было сделать очную ставку в присутствии свидетелей. Присутствующие переводчики письменно все фиксировали на бумаге, чтобы в дальнейшем избежать ошибок. Очень сложная была проблема, потому что ни одна из сторон не имела явных доказательств. И бывало так, что с появлением улты (сантан), айну разбежались, прятались

в горах до тех пор, пока ульта (сантан) не отплывали на своих лодках. Бывало так, что раздосадованные ульта (сантан) в отсутствии айну входили в их жилища, забирали в счет долга домашнюю утварь или то, что имело хоть какую-то стоимость. Конфликты доходили до применения лука, стрел и холодного оружия.

Мацуда отмечает, что в 6-ю луну 6-го года эры Бунка (6-я луна с 13 июля по 10 августа 1809 г.) был издан указ, провозглашавший, что отныне остров Карафуто следует называть «местом северных эдзо» (кита эдзоти 北蝦夷地). С наступлением осени и предстоящими холодами служилые люди дома Цугару стали спешно готовиться к отплытию и возвращению домой. До этого года никто из чиновников-японцев не оставался на острове. В качестве эксперимента в 1809 г. остались перезимовать семь человек из низкоранговых самураев от клана Цугару. А также остались Мацуда Дэндзюро и еще пять человек, представляющих чиновников военного правительства. Зимой они находились в Сирануси. Мацуда, живя на острове Сахалин в зимнее время, на своем опыте смог убедиться, насколько незаменимы были собаки для аборигенов. мех собак хорошо согревал и был гораздо практичнее меха других животных. Ездовые собаки зимой с большой скоростью тянули санки, летом — лодки. Он приводит подробные описания зимнего жилища айну, которое находилось, как правило, на некотором удалении от морского берега. Новый год Мацуда встречал в Кусюнкотан в летней хижине. Это был неприятный опыт. Неописуемый был холод. И хотя он взял с собой жаровню, невозможно

было уснуть. К утру внутренняя часть хижины вся покрылась белым инеем. В зимних жилищах было неуютно, без движений и прогулок на воздухе ухудшалось самочувствие, болела голова.

В этом году (Бунка 5-й год — 1808 г.) Мамия Риндзō по приказу бакуфу обследовал весной остров, в 9-ю луну (с 20 октября по 17 ноября 1808 г.) вернулся в Сирануси. Он отправился морем в Соя на острове Хоккайдо, но уже было так холодно, что из-за ледовой обстановки люди сопровождающие его не смогли вернуться в Сирануси. Только весной в 3-ю луну следующего года (с 15 апреля по 13 мая 1809 г.) они вернулись и сообщили Мацуда, что Мамия благополучно добрался до Мацумаэ.

Мацуда встретил Новый год в Кусюнкотан, пробыл там пять дней, а потом на собаках вернулся в Сирануси. По мнению Мацуда, зима на Сахалине более суровая, чем на Итурупе, относящемся к восточным землям эдо, где он зимовал уже. Прибрежные воды сковывает льдом. В селении под названием Тонкэйкэси, что в 50 ри (196 км 350 м) от Сирануси по суше, на берег вынесло кита. Айну разделили мясо, сами его ели и собак кормили. Видимо, мясо было уже несвежим. Три человека отравились мясом и умерли, около 30 собак погибло. Это время от времени происходит, пишет Мацуда. На восточном берегу селения Кусюнкотан ловят креветок. Но они в отличие от японских креветок, по мнению Мацуда, твердые и безвкусные. В селении Кусюнкотан много слепней и комаров. Слепни досаждают только в светлое время суток. А в Сирануси

слепней нет. От Сирануси до Кусюнкотан летом в море очень много китов. Каждое лето на берег прибывает около трех — пяти погибших китов.

В ожидании нападения русских японцы айну объявили правила поведения в случае появления иноземного, иными словами русского, судна. В частности, предписывалось незамедлительно докладывать японцам, как только увидят в море приближающееся иноземное судно. Если паче чаяния иноземцы высадутся на сушу, то ни в коем случае не проявлять к ним чувства симпатии и не откликаться на их обходительное поведение. Всякое проявление симпатии к русским будет считаться тяжким преступлением. Отныне, объявлялось, айну должны неукоснительно соблюдать эти правила поведения. Предписывалось между собой жить в дружбе, не браниться и не ссориться, не создавать долгов. От мала до велика должны соблюдать эти правила. Старые долги перед людьми ульта (сантан) надо погасить и не создавать ни в коем случае новых. Если из-за смерти мужа или жены, человек становится одиноким, если у малых детей умирает отец-кормилец, если у престарелых людей нет детей, которые могли бы им помочь, а также если есть люди, которые не имеют пропитания из-за продолжительной болезни, следует сообщить об этом японским чиновникам, чтобы получить в качестве вспомоществования рис.

Мацуда, решая проблемы накопившихся со старых времен долгов айну перед ульта (людьми сантан), в 10-й день 8-й луны (8 сентября 1810 г.) отправился из Сирануси на Сахалине в Соя на Хоккайдо. Когда они отплыли около 7 ри (27 км 489 м), северный ветер

резко сменился на восточный, пошел дождь, образовались высокие волны. У небольшого суденышка образовалась течь. С трудом они добрались до Соя. В 16-й день 9-й луны (14 октября 1810 г.) Мацуда прибыл в Мацумаэ. Ему передали приказ перезимовать в Мацумаэ, и там он продолжил службу.

Наступил Новый 8-й год эры Бунка (1811 г.). В 20-й день 2-й дополнительной луны (14 марта 1811 г.) он отправился из Мацумаэ с инспекцией по Хоккайдо. В 27-й день 3-й (19 мая 1811 г.) луны прибыл в Соя. В 7-й день 4-й луны (28 мая 1811 г.) сел на судно и прибыл в Сирануси на Сахалине. Таким образом, он продолжил нести службу на Сахалине. Вечером 10-го дня 5-й луны (30 июня 1811 г.) прибыла смена гарнизона от клана Цугару, несущего охрану острова Сахалин. Предпринимались все возможные меры для отражения возможного вторжения иноземных кораблей. В 9-й день 5-й луны (29 июня 1811) пришло сообщение с острова Итуруп, что в открытом море в местечке Атоия появилось российское судно. Оно вошло в порт. 11–12 человек из членов экипажа высадились на берег. Пока собирались с силами, они вернулись на судно и ушли в сторону острова Уруп. Об этом сразу же доложили в Мацумаэ. Оттуда разослали предупреждения во все гарнизоны с требованием предпринять дополнительные меры предосторожности. На Сахалине провели учебные стрельбы и тренировки личного состава. В 26-й день 5-й луны (16 июля 1811 г.) пришло сообщение, что высадившиеся на шлюпке с иноземного корабля на остров Кунашир восемь членов экипажа взяты в плен и препро-

водили их в Мацумаэ. В связи с этим инцидентом потребовали от японских гарнизонов усилить бдительность.

Мацуда в день кайдзицу 晦日 (последний день) 7-й луны (17 сентября 1811 г.) на судне отправился из Сирануси и в тот же день без происшествий прибыл в Соя. В 18-й день 9-й луны (3 ноября 1811 г.) прибыл в Мацумаэ. Отчитался перед вышестоящим начальством. В 28-й день 10-й луны (13 декабря 1811 г.) на судне водоизмещением 250 коку отправились из Мацумаэ в Цугару, а далее по суше прибыл в Эдо в 24-й день 11-й луны (8 января 1812 г.).

Дневник Мацуда Дэндзюрō содержит ценную информацию, которая позволяет восстановить с большей точностью освоение японцами северных островов, заселенными айну и другими малыми народами. Иллюстративный и описательный материал дает нам возможность наглядно представить этнографические детали исчезнувшей культуры малых народов. Перевод дневника на русский язык и введение его в научный оборот даст исследователям возможность сопоставить его с другими источниками. А пока на суд читателей выносятся краткий пересказ основных событий, описанных Мацуда в третьей и четвертой тетради.

Климов В.Ю.,
ИБР РАН

**Интеллектуальный багаж
Высокомудрого Рэннэ (1415-1499)**

Во второй половине XV в. возникает массовое движение под религиозной оболочкой верующих школы «Истинной Веры Чистой Земли» (дзэ́до синсю 浄土真宗). Большинство участников движения были людьми малограмотными, если вовсе не безграмотными, и мало кто из них разбирался в религиозной догматике. Они только верили в то, что Будда Амида их спасет при условии, если полностью положатся на Основной обет Будды Амида. Их мало интересовали другие буддистские школы и верования. Но Рэннэ, восьмой иерарх школы и настоятель основного храма Хонгандзи, был высокообразованным человеком и относился, можно сказать без преувеличения, к интеллектуальной элите Японии.

С раннего возраста он посвятил себя учебе, освоению знаний, накопленных японским обществом к тому времени. В «Записях сказанного Высокомудрым Рэннэ» («Рэннэ сёнин го-итидай кикигаки» 「蓮如上人御一代聞書」) в 145-м параграфе сообщается: « [145] Всяческие лишения он [претерпел]; не было денег купить даже [гарное] масло, с трудом понемногу доставал черных дров¹ в столице и предавался чтению священных текстов

¹ Куроки 黒木. У этого слова есть два значения. Первое – не ошкуренные поленья, поленья вместе с корой. Ошкуренные же назывались либо «красные дрова» (акаги 赤木), либо «белые дрова»

и других [писаний], – так говорят. А также, случалось, читал и переписывал священные тексты при свете луны. Мыл ноги обычной [холодной] водой. А также, говорят, случалось, что нечего было есть по два-три дня. [Такое мне] пришлось услышать». Он с ранних лет конспектировал и тщательно штудировал все значимые священные тексты. В храме Ниси Хонгандзи 西本願寺 в Киото до сих пор хранятся копии многих сочинений, переписанных рукой Рэннэ. Уже к 20-ти годам к нему, как к авторитету, стали обращаться прихожане различных храмов школы с просьбой сделать копии известных буддистских текстов. Для верующих было важно, чтобы копии были сделаны самим Рэннэ, хотя он еще не был главой школы.

Он имел большой опыт общения с людьми, имел глубокие познания в священных текстах. Многие из них он переписывал не один раз и знал на память. Не претендуя на полноту и охват всех данных, приведем ниже в виде таблицы только тот список священных текстов, которые приводят в своих работах Касахара

(*сираки* 白木). Второе значение – в местностях Ясэ 八瀬, Ōхара 大原 и Курама 鞍馬 провинции Ямасиро 山城国 (ныне южная часть префектуры Киото 京都府) сырые поленья размером примерно один сяку 尺 (около 30 см) в очаге окуривали дымом, дрова приобретали черный цвет, поэтому получили название «черные дрова». Их из указанных местностей доставляли в Киото продавцы, у которых Рэннэ, вероятно, и покупал так называемые «черные дрова».

Кадзуо, Иноуэ Тосио и Ясутоми Синъя¹. Рэннэ переписывал нижеприведенные тексты по просьбе верующих для храмов и монастырей школы до того, как он стал во главе храма.

Год по японскому календарю	Год по григорианскому календарю	Возраст Рэннэ	Название текста	Автор
Эйкё 6-й год 永享 6 年	1434 год	20 лет	Дзёдо монруй-дзюсё 浄土文類聚鈔	Синран (1173-1262) 親鸞
Эйкё 6-й год 永享 6 年	1434 год	20 лет	Кёгё синсё нобэгаки 教行信証延書	Синран
Эйкё 8-й год 永享 8 年	1436 год	22 года	Сандзё васан 三帖和讃	Синран 親鸞
Эйкё 10-й год 永享 10 年	1438 год	24 года	Дзёдо синтёсё 浄土真要鈔	Дзонкаку (1290-1373) 存覚
Эйкё 10-й год 永享 10 年	1438 год	24 года	Кудэнсё 口伝鈔	Какунё (1271-1351) 覚如
Эйкё 11-й год 永享 11 年	1439 год	25 лет	Тарики синдзин кикигаки 他力信心聞書	Какунё 覚如
Эйкё 11-й год 永享 11 年	1439 год	25 лет	Госэ моногатари 後世物語	Рюкан (1148-1227) 隆寛
Эйкё 11-й год* 永享 11 年	1439 год	25 лет	Нэмбуцу одзё ёгисё* 念仏往生要義鈔	Хонэн (1133-1212) 法然
Какицу 1-й год 嘉吉 1 年	1441 год	27 лет	Дзёдо синтёсё 浄土真要鈔	Дзонкаку 存覚
Бунъан 3-й год 文安 3 年	1446 год	32 года	Гутокусё 愚禿鈔	Синран
Бунъан 4-й год 文安 4 年	1447 год	33 года	Маттосё 未燈鈔	Синран

¹ Рэннэ нэмпү (蓮如年譜=Годы жизни Рэннэ в хронологическом порядке)/Под ред. Касахара Кадзуо 笠原一男, Иноуэ Тосио 井上鋭夫. Рэннэ. Иккё-икки 17 (蓮如・一向一揆 17 = Рэннэ. Движение иккё-икки)//Нихон сисё тайкэй (日本思想体系=Серия по общественной мысли Японии) Т.17. Токио, 1972. С.681-682.

* Данные, помеченные звездочкой, взяты из работы Yasutomi Sin'ya. The Life of Rennyo. A Struggle for the Transmission of Dharma / Rennyo and the Roots of Modern Japanese Buddhism. Edited by Mark L. Blum and Shin'ya Yasutomi. New York, 2005. P.21.

к 120-летию со дня рождения Н.А.НЕВСКОГО

Бунъан 4-й год 文安 4 年	1447 год	33 года	Андзин кэцудзэсэ 安心決定鈔	Автор неизвестен
Бунъан 5-й год 文安 5 年	1448 год	34 года	Гэнсō экō кики-гаки 還相回向聞書	Автор неизвестен
Хōтоку 1-й год 宝徳 1 年	1449 год	35 лет	Сандзэ васан 三帖和讃	Синран
Хōтоку 1-й год* 宝徳 1 年	1449 год	35 лет	Нэнин одзэ кикигаки* 女人往生聞書	Дзонкаку
Хōтоку 1-й год 宝徳 1 年	1449 год	35 лет	Годэнсэ 御伝鈔	Какунэ
Хōтоку 2-й год 宝徳 2 年	1450 год	36 лет	Кэгэ синсэ 教行信証	Синран
Хōтоку 2-й год 宝徳 2 年	1450 год	36 лет	Годэнсэ 御伝鈔	Какунэ
Хōтоку 3-й год 宝徳 3 年	1451 год	37 лет	Кэгэ синсэ нобэгаки 教行信証延書	Синран
Кэтоку 2-й год 享徳 2 年	1453 год	39 лет	Сандзэ васан 三帖和讃	Синран
Кэтоку 3-й год 享徳 3 年	1454 год	40 лет	Одзэ ёсю нобэгаки 往生要集延書	Гэнсин (942-1017) 源信
Кэтоку 3-й год 享徳 3 年	1454 год	40 лет	Кэгэ синсэ нобэгаки 教行信証延書	Синран
Кэтоку 4-й год* 享徳 3 年	1455 год	41 год	Бокиэ котоба* 慕帰絵詞	Дзюкаку 従覚, второй сын Какунэ 覚如
Тэроку 1-й год 長禄元年	1457 год	43 года	Сайёсэ 最要鈔	Какунэ
Тэроку 1-й год 長禄元年	1457 год	43 года	Дзимёсэ 持名鈔	Дзонкаку

Можно предположить, что не все случаи копирования были учтены, но, тем не менее, они дают достаточно полную картину к сочинениям каких авторов он обращался. Итак, зафиксировано, что Рэннэ 25 раз переписывал трактаты, авторами которых были Синран (10 случаев), Какунэ (5 случаев), Дзонкаку (4 случая), Хōнэн (1 случай), Рюкан (1 случай), Гэнсин (1 случай), Дзюкаку (1 случай) и два раза он копировал тексты неизвестных авторов. Все сочинения относятся к амидаистским шко-

лам. Авторство 40% переписанных текстов принадлежит Синрану, основателю школы «Истинной Веры Чистой Земли».

После того, как Рэннэ в возрасте 43 лет стал восьмым иерархом храма Хонгандзи и школы, он не переставал заниматься перепиской буддийских текстов для передачи их настоятелям храмов. Это создавало доверительные отношения между иерархом и священнослужителями, верующими на местах; это было, можно считать, одним из эффективных средств поддержания своего авторитета и влияния среди адептов школы, одной из форм мягкого, опосредованного контроля через непререкаемый авторитет иерарха, прямого наследника Синрана.

Сведем эти данные в такую же таблицу.

Тёроку 2-й год 長祿 2 年	1458 год	44 года	Кёгёсинсё 教行信証	Синран
Кансё 1-й год 寛正元年	1460 год	46 лет	Сёсингэ тайи 正信偈大意	Рэннэ
Кансё 2-й год 寛正 2 年	1461 год	47 лет	Кёгёсинсё нобэгаки 教行信証延書	Синран
Бунсё 1-й год 文正元年	1466 год	51 год	Кёгёсинсё нобэгаки 教行信証延書	Синран
Онин 1-й год 応仁元年	1467 год	53 года	Кудэнсё 口伝鈔	Какунё
Онин 2-й год 応仁 2 年	1468 год	54 года	Хоон кёсики 報恩講式	Какунё
Буммэй 5-й год 文明 5 年	1473 год	59 лет	Первое ксилографическое издание «Сёсингэ 正信偈» ¹ и «Сандзёвасан 三帖和讃»	Синран Синран
Буммэй 9-й год 文明 9 年	1477 год	63 года	Дзётэн мокуроку 浄眼目錄 Кёгёсинсё 教行信証	Автор неизвестен Синран

¹ Полное название этого сочинения «Сёсин нэмбуцугэ» 「正信念
仏偈」.

к 120-летию со дня рождения Н.А.НЕВСКОГО

			Дзэ́до кэммонсю 浄土見聞集	Дзонкаку
Буммэй 10 год 文明 10 年	1478 год	64 года	Хонэн сёнин го-хого 法然上人御法語	Автор не установлен
Энтоку 1-й год 延徳元年	1489 год	75 лет	Кёгёсинсё нобэгаки 教行信証延書	Синран
Энтоку 2-й год 延徳 2 年	1490 год	76 лет	Гэнсё э́ко кикигаки 還相回向聞書	Автор не установлен
Энтоку 3-й год 延徳 3 年	1491 год	77 лет	Сёсингэ 正信偈	Синран
Мэйо 1-й год 明応元年	1492 год	78 лет	Рокудзи мёго кудэн 六字名号口伝	Автор не установлен
Мэйо 4-й год 明応 4 年	1495 год	81 год	Дзёситидзэ кэмпо 十七条憲法 Кудэнсё 口伝鈔	Сётоку тайси 聖徳太子 (574-622) Какунэ
Мэйо 5-й год 明応 5 年	1496 год	82 года	Хонэн сёнин он- котаба 法然上人御言葉 Дзэ́до сю тайи 浄土宗大意 Дзэ́досю мондо 浄土宗問答	Автор не установлен Автор не установлен Автор не установлен

Итак, выявлен 21 случай копирования текстов после того, как Рэннэ стал иерархом. Это было им сделано в возрасте с 44 до 82 лет, а умер он в возрасте 85 лет, в 1499 г. С 20 и до 43 лет, за более короткий промежуток времени, им было скопировано больше текстов – 25. Рэннэ копировал тексты Синрана 8 раз, Какунэ – 3 раза, Дзонкаку – 1 раз, Сётоку-тайси – 1 раз, им же написанное сочинение – 1 раз, тексты, автор которых не установлен, – 7 раз. Все сочинения, кроме «Семнадцатистатейной конституции Сётоку тайси», относятся к школе «Истинной Веры Чистой Земли».

Письменные послания иерарха к верующим (о-фуми 御文) также дают возможность выявить явные и скрытые цитаты из сочинений, к которым обращается Рэннэ. Несмотря на кажущуюся простоту изложения, в пись-

мах содержатся основные положения школы «Истинной Веры Чистой Земли», изложенные во многих трактатах, недоступных пониманию простых верующих. Он обильно приводит цитаты из многих священных текстов и философских трактатов. Приведем далеко не полный перечень наиболее значимых сочинений, которые удалось выявить автору настоящей статьи: «Кёгёсинсё» «教行信証»¹, «Рокуёсё» «六要鈔»², «Андзин кэцудзёсё» «安心決定鈔», «Гутокусё» «愚禿鈔», «Сёдзёмацу васан» «正像末和算», «Синсю ёи» «真宗用意», «Дзимёсё» «持名鈔», «Сайёсё» «最要鈔», «Тантокумон» «歎徳文», «Сангё о́дзё монруй» «三経往生文類», «Нюсюцу нимонгэ» «入出二門掲», «Дзёдо монруй дзюсё» «浄土文類聚鈔», «Гангансё» «願々鈔», «Сюдзисё» «執持鈔», «Сёё мондзю гуанки» «諸要文集愚案記», «Кёгёсинсё мёгисё» «教行信証名義鈔», «Сёсингэтю» «正真偈註», «Кудэнсё» «口伝鈔»³, «Таннисё» «歎異抄»⁴, «Дзёдо синъё-

¹ «Кёгёсинсё» на русский язык переводится как «Учение, практика, вера и постижение истины». Сочинение из шести частей Синрана, написанное в 1224 г.

² «Рокуёсё» – сочинение, написанное Дзонкаку (1290-1373) на классическом китайском языке (камбун). Первый наиболее авторитетный письменный комментарий к «Кёгёсинсё». Объясняются термины и понятия школы.

³ Какунё (1270-1315), правнук Синрана, вопреки заявлениям самого основателя школы, не признававшего право наследования передачи Учения по прямой линии от отца к сыну, в 1331 г. в трактате «Кудэнсё» («Записи об устной передаче Учения») утверждал, что только он, автор данного сочинения, является единственным законным наследником Синрана.

⁴ Трактат «Таннисё» переводится как «Записи, в которых вздыхаю из-за отклонений [от правильных взглядов]». Юйэн, ближайший ученик Синрана, после смерти наставника издал этот трактат,

сё» 「浄土信要鈔」¹ и др. И это неполный перечень. В письмах также можно встретить немало скрытых цитат из сочинений китайских мыслителей. Иными словами, за кажущейся внешней простотой посланий скрывается в концентрированном виде информация из многих не только буддийских, но и светских трактатов.

Так, убеждая верующих следовать учению Синрана, образно говорит: «Верный подданный не служит двум государям, у целомудренной жены не может быть двух мужей», – далее он развивает приведенную цитату из Ши-цзи² следующим образом, – свет одной луны освещает всю землю... Поэтому если веришь в Будду Амида, то это значит, что одновременно веришь во всех Будд и богов»³.

Из цитат, встречающихся в письмах иерарха и «Записей сказанного Высокомудрым Рэннё», можно сделать вывод, ему также были хорошо знакомы и конфуцианские сочинения.

который представляет собой изложение беседы Учителя с учеником по поводу учения школы и «Основного Обета» Будды Амида. Перевод на русский язык, выполненный В.П.Мазуриком, опубликован в книге «Буддизм в Японии». М., 1993. С. 491-510.

¹ «Дзэдо сингёсё» – сочинение Дзонкаку.

² «Ши цзи» ([史記] – по-яп. «Сики») – «Исторические записки», «Записки историографа». Автор – Сыма Цян 司馬遷 (по-яп. Сиба Сэн) (II–I в. до н.э.). Первое в Китае историографическое произведение.

³ Рэннё фумисю (蓮如文集 = Собрание писем Рэннё), под редакцией Касахара Кадзуо 笠原一男. Токио, 1985. С.90.

Он часто обращался к «Лунь юй». Приведем пример из «Записей сказанного Высокомудрым Рэннэ». «Рэннэ изрек: ”Отбросив свое я, вместе со всеми сижу¹. Ведь Святым Синраном сказано: ”Люди Веры Четырех морей — все братья”². Считайте это моими словами».

Во фрагменте 164 «Записей» говорится: «Также изволил сказать: ”Что задумал, то исполнил. Возродил школу [Истинной Веры Чистой Земли] Святого [Синрана], возвел Основной павильон (хондō 本堂)³ и павильон Гозйдō 御影堂⁴, передал [пост] настоятеля [сыну

¹ Рэннэ, несмотря на то, что у него была мать из простолюдинов, тем не менее, по линии отца, а также по своему положению и статусу принадлежал к миру аристократов, занимал высокую иерархическую ступеньку, встречался и поддерживал знакомства с сильными мира сего. Садясь вместе со всеми на равных условиях, он тем самым подчеркивал духовную близость с людьми, его окружавшими.

² Фраза «Люди Веры Четырех морей — все братья» (сикай-но синдзин-но хито-ва мина кэйтэй 「四海ノ信心ノ人ハミナ兄弟」) взята из сочинения ”Дзёдо ронтё” 「浄土論註」 восходит, вероятно, к «Лунь юй» («Суждения и беседы», по-японски «Ронго 論語») Конфуция (по-японски Кōси 孔子) (551 г. до н.э. — 479 г. до н.э.). В частности, в главе XII, 5 есть фраза, произнесенная Цзы Ся “Если благородный муж почтительно исполняет дела, не совершает ошибок, вежливо относится к людям и соблюдает Правила, то в пределах четырех морей ему все — братья». — Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». М., 1998. С.382.

³ Основной павильон храма Хонгандзи в Ямасина 山科, в восточной части Киото.

⁴ Основной павильон (хондō 本堂) также назывался павильоном Будды Амида (Амидадō 阿弥陀堂). Павильон Гозйдō (御影堂) представляет собой мавзолей, посвященный Святому Синрану. В нем находились кремированные останки и портрет Синрана. Изначально храм Хонгандзи был усыпальницей Святого Синрана,

Дзицунё], построив Осака-дэн 大坂殿, ушел на покой¹. Слова: "Совершив то, что должен совершить, со славою уйти на покой. Это – Путь Неба"². – можно отнести и ко мне". Так изволил сказать».

Приведем еще один пример из «Записей»: « [193] Камень – чрезвычайно твердый. Вода – чрезвычайно мягкая. Вода хорошо точит камень³. Если достигаешь глубин сознания, то всенепременно достигнешь Просветления бодхисаттвы?» – так гласит старое изречение. И как

но в 1438 г. построили еще один Основной павильон, посвященный Будде Амида. В то время во главе храма стоял Дзоннё 存如, ему было 43 года, и еще был жив его отец Кёнё 巧如. Рэннё, внуку Кёнё, было тогда 24 года. Но в тексте идет речь о павильонах другого храма Хонгандзи, находящегося в Ямасина. Его возвели при Рэннё 1480 г., когда настоятель смог вернуться в 1478 г. в Киото после того, как храм Хонгандзи, находившийся в Отани 大谷, был разрушен монахами храма Энрякудзи 延暦寺. О возведении нового храма Рэннё достаточно подробно пишет в 57-м письме, не включенном в основные пять тетрадей.

¹ В 1-й год эры Энтоку 延徳 (1489 г.), 8-ю луну, 28-й день, в возрасте 75 лет, Рэннё, передав пост иерарха школы сыну Дзицунё, удалился формально на покой.

² Слова Лаоцзы 老子 (по-японски: Рōси). Древнекитайский философ. Жил, предположительно, в VI (V ?) в. до н.э. в царстве Чу. Был хранителем библиотеки царства Чжоу. Встречался с Конфуцием.

³ Эту метафору можно найти во многих сочинениях. По-видимому, первоначально ее заимствовали из китайского письменного источника «Ханьшу 漢書» (по-яп. «Кансё»). Переводится как: «Книга [о династии] Хань», «История династии Хань». Охватывает хронологический период с 206 г. до н.э. – 8 г. н.э. Главный автор-составитель – придворный историк Бань Гу (по-яп. Ханко 班固) (I в.). Построено описание по образцу «Исторических записок» («Ши цзи»).

далеки [мы] ни были от веры, но если вмещаешь проповедь в [свое] сознание, то благодаря Его состраданию обретишь веру. Только внимательно слушай проповедь Закона Будды. Так говорят».

Приведем также еще фрагмент 245 Записей»: ”Говорят, что ”трое глупцов [заменяют] одного умного”¹. В любом случае, если они будут вместе рассуждать, то [могут] возникнуть интересные мысли”, – сказал Высокомудрый предшественник предыдущего настоятеля [Рэннэ] высокоумудрому предыдущему настоятелю [Дзицунэ]. И это тоже чрезвычайно важные золотые слова для последователей Закона Будды. Так говорят».

Рэннэ был многосторонне развитым человеком. Как высокообразованная личность он часто и с удовольствием цитирует стихи Святого Синрана, других иерархов школы, сам сочиняет. Написанные им стихи могут составить полноценный поэтический сборник.

Приведем одно из стихотворений (второе письмо четвертой тетради), предварив его только одним замечанием: стихи являются неразрывной составляющей всего текста, поэтому приходится цитировать их вместе.

«Итак, если высчитать [среднюю] продолжительность человеческой жизни, то в настоящее время она

¹ Здесь явно просматривается влияние сочинения Конфуция ”Лунь юй”. «Учитель сказал: «Когда [нас] трое в пути, то каждый из двоих [спутников] может стать моим наставником. Я выбираю хорошее и следую ему, плохое же служит предостережением и помогает исправиться» – Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». М., 1998. С.351. Это наставление превратилось в народную поговорку не только в Китае, но и в Японии.

составляет 56 лет. Однако в нынешние времена действительно большое счастье, если человек доживает до 56. Тогда я достиг глубокой старости, мне минуло уже 63 года. Если посчитать, то я живу уже больше на семь лет. В связи с этим пребываешь в сомнении, от какой болезни умрешь, — все зависит от деяний в прошлых жизнях. Этого не дано предвидеть. ...в этом мире, независимо старец или младенец, жизнь человеческая эфемерна, как свет молнии или как утренняя роса; и сейчас, может быть, дует ветер изменчивости всего сущего, а мы продолжаем пребывать в неведении, совершенно не заботясь о жизни после смерти, и все мысли обращены только на то, чтобы как можно дольше продлить нынешнюю жизнь. Как это невыразимо прискорбно! Поспешите, и с сегодняшнего дня положитесь на Основной обет Амиды-нерай, Другой Силы, полностью доверив свою жизнь Будде бесконечной жизни (мурёдзюбуцу 無量寿仏), возжелайте рождение в истинной и настоящей Обещанной Земле и [повторяйте] возгласение с Его Именем.

С глубоким почтением.

Неожиданно задумался и сразу же записал это до
того, как наступил
час Дракона¹ 17-го дня 9-й луны 9-го года Буммэй.
Синсёин¹, в возрасте 63 лет.

¹ Час Дракона (辰の剋 тацу-но коку) приходится на утреннее время, с 7 до 9 часов. В данном случае говорится «до того, как наступил час дракона», то есть речь идет скорее всего о семи часах. Но тогда выстраивается следующая последовательность цифр — 9, 9, 17, 7. Представляется вероятным, что Рэннэ выбрал время написания письма не случайно, хотя он все время подчеркивает, что «доверился кисти», «неожиданно задумался».

Написал,
Положившись на кисть,
Послание.
Слова стекли на лист.
Как все это странно!»

В основном Рэннэ использует свое поэтическое дарование для большей убедительности проповедей, для укрепления веры в сердцах последователей. За примерами обратимся к «Записям сказанного Высокомудрым Рэннэ».

« [59] Когда достопочтенный Тикамацу-доно 近松殿² изволил отбыть из столицы в Сакаи 堺³, то прикрепил к поперечной балке между двумя столбами (нагэси 長押) это изречение и распорядился: ”Позже⁴ подумаем над смыслом этих слов”. Они вызвали сомнение у достопочтенного Коодзи-доно 光応寺殿⁵. Выражение ”выдавать себя за мудреца” означает, что я якобы все познал.

Никто из людей не владеет истинной верой,

¹ Синсэин (信証院) – монашеское имя (院号 ингō) Высокомудрого Рэннэ.

² Рэндзюн 蓮淳 (1464-1550), шестой сын Рэннэ (см. также примеч. 29).

³ Храм Синсэин 信証院 — место уединения Рэннэ.

⁴ ... позже — после того, как вернется Рэннэ.

⁵ Достопочтенный Коодзи-доно 光応寺殿 — Рэндзюн 蓮淳, шестой сын Рэннэ. После того как ушел на покой, стал называться ”достопочтенный Коодзи-доно”.

Только выдают себя за мудрецов»¹.

« [244] Точно так же им было сказано во время болезни: ”То, что я сейчас говорю, – золотые слова². Постарайтесь их хорошенько понять!” Такие слова изволил сказать. Затем, говорят, произнес песнь паломников [в святые места]:

”Всего лишь тридцать один письменный знак³,
И все они о Вратах Закона⁴”».

« [300] Имеется много свидетельств тому, что Будда Амида являлся людям на какое-то время в облике Высокоумудрого Рэннэ. Об этом уже писали. И в песне паломника поется:

В память о себе
Я оставляю Имена шести письменных знаков⁵.
Пусть напомнят они обо мне,
Когда с вами меня не будет⁶.

¹ Стихотворение на японском языке в жанре ”эйка 詠歌”, хорал, Высокоумудрого Рэннэ.

² Золотые слова (в обычных текстах бином читается *кингэн*, в буддийских *конгэн* 金言) — то есть, иными словами золотые слова проповеди, произнесенные Буддой.

³ Японские стихи ”танка 短歌” содержат в себе 31 слог — 31 письменных знаков, поскольку японская письменность слоговая. В первой строчке 5 слогов, во второй — 7, в третьей — 5, в четвертой — 7 и в последней, пятой — 7 слогов. В приведенном стихотворении также в оригинале 31 слог.

⁴ Врата Закона — Учение Святого Синрана.

⁵ Здесь имеется в виду известная формула возгласения ”Да славится Будда Амида” (*Наму Амида-буцу* 南無阿弥陀仏), состоящая из шести иероглифов.

⁶ Цитата из сочинения «Рэннэ сёнин итокуки 蓮如上人遺徳記».

Достоверно известно, что он был инкарнацией Мита».

« [306] В своей предсмертной песне паломников [высокомудрый] Дзонкаку 存覚 говорит:

Сегодня вся жизнь¹

Стала грезой одной ночи.

И этот мир казался прочным домом,

Но оказался временным ночлегом².

Говорят, что когда эти слова услышал высокомудрый Рэннэ, то произнес: "А теперь [Дзонкаку] инкарнация Шакьямуни³. Стал сознанием приходящим и уходящим из этого мира". Так было сказано, говорят. "Если иметь в виду самого себя, я то приходил, то уходил с Шести Дорог⁴, и сейчас, в предсмертный час, на исходе жизни настало Просветление. Таким стало сознание". Так говорят».

¹ Так как достиг рождения в "Земле Крайней Радости", то прежние заблуждения стали сном одной ночи.

² "... временным ночлегом" – в тексте буквально написано: "приходил и уходил с ночлега". Это переключается дальше с фразой: "приходящими и уходящими из этого мира...", далее "... то приходил, то уходил с Шести Дорог".

³ Будда Шакьямуни (яп. Сяка) – последний земной Будда, прообразом послужила реальная историческая личность принца Сиддхартха из рода Гаутама. После смерти Шакьямуни Закон Будды приходит в упадок, последовательно проходя три этапа: "правильного Закона" (сэбō 正法), "подобия Закона" (дзōбō 像法) и "конца Закона" (маппō 末法). Расцвет амидаистских школ приходится как раз на последнюю эпоху.

⁴ Шесть Дорог рождений и смертей – дороги ада, голодных духов, животных, воинственных асуров, людей и небожителей.

« [312] Также ему принадлежат слова, высказанные в двустишии¹:

И Закон Будды, и домашнее хозяйство держатся на том,
Что к ним все силы свои обращает человек.

А также:

И Врата Закона [Будды], и сосны в саду
Хорошеют от того, что за ними ухаживают².

И это в двустишии было сказано, говорят».

Рэннэ много цитировал гимнов на японском языке, созданных Синраном.

”И пусть человек, услышавший Имя Будды
и прорвавшийся сквозь пламя,
заполнившее собой великие тысяча миров,
навсегда пребудет в состоянии необратимости
(футай 不退)”³.

¹ Двустиишем здесь переводится бином «*цуййку* 対句», что означает параллелизм, параллельные строки в стихах.

² В тексте обьгрывается написанное катаканой слово ”ю” – в отношении Закона Будды означает ”говорить”, относительно сосен – придавать им красивую форму (два разных иероглифа). В переводе приведен один глагол ”ухаживать” для обоих случаев, поскольку в тексте оригинала слово ”ю” стоит в конце стихотворения и выступает сказуемым и для Закона Будды, и для сосен, поэтому и написано каной, а не иероглифом. 法門卜庭ノ松トハ、イフニアガル。イフ читается как «ю», но в случае с Законом Будды будет в настоящее время писаться «いう», а в случае с соснами – «いう».

³ Цитата из «Дзёдо васан» [浄土和讃] – религиозные гимны на японском языке, созданные Синраном.

Также Рэннэ неоднократно обращался и к творчеству Хонэна. Приведем отрывок «Записей сказанного Высокомудрым Рэннэ».

« [2] На заутренней службе¹ во время декламации отрывка: ”Проникающий во все стороны свет Будды

¹ Заутренняя служба — 朝ノ御勤メ аса-но о-цутомэ. Была еще вечерняя служба. До первых лет эры Буммэй 文明 (1469-1487) служба проводилась в виде «восхвалений в шесть часов» (六時礼賛 рокудзи райсан). После того, как в провинции Этидзэн 越前国 в местечке Ёсидзаки 吉崎 появился Высокомудрый Рэннэ, «шестичасовые восхваления» сменили на произношение нэмбуцу и чтение речитативом славословий на японском языке 六首和讚. Эти изменения были произведены, поскольку «верующими трех врат» (三門徒 саммонто), составлявшими большинство адептов школы «Истинной Веры Чистой Веры» в провинции, глубоко почитались славословия на японском языке (васан). Исторически так сложилось, что «верующие трех врат» изначально сформировались вокруг трех священников: Нёдо 如導 (1253-1340) (основал храм Сэндзюдзи 専修寺 в провинции Этидзэн уезде Асува городке Омати 越前国足羽郡大町, ныне г. Фукуи, Сэндзюдзи был центральным храмом для «верующих трех врат») и двух его учеников Досё 道性 (основал храм Сёдзёдзи 証誠寺, ныне на территории префектуры Фукуи, город Сабаэ, квартал Ёкогоси 福井県鯖江市横越町, был центральным храмом для верующих группы Ямамото 山元派の本山, входящую в «саммонто») и Нёкаку 如覚, второй сын Досё (основал храм Дзёсёдзи 誠照寺, ныне находится на территории префектуры Фукуи, в городе Сабаэ, квартале Хоммати 福井県鯖江市本町, также этот храм называли Уваносан 上野山). Последователи этих трех храмов в провинции Этидзэн и назывались «верующими трех врат» (саммонто). Нёдо распространял среди своих последователей учение «Врат тайного Закона» (秘事法門 хидзи хомон), полученное якобы непосредственно от самого Синрана. Его суть сводилась к тому, что не надо поклоняться Буддам, так как они сами становятся Буддами в момент пробуждения веры. Отсюда следовало, что любое поклонение теряло смысл. Позже это стало одной из основных причин критики «верующих трех врат» Высокомудрым Рэннэ.

рассеивает мрак непросвещенности¹ и всенепременно приводит человека, испытывавшего радость единого помысла², к вере, в нирвану³ из славословий⁴ проповеди пяти удивительных вещей” он сопоставил смысл изречения ”свет Будды широко освещает мир во всех направлениях”⁵ снова со стихотворением

¹ Мрак непросвещенности — 無明ノ闇 мумѐ-но ями, иными словами препятствия на пути достижения состояния Будды.

² По Синрану выражение «привести человека, испытывавшего радость единого помысла, к вере» (一念歡喜スル人 итинэн канкисуру хито) состоит из следующих значимых выражений: «единый помысел» (一念 итинэн) — это момент приобретения веры верующим; «удовольствие, радость» (кан 歡) — это означает в этот момент порадовать тело, а «радость» (喜 ки) — это означает порадовать сердце. Иными словами момент приобретения Веры вызывает радость тела и сердца, то есть «испытать радость единого помысла, приводящего к Вере».

³ В тексте написан бином «滅度 мэцудо», что означает «родиться в Чистой Земле Крайней Радости» (гокураку дзэдо-ни одзэ-суру 極樂淨土に往生すること). В данном случае «мэцудо» перевели как «нирвана».

⁴ Имеются в виду буддийские славословия в честь высших и наиболее почитаемых первосвященников (高僧和讚 kōsō васан). Согласно Тань-луаню 曇鸞 (по-японски Донран) (476-542), было пять славословий. По инициативе Рэннэ во время службы, которая проводилась в утреннее и вечернее время, после проповеди ”Сёсингэ” 「正信偈」 («Гимн Подлинной Веры»), написанный Синраном 親鸞 (1173-1262), декламировались славословия на японском языке (和讚 васан), при полном раскладе их было шесть. Читались также на китайском языке (漢讚 кансан) и санскрите (梵讚 бонсан). Само название сочинения «Гимн Подлинной Веры» («Сёсингэ») пишется тремя иероглифами, последний 偈 означает гимн и передает значение санскритского слова *гатха*.

⁵ «Свет Будды широко освещает мир во всех направлениях» (光明遍照十方世界 kōmē хэндзэ дзюхō сэкай). Цитата из «Сутры о созерцании бодхисаттвы по имени Неизмеримая Жизнь» (觀無量壽經 Кан Мурѐдзю-кѐ).

”Хотя и нет селения,
 Куда не проникал бы свет луны,
 Но только в сердце человека,
 Смотрящего на нее, он остается”¹.

Так проповедовал».

Современники признавали духовный авторитет и высокое положение иерарха в обществе. С ним общались и поддерживали отношения наиболее известные люди того времени. Близкими знакомыми Рэннэ были Кёгаку 経覚 (1395-1473), Дзинсон 尋尊 (1430-1508), настоятели храма Кёфукудзи 興福寺 в Нара. Они были представителями рода Фудзивара. Отцом Кёгаку был

¹ Стихотворение Хонэна 法然 (1133-1212) из ”Ваготороку 和語燈録” («Записи [проповедей] Светоча на японском языке»), написано в жанре ”вака” 和歌. Рёэ Дёкё 了慧道光, ученик Хонэна, после смерти учителя собрал его изречения, представляющие ответы на наиболее животрепещущие вопросы верующих в форме 145 ответов. Но первоначально шла речь о 140 фрагментах. Не исключено, что позже пять были прибавлены. В предисловии, написанном, вероятно, Рёэ, значится 1275 год (Бунъэй 文永 12-й год). Состоит из семи тетрадей: пять, в которые вошли первоначально собранные проповеди и две, в которые вошли то, что было пропущено при составлении первых пяти. Название «Записи [проповедей] Светоча на японском языке» было дано, исходя из того, что существуют «Записи [проповедей] Светоча на китайском языке» (「漢語燈録」 Канго тороку). Вызывает сомнение, что автором всех проповедей действительно является Хонэн. В храме Сайхёдзи 西法寺 хранится рукопись этого сочинения, относящаяся к концу периода Камакура. В 1321 г. (1-й год эры Гэнкё 元亨), в 1630 г. (7-й год эры Канъэй 寛永), в 1643 г. (20-й год эры Канъэй) и в 1715 г. (5-й год эры Сётоку 正徳) были опубликованы ксилографические издания. Приводим само стихотворение на японском языке: «月カゲノイタラヌ里ハナケレドモ、眺ムル人ノ心ニゾスム».

Кудзэ Цунэнори 九条経教, а отцом Дзинсона – знаменитый Итидзэ Канэси 一条兼良 (1402-1481). Приведем ниже для краткости изложения в виде хронологической таблицы установленные факты их общения.

8 марта 1456 г. (Косэ 康正 2-й год 2-я луна 2-й день) Кёгаку дарит иерарху веер.

4 июня 1457 г. (Тёроку 長祿 1-й год 5-я луна 12-й день) Рэннэ от Кёгаку получает в подарок «*тимаки* 粽・茅卷» (лакомство – рисовые колобки, обычно они заворачивались в бамбуковый лист).

9 июля 1457 г. (Тёроку 長祿 1-й год 6-я луна 18-й день) умирает Дзоннэ, отец Рэннэ. 19 декабря того же года (12-я луна 3-й день) Кёгоку посещает храм Хонгандзи, чтобы выразить свои соболезнования в связи с кончиной седьмого иерарха школы. На следующий день, 20 декабря (4-й день 12-ой луны), Рэннэ посещает Кёгоку с ответным визитом. Рэннэ становится восьмым иерархом.

16 февраля 1459 г. (Тёроку 長祿 3-й год 1-я луна 13-й день) Рэннэ в очередной раз получает подарок от Кёгаку. На следующий, 14-й день Рэннэ в ответ дарит Кёгаку веер.

15 апреля 1460 г. (Кансэ 寛正 1-й год 3-я луна 24-й день) Рэннэ наносит визит вежливости Кёгаку в Нара.

5 февраля 1462 г. (Кансэ 寛正 3-й год 1-я луна 6-й день) Рэннэ получает в подарок зеркало от Кёгаку.

2 мая того же года (4-я луна 3-й день) Рэннэ посещает с визитом Кёгаку в Нара и в подарок преподносит лекарства.

23 июня 1463 г. (Кансё 寛正 4-й год 6-я луна 7-й день) глава храма Дайдзёин 大乘院 Дзинсон 尋尊, сын Итидзё Канэси 一条兼良, посетил храм Хонгандзи и подарил Рэннё 300 листов бумаги высшего сорта.

24 июня того же года (6-я луна 8-й день) Рэннё посещает с ответным визитом Дзинсона и дарит ему коня и меч.

4 октября 1465 г. (Кансё 寛正 6-й год 9-я луна 14-й день) Рэннё посещает Дзинсона.

26 декабря того же года (12-я луна 9-й день) Рэннё наносит визит Кёгаку.

14 сентября 1466 г. (Бунсё 文正 1-й год 8-я луна 5-й день) Рэннё отправляет Кёгаку письмо.

21 декабря 1474 г. (Буммэй 文明 6-й год 11-я луна 13-й день) Дзинсон пишет письмо иерарху Рэннё.

13 июля 1475 г. (Буммэй 文明 7-й год 6-я луна 11-й день) Дзинсон пишет письмо Рэннё по поводу храмового поместья в Хосороги 細呂宜郷 провинции Кага 加賀国.

28 марта 1480 г. (Буммэй 文明 12-й год 2-я луна 17-й день) Дзинсон и Рэннё пишут друг другу письма по поводу вышеуказанного поместья в провинции Кага.

Император и сёгун также признавали заслуги в проповеднической деятельности иерарха и посетили только что отстроенный иерархом храм Хонгандзи в Ямасина (ныне район г. Киото). В то время столица лежала в руинах после 10-летней «смуты годов Ќнин (1467-1477)». К слову сказать, особняк Итидзё Канэси,

в котором хранилась одна из лучших библиотек того времени, в 1470 г. был уничтожен огнем, а сам Канэси был вынужден искать приют у сына Дзинсон, который был настоятелем храма Дайдзёин в Нара. Поэтому возведение храма Хонгандзи в Ямасина способствовало возрождению Киото. Визиты представителей императорского двора и сёгуна с супругой являются красноречивым доказательством того, что Рэннэ не стремился противостоять официальным светским властям. Это также говорит о том, что иерарх не противопоставлял себя властям. 8 мая 1480 г. (Буммэй 文明 12-й год 3-я луна 29-й день) Рэннэ получает в подарок курильницу от императора и его двора в ознаменование завершения строительства храма Ямасина Хонгандзи. 15 ноября того же года (10-я луна 14-й день) сёгун Асикага Ёсимаса 足利義政 (1436-1490) и его жена Хино Томико 日野富子 (1440-1496) посетили храм Ямасина Хонгандзи в связи с завершением его строительства. 28 мая 1489 г. (Энтоку 延徳 1-й год 4-я луна 28-й день) императорский двор преподносит подарки храму Хонгандзи.

Коноваленко Н.А.,
Восточный факультет СПбГУ

Особенности узких гласных в диалекте Идзумо

Введение и терминология

Диалект, который в данной работе будет называться «диалектом Идзумо» распространён на территории исторического региона Идзумо на юго-западе острова Хонсю. В современной административной системе этот регион примерно соответствует восточной окраине префектуры Симанэ и западной окраине префектуры Тоттори¹. В японских источниках также употребляется термин «диалект Умпаку»², так как часть его ареала распространяется за пределы исторического Идзумо, захватывая часть старинной провинции Хоки. Термином «Умпаку» обозначается территория, которую до административной реформы 1871 года занимали соседние провинции Идзумо и Хоки. Так как основной массив занимаемой диалектом территории всё же находится в историческом Идзумо, а также потому, что значение топонима «Умпаку» в неиероглифической записи является неочевидным, в рамках этой работы рассматриваемый диалект будет именоваться «диалект Идзумо».

¹ Katou, M., 1997 – *Nihongo v. 11 Hougen*, Iwanami Shoten, 1997.

² Kobayashi, Y., 1992 – Using stylus-impressed documents as historical data for the study of dialects – *Kokugogaku*, вып.171.

Обзор исследования

На материале аудиозаписей носителей был проведён анализ качества узких гласных в сравнении с носителями стандартного современного японского языка (далее – СЯЯ). На доступных нам записях присутствуют голоса четырёх информантов-носителей диалекта – двух мужчин и двух женщин. Материал по СЯЯ предоставили три информанта – один мужчина и две женщины. Также материал по СЯЯ был дополнен данными из работ других исследователей и анализом сторонних записей голосов носителей СЯЯ, взятых в сети интернет. При отборе последних предпочтение отдавалось звуковым дорожкам из выпусков теленовостей и декламированию стихов.

Исследование показало, что узкие гласные диалекта Идзумо в ряде случаев сильно качественно отличаются от своих аналогов в СЯЯ. В целом, можно выделить два или три явления: усреднение обоих узких гласных после сонорного или фрикативного (включая аффрикаты) согласного и расширение узкого гласного /i/ в инициальной позиции. Х.Киндайти отделяет усреднение гласного после сонорного от усреднения после шипящего, считая последнее проявлением так называемого «говора дзуу-дзуу»¹, в разной степени свойственного диалектам группы Тохоку, широко распространённым на северо-восточной части острова Хонсю. Помимо вышеописанных явлений также замечен случай усреднения гласного после взрывного /b/,

¹ Kindaichi, H., 1966 – *Zenkoku Hougen Shiryou v.5 Chuugoku, Shikoku-ben*, Nihon Housou Shuppan Kyoukai, 1999.

но так как пример этого сочетания фонем в записях присутствует лишь один, сделать какие-либо выводы о его регулярности невозможно.

Усреднение гласных

Усреднение узких гласных – довольно яркая особенность речи носителей диалекта Идзумо. Под усреднением в данном случае понимается изменение качества переднего или заднего гласного в сторону центральности и, реже, чуть большей открытости. Такие изменения нетрудно отследить инструментально с помощью программ для анализа звуковых данных. Чем более задним является гласный, тем меньше значение F^2 и тем больше разница между F^2 и F^3 . Аналогично – чем более широким является гласный, тем больше значение F^1 и тем меньше расстояние между F^1 и F^2 ¹.

В инвентаре СЯЯ два узких гласных – /i/ и /u/. В.В.Рыбин даёт следующие средние частоты формант для этих звуков²:

Форманты Гласные	F ¹ , Гц	F ² , Гц	F ³ , Гц
[i]	330	2181	3051
[u]	345	1127	2359

Эти данные в целом подтверждаются и данными, полученными нами в результате анализа речи информантов-носителей СЯЯ.

¹ Кодзасов, С.В., Кривнова, О.Ф. — Общая фонетика: Учебник. М.: Российский гуманитарный университет, 2001.

² Рыбин В.В. — Фонетика японского языка. СПб.: Гиперион, 2012.

В ходе сравнения качества гласных в произношении носителей диалекта Идзумо выяснилось, что в ряде случаев гласный, соответствующий /i/ в СЯЯ имеет значительно меньшее значение F^2 . Ниже приведено несколько примеров:

1. Muzukashii (трудный) – $F^2=1250$ у носителя диалекта против $F^2=2017$ у носителя СЯЯ
2. Rōjin (старик) – $F^2=1144$ против $F^2=2100$
3. Itachi (хорёк) – $F^2=1675$ против $F^2=2064$

Однако:

1. Ki (дерево): $F^2=2088$ против $F^2=1984$
2. Ikken (один дом): $F^2=2123$ против $F^2=2288$
3. Itachi (хорёк): $F^2=2135$ против $F^2=2335$

Выше приведены только те комбинации согласный-гласный, для которых удалось отобрать значительное количество примеров. В среднем значение частоты на F^2 после шипящего согласного или аффрикаты составляет $F^2=1501$. В СЯЯ средняя частота в таком окружении значительно выше – $F^2=2101$. На основании этих данных можно сделать вывод, что в диалекте Идзумо /i/ после шипящего согласного или аффрикаты реализуется как централизованный гласный /i̠/.

Аналогичное, хотя и менее ярко выраженное изменение происходит и с гласным /u/. Если в СЯЯ среднее значение его второй форманты составляет 1127 Гц, то в диалекте после шипящего согласного или аффрикаты это значение немного выше – $F^2=1443$. Таким образом после шипящих согласных или аффрикат /i/ и /u/

фактически сливаются в средний гласный звук со следующими значениями формант: $F^1=445$ $F^2=1299$ $F^3=3252$.

Однако, как отмечают Кодзасов и Кривнова, определение качества гласного по его формантной структуре не всегда может быть эффективным методом¹. Важным вопросом, который требует рассмотрения, является восприятие гласных слушателями. В данном случае интересно то, что Харухико Киндайти приписывает диалекту Идзумо свойства «говора дзуу-дзуу», при котором стираются границы между возможными в СЯЯ узкими гласными в позиции после шипящего согласного или аффрикаты. Результаты инструментального анализа поддерживают эту точку зрения, но в то же время эта казалось бы одна и та же фонема воспринимается носителями русского языка на слух по-разному. Так, произнесённые носителем диалекта слово *itachi* «хорёк», *chigau* «отличающийся», *ichiban* «первый» четыре носителя русского языка затранскрибировали кириллицей как «итацу», «цугао» и «ицубан» соответственно. В то же время, слова *gōjin* «старик», *Izumo* «Идзумо», *suru* «делать» были ими транскрибированы как «роджин», «ызумо» и «сыь» соответственно. Несмотря на то, что такое регулярное одинаковое распознавание происходит не во всех примерах, всё же можно говорить о том, что носители русского языка явно различают гласные, обладающие крайне схожей формантной структурой. Видимо, вопрос

¹ Кодзасов, С.В., Кривнова, О.Ф. — Общая фонетика: Учебник. М.: Российский гуманитарный университет, 2001

восприятия звуков носителями японского языка требует дальнейших исследований с участием самих носителей.

Неразрешённым также остаётся вопрос того, как ведут себя узкие гласные после /h/. В доступных нам материалах оказалось всего два примера такого сочетания, и они противоречивы. В слове *jōhin* «изящный» гласный явно подвергается централизации и имеет $F^2=1357$, однако в слове *higasa* «зонт от солнца» происходит изменение согласного на губно-губной /Ф/, после которого в японском языке обязательно следует /ц/. Судить о том, централизован ли в данном случае /ц/, по одному примеру невозможно.

Отдельно от усреднения узких гласных после шипящих и аффрикат мы рассматриваем усреднение, которое затрагивает /i/ после сонорных согласных /m/ и /n/. Среднее значение F^2 в этом случае чуть выше, чем после шипящего согласного – $F^2=1648$.

Расширение /i/

Вторым явлением, которые мы собираемся рассмотреть, является тенденция узких согласных расширяться в инициальной позиции. Рассмотрим примеры:

1. *Izumo* «Идзумо»: $F^1=495$ у носителя диалекта против $F^1=354$ у носителя СЯЯ
2. *Ibascogu* «важничает»: $F^1=413$ против $F^1=354$
3. *Imagogo*: $F^1=483$ против $F^1=360$

Дополнительное подтверждение тому, что /i/ в инициальной позиции часто расширяется и фактически переходит в /e/ можно найти и в Лингвистическом

атласе Японии¹: в регионе Идзумо для слов *inabikari* «молния», *ido* «колодец», *ie* «дом», *ito* «нить», *ibiki* «храп» частотными являются локальные варианты, начальный гласный в которых составители атласа передают буквой *e* – *enabikari*, *edo*, *ee/e*, *eto*, *ebiki*.

В то же время, существуют и контрпримеры. Так, инструментальный анализ не показал значительного расхождения между в частоте F^1 начального гласного в словах *ikken* «один дом», *ikitori* «сходить и вернуться», *i:yotta* «говорил». Также один контрпример есть и в Лингвистическом атласе – локальный вариант слова *ita* «доска» не отличается от стандартного. В целом, расширение инициального /i/ происходит в 71% доступных нам примеров. На данный момент не до конца ясно, обусловлены ли исключения особенностями речи информантов или же какими-либо закономерностями.

Вывод

Инструментальный анализ и детальное рассмотрение подробных лингвистических карт Японии показывают, что изменения, которым подвергаются узкие гласные /i/ и /u/ являются одной из важных отличительных черт диалекта Идзумо и требуют дальнейшего исследования для прояснения истории и генетических связей этого диалекта-изолята.

¹ *Nihon Gengo Chizu Database*, The National Institute for Japanese Language, 2007. <http://www6.ninjal.ac.jp/lajdb/>

Кудояров В.Н.,
Восточный факультет СПбГУ

**«Новые законы эры Сётоку» 1715 г. как мера по
ограничению внешней торговли в Нагасаки**

Особенностью внешней торговли Японии в эпоху *Эдо* (1603—1867) была политика изоляции *сакоку*, проводившаяся правительством *бакуфу* в 1639—1854 гг. Изначально активные, торговые отношения Японии с Португалией, Испанией, Англией, Голландией, Китаем, Кореей с 1639 г. были ограничены контактами с Голландией, Китаем и Кореей при доминирующей роли двух последних. Такая политика объяснялась угрозой распространения христианства на юго-западе Японии, открытом для контактов с европейскими государствами.

Контакты с Кореей развивались в основном на дипломатическом уровне: с приходом нового сёгуна к власти в Японию прибывали миссии с поздравлениями от корейского короля¹. В то же время отношения с Китаем и Голландией развивались исключительно в сфере торговли. Единственным портом, куда официально могли прибывать суда этих стран, был *Нагасаки*. Из Китая и Голландии в Японию поступали шёлк, лекарства, кухонная утварь, предметы роскоши, изделия из кожи, краска, ртуть, сахар, женьшень, за которые японцы расплачивались золотом, серебром и медью, экспорт которых посте-

¹ Первая миссия прибыла в Японию в 1607 г. (11-й год *Кэйтё*), после чего миссии прибывали 12 раз до 1811 г. (8-й год *Бунка*).

пенно возрастал и приводил к истощению запасов металлов в Японии.

Неконтролируемый экспорт меди и серебра вынуждал *бакуфу* сдерживать объём торговли путём введения «законов об ограничении внешней торговли» *бōэки сэйгэнрэй*. Однако они не ликвидировали контрабандную торговлю и требовали закрепления на законодательном уровне. По-прежнему оставалась актуальной и проблема сокращения экспорта меди.

Такое положение длилось до 12 апреля 1710 г. (1-й год *Сётоку*), когда губернатором *Нагасаки* (*Нагасаки бугё*) был назначен *Оока Киёсукэ* (1679—1717), занимавший эту должность до 1717 г. При нём по всей Японии была проведена инспекция медных рудников, на основании которой был составлен комплекс указов, известных под общим названием «Новые законы эры *Сётоку*» («*Сётоку синрэй*») ¹ и состоявших из 23 статей.

Как считают японские историки *Ямаваки Тэйдзирō*, *Ота Кацуя*, *Ватанабэ Ёгорō*, специализировавшиеся на исследовании торговли в *Нагасаки*, решающую роль в составлении данных указов сыграл *Араи Хакусэки* (1656-1725), известный конфуцианский учёный, историк и экономист ². Автор такого труда, как «*Сэйё кибун*»

¹ Указы носят и другие названия: «Новые указы Нагасаки» («*Нагасаки синрэй*») и «Новые указы о морской торговле» («*Кайхаку госи синрэй*»).

² *Араи Хакусэки* был советником 6-го сёгуна *Токугава Иэнобу* (1662-1712, правил в 1709-12) и 7-го сёгуна *Токугава Иэцугу* (1709-

(«Услышанное и написанное о Западе», 1715), в котором анализируются культура, история и география европейских стран¹, *Хакусэки* поддерживал культурные контакты с Западом в лице Голландии, но он выступал за ограничение внешней торговли в *Нагасаки*, опасаясь ухудшения финансового положения внутри Японии.

Хакусэки, изучив историю внешней торговли в первую половину эпохи *Эдо*, направил в 1709 г. (6-й год *Хоэй*) сёгуну *Иэнобу* свою петицию («*Хакусэки дзёсё*»), где утверждал, что в 1601—1707 гг. из Японии через *Нагасаки* было вывезено 7 192 800 *рё* золота и свыше 8 000 000 *каммэ*² серебра, и призывал резко сократить торговлю в *Нагасаки*. Взгляды *Хакусэки* основывались на принципе бульонизма (*дзюкинсюги*), ранней доктрине меркантилизма, предполагавшей административное регулирование оборота денег для удержания драгоценных металлов, и в полной мере отразились в «Новых законах эры *Сётоку*», суть которых заключается в следующем:

1716, правил в 1713-16). В своей деятельности он опирался на *Манабэ Акифуса* (1667—1720), «камергера» *собаёнин*.

¹ Этот труд был составлен после беседы *Хакусэки* с христианским проповедником Иоаном Сиротэ (Джованни Сидотти) (1668-1714), который тайно проник из Италии в Японию.

² *Рё* – японская золотая монета, *каммэ* – мера веса для серебра (3,75 кг). В японской историографии есть мнение, что *Хакусэки* просто выдумал эти числа, т.к. он не мог знать точных данных о состоянии торговли в XVII в.

1. Вводилось ограничение на количество меди и серебра, которые могли вывозить китайские купцы — 3 000 000 *кин*¹ меди, в то время как объём экспорта серебра не должен был превышать 9 000 *каммэ*. Новый объём экспорта меди был ниже уровня 1698 г. (11-й год *Гэнроку*), когда он составлял 6 402 000 *кин*. Это было вызвано трудностями в её заготовке для *Нагасаки*, несмотря на учреждение в 1701 г. «медной гильдии» *дōдза* в *Осака*, считавшейся филиалом главной «серебряной гильдии» *гиндза*² в *Эдо*.

По законам 1715 г., если меди всё же не хватало, в качестве товаров на экспорт в Китай должны были использоваться «сушёные морепродукты» *таварамоно*, самыми распространёнными из которых были трепанг *иринамако*, сушёное морское ушко *хосиаваби* и плавники акул *фука-но хирэ*. На заготовку товаров на экспорт, в том числе и морепродуктов, должны были выделяться 15 000 *рѐ*, вычитаемых из общей суммы налога *ундзѐкин*³, взимаемого с купеческих объединений *Нагасаки*.

¹ *Кин* — мера веса (600 г).

² *Гиндза* — монетный двор, где в эпоху *Эдо* чеканились серебряные монеты. Находился под контролем «управляющего финансами» *кандзѐбугѐ*. Первый филиал *гиндза* был открыт в *Фусими*, но впоследствии его разделили на филиалы в *Эдо*, *Осака*, *Киото*, *Сумиу* и *Нагасаки*.

³ В эпоху *Эдо* налогом *ундзѐ(кин)* облагались торговля внутри Японии, промышленная продукция и рыболовство, а также многочисленные купеческие объединения (*дза*, *кайсѐ*, *накама*, *кабунакама*), получавшие от *бакуфу* лицензии на свою деятельность.

2. Было ограничено число китайских судов, которые могли приплывать в порт *Нагасаки*. Если в 1698 г. туда приплыли 80 китайских кораблей, в 1710 г. (7-й год *Хōэй*) – 52 судна, то с 1715 г. ежегодно могли приплывать только 30 судов.
3. В целях пресечения контрабандной торговли владельцы китайских судов должны были получать от *бакуфу* специальную лицензию – доверительную грамоту *симпай*, дававшую право на ведение торговли. Лицензия продлевалась перед отплытием китайских купцов, причём накануне корабля и вся вывозимая продукция, вплоть до личных вещей экипажа, тщательно проверялась. В случае лишения лицензии китайскому кораблю запрещалось в дальнейшем приплывать в *Нагасаки*, а поднятый на борт груз подлежал конфискации.

Грамота *симпай* представляла собой листок японской высокосортной плотной бумаги *торинокогами*, где указывались имена получателей груза, его объём, порт приписки корабля, дата выпуска лицензии. Составление *симпай* и их визирование было обязанностью китайских переводчиков *тоцудзи*, числившихся при «службе встреч» *Нагасаки кайсё*, правительственного ведомства, с 1698 г. координировавшего торговлю в *Нагасаки*.

4. Закупочная стоимость импортной продукции устанавливалась с учётом денежного курса в районе *Камигата* (название региона *Кансай* в эпоху *Эдо*), ведущем коммерческом центре Японии, при этом

большую роль играли качество и количество продукции. Поступавшие товары проверялись чиновниками *Нагасаки кайсё* на правительственных складах в *Нагасаки*, построенных в 1702 г., после чего с китайскими и голландскими купцами проводились переговоры насчёт цен. До 1715 г. стоимость определялась путём проведения торгов между купцами (*ирэфудахо*), что не всегда приводило к твёрдым и справедливым ценам на импортные товары.

5. Вносились изменения в административную и судебную системы *Нагасаки*. Для экономии расходов число губернаторов *Нагасаки бугё* сокращалось с трёх до двух человек¹, ежегодно сменявших друг друга в *Эдо* и *Нагасаки*. В то же время был увеличен до 80 человек штат чиновников, служивших в администрации *Нагасаки*, дополнительно вводилась должность инспектора *Нагасаки* (*Нагасаки мэцукэ*), сменявшегося каждые полгода. Он должен был докладывать *бакуфу* о положении как в *Нагасаки*, так и на всём *Кюсю*.

Большинство статей «Новых законов эры *Сётоку*» регламентировали сферу деятельности китайских купцов, которые считались основными торговыми партнёрами Японии в период изоляции. Тем не менее, торговля с Голландией, хотя и считалась второстепенной, тоже была ограничена: по законам 1715 г. в *Нагасаки* ежегодно

¹ В 1699 г. (12-й год *Гэнроку*) на должность губернатора *Нагасаки* было назначено 4 человека, но уже в 1713 г. (3-й год *Сётоку*) их число было сокращено до трёх.

могли приплывать только 2 корабля, для которых максимальный объём экспорта меди составлял 1 500 000 *кин*.

«Новые законы эры *Сётоку*» сыграли важную роль в истории внешней торговли в *Нагасаки*: путём ограничения вывоза из Японии серебра и меди они стимулировали использование альтернативных способов ведения торговли через активный экспорт морепродуктов *таварамоно*, на законодательном уровне пресекалась контрабанда и устанавливался порядок проведения торговых сделок. Благодаря этим законам был усилен правительственный контроль над деятельностью местных властей, их работа стала более слаженной и оперативной. Впоследствии, во второй половине XVIII в., это привело к монополии *бакуфу* в сфере заготовки товаров на экспорт, особенно морепродуктов.

В 1716 г. (1-й год *Кёхō*), с приходом к власти сёгуна *Токугава Ёсимунэ* (1684—1751, правил в 1716—45), *Араи Хакусэки* был смещён с государственных постов, но его указы по-прежнему оставались в силе, хотя их положения, касавшиеся числа китайских и голландских судов и объёма экспорта металлов, стали меняться уже с 1717 г. (2-й год *Кёхō*)¹. Тем не менее некоторые статьи (например, определявшие порядок получения грамот *симтай*), действовали вплоть до конца эпохи *Эдо*.

¹ Так, число голландских кораблей было сокращено до одного в год, а объём экспорта меди в Голландию – до 600 000 *кин*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Sheldon Ch.D. The Rise of the Merchant Class in Tokugawa Japan. 1600—1868. New York, 1958.
2. The Cambridge History of Japan / Ed. by J.W.Hall: 6 Vols. Vol.4: Early Modern Japan. Cambridge University Press, 1991.
3. Ватанабэ Ёгорō. Кинсэй нихон бōэкирон-но тэнкай=Развитие внешней торговли Японии эры Кинсэй. Токио: Бунка сёбō хакубунся, 1978. 渡邊與五郎。近世日本貿易論の展開。東京・文化書房博文社、1978.
4. Китадзима Масамото. Эдо дзидай=Эпоха Эдо. Токио: Иванами сётэн, 1968. 北島正元。江戸時代。東京・岩波書店、1968.
5. Ōta Кацуя. Нагасаки бōэки=Внешняя торговля в Нагасаки. Токио: Дōсэйся, 2000. 太田勝也。長崎貿易。東京・同成社、2000.
6. Ямаваки Тэйдзирō. Нагасаки-но тōдзин бōэки=Торговля с китайцами в Нагасаки. Токио: Ёсикава Кōбункан, 1964. 山脇 悌二郎。長崎の唐人貿易。東京・吉川弘文館、1964.

*Леленкова А.В.,
Восточный факультет СПбГУ*

**Из истории японо-американских противоречий в
Азиатско-Тихоокеанском регионе до начала
вашиingtonских переговоров 1941 г.
(непримиримость позиций сторон)**

Начиная с XIX века ведется активная борьба за владения на Тихом океане не только между Японией и Соединенными Штатами Америки, но и другими державами, включая Англию, Германию и др. Этому, разумеется, есть свои причины, которые заключаются в следующем: удобном стратегическом положении многих островов, богатстве их минеральными ресурсами, выгодном положении островов для ведения рыболовной промышленности и т.д.

Проникновение американцев в этот регион началось ещё в первой половине XIX века. Военно-морские экспедиции коммодора Биддля, а вслед за ним и коммодора Перри в середине XIX века сыграли важную роль для дальнейшего проникновения в этот регион. Во время экспедиций были предприняты попытки завладеть островами Мидуэй, Формоза и др.

На путь территориальных приобретений за пределами американского континента США вступили в последние десятилетия XIX века, когда в стране утвердилось господство монополистического капитала. В частности, в 1857 г. американцы закрепились на Гавайях, которые стали «цитаделью» на главном пути из Америки в Азию. Особое положение на Гавайях было закреплено гавай-

ско-американским договором 1875 г., устанавливающим фактический американский протекторат. Вскоре американцам во владение отошел Пирл-Харбор.

Японцы в значительном количестве появились на Гавайях во второй половине 80-х годов. В 1881 г. был подписан японо-гавайский договор, на основе которого японцы рассчитывали быстро усилить свое влияние на островах. Однако в конце 1890-х годов было подписано соглашение между американским президентом и гавайским «правительством» о формальном присоединении Гавайев к США. «Создать преграду японскому влиянию» – было одним из важнейших доводов за формальную аннексию Гавайев. Таким образом, японская и американская экспансия столкнулись на Гавайях ещё в конце XIX века.

1898 год ознаменовался также приобретением крупнейшей колонии США на Тихом океане – Филиппинского архипелага. Этот шаг правящих кругов Америки чуть ли не закончился военным столкновением между Японией и США. Дело в том, что Филиппинские острова имели большое стратегическое и экономическое значение для обеих стран, поэтому окончательно противоречия по этому вопросу разрешились лишь по окончании Второй мировой войны.

В ответ на американскую экспансию на Тихом океане Япония в последней четверти XIX в. начала территориальные захваты. В 1875 г. по договору с Россией Япония получила Курильские острова. В 1879 г. токий-

ское правительство послало на острова Рюкю свои войска и объявило их японской префектурой Окинава. Затем японский флаг был водружен на Бонинах, островах, расположенных к юго-востоку от Японии. Крупнейшее приобретение на Тихом океане Япония сделала в 1895 г., когда после японо-китайской войны 1894-1895 гг. добилась от Китая уступки Формозы и Пескадорских островов. В конце XIX века Япония пыталась овладеть «аванпостом Гавайев», необитаемым островом Мидуэй. Однако здесь американское правительство поставило в известность японское, что острова Мидуэй и Уэйк находятся под американским суверенитетом.

Еще одной причиной серьезных трений между Америкой и Японией стали японские Мандатные острова, разбросанные к северо-востоку от Новой Гвинеи. Во время Первой мировой войны в 1914 г. Япония захватила эти острова, а в 1917 г. подписала секретный договор с Англией и Францией, по которому эти державы дали свое согласие на аннексию островов Японией. Политические деятели США немедленно выразили свое недовольство по этому поводу.

Итоги Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. в целом дали максимум того, что Япония могла выторговать при установлении послевоенного временного равновесия на Тихом океане. Однако, с конца 1931 г. представители монополистического капитала и военно-морские круги начали оказывать большее влияние на внешнюю политику Японии. Стало ясно, что судьба Вашингтонского соглашения предрешена. Соотношение сил флотов,

установленное на Тихом океане, совершенно не отвечало интересам агрессивно настроенных правящих кругов Японии. Не явился неожиданным и отказ в 1934 году Японии от Вашингтонского морского соглашения.

Неофициально японские делегаты выдвигали также предложения о признании западной половины Тихого океана японской «сферой влияния» и восточной половины – американской сферой. Это означало, что Япония претендует на господство во всей Юго-Восточной Азии и на громадном пространстве Тихого океана.

Но настоящим и главным камнем преткновения во взаимоотношениях Японии и Америки на Азиатском материке стало соперничество за сферы влияния в Китае.

С конца XVIII века американцы стали устанавливать непосредственные торговые сношения с Китаем, и уже к началу следующего века занимали второе место во внешней торговле с Китаем после Англии. Именно с этого времени началась экономическая и политическая деятельность США в этом регионе. Однако к концу XIX века в эпоху зарождения империализма американское влияние в Китае переживало период упадка. «В период ослабления американской активности и влияния в Китае к крупным державам (Англии, Франции, России), состязавшимся в усилении своих позиций, присоединилось еще одно, только недавно вышедшее из феодальных пеленок, но тем более жадное и хищническое государство – Япония»¹.

¹ Аварин В.А. Борьба за Тихий океан. Л., 1947. С.19.

Незавершенность преобразований Мэйдзи побудила Японию искать выход на внешние рынки. Позднее Япония вступила на путь капиталистического развития, что обусловило быстрый подъем монополистических объединений. Китай стал и для Японии объектом внимания. Об этом ясно свидетельствует факт развязывания японо-китайской войны 1894-1895 гг., по результатам которой Япония получила значительные привилегии в Китае, а также увеличила свои территориальные владения. Постепенно росли и укреплялись японские экономические связи с южной Маньчжурией и со всем Китаем. Таким образом, Япония к началу XX столетия заняла уже второе место во внешней торговле с Китаем, опередив США.

Особенно обострились японо-американские отношения, касающиеся Китая, в период Первой мировой войны. Проект японского правительства, известный под названием «21 требование» и врученный Китаю в 1915 г., фактически явился программой превращения Китая в японский протекторат. США же, слишком увлеченные войной в Европе, не могли оказать действенного сопротивления на тот момент времени. Однако отметим, что в 20-е — 30-е годы правительство Чан Кай-ши в Китае придерживалось проамериканской политики, что позволило Америке начать усиленное экономическое проникновение не только в Китай, но и в Маньчжурию.

«Действительно, за десятилетие с 1920 до 1930 гг. темпы роста развития реальных экономических интересов США значительно обгоняли темпы роста японской торговли и инвестиций.

И именно в эти годы под прикрытием «миролюбивой» дипломатии министра иностранных дел Сидэхара Кидзуро (幣原 喜重郎) японский империализм делал последние приготовления к военному вторжению в Китай для установления своего политического и экономического господства. Одним из элементов этой подготовки была систематическая организация «инцидентов» в Маньчжурии. Другой составной частью являлась пропаганда японо-американской дружбы.

Пока Япония готовилась к агрессии, Сидэхара, хорошо знавший экономическую мощь США, делал все возможное, чтобы сохранить с ними хорошие отношения¹.

С 1929 г. весь капиталистический мир и, в частности, США были жестоко поражены мировым экономическим кризисом, который обострил все противоречия, заложенные в версальско-вашингтонской системе: противоречия между трудом и капиталом, между странами-победителями и странами побежденными, между метрополиями и колониями. Сильный удар он нанес и хозяйству Японии. Такая обстановка толкала японских империалистов к поиску выхода из кризиса путем войны.

В ночь на 18 сентября 1931 г. на линии ЮМЖД в районе Лютяугоу произошел «взрыв», вызвавший «маньчжурский инцидент» и захват Маньчжурии. Открытая агрессия Японии явилась жестким нарушением соглашения Лиги Наций, Вашингтонского договора (пакта 9-ти держав).

¹ Аварин В.А. Указ. соч. С.85.

1922 г. и договора Келлога-Бриана 1928 г.¹ Вашингтон, являющийся участником двух последних соглашений, был обязан выдвинуть решительный протест Токио. Попробовав сперва урегулировать японо-китайский конфликт путем прямых переговоров, а также предоставив инициативу «нейтральной» Комиссии Литтона в Лиге Наций разрешить возникшую проблему, государственный секретарь США Стимсон вскоре убедился в несостоятельности такой дипломатической линии. 7 января 1932 г. Стимсон послал японскому и китайскому правительству идентичные ноты, суть которой заключалась в известной «доктрине непризнания» Стимсона:

«...американское правительство считает своим долгом известить как Императорское правительство Японии, так и Правительство Китайской Республики, что не может признать законность ситуации *de facto*, как не намерено признавать какой-либо договор или соглашение, заключенное между правительствами этих стран, которое может нарушить права США или их граждан в Китае, включая права, касающиеся суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности Китайской Республики либо международ-

¹ Речь идет о подписанном 27 августа 1928 г. в Париже международном договоре, предусматривающем отказ от войны как инструмента национальной политики. Получил свое название по именам инициаторов его заключения – государственного секретаря США Фрэнка Келлога и министра иностранных дел Франции Аристида Бриана. Участниками пакта стали 15 государств. Подписав этот международный документ, США, Великобритания и Франция заявили о своем праве вести «оборонительные войны».

ной политики в отношении Китая, известной как политика «открытых дверей»¹.

Таким образом, Вашингтон, избирая пока принцип остановки агрессора экономическими санкциями или вооруженными методами, предпочёл установить «моральные санкции» на действия агрессора.

Японские правящие круги прекрасно осознавали, что действующие в одиночку Соединенные Штаты, утпающие в экономической депрессии, не могли остановить их военной силой на тот момент.

В феврале 1931 г. в Маньчжурии было образовано «марионеточное» государство Маньчжоу-го (滿州国) во главе с последним китайским императором Пу И. Японское правительство рассчитывало сделать Пу И орудием утверждения японского господства на всей территории Китая. Не дожидаясь обсуждения доклада комиссии Литтона в Лиге наций, японское правительство поспешило признать де-юре Маньчжоу-го и подписать с его правительством 15 сентября 1932 г. протокол, который «предусматривал признание и уважение прав и интересов Японии на территории Маньчжоу-го в соответствии со всеми прежними японо-китайскими договорами»².

На заседании чрезвычайной Ассамблеи Лиги наций, состоявшейся 6 декабря 1932 г., комиссия Литтона в

¹ Доктрина Стимсона // История США в документах. — <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/doktrina-stimsonsna.php>. (дата обращения 18.01.2012.)

² Дубинский А.М., Ефимов Г.В. Международные отношения на Дальнем Востоке. Т.2. М., 1973. С.81.

своем докладе вынуждена была признать факт агрессии со стороны Японии. В докладе подчеркивалось, что Маньчжурия – бесспорная часть Китая. Однако глава японской делегации Мацуока Ёсукэ (松岡 洋右) на заседании Ассамблеи заявил, что «его правительство сильно расходуется с Лигой наций в способах достижения мира на Дальнем Востоке, и, что достигнут предел в его попытках сотрудничества с Лигой в японо-китайском вопросе»¹.

27 марта 1933 г. последовало формальное извещение японского правительства о выходе Японии из Лиги наций. Таким образом, вместо того, чтобы «прогнать» Японию из Маньчжурии, Лига наций «прогнала» Японию из Лиги. «Крики новорожденной Маньчжоу-го возвестили о предсмертном хрипе Лиги наций»².

В результате, неспособность мировых держав действовать совместно, нерешительные действия США привели к несостоятельности политики «открытых дверей». Лига наций утратила свою мощь на международной арене, система коллективной безопасности «погибла». «Вторая мировая война началась в 1931 г. на открытых всем ветрам равнинах Маньчжурии»³.

В течение 1932-1936 гг. позиция Японии в Северном Китае укрепились. Это произошло во многом из-за

¹ Дубинский А.М., Ефимов Г.В. Указ. соч. Т.2. С.102.

² Thomas A. Bailey. A diplomatic history of the American people. New York, 1964. P.699.

³ Там же.

того, что в нанкинском правительстве имелась солидная японская агентура во главе с Ван Цзин-вэем.

Между тем, Япония, оказавшись в состоянии международной изоляции, вынуждена была искать себе «союзников» в осуществлении своих планов по созданию новой дальневосточной метрополии. Одной из первых её поддержала Германия, которая находилась в похожем положении. В результате, 25 ноября 1936 г. в Берлине был подписан «антикоминтерновский» пакт между Японией и Германией. В 1937 г. к пакту присоединилась Италия, а затем Венгрия, Испания и другие страны.

Прежде всего, он был направлен против СССР, поэтому правительству США было выгодно продолжать политику «умиротворения» агрессоров в целях подталкивания Германии и Японии на войну против СССР. Исходя из убеждения, что в политической атмосфере тех лет «хорошие отношения между Японией и СССР — анахронизм»¹, правящие круги США рассчитывали на возможность разрешить обострившиеся японо-американские противоречия на Тихом океане за счет Китая и Советского Союза.

Однако просчет американской дипломатии заключался в том, что они не учли факта строительства большого военного флота в Японии, а также накопления военно-экономических ресурсов для будущей войны за безраздельное господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

¹ Grew Joseph. Ten years in Japan. New York, 1944. P.194.

Между тем внешнеполитический курс США создал благоприятную обстановку для Японии для дальнейшего вторжения в пределы Китая. Согласно принятому конгрессом США в 1935 г. «закону о нейтралитете» запрещалась продажа и перевозка вооружения тем странам, которые находятся в состоянии войны. Применение такого закона на Дальнем Востоке прежде всего наносило ущерб Китаю, наиболее зависимому от ввоза вооружения и военных материалов.

Политика «нейтралитета» США не только отвечала интересам американских монополий, но и имела свои причины. Во-первых, отсутствие поддержки и содействия Великобритании. Во-вторых, надежда на выбор «северного» направления японской агрессии, т.е. против СССР.

В конечном итоге, такая политика невмешательства вылилась в развязывании Японией войны против Китая в 1937 г.

В ночь на 7 июля 1937 г. японский гарнизон напал на 29-ю китайскую армию в районе населенного пункта Люгоуцзяо, имевшего важное стратегическое значение для японских войск. Этот «инцидент» послужил для Японии «поводом» для начала японо-китайской войны 1937-1945 гг. Это событие носит также название «инцидента» у моста Марко Поло.

В первый же год войны японские войска вступили в Тяньцзин, Пекин, Шанхай, Датун, Баодин. Японская дипломатия строила свои расчеты в Китае на увереннос-

ти в том, что она не встретит противодействия со стороны США, Англии, Франции. Бывший министр военно-морских сил Японии, адмирал Ёнаи Мицумаса (米内光政), «выступая в парламенте в марте 1937 г., заверил японское правительство в том, что Япония может не опасаться Америки по меньшей мере ещё в течение трёх лет»¹.

В декабре 1937 г. японцы образовали Временное правительство в Пекине. Генерал Тодзё Хидэки (東条英機) и Квантунская армия установили контроль над Северным Китаем и Внутренней Монголией (Маньчжурией). Имперский штаб главнокомандования разработал согласованный план действий сухопутных и военно-морских сил по взятию Нанкина, которое, по мнению генерала Мацуи Иванэ (松井岩根), должно вынудить китайцев капитулировать. Также правительство Коноэ Фумимаро (近衛文麿) назначило 16 января 1938 г. крайним сроком капитуляции и заявило о прекращении всяких переговоров с Национальным правительством Чан Кай-ши по окончании этого срока.

Началось и экономическое ущемление Китая. Например, Северо-китайская строительная компания и ЮМЖД были взяты под контроль крупными японскими монополиями — дзайбацу (財閥): Мицуи (三井), Мицубиси (三菱), Сумитомо (住友) и др.

¹ Peter Duus, Ramon H. Myers, Mark R. Peattie. The Japanese wartime empire 1931-1945. New Jersey, 1996. P.124.

На такие действия Японии американское правительство 31 декабря 1937 г. выступило с декларацией, в которой предложило следующее: «Существовала и продолжает существовать возможность для японского правительства выступить со своими предложениями... Правительство США соглашалось и сейчас соглашается обсудить подобные предложения...»¹. Но японское правительство настаивало на том, чтобы ему не мешали урегулировать «спорные вопросы» с нанкинским правительством путем непосредственных японо-китайских переговоров без вмешательства других держав.

Военные успехи, одержанные Японией на протяжении полутора лет войны, в том числе и взятие Нанкина в 1938 г., не приблизили ни на шаг политического разрешения «великой авантюры» в Китае. Декларация Чан Кай-ши 1938 г., заявлявшая о своем несогласии на капитуляцию, получила всеобщее одобрение в Китае. Больше всего на японское стратегическое положение и планы в Китае в 1938-39 гг. повлияли военные столкновения японских вооруженных отрядов с советскими войсками у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. А затем и изменение международной ситуации в связи с началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 г.

Что касается собственно японо-американских отношений, то здесь наметились некоторые сдвиги в политике США по «укрощению» агрессора, однако радикальных мер так и не последовало.

¹ Documents on American Foreign Relations. Boston, 1940. P.294.

Введение США так называемого «морального эмбарго» в 1938 г. не смогло сократить громадный поток военных материалов и сырья, шедший из Америки в Японию.

Всё же, государственный департамент США продолжал отправлять ноты с протестами и заявлениями о «возложении ответственности» на японское правительство. В одном из своих ответов от 18 ноября 1938 г. правительство Коноэ четко заявило¹, что «старый принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» уже неприменим к Восточной Азии в условиях «нового порядка»².

Такое заявление не могло не затрагивать американских интересов в Китае. В ноте протеста от 31 декабря 1938 г. Америка заявила, что не может согласиться с установлением режима, «который бы самопроизвольно лишил бы их возможности «равных прав» и соблюдения международных соглашений и договоров»³. Однако в заключение говорилось, что США не возражает против изменения старых соглашений, если оно будет достигнуто путем переговоров на справедливой основе. Тем

¹ Речь идет о декларации Коноэ о «новом порядке в Восточной Азии», опубликованной 3 ноября 1938 г. В этой декларации под Восточной Азией подразумевалось три страны: Япония, Китай и Маньчжурия, отторженная от Китая японцами и превращенная в «марионеточное» государство Маньчжоу-го.

² Ian Hill Nish. Нихон но гайкōсэйсаку 1862-1942 (Внешняя политика Японии). Киото, 1994. С.267.

³ Peace and War: United States Foreign Policy 1931-1941 // U.S. Department of State Publication. Washington, 1983. P.88.

самым Соединенные Штаты в очередной раз демонстрировали свою готовность идти на компромисс.

Возникает вопрос: почему США выбрало столь нейтральную политику в отношении дальневосточного агрессора, несмотря на то, что американские интересы в Китае были в значительной степени ущемлены? Ответ кроется в принципах проведения так называемой политики «дальневосточного Мюнхена»¹. Соединенные Штаты выбрали тактику «поощрения» дальневосточного агрессора, дабы самим не быть втянутым в войну на тот момент времени. Такое явление также можно назвать политикой «изоляции», за которую выступали реакционно-настроенные круги США, мнимо выражая свою «преданность делу мира». Политика сговора или «умиротворения» Японии была обусловлена враждебным отношением американского правительства к Советскому Союзу, т.е. расчетом американской дипломатии на поворот агрессии дальневосточного соперника в сторону СССР.

Американские монополии, заинтересованные в прибылях, стремились затянуть японо-китайскую войну.

¹ 29 сентября 1938 г. в Мюнхене премьер-министром Великобритании Н.Чемберленом, премьер-министром Франции Э.Даладье, фашистским диктатором Германии А. Гитлером и диктатором Италии Б.Муссолини было заключено соглашение. Оно предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных притязаний к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши. По сути дела, такое соглашение явилось началом проведения политики поощрения агрессору в Европе.

Они оказывали японским концернам большую помощь в создании новых отраслей военной промышленности, также снабжали Японию военно-стратегическим сырьем. Тем самым они содействовали расширению экспансии японского империализма и увеличению дальневосточного очага войны.

Не исключено, что определенные политические круги США рассчитывали подчинить своему влиянию обе воюющие страны и в момент, когда они будут «истощены» войной, перейти от «невмешательства» к навязыванию Японии и Китаю такие условия мира, которые наиболее будут соответствовать интересам Америки на Дальнем Востоке.

В январе 1939 г. кабинет Коноэ ушёл в отставку, уступив место реакционному правительству Хиранума Киитиро (平沼 騏一郎), которое взяло курс на дальнейшее сближение с фашистской Германией. Более того, японские военно-морские базы приблизились к Индокитаю, Филиппинам, Индонезии, Малайе, что не могло не взволновать американские правящие круги. Столь бесцеремонные действия японского правящего кабинета заставили Вашингтон пойти на более радикальные меры.

В июле 1939 г. государственный департамент США объявил денонсацию японо-американского торгового договора 1911 г. Подошедший срок окончания действия договора легализовал введение эмбарго на ввоз военных материалов из Америки в Японию.

К тому же подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. заставило японское правительство принять более примирительную позицию в отношении Соединенных Штатов. Теперь дальневосточный агрессор остался наедине со своими основными врагами — СССР и США.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Это событие ознаменовало собой начало Второй мировой войны. Новое японское правительство Абэ Нобуюки (安部 信行) взяло курс политики «невмешательства в войну в Европе». «Япония не намерена участвовать в войне, которая только вспыхнула, и будет концентрировать свои силы на разрешение китайского инцидента и усиление «национальной обороны» страны»¹, — говорилось в программном заявлении Абэ от 13 сентября 1939 г.

Япония не спешила выступать на стороне своих союзников по «антикоминтерновскому» пакту. Основной причиной являлось то, что Япония имела свои собственные планы захвата стран Юго-Восточной Азии путем вытеснения из этого района западных империалистических соперников. Именно это и побуждало Японию проводить выжидательную политику и отложить вступление в войну в Европе до более благоприятного момента в международной и внутренней обстановке.

Американские империалисты были обеспокоены позицией Японии, рассчитанной на нейтралитет в евро-

¹ Ian Hill Nish. Op.cit. P.268.

пейской войне и превращение Китая в монопольную японскую колонию. Военные действия, возобновленные японскими войсками в Китае в конце 1939 г., вызвали ряд дипломатических мер США, одной из которых явилась речь американского посла в Японии Джозефа Грю. В своей речи он выразил недовольство действиями японского правительства, но вместе с тем отметил, что «цели Японии, стремящейся к безопасности и стабильности на Дальнем Востоке, могут быть достигнуты без нарушения каких-либо американских прав... Японо-американские отношения могут быть улучшены путем конструктивных шагов, если позиция американского правительства будет правильно понята»¹.

Такой призыв не «раздражать японского соперника» свидетельствовал о стремлении американских правящих кругов добиться компромисса с Японией за счет Китая, Маньчжурии и СССР.

С другой стороны, кабинет Абэ не мог не считаться с дипломатическим нажимом США, тем более что, его правительство рассчитывало на урегулирование экономических отношений с США и возобновление торговых отношений путем временных переговоров между министром иностранных дел Японии Номура Китисабуро (野村 吉三郎) и послом Грю.

Но, несмотря на то, что подписания нового японо-американского договора так и не состоялось, экспорт в

¹ Grew Joseph. Op. cit. P.294-297.

Японию американской нефти, стальных изделий и других видов военно-стратегического материала в 1940 г. даже возрос.

Однако неудачи японских вооруженных сил в Китае 1939-1940 гг. показали, что японо-китайская война стала затяжной, и в январе 1940 г. на смену правительству Абэ пришло новое во главе с адмиралом Ёнаи. Новым министром иностранных дел стал Арита Хатири (有田 八郎).

Вторжение гитлеровских войск на территорию Голландии в 1940 г. послужило сигналом для расширения своей экспансии Японии в АТР.

Под маской «сохранения мира и стабильности в Восточной Азии» Япония, по сути дела, готовилась захватить Голландскую Индию — Индонезию — и превратить её в источник пополнения стратегических ресурсов, а также в удобный военный плацдарм. Новое японское правительство, таким образом, фактически отказывалось от политики «нейтралитета». 28 июня 1940 г. японский кабинет министров принял «Новые основные принципы внешней политики Японии»:

«1. Япония отказывается признать какое-либо изменение статус-кво в Восточной Азии, могущее помешать разрешению «китайского инцидента».

2. Япония обеспокоена возможными попытками изменения статус-кво в Восточной Азии как со стороны Англии и США, так и со стороны Германии и Италии.

3. Япония придерживается политики невмешательства в войну в Европе. Однако Япония будет действовать независимо от того, какое влияние война окажет на Восточную Азию»¹.

Такое решение японского правительства было прокомментировано министром иностранных дел Арита: «...страны Восточной Азии и Южных морей тесно связаны с географической, исторической, экономической и расовой точки зрения и «самой судьбой» предназначены сотрудничать друг с другом... в целях «взаимного благополучия и процветания. Ответственность за развитие этих стран возложена на Японию — будущую «стабилизирующую силу» в Восточной Азии»².

В июле 1940 г. пришедший на смену второй кабинет Коноэ разработал «Основные черты национальной политики Японии». Новый министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ (松岡 洋右) указал, что главной задачей является создание «Великой Восточноазиатской сферы сотрудничества» – Дайтоакээйкэн (大東亜共栄圏). Правительство включило в «сферу сотрудничества» Индокитай, Индонезию, Таиланд, Малайю, Бирму, Филиппины, Гуам и др. владения западных держав и США.

¹ Кудо Макото. Сյосэн мадэ но Сёваси 1926-1945 (История периода Сёва до окончания войны). Токио, 1997. С.329.

² Хандо Кадзутоси. Докюменто Тайхэйё сэнсё э но мити (Дорога, ведущая к войне на Тихом океане. Данные документов). Япония, 1999. С.190.

«Это была широкая программа установления господства Японии в бассейне Тихого океана, основанная на лозунге «Азия для азиатов». Используя буддийский принцип «хаккō итию» (八紘一宇) — «восемь углов под одной крышей», — японские империалисты намеревались сделать такой «крышей» Японию для восьми стран Восточной Азии и Южных морей»¹.

В таких условиях в сентябре 1940 г. японское правительство вновь пошло на сближение со своими союзниками по «антикоминтерновскому пакту» — с Германией и Италией, что привело к созданию нового договора.

Премьер-министр Коноэ выразил конкретные цели соглашения трёх держав:

«1. Предотвращение вступления Америки в войну, а также недопущение дальнейшего разжигания масштабной войны.

2. Установление дружески-мирных отношений с Советским Союзом»².

Несколько скептически к подписанию тройственного соглашения относились военно-морские круги в Японии. Поэтому они выдвинули министру иностранных дел Мацуока 3 основных пункта:

¹ Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959. С.43.

² Кудо Макото. Указ. соч. С.330.

«1. Право на независимое решение Японией о вступлении в войну.

2. Уступка с немецкой стороны своих бывших мандатных территорий – групп островов.

3. Гарантия того, что Германия приложит все усилия к приведению сотрудничества между германо-итало-японским союзом и СССР»¹.

В принципе это был дальновидный шаг со стороны японского флота – пойти на примирение и вовлечь в свой блок «северного» сильного противника, чтобы обратиться к борьбе с тихоокеанским соперником.

27 сентября 1940 г. в Берлине официально был подписан договор о тройственном союзе Германии, Италии и Японии.

Некоторые статья этого пакта весьма характерны:

«Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания «нового порядка» в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания «нового порядка» в восточно-азиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они берут на себя обязательство поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, а

¹ Кудо Макото. Указ. соч. С.331.

также в случае, если одна из трёх сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы...

Статья 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трёх участников и Советским Союзом»¹.

Значение Тройственного пакта для развития международных отношений на Западе и Дальнем Востоке заключалось в том, что он имел целью координировать действия стран-агрессоров, разжигателей войны для расширения масштабов Второй мировой войны и нанесения решающего поражения западным соперникам.

Приведем несколько примеров того, как оценивали подписание Тройственного пакта в Японии и Соединенных Штатах.

С точки зрения японских империалистов, подписание такого соглашения «могло помочь активизации агрессивной политики в южном направлении, обеспечить «новый порядок» в так называемой «восточноазиатской сфере процветания» и в конечном итоге изменить соотношение сил на Тихом океане в пользу Японии»². Однако такие влиятельные деятели, как Коноэ, Тодзё, Мацуока, Номура, доказывали, что пакт имеет всего лишь «оборонительный» характер, чтобы, в частности, предотвратить вступление США в войну.

¹ Гольдберг Д.И. Указ. соч. С.67.

² Там же. С.71.

На самом деле, как показали последующие события, заключение тройственного договора послужило стимулом для форсирования подготовки войны против США и Англии.

Иначе оценили Тройственный пакт в Соединенных Штатах Америки.

«Морской министр США Нокс в день подписания пакта откровенно заявил, что договор «явно направлен против Соединенных Штатов. Однако Япония потерпела дипломатическое поражение потому, что присоединение ее к тройственному союзу заставит США рано или поздно предпринять ответные действия»¹.

Политика США на Тихом океане больше не могла оставаться политикой «умиротворения» дальневосточно-го соперника.

Но необходимо принять во внимание, что, ни Япония, по причине военной неподготовленности, ни Америка не спешили идти по пути развязывания войны. Перспектива урегулирования конфликта все ещё оставалась возможной, хотя все более приобретала утешительный и номинальный характер.

Между тем, оба тихоокеанских соперника поспешно увеличивали свой военно-морской флот. Уже к началу 1941 г. Япония заметно догнала своего конкурента по показателям боеготовности. Именно к этому периоду относится разработка идеи нападения на американскую военно-морскую базу на Гавайских островах — Пирл-

¹ Lippman Walter. USA war aims. Boston, 1944. P.19.

Харбор. В условиях военной подготовки Япония особое внимание уделяло укреплению своих владений на Тихом океане – мандатных островов (Сайпан, Палау и др.), и Маршалловых островов.

Соединенные Штаты, в свою очередь, в 1939 г. разработали пять новых военных плана, получивших название «Рейнбоу» («Радуга»). Они исходили из возможности ведения войны сразу против нескольких противников на нескольких театрах войны.

Надо сказать, что основной задачей, что американской, что японской дипломатии являлось недопущение сближения или заключения союза одной из сторон с Советским Союзом. В своих записках государственный секретарь Хэлл сообщает, что «одна из главных внешнеполитических задач США заключается в том, чтобы не допустить сближения Японии с Россией»¹.

С другой стороны, «немаловажное значение в решении правящих кругов Японии вступить в переговоры с США имело опасение, что дальнейшее обострение японо-американских отношений в результате японской экспансии на юге может привести к попыткам правительства США улучшить свои отношения с СССР»².

Японский посол в Лондоне Сигэмицу Мамору (重光葵) осенью 1940 г. рекомендовал Мацуока: «Чтобы достичь определенного положения в великой Восточной Азии, необходимо строить внешнюю политику Японии

¹ The memories of Cordell Hull. London, 1948. Vol. I. P.63.

² Ian Hill Nish. Op. cit. P.282.

так, чтобы не наживать себе сразу большого количества врагов, а расправляться с ними по одному»¹.

К 1941 г. международная обстановка в Европе и в АТР все более накалялась. Подписание тройственного соглашения, оккупация Японией Индокитая в сентябре 1940 г. и ее экономическое давление на Индонезию обостряли японо-американские империалистические противоречия и приближали вооруженный конфликт в тихоокеанском бассейне.

Возникла острая необходимость решения внешнеполитических расчетов обеих государств путем начала переговоров. Официальной стадии переговоров предшествовал длительный обмен мнениями между так называемыми частными лицами, в которых негласное участие принимали государственный секретарь Хэлл и японский посол в США Номура.

«Задачи США заключались в том, чтобы обезопасить себя от выступления Японии, в случае если США будут втянуты в войну в Европе, и приостановить японскую экспансию в Юго-Восточной Азии. Взамен США проводит политику «уступок» Японии в Китае и ориентирует её на войну с СССР.

Переговоры между «частными лицами» закончились разработкой «проекта взаимопонимания между США и Японией». Основными проблемами на тот пери-

¹ Будкевич С.Л. Об одной неудавшейся попытке империалистического сговора (по поводу японо-американских переговоров 1941 г.). М., 1962. С.10.

од времени явились: обязательства Японии по Тройственному пакту; «китайский вопрос»; японская военно-экономическая экспансия в юго-западной части Тихого океана»¹.

8 марта 1941 г. начались официальные японо-американские переговоры, которые явились одними из самых «лицемерных» и «фальшивых» переговоров не только Второй мировой войны, но и дипломатической истории нового и новейшего времени. Они вошли в историю под названием вашингтонских переговоров, которым суждено было потерпеть неудачу, закончившейся трагедией — нападением японских вооруженных сил на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г. и развязыванием войны на Тихом океане.

Таким образом, выбранная американскими правящими кругами политика «дальневосточного Мюнхена» оказалась не эффективной.

Военное столкновение между Японией и США было подготовлено самой историей развития их отношений и противоречий. Она явилась логическим выходом из «лабиринта» японо-американских споров.

Вашингтонские переговоры также стали последней надеждой урегулирования и предотвращения военного конфликта, хотя лишь малая часть правящих кругов обеих держав надеялась на их успешный исход.

¹ Номура Китисабуро. Бэйкоку ни цукахиситэ — нитибэй кōсё но кайко (Воспоминания о японо-американских переговорах в качестве посла Японии в США). Иванами, 1946. С.30.

И те, и другие жестоко просчитались в планах, война, хоть и «была отложена», но оставалась неизбежной в силу глубины противоречий и непримиримости обеих сторон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аварин В.А. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. Л., 1947.
2. Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937-1939). М., 1957.
3. Березный Л.А. Японо-американские отношения 1931-1941 гг. // Вопросы истории. М., 1948. № 10.
4. Будкевич И.Я. Из истории японо-американских противоречий на Дальнем Востоке // Советское востоковедение. М., 1957. № 11.
5. Будкевич С.Л. Об одной неудавшейся попытке империалистического сговора (по поводу японо-американских переговоров 1941 г.). М., 1962.
6. Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959.
7. Дубинский А.М., Ефимов Г.В. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Книга 2.
8. Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане 1931-1941 гг. М., 1955.
9. Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937-1939 гг.). М., 1957.
10. Родов Б.В. Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938-1941 гг. М., 1951.
11. Сафронов В. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане 1931-1941 гг. М., 2001.
12. Эйдус Х.Т. Японо-американские отношения перед войной на Тихом океане. М., 1943.

13. Bailey Thomas. A diplomatic history of the American people. New York, 1964.
14. Beard Charles A. American foreign policy in the making 1932-1940. Yale, 1946.
15. Documents on American foreign relations. Boston, 1940. Vol.II-III.
16. Peter Duus, Ramon H.Myers, Mark R.Peattie. The Japanese wartime empire 1931-1945. New Jersey, 1996.
17. Grew Joseph C. Ten years in Japan. New York, 1944.
18. Iriye Akira. The origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London, 1987.
19. Lippmann Walter. USA war aims. Boston, 1944.
20. Peace and War: United States Foreign Policy 1931-1941 // U.S. Department of State publication. Washington, 1983.
21. The memories of Cordell Hull. London, 1948. Vol. I.
22. Ian Hill Nish. Нихон но гайкōсэйсаку 1862-1942 (Внешняя политика Японии 1862-1942 гг.). Киото, 1994. 日本の外交政策 1862-1942. 京都, 1994.
23. Икэда Киёси. Дайнидзисэкай тайсэн (Вторая мировая война). Токио, 1998. 池田 清. 第二次世界大戦. 東京, 1998.
24. Комуро Наоки. Дайтōасэнсō коко ни ёмигаэру (Так оживает Великая Восточноазиатская война). Токио, 1995. 小室 直樹. 大東亜戦争ここに甦る. 東京, 1995.
25. Кудо Макото. Сјусэн мадэ но Сёваси 1926-1945 (История периода Сёва до окончания войны 1926-1945 гг.). Токио, 1997. 工藤 誠. 終戦までの昭和 1926-1945. 東京, 1997.
26. Мирай Нагамицу. Сэнсō гисэйся то нихон но сэнсō сэкинин (Жертвы войны и японские виновники войны). Токио, 1995. 三浦 永光. 戦争犠牲者と日本の戦争責任. 東京, 1995.
27. Номура Китисабуро. Бэйкоку ни цукахиситэ – нитибэй кōсё но кайко (Воспоминания о японо-американских переговорах в качестве посла Японии в США). Иванами, 1946. 野村 吉三郎. 米国に於して-日本交渉の回顧. 岩波書店, 1946.
28. Хандо Кадзутоси. Докюмэнтō. Тайхэйё сэнсō э но мити (Дорога, ведущая к войне на Тихом океане. Данные документов).

Япония, 1999. 半藤 一利. ドキュメント. 太平洋戦争への道. 日本、1999.

Ресурсы интернет:

29. Доктрина Стимсона // История США в документах. – <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/doktrina-stimsona.php>. – 18.01.2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Том 1

Рыбин В.В. Будем помнить! (к 120-летию Н.А.Невского)	3
Бакшеев Е.С. Изучение Н.А.Невским языка и культуры Рюкю	10
Борисова А.А. Женщины в системе иэмото в современной Японии	18
Борисова А.С. Круг научных дисциплин, связанных с переводами псалмов на японский (опыт одного исследования)	28
Бреславец Т.И. Концепция аварэ в критике ФУДЗИВАРА Сюдзэй	37
Врадий С.Ю. Китайские сочинения в Японии периода Бакумацу	48
Добринская О.А. О распространении японского языка в Центральной Азии	65
Ибрахим И.С. Анализ средств реализации и особенностей восприятия эмотивной информации в речи носителями разных диалектов японского языка	77
Иванова Ю.В. Театр и драматургия в творчестве АРИЁСИ Савако	100
Исакова П.А. Очерк литературной традиции «сидзэнсюги» (кон. XIX – нач. XX в.)	110
Исса Н.Х. Подписи на мечах эпохи дзёто и раннего периода эпохи кото	119
Климов А.В. Остров Сахалин в дневниковых записях МАЦУДА Дэн-дзюро	136
Климов В.Ю. Интеллектуальный багаж Высокомудрого Рэннё (1415-1499)	155
Коноваленко Н.Л. Особенности узких гласных в диалекте Идзумо	177
Кудояров В.Н. «Новые законы эры Сётоку» 1715 г. как мера по ограничению внешней торговли в Нагасаки	184
Леленкова А.В. Из истории японо-американских противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе до начала вашингтонских переговоров 1941 г. (непримиримость позиций сторон)	192

Том 2

- Лещенко Н.Ф.** «Особенно важно помнить, какие были у нас (и когда-то среди нас) люди» 222
- Малашевская М.Н.** «Пять упущенных возможностей» – концепция истории русско-японских отношений 1956-2002 годов во взглядах ТОГО Кадзухико 242
- Маранджян К.Г.** «Культурный самурай» – представление о «культуре» и «воинственности» в начале эпохи Токугава (на материале «Бесед со старцем» НАКАЭ Тодзю) 254
- Мотрохов А.И.** О религиозно-эстетическом восприятии моря в древней японской поэзии (на примере песен поэтической антологии «Манъёсю») 265
- Нечаева Л.Т.** Транспонирующие суффиксы письменного стиля японского языка 284
- Осадча Ю.В.** "Общие рассуждения о прозе" ФУТАБАТЭЙ Симэй в контексте японской литературной критики конца XIX ст. 293
- Османов Е.М.** Военная система Японии VII-VIII вв.: особенности комплектования и функционирования 305
- Парфёнова О.** Этноспецифическая характеристика знаков препинания в японском языке 328
- Синицын А.Ю.** Об особенностях описания произведений традиционного японского искусства из собрания Великого князя Николая Александровича Романова, привезенных из Путешествия на Восток в 1890-1891 гг. (по материалам описи №312 МАЭ РАН) 340
- Строева М.В.** Японское чрезвычайное посольство на коронации 1896 г. 354
- Филиппов А.В.** Экономика, политика и социум Японии (втор. пол. XX – нач. XXI в.) – попытка периодизации 364
- Хронопуло Л.Ю.** Сказочный интертекст и аллюзии в повести ОЦУ Ити «Исиномэ» 396
- 荒川好子= АРАКАВА Ёсико.** 震災後に求められたポピュラーソングの歌詞分析 = Анализ текста японских песен, которые были популярны после землетрясения 407
- 安元隆子= ЯСУМОТО Такако.** 「さくら」と日本人
～J-POP から読む現代人にとっての「さくら」～ 423

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ (общество, культура, язык):

Материалы российских и японских исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых
120-летию со дня рождения Н.А.Невского.

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика 28.02.12
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,27. Тираж 150 экз. Заказ № 31

Отпечатано в типографии «Литография»,
191119, Санкт-Петербург, Днепропетровская ул., 8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №4

ЯПОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ
(общество, культура, язык)
к 120-летию со дня рождения Н.А.Невского
(1892-1937)

том 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

ББК 70/79+80/84 (5 Япо)

Коллективная монография подготовлена и издана при поддержке СПбГУ

*Печатается по решению
Учёного совета Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ: В.В.Рыбин, А.В.Филиппов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Соколов А.М. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. ист. наук Самойлов Н.А. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: канд. ист. наук Османов Е.М.,
канд. филол. наук Рыбин В.В., докт. ист. наук Филиппов А.В.,
канд. ист. наук Синицын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Японоведение сегодня (общество, культура, язык): Материалы российских и японских исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 120-летию со дня рождения Н.А.Невского [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №4]: В 2 томах. Том 2. – СПб. – Изд-во РХГА, 2012. – 215 с.

Оригинальное научное исследование подготовлено усилиями специалистов-японоведов из научных учреждений России, Украины и Японии. Авторами коллективной монографии являются хорошо известные японоведы и молодые перспективные учёные. Издание приурочено к 120-й годовщине со дня рождения одного из выдающихся отечественных японоведов Н.А.Невского (1892-1937). Разнообразие направлений и современные достижения весьма рельефно продемонстрированы в предлагаемом вниманию читателя труде.

Проблематика издания отображает и по-своему уникальный срез по тематике спецкурсов, читаемых в высших учебных заведениях Российской Федерации. Диапазон исследований, охватываемых в монографии, представляет как общественные науки (экономику, историю, этнографию и культурологию), так и изыскания в филолого-литературной области. Ведомственная принадлежность авторов указана в начале каждой статьи.

Для востоковедов, широкой общественности, интересующихся Японией, её языком и культурой. Монография может быть рекомендована для изучающих соответствующие учебные дисциплины. Материал приводится на русском и японском языках.

© Авторский коллектив, 2012
© Восточный факультет СПбГУ, 2012

ISBN 978-5-88812-537-3

II

*Лещенко Н.Ф.,
ИВ РАН*

**«Особенно важно помнить, какие были у нас
(и когда-то среди нас) люди»**

«Куда полезней изучать не книги, а людей»
Франсуа де Ларошфуко

Эти слова принадлежат Н.И.Конраду и я не случайно вынесла их в заглавие своего доклада, поскольку хочу рассказать о трех японоведах – А.А.Гальперине, Г.И. Подпаловой и А.Е.Глускиной, которые на многих направлениях отечественного японоведения были зачинателями и первооткрывателями, оставив после себя прекрасные работы. Прошлое российского японоведения – та сфера, где ничего нельзя изменить, но рассказывать о ней следует, особенно о 30-50-х годах, когда судьбы многих ученых оказались оборванными или изломанными, в зените своего научного творчества некоторые были расстреляны, другие умерли от невзгод и лишений или оказались в лагерях. Эти трагические годы были временем проверки на честность и порядочность. Но в науке и в жизни они были ЛИЧНОСТЯМИ, которые могли противостоять давлению, не изменяя своим научным приверженностям и человеческим идеалам, сохранив в самые трагические минуты порядочность и чувство собственного достоинства.

Наука была для них делом жизни, образом жизни, а не работой за вознаграждение. Они не только хорошо знали изучаемую страну, хотя по разным причинам некоторые из них никогда в Японии не бывали, но и относились к ней с любовью и уважением. Они щедро делились своими знаниями со студентами и аспирантами,

помогая им выбрать ту тропинку в науке, которая отвечала природным способностям и склонностям их учеников. Многие из нас, их учеников, оценили масштаб личности УЧИТЕЛЕЙ лишь спустя годы, поскольку они никогда не кичились знаниями, а о многих их благородных поступках мы узнали лишь впоследствии от людей, которым они, рискуя, помогали в трудную минуту.

В 1950 году по решению Президиума АН СССР в Москве был создан единый научно-исследовательский востоковедный центр, в задачу которого входило изучение современного Востока. Во исполнение этого решения Институт востоковедения был из Ленинграда переведен в Москву, а в Ленинграде было оставлено его отделение (сейчас это Институт восточных рукописей РАН). Позже сотрудники Отдела Японии в основном были переориентированы на исследование современных проблем по указанию ЦК КПСС. Так, Г.И.Подпаловой поручили заниматься правой социал-демократией, хотя у неё был собран материал по крестьянскому движению в эпоху Токугава, а П.П.Топехе вместо истории периода Мэйдзи пришлось заниматься историей рабочего движения. Только А.А.Гальперин смог продолжить заниматься историей эпохи Токугава, но он неожиданно умер в 1960 году. И длительное время эта эпоха не изучалась в нашей стране, тому было много причин.

Этот доклад я в большей степени адресую молодому поколению японоведов, будет очень печально, если мы забудем эти имена и тем самым утратим добрые традиции российского японоведения, предав забвению свои корни и истоки. Работы этих японоведов давно стали

достоянием отечественной и мировой науки и я не ставлю своей задачей дать научную оценку их работ, за меня это давно сделало время, я постараюсь по возможности раскрыть их человеческие качества. Насколько я знаю, лекций по истории российского японоведения нигде не читают.

За стеклом книжной полки у меня дома стоит фотография, с которой смотрят глаза удивительно доброго, умудренного опытом человека – он как бы задумался на несколько секунд. Это одна из последних фотографий Александра Львовича Гальперина, прекрасного человека и талантливого историка-японоведа, таким он и остался в памяти своих учеников. Обладая блестящей эрудицией, он был вместе с тем удивительно скромным и доброжелательным человеком. Студенты и аспиранты очень его любили и сейчас, встречаясь друг с другом, мы вспоминаем о нем с теплотой и благодарностью.

А.Л.Гальперин родился в Баку в 1896 году, через несколько лет семья переехала в Москву. Окончив школу с золотой медалью в 1913 году, он поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Первая мировая война прервала его занятия в университете – он был направлен на фронт санитаром. Вернувшись с фронта, он продолжил учебу в университете. Заинтересовавшись странами Востока, он поступил и на японское отделение Петроградского института живых восточных языков, университет он закончил в 1922 г., институт в 1924 г.

После окончания учебы А.Л.Гальперин переехал в Москву и десять лет проработал в Высшем совете народного хозяйства. С 1932 г. он начинает заниматься и педагогической деятельностью, которую не оставлял до последних лет жизни. Он преподавал страноведение в Военной академии им. М.В.Фрунзе, читал курс новой и новейшей истории стран Востока в Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина, с 1944 г. стал читать лекции по средневековой и новой истории Японии и истории международных отношений на восточном отделении исторического факультета МГУ, где стал зачинателем новой отрасли востоковедной науки – истории изучения Востока в России и зарубежной историографии стран Дальнего Востока. С 1956 по 1960 год он продолжал читать этот же курс лекций в Институте восточных языков при МГУ и на историческом факультете МГУ. Тогда же он начал новый курс лекций по историографии Японии, что явилось результатом длительного и вдумчивого изучения истории Японии. К сожалению, этот курс лекции из-за неожиданной смерти ученого остался незаконченным.

Я поступила на восточное отделение истфака МГУ в 1953 г. И в выборе страны сыграл роль его величество случай. Тогда все рвались на Китай, популярны были страны Арабского Востока, но Япония... Но тетя моей подруги, еще до революции совершившая с мужем кругосветное путешествие, одев японское кимоно, очень живо описала мне Японию, которая произвела на нее неизгладимое впечатление, уговорила выбрать Японию, за что ей огромное спасибо. Декан истфака А.В.Арцихов-

ский пробовал отговорить меня от этого решения, мотивируя трудностям в изучении языка, но видя, что я твердо решила изучать историю Японии, предупредил, что обратного хода не будет и пожелал удачи. Так я стала студенткой А.А.Гальперина.

С 1950 г. А.А.Гальперин начинает работать в Институте востоковедения. В его научно-исследовательской работе начинается новый этап, связанный с изучением социально-экономической истории Японии эпохи Токугава (1603-1867), остававшейся белым пятном в отечественном японоведении. Работая над темой, он опубликовал ряд статей. В 1958 г. вышли «Очерки новой истории Японии», в написании которых А.А.Гальперин сыграл исключительно большую роль и как ответственный редактор и как автор одного из основных разделов – эпохи Токугава. На всей работе лежит отпечаток масштаба личности и таланта историка. По сей день эта книга востребована, читается и в Японии, продолжая оставаться основным пособием по истории Японии XVI – начала XX вв., она давно стала библиографической редкостью.

Осознавая важное значение эпохи Токугава в истории Японии, ученый вел обширные исследования по этой теме, тщательно изучал документы, но неожиданная смерть прервала все его замыслы. Незаконченная рукопись увидела свет только благодаря усилиям его учеников и аспирантов, а также жены ученого. Рукопись была издана, с моей точки зрения, не под совсем удачным названием – «Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма». Содер-

жание книги, однако, выходит за рамки названия – это скорее социально-экономическая история Японии XVI – пер.пол. XVII вв., где проанализированы процессы, происходившие в аграрной сфере, показаны новые слои японского купечества, проанализированы важнейшие вехи и события истории Японии этого периода. В этой работе он не только ввел в научный оборот огромное количество литературы, но и заселил пространство истории живыми людьми разной социальной принадлежности. На книжной ярмарке я купила книгу «Японская мозаика», это сборник статей памяти В.Н.Горегляда. Его ученица Е.Ю.Варшавская, которая сейчас работает в США, ссылается на эту работу А.Л.Гальперина. Меня это очень порадовало. Книга продолжает оставаться востребованной, особенно востоковедами, поскольку ученый использовал большое количество исторических материалов. Огромная эрудиция позволяла ему опровергать и смело критиковать те положения, которые казались несостоятельными или мало аргументированными, например, об экономической отсталости Японии в XVI в.

Уже со студенческих лет А.Л.Гальперин старался привить студентам вкус к научной работе, щедро делясь с ними опытом и знаниями. Добрый и отзывчивый, он был строг и требователен как преподаватель, любовь и почтительное отношение к нему заставляли нас тщательно готовить свои курсовые и дипломные работы. Темы, как правило, выбирались недостаточно или совсем неизученные в российском японоведении. Он не подсказывал решения возникших проблем, а стремился в беседе

направить студента или аспиранта на путь подлинного научного поиска.

Я писала дипломную работу на тему «Проблема дза (цехи ремесленников) в японской историографии», в процессе работы приходилось переводить документы, что было делом довольно трудным, поскольку в университетской библиотеке в те годы было мало необходимых словарей и справочников. Здесь помощь учителя была неоценимой. Он многим помог найти свой путь в жизни, определить сферу своих научных интересов

Научные степени, звания, должности не заменят ни истинных знаний, ни самого главного – человеческой порядочности и гражданского мужества, что проявилось, когда А.Л.Гальперин помогал попавшим в трудную ситуацию. Его соседка по квартире Рика Ефремовна в 1937 г. была арестована и выслана из Москвы. Она была одинока, без родных, без средств к существованию. Александр Львович отправлял ей в лагерь деньги, посылки. В 1946 г. с поселения она приехала в Москву в отпуск, где оказалась в довольно бедственном положении. В доме Гальпериных ее тепло приняли, обогрели, снабдили деньгами. В те годы нужно было обладать мужеством, чтобы помогать жертвам репрессий. Сам он никогда об этом не говорил, как и о многом другом, а ведь он буквально спасал людей.

А.Л.Гальперин умер 12 августа 1960 г. на утреннем заседании японской секции Международного конгресса востоковедов. И долгие годы эпоха Токугава не изучалась российскими японоведами.

Галина Ивановна Подпалова пришла на работу в Институт востоковедения в 1955 г. К этому времени она успела закончить аспирантуру в Тихоокеанском институте АН СССР и защитить в 1946 г. диссертацию по малоизвестной в советском японоведении теме «Крестьянское петиционное движение в Японии XVI и начала XVIII веков». Её исследование было сопряжено с многими трудностями, одна из которых — чтения и перевод документов, что требовало хорошего знания не только старого языка, но и истории страны. В науке она была великим тружеником, поэтому написала прекрасную работу (монография была издана в 1960 г.), в которую был включен перевод ряда исторических документов, касающихся важных сторон экономической и политической жизни Японии того времени. Я думаю, что А.Л. Гальперин познакомился с Г.И.Подпаловой, когда работал в Тихоокеанском институте, где он сам работал с 1943 г., поэтому неудивительно, что она вошла в состав авторского коллектива «Очерков новой истории Японии».

Галина Ивановна Подпалова любила историю Японии, причем один из самых интересных её периодов — Токугава, время бурного и динамичного развития страны. Но жизненные обстоятельства у нее сложились так, что непосредственно наукой она смогла заняться, когда ей было уже 50 лет.

Г.И.Подпалова — человек непростой судьбы. Родилась она в 1904 г. в Полтавской губернии в дворянской семье, школу окончила в 1921 г. в Иркутске и поступила на восточный факультете Дальневосточного университета во Владивостоке, где велась подготовка востоковедчес-

ких кадров практического профиля. Отец умер в 1923 г. и ей приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. Поскольку средств к существованию не хватало, она подрабатывала делопроизводителем в губернском финансовом отделе.

Еще будучи студенткой, Галина Ивановна побывала на практике в Японии, где работала переводчиком в Торгпредстве СССР в Токио и в Советском консульстве в Хакодате. Пробыла она в Японии с сентября 1925 г. по окт. 1931 г. Ей представилась прекрасная возможность увидеть страну, расширить и углубить свои знания по истории и культуре Японии. Повседневная языковая практика позволили ей постигнуть сложность особого языкового стиля официальных документов (камбун и бунго), что пригодилось позднее, когда работая над диссертацией, она переводила исторические документы.

В 30-е годы многие востоковеды, хорошо знавшие язык, попали на работу в различные организации, в том числе и на Лубянку. Так случилось и с Г.И.Подпаловой. С 1932 г. она служила в этой системе и одновременно преподавала японский язык в различных учебных заведениях, читала курс истории Японии на историческом факультете в МГУ, с 1950 по 1955 г. преподавала японский язык в Институте иностранных языков Советской Армии. Многим японоведам она дала путевку в научную жизнь, обучая их японскому языку или помогая писать кандидатские диссертации. Её бывшие студенты и аспиранты вспоминают ее с любовью и уважением.

В декабре 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс по делу 12 бывших военнослужащих японской армии, обвинявшихся в подготовке и применении бактериологического оружия. Г.И.Подпалова была переводчиком на этом процессе, переводила различные официальные японские документы. Работа эта требовала не только прекрасного знания специфического стиля письменного языка, но и большого нервного напряжения — каждый переводчик нес личную ответственность за точность перевода. Наказания за любые, даже мелкие оплошности, были очень суровыми

Очень мягкая в общении, спокойная и ровная, Галина Ивановна была человеком твердой воли, целеустремленным и дисциплинированным. Никакая практическая работа не смогла заглушить в ней интерес к японской истории, а обширные знания в этой области помогли ей стать прекрасным специалистом. Она была и историографом российского японоведения, поскольку лично знала многих японоведов старшего поколения и оставила о них память в виде статей, воспоминаний об их жизни и научном наследии, за что мы должны ей низко поклониться.

Г.И.Подпалова активно участвовала в научных и культурных контактах нашей страны с зарубежными странами. Она выступала с докладами на международных симпозиумах в Киото, Канберре, Париже. В 1964 г. три месяца она была в научной командировке в университете Рицумэйкан в Киото и где её до сих пор вспоминают. В 1987 г. университет Рицумэйкан избрал её

почетным профессором. В 2009 г. в журнале «Дзёсэй-сигаку», №19 по инициативе главного редактора этого журнала профессора Вакиа Харуко была опубликована моя статья о Г.И.Подпаловой. Профессор Вакиа была лично знакома с Галиной Ивановной и высоко ценила ее не только как прекрасного специалиста по истории Японии, но и как обаятельного человека.

Как говорил японский монах Кэнко-хоси, «если у вас есть что оставить кому-нибудь после смерти, лучше всего отдать это еще при жизни». Именно так и поступила Галина Ивановна — всем своим друзьям, знакомым и сослуживцам она что-то оставила на память.

«Если бы человеческая жизнь была вечной и не исчезала бы в один день...» Умерла Галина Ивановна 28 февраля 1994 г.

Подвиги в жизни совершаются по-разному. Иногда это может быть многолетняя работа, требующая самоотверженности и полной отдачи, напряжения умственных и душевных сил, отречения от многих земных благ, словом это работа, которая становится содержанием всей твоей жизни и превращается в творческий подвиг. Вот такой творческий подвиг и совершила Анна Евгеньевна Глускина, переведя на русский язык японскую поэтическую антологию VIII века «Манъёсю». Даже если бы эта работа была единственной в её творческом наследии, имя её навсегда осталось бы среди тех, кто причастен к сокровищам мировой культуры.

Родилась А.Е.Глускина в 1904 г. в Тюмени в семье врача. Уже в ранней юности ее талант проявился многи-

ми гранями: она любила музыку и живопись, её влекла сцена. Ей нелегко было решить вопрос — чему же отдать предпочтение. Выбор был сделан в пользу музыки, но вмешался случай — накануне вступительных экзаменов она поранила иголкой палец правой руки, произошло заражение крови, вынужденная операция и с мечтой о музыкальном образовании пришлось проститься навсегда. В 1921 г. она поступила на японское отделение Петроградского института живых восточных языков и одновременно училась на восточном факультете Петроградского университета. Интерес к японской культуре, поэзии, народному театру пробудили в ней лекции Н.И.Конрада, которые она слушала в университете. Темой её дипломной работы была антология «Манъёсю». Переводить стихи она начала в 22 года, уже в 1926 г. в Ленинграде вышла маленькая книжка её переводов «Песни Ямато».

После окончания университета А.Е.Глускина начала работать в Музее антропологии и этнографии АН СССР, в 1928 г. поехала от музея в научную командировку в Японию для приобретения этнографической коллекции для японского отдела музея. Это был поистине счастливый случай увидеть страну и непосредственно соприкоснуться с ее культурой. Она тогда и представить себе не могла какой болью и страданиями отзовется в её судьбе эта командировка.

В 2003 г. профессор Накамура Ёсикадзу, хорошо известный в России филолог-русист, подарил мне свою вышедшую в Санкт-Петербурге книгу — «Незримые мосты через Японское море. История и литература в поле русско-японских взаимоотношений». В книгу вошли ста-

тьи, написанные профессором Накамура за три с лишним десятка лет. В сборнике опубликована и статья «Анна-сан в Японии», впервые она была напечатана в журнале «Знакомьтесь-Япония», 1999, №25. Сборник статей «Российские востоковеды. Страницы памяти» вышел в 1998 г., поэтому сведения о пребывании А.Е.Глускиной в Японии, к большому сожалению, в статью о ней не попали. Анна Евгеньевна была в Японии только один раз, но оставила о себе неизгладимую память, ее до сих пор там помнят. Благодаря сведениям о пребывании А.Е. Глускиной в Японии, приводимых профессором Накамура, убеждаешься, что Анна Евгеньевна уже тогда обладала талантом не только ученого и переводчика, но и поэта, пропустившего стихи через свое сердце.

Среди студентов-японистов тех лет было популярным подбирать себе японскую фамилию и имя, А.Е.Глускина уже тогда имела японское имя Симидзу Намико, жившие в России японцы знали её под этим именем, ее так называли и в Японии. Н.И.Конрад снабдил свою бывшую студентку рекомендательным письмом к Н.А.Невскому, с которым она несколько раз встречалась. Но многое в ее дальнейшей научной и творческой судьбе определила встреча с Сасаки Нобуцуна, выдающимся японским филологом, большого знатока древних поэтических памятников, специалистом по «Манъёсю». Он сам писал пятистишия и вел литературное объединение любителей танка. Особенностью его пятистиший считались такие качества, как свежесть, богатство чувств и артистизм. У Анны Евгеньевны были рекомендательные письма от Рабоче-Крестьянской Академии наук, адресо-

ванные видным японским ученым. Японскую Императорскую Академию наук возглавлял тогда химик Сакураи Дзёдзи, который в марте 1928 г. посетил дом Сасаки Нобуцуна и попросил разрешить А.Глускиной присутствовать на его лекциях в Токийском Императорском университете и на других занятиях по японской классической литературе, об этом упоминается в мемуарах Сасаки Нобуцуна. Он тоже был членом Академии наук и о его большом авторитете как ученого свидетельствует тот факт, что президент Академии собственной персоной пожаловал к нему домой, чтобы просить за иностранного стажера, – сейчас, отмечает Накамура Ёсикадзу, такое и представить невозможно.

Сасаки Нобуцуна вел литературное объединение любителей танка «Тикухакукай» («Общество бамбука и дуба»), где Глускину приветливо встретили, она часто бывала в доме Нобуцуна и получила возможность печататься в периодическом издании «Общества». Её первая статья называлась «О японоведении в Ленинграде и впечатления от Японии». А вот что написала жена Нобуцуна, Юкико, в журнале «Цветы сердца», 1928, № 6, под названием «Русская гостья»: «После долгого перерыва Японию посетила посланница России. Это госпожа Анна Шварцман (фамилия Глускиной по мужу – Н.Л.), имя ее в духе страны Ямато – Симидзу Намико. Она выступила с докладом на нашем собрании, на котором праздновался выход в свет сборника пятистиший «Источник». Ее японский язык – ВЫРАЗИТЕЛЕН И БОГАТ (выделено Н.Л.). Потом она отправилась в путешествие в Киото, Осака и Нара, где имела возмож-

ность увидеть образцы искусства японской древности, которыми она немало очарована. В будущем она, по ее словам, намеревается выполнить сокращенный перевод и разнообразные исследования «Манъёсю», насколько это будет возможно. Думаю, что и нам не следует уступать этой молодой женщине, тем более иностранке, по части научного энтузиазма».

По случаю отъезда А.Е.Глускиной из Японии в Академии наук был устроен вечер, где она читала пятистишия из антологии «Кокинсю» и Юкико-сан в №12 журнала «Цветы сердца» отмечала, что «мы слушали ее выступление и невольно изумлялись про себя – каким образом удалось ей выучить японский язык до такой степени совершенства и говорит на нем с такой изысканностью?» По пути в Россию из Цуруга Глускина прислала стихотворение «Учителю Сасаки», оно хранится в доме-музее Нобуцуна «В душе моей- // сон или явь – не пойму, // когда вспоминаю страну на Востоке, // где цветут цветы песен» (Вага кокоро // Юмэ ка уцуцу ка. // Химагаси-но // Ута-но хана саку // Куни-о омоэба.

Встреча с Сасаки Нобуцуна несомненно была одной из главных удач, пользуясь его советами она смогла купить литературу, необходимую для перевода антологии. И в дальнейшем он присылал ей нужные материалы, например, «Словарь «Манъёсю».

А.Е.Глускина объехала многие префектуры Японии в поисках материалов для коллекции Музея антропологии и этнографии, собранные ею материалы заняли достойное место в музее.

Трагедия 1937 г. не обошла семью А.Е.Глускиной, был арестован муж, в 1938 г. – Анна Евгеньевна. Через год и три месяца ее выпустили, восстановили во всех правах и на работе. А в сердце и спустя годы осталась незаживающая рана и вечная боль. И родились такие строки. Детям

Одна тревога мучит без конца...

Я все стерплю, я поборю усталость,

Но как мне вам сказать, что нет уже отца?

1941 год. Страшные испытания обрушиваются на семью А.Е.Глускиной. Случилось так, что с двумя маленькими детьми она осталась в осажденном Ленинграде и только в 1942 г. по «дороге жизни» выбирается из промерзшего, осажденного и голодного города и попадает в Фергану, где в это время размещался Военный институт восточных языков, где она была доцентом японской кафедры.

В 1943 г. А.Е.Глускина переезжает в Москву и начинает работать в Московской группе Института востоковедения, куда входил и Н.И.Конрад. Эта группа объединяла ученых высокой квалификации из Ленинграда и Москвы, а потом вошла в состав Института востоковедения, переведенного из Ленинграда в Москву

В большом научном наследии, которое оставила после себя Анна Евгеньевна, жемчужиной сверкает перевод «Манъёсю». «Собрание мириад листьев», так по-русски звучит название антологии, включающей 4516 песен, в которых отразились природа, быт, старинные обычаи

и обряды, исторические события и иные стороны жизни японского народа. «Манъёсю» – это огромный особый поэтический мир, с вечной темой любви и разлуки, тоски и печали. Все песни разнообразны по жанру, стилю и содержанию, их писали не только поэты, но и пограничные стражники, рыбаки, землепашцы и другие простые люди.

Отдельные стихи из этой антологии переводились еще до революции, но это были переводы с европейских языков, а Анна Евгеньевна впервые сделала полный перевод со старояпонского. Чтобы донести до читателя всю перевозданную прелесть стиха, необходимо было обладать талантом не только ученого и переводчика, но и поэта, пропустившего стихи через свое сердце. А.Е.Глускина снабдила перевод прекрасным научным комментарием. Этот кропотливый труд требовал большой эрудиции, знания культуры, истории, этнографии и национального характера. «Манъёсю» для перевода было выбрано не случайно, это не только первый письменный памятник, но и сама жизнь во всем ее многообразии.

А.Е.Глускина начала эту титаническую работу в 1933 г., закончила в 1957 г. и только в 1971-1972 гг. работа увидела свет, 15 февраля 1972 г. она защитила ее как докторскую диссертацию.

Вот как другой поэт оценил поэтический дар Анны Евгеньевны, проявившийся в ее переводах, где слова и фразы жемчужно играют, а читателю остается лишь насладиться результатами. «Все сделано за нас: непостижимая даль иного языка, иного времени, иной и плени-

тельной души, накрепко зашифрованной в таинственные знаки, оберегающие замкнутость национального духа от грубого любопытства чужестранцев, – все это преодолено, но вовсе не обижено, не повреждено, а в целости и сохранности преподнесено нам, для нашей радости. Предаваясь блаженству этого чтения, мы не замечаем, что предаёмся важному поучению, просвещению, улучшению ума и сердца, которые дают удобно и легко – тяжким усилием чьей-то любви, кропотливости, сосредоточенности, многознания и прочих качеств, для краткости и справедливости именуемых талантом переводчика... И лишь потому, что переводчик... сильно одарен поэтической гармонией, не схоластическим знанием, а убедительной достоверностью яви, приходится нам по душе дивные поэты и поэтессы Японии, жившие так давно, любившие так нежно, страдавшие так сильно, возведшие беззащитную хрупкость в неувядаемое могущество. Мне хотелось бы лишь поблагодарить Анну Евгеньевну Глускину за их прельстительные песни, плачи, вздохи, стенания, за музыку, собранную в перламутровой раковине, за сильное действие всечеловеческой культуры, приблизившей к нашему сведению поэзию японского народа». Так «почтительно и настойчиво» рекомендовала Белла Ахмадулина А.Е.Глускину в члены Союза писателей.

И после «Манъёсю» А.Е.Глускина дарила людям и другие великолепные переводы японской классической поэзии. В 1988 г. вышел прекрасно иллюстрированный сборник ее переводов «Японская любовная лирика», куда вошли стихи, взятые из трех лучших поэтических

антологий VIII, X и XIII веков. Это была ее последняя книга.

А.Е.Глускина многое успела сделать для отечественного японоведения. Но, как часто бывает, заслуги ее по достоинству были оценены не на родине, а в соседней Японии – в 1990 г. посол Японии Эдамура от имени императора Японии вручил ей орден Благодатного сокровища.

«Так мало времени дано нам на земле...» 24 февраля 1994 г. Анны Евгеньевны не стало. Вечная память ей заключена в мириадах поэтических строк, которые она разбросала перед русским читателем.

«Что есть благодарность? Память сердца». К.Батюшков

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Милибанд С.М. Востоковеды России. Библиографический словарь. Т.1-2. М., 2008.
2. Библиография Японии. Литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. М., 1965.
3. Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. М., 1960.
4. Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1959 по 1973 г. М., 1984.
5. Очерки новой истории Японии (1960-1917). Отв.ред. А.А.Гальперин. М.,1958.
6. Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение во второй половине XVII – начале XVIII в. М.,1960.
7. Манъёсю («Собрание мириад листьев»). В 3-х т. Пер., вступ, статья, коммент. А.Е.Глускиной. М., 1971-1972.
8. Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974.

9. Российские востоковеды. Страницы памяти. Сост. Н.Ф.Лещенко. М.,1998.
10. Лещенко Н.Ф. Вспоминая учителя (А.Л.Гальперин) // «Мадо», Токио, 1993, № 86.
11. Подпалова Г.И. Выдающийся советский японовед А.Л.Гальперин // Слово об учителях. М., 1988.
12. Г.И.Подпалова — исследователь истории Японии // «Коннитино сорэмпо». Токио, 1966, №14.
13. Юбилей Г.И.Подпаловой // Япония. Ежегодник 1975. М., 1976.
14. Григорьева Т. А.Е.Глускина – Кавалер ордена «Благодатное сокровище» // Проблемы Дальнего Востока, 1991, №2.
15. Лещенко Н.Ф. Перебирая мириады листьев // Япония сегодня, 1994, № 5.
16. Ермакова Л.М., Яцковская К.Н. К 100-летию со дня рождения Анны Евгеньевны Глускиной // Восток, 2004, №5.
17. Накамура Ёсикадзу. Незримые мосты через Японское море. История и литература в поле русско-японских взаимоотношений. СПб., 2003.
18. Накамура Ёсикадзу. Незримые мосты через Японское море. СПб., 2003.
19. Шаститко П.М. Век ушел. Сцены из истории отечественного востоковедения. М.,2009.
20. Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Сост. А.С.Дыбовский. Осака, 2009.

*Малашевская М.Н.,
Восточный факультет СПбГУ*

**«Пять упущенных возможностей» – концепция истории
русско-японских отношений 1956-2002 годов во
взглядах ТОГО Кадзухико**

Японский дипломат и исследователь Того Кадзухико в 2007 году издал книгу по истории советско-японских и русско-японских отношений 1956-2005 годов «Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей»¹. Сам Того Кадзухико является интересной личностью: внук известного японского политика периода Второй Мировой Войны Того Сигэнори, потомственный дипломат, русист. Он служил в МИД Японии с 1968 по 2002 год, когда был вынужден уйти в отставку и фактически бежать за границу из-за скандала вокруг деятельности «русской группы» (ロシア・スクール) или «группы Судзуки» в МИД Японии. «Русская группа» в 1990-е годы и начале 2000-х годов осуществляла большую работу, направленную на укрепление русско-японских связей на самых разных уровнях, и прорабатывала альтернативные подходы к решению территориальной проблемы между двумя государствами. Центральными фигурами «группы» являлись депутат Судзуки Мунэо, «специалист номер 1 по русским вопросам» МИД Японии Сато Масару и дипломат Того Кадзухико, которого с 1972 год неоднократно направляли в посольство Японии в СССР и затем России. С 1988 года он занимал пост главы отдела СССР МИД Японии. С

¹ 東郷和彦. 北方領土交渉秘録. 失われた五度の機会. — 東京: 新潮社, 2007. — 430 p.

1999 по 2001 пост директора департамента по европейским и азиатским делам. Представители «русской группы» очень глубоко видели сущность дипломатической проблемы между двумя странами и хорошо понимали особенности русского менталитета. Благодаря деятельности «группы» были разработаны более сложные схемы решения проблемы заключения мирного договора и территориального диспута, которые обсуждались на высшем уровне, на переговорах лидеров стран в начале 2000-х годов. Однако из-за политической борьбы в японском правительстве после прихода к власти премьера Коидзуми Дзюнитиро, в 2002 году Судзуки Мунэо был обвинен в «махинациях при распределении заказов на оказание гуманитарной помощи Южным Курилам»¹. Затем были выдвинуты обвинения в растратах в адрес Сато Масару, он был арестован, после чего «группа» фактически развалилась. Многие, входившие в «группу» сотрудники МИД ушли в отставку или были уволены, в том числе и посол в Нидерландах (2001-2002 гг.) – Того Кадзухико. После этого началась его «жизнь в изгнании», как он назвал годы вынужденного пребывания за пределами Японии. Суть и ход скандала он подробно описал в первой главе своей книги «Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей».

Того Кадзухико в упомянутой нами книге детально рассматривает советско-японские и русско-японские отношения в период с 1956 по 2002 год. Он говорит о диалоге двух стран в контексте развития отношений

¹ В Японии арестуют лидера "русской группы". URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/327651> (дата обращения 16.01.2012)

Японии и США, Японии и Китая, СССР и США и СССР и Китая. Суть его концепции заключается в том, что он представляет дипломатический диалог между двумя странами как «пять упущенных Японией возможностей» вернуть спорные острова Южных Курил и заключить мирный договор. Таким образом, Того дает нетрадиционную концепцию истории развития отношений между двумя странами, так как возлагает ответственность за не-разрешение (дипломатия дистанции) проблемы на японскую сторону, дипломатия которой представляется автору инертной, костной и зависимой от интересов США. Более того, он указывает на выжидательную позицию японского МИДа, который не способен адекватно отреагировать на вызовы времени и воспользоваться «окном возможностей» (機会の窓). Об этом японский дипломат говорит не только в книге «Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей», но и в книге *Japan's Foreign Policy 1945-2003: The Quest for a Proactive Policy*¹, в других публикациях и интервью, где затрагиваются вопросы русско-японских отношений.

Первые две «упущенные возможности» Того Кадзуюхико относит к периоду развития диалога между Японией и СССР. А именно переговоры 1973 года и времена перестройки М.С.Горбачева. В 1973 году, во время визита премьер-министра Японии Танака Какуэй в Советский Союз, советское правительство было готово пойти на уступки и признать наличие территориальной проблемы как таковой, что отражено в «Совместном советско-

¹ Togo Kazuhiko. *Japan's Foreign Policy 1945-2003: The Quest for a Proactive Policy*. — Leiden, Boston: BRILL, 2005. — 484 p.

японском заявлении 1973 года». К этому моменту сотрудничество между странами вышло на высокий уровень, несмотря на мировой энергетический кризис и противостояния США и СССР. Активно развивалось сотрудничество в научно-технической, культурной и экономической сферах. Именно тогда, в 1973 году, советское правительство признало наличие территориальной проблемы между двумя странами, в то время как после подписания Декларации 1956 года эта тема не рассматривалась советской стороной как таковая. Однако японские политические круги и японский МИД в 1973 году не смогли воспользоваться «окном возможностей» и развить ситуацию. Вскоре последовал кризис отношений между двумя странами, спровоцированный «инцидентом Беленко» 1976 года, когда советский летчик угнал новый истребитель МиГ-25 и посадил его в Хакодате на Хоккайдо. Апогеем кризиса советско-японских отношений можно назвать 1981 год: МИД Японии учредил празднование Дня северных территорий, приуроченному к годовщине подписания Симодского трактата 7 февраля 1855 года.

Вторую «упущенную Японией возможность» Того связывает с начавшейся в СССР перестройкой и позицией Горбачева, направленной на ведение позитивного диалога с Западом и Японией в том числе. В это время премьер министр Японии Накасонэ Ясухиро занял активную посредническую позицию между Москвой и Вашингтоном. В 1988 году Накасонэ прибыл с визитом в Москву. Того считает, что это был момент, когда японская сторона должна была взять инициативу в свои руки в разрешении вопросов безопасности и экономического сотрудничества, а также в разрешении

территориального диспута. В последующие три года обе стороны приложили немало усилий в деле укрепления двухсторонних связей, однако из-за внутривосточной ситуации в СССР подписание мирного договора и решение территориальной проблемы были отложены

Еще три возможности подписать мирный договор и продвинуться в разрешении пограничных разногласий Того Кадзухико связывает с русско-японскими отношениями после 1991 года. Надо сказать, что в начале 1990-х годов Япония стала стремиться укрепить свое политическое положение на мировой арене: будучи экономической сверхдержавой, она имела очень маленький вес в международной политике. «Политические инициативы Японии в этом направлении [урегулирование проблемы в Камбодже на рубеже 1980-1990 годов на фоне укрепления позиций в АТР в целом и в АСЕАН в частности] явились, по сути, первой серьезной попыткой опрокинуть бытующее на мировой арене мнение относительно Японии как "экономического гиганта, но политического карлика"»¹. Вопрос восстановления нормальных отношений с Россией после визита Горбачева в 1991 году в Японию стал играть значительную роль во внешней политике Японии 1990-х годов.

Того Кадзухико называет очередным «окном возможностей» Токийские переговоры 10-13 октября 1993 года, когда президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин посетил с визитом Токио. Вторая статья «Токийской декларации о российско-японских отношениях», подписанной президентом Б.Н.Ельциным и премьер-минист-

¹ Молодяков В.Э. История Японии. XX век / Э.В.Молодякова, С.Б. Маркьян. - М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. — С. 445-446.

ром Японии Хосокава Морихиро, отразила настроения новой политической элиты России: в ней говорится о «необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого», стороны «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»¹, осознавая важность скорейшего заключения мирного договора между двумя странами. Переговоры проходили в позитивном ключе, и российский президент готов был идти на значительные уступки Японии. Того считает, что визит Ельцина в Токио заложил новое основание русско-японскому диалогу². Однако после выборов в Государственную Думу в декабре того же года, президент изменил свою позицию, и диалог был приторможен на четыре года. Результаты Токийских переговоров во многом были утрачены, «окно возможностей» для Японии вновь закрылось.

Новым витком и новым «окном возможностей» для более активной русской политики Японии стали «встречи без галстуков» президента Ельцина и премьера Хасимото Рютаро 1997-1998 годов. Того Кадзухико считает встречу в Красноярске в ноябре 1997 года очередным шансом Японии взять инициативу в свои руки. В книге «Секретные переговоры по вопросу Северных тер-

¹ Токийская декларация о российско-японских отношениях // Новое издание совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. 2001 год. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html#1 (дата обращения 14.01.2012)

² Того Кадзухико. Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей.— Токио: Изд. «Синтё», 2007. — С.179.

риторий. Пять упущенных возможностей» автор говорит о больших ожиданиях представителей японского МИДа, правительства, деловых кругов, широкой общественности после заявлений Б.Н.Ельцина о необходимости заключения мирного договора до конца 2000 года, хотя этот тезис стал для японской стороны «сюрпризом»¹. Основываясь на договоренностях в Красноярске, МИД Японии начал активную работу по подготовке базы для заключения мирного договора и разрешения вопроса о территориальном размежевании. Хотя, по мнению Того, вновь японская сторона не смогла своевременно воспользоваться личными дружескими отношениями президента России и премьера Японии и разрешить ситуацию в свою пользу, используя «взвешенный диалог». Несмотря на обширный «план Ельцина-Хасимото», предполагавший широкомасштабное экономическое, культурное, общественное сотрудничество Японии и России, в 1999 году положение в России вновь изменилось, и в связи с этим очередное «окно возможностей» для Японии закрылось.

Следующее «окно возможностей» Того связывает со встречей премьер-министра Мори Ёсиро и президента Российской Федерации В.В.Путина в Иркутске 25 марта 2001 года, итогом которой стало «Иркутское заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора»². Эта встреча стала итогом

¹ Там же. — С.241.

² Иркутское заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/>

напряженной семимесячной работы российских и японских дипломатов по проблеме заключения мирного договора и разрешения территориальных разногласий, когда было найдено компромиссное решение. Того Кадзухико, на тот момент Директор департамента по европейским и азиатским делам, выступал одной из ключевых фигур в длительном переговорном процессе. Он отмечает интенсификацию переговорного процесса с приходом к власти В.В.Путина, когда с апреля 2000 по март 2001 годов было проведено пять встреч на высшем уровне между руководителями обоих государств. Самая активная работа по подготовке заключения мирного договора началась после официального визита президента Российской Федерации в Токио в сентябре 2000 года и достигла своего пика на встрече в Иркутске. Того назвал 5 апреля 2001 года «днем, когда острова были ближе всего [к Японии]» (島が一番近づいた日)¹. Вечером 5 апреля состоялась встреча между Того Кадзухико и заместителем министра иностранных дел РФ А.П.Лосюковым, на которой российская сторона выразила неуклонное желание в ближайшие месяцы достигнуть принципиальных договоренностей по передаче островов Хабомаи и Шикотан и заключить мирный договор.

Необходимо отметить, что В.В.Путин был решительно намерен разрешить проблему мирного договора и

RELATIONSHIP/MAINDOCS/IrkutskoeZayavlenie.html (дата обращения 18.01.2012)

¹ Того Кадзухико. Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей.— Токио: Изд. «Синтё», 2007. - С.360, 363.

территориального размежевания, о чем неоднократно и недвусмысленно заявлял на встречах на высшем уровне и в заявлениях СМИ, в том числе в интервью японскому каналу NHK в Иркутске. В этом интервью, ставшим неожиданностью не только для японской стороны, но и для российских переговорщиков, президент заявил о желании России передать Японии два острова. Позднее А.П.Лосюков повторил этот тезис в интервью информационному агентству Интерфакс. В тот момент рассматривалась концепция передачи островов Хабомаи и Шикотан и продолжения переговоров относительно островов Итуруп и Кунашир (「齒舞・色丹の引き渡し」「国後・択捉についての議論」, т.н. схема «2+2»), что представляется итогом большой трудной работы обеих сторон, сумевших найти взаимовыгодное компромиссное решение в сложившейся ситуации. «Русская группа» сыграла в переговорном процессе 2000-2001 годов ключевую роль. Судзуки в российской прессе называли «другом России», его влияние на МИД Японии и на политические элиты было крайне сильным. Того и Сато, занимая в МИДе ключевые посты, приложили огромные усилия в этом направлении. Япония имела реальную возможность получить два острова и решить проблему мирного договора. Однако в апреле 2001 года Мори Ёсиро подал в отставку и на этом посту его заменил Коидзуми Дзюнъитиро, который избрал антироссийский внешнеполитический курс вместе с новым министром иностранных дел Танака Макико. Японская дипломатия вновь вернулась к требованию возвращения всех островов одновременно (四島一括返還, «все острова сразу»), что откинуло переговорный процесс назад. «Окно

возможностей» закрылось по вине японского руководства.

Того Кадзухико говорит о том, что на протяжении нескольких десятилетий для Японии неоднократно складывалась благоприятная ситуация, когда открывалось «окно возможностей», которым японские политики и дипломаты не умели и не научились воспользоваться. Одной из фатальных ошибок японской дипломатии Того видит провал переговоров 2001 года, когда представилась возможность разрешить проблему по схеме «2+2» (二島先行論). Однако приход к власти премьера Коидзуми и смена руководства японского МИДа и, как следствие, возвращение к концепции «все острова сразу», отбросили Японию назад и, как показывают события последующих лет, «окно возможностей закрылось» на многие годы, момент был упущен.

Рассматривая историю русско-японских отношений через призму концепции «упущенных возможностей», Того переставляет акценты, указывая на то, что вина за не-разрешение спора лежит не всецело на СССР и его преемнике Российской Федерации, как оккупанте этих земель (как принято в традиционной японской трактовке истории диалога двух стран), а на японской дипломатии, неспособной воспользоваться ситуацией, проявить инициативу, разрешить вопрос, используя компромиссное решение, и даже намеренно затягивающей имеющееся положение дел, возвращаясь к националистическим лозунгам, исходя из популистских соображений и внутриполитических интересов представителей японского правительства.

Интересно отметить, что свою концепцию Того Кадзухико прикладывает и к диалогу между Россией и Японией последних лет. В интервью газете «Асахи симбун» в декабре 2010 года он анализирует обострение противоречий между двумя странами при президенте Д.М.Медведеве. «Поездка Медведева на остров Кунашир стала шагом, который отражает резкое ухудшение японо-российских отношений на протяжении всего прошлого года»¹. В интервью Того вновь говорит о том, что японская сторона неадекватно оценивает возможные реакции России: после прошедшей в сентябре 2009 года встречи Д.М.Медведева с премьером Хатояма Юкио, на которой президент России выразил желание продвинуться в переговорах по территориальному вопросу, пока Хатояма находится на своем посту, кабинет министров Японии принял документ, в котором говорилось о незаконной оккупации спорных островов Россией, на что МИД России отреагировал крайне негативно. Подобная ситуация в течение 2009 года повторялась дважды: при кабинете Асо Таро и при кабинете Хатояма Юкио. В тоже время Токио пропустил начало осуществления проекта по развитию Курил (с 2007 года) и продолжал оставаться глухим к попыткам России развивать диалог относительно спорных вопросов. «Между тем, если Токио никак не отреагирует на зондаж почвы со стороны России, Москва вряд ли будет сильно мучиться по этому поводу. Россия просто станет развивать четыре спорных острова, считая их своей территорией, и оставит попыт-

¹ Медведев выражает намерение усилить российское присутствие ("The Asahi Shimbun", Япония). URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/12/14/36801772.html> (дата обращения 14.01.2012)

ки проведения переговоров с Японией по территориальным проблемам»¹. Того Кадзухико видит начало дипломатического кризиса в современных русско-японских отношениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Того Кадзухико. Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей.— Токио: Изд. «Синтё:», 2007. — 430 с. 東郷和彦. 北方領土交渉秘録. 失われた五度の機会. — 東京: 新潮社, 2007. — 430 p.
2. Togo Kazuhiko. Japan's Foreign Policy 1945-2003: The Quest for a Proactive Policy. — Leiden, Boston: BRILL, 2005. — 484 p.
3. В Японии арестуют лидера "русской группы". URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/327651> (дата обращения 16.01.2012)
4. Иркутское заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/IrkutskoeZayavlenie.html> (дата обращения 18.01.2012)
5. Медведев выражает намерение усилить российское присутствие ("The Asahi Shimbun", Япония). URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/12/14/36801772.html> (дата обращения 14.01.2012)
6. Молодяков В.Э. История Японии. XX век. / Э.В.Молодякова, С.Б. Маркарьян. - М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. — 528 с.
7. Того Кадзухико. Японо-российские отношения: прошлое и перспективы. / Пер. с яп. Г.В.Куликова - Токио: 2000 - 72 с.
8. Токийская декларация о русско-японских отношениях // Новое издание совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. 2001 год. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html#1 (дата обращения 14.01.2012)

¹ Там же.

*Маранджян К.Г.,
ИВР РАН*

«Культурный самурай» – представление о «культуре» и «воинственности» в начале эпохи Токугава (на материале «Бесед со старцем» НАКАЭ Тодзю)

К числу видных конфуцианских мыслителей начала эпохи Токугава относится Накаэ Тодзю (1608-1648), получивший уважительное прозвище «Совершенномудрого из Оми». Самым знаменитым сочинением ученого считается ставшим широко известным и популярным в токугавское время труд «Беседы со старцем» («Окина мондо» 翁問答; 1640), написанный в отличие от большинства конфуцианских текстов тех лет не на китайском, а на родном языке. Этот текст до сих пор не стал предметом специального изучения, хотя существует его перевод на английский язык, выполненный австралийской исследовательницей¹. Учению Накаэ Тодзю посвящен ряд статей разных авторов, однако до сих пор нет ни одной монографии, раскрывающей содержание и специфику его идей.

«Беседы со старцем», которые, как понятно из названия, представляют собой диалог между вымышленными персонажами – старцем и молодым учеником – были написаны в середине жизни ученого. Они состоят

¹ Wanda Ann Bieda. A Study of the life of Nakae Toju and a comparative analysis of his thought with the philosophy of the Chinese Ming dynasty thinker Wang Yang-ming; Translation of one of Nakae Toju's major writings "Okina mondo" (Dialogue with an old man). University of Queensland, 1979. К сожалению, эта работа нам недоступна.

из двух тетрадей (маки), каждая из которых в свою очередь включает в себя две части. Первая часть первой тетради посвящена важности сыновней почтительности, в то время как вторая часть рассматривает соотношение двух категорий – «бун» (文 культура) и «бу» (武 воинственность). В первой части второй тетради разбирается категория «гакумон» (学問, образованность, учение) и её соотношение с воинской доблестью, а во второй части проводится сопоставление даосизма, буддизма и конфуцианства.

Как видно даже из краткой характеристики содержания трактата, значительное внимание в нем уделено совсем не праздному для начала эпохи Эдо вопросу о соотношении культуры и воинского начала. Совершенно очевидно, что, рассуждая на эту тему, Накаэ имеет в виду весьма актуальный для его эпохи свод законов «Букэ сёхатто» (Закон о военных домах), составленный в 1615 г. монахом Судэном. Первая его редакция (позднее свод дополнялся новыми статьями) гласила: «Воинам надлежит изучать изящную словесность и практиковать воинские искусства, такие как стрельба из лука и верховая езда»¹. В оригинале эта статья содержала аллюзию на одно высказывание из «Лунь юй» (гл.19, §22), в котором говорилось о Пути Вэнь-вана и У-вана. В данном контексте смысл этих слов однозначно воспринимался как обозначение пути «культуры и воинственности». Конечно, начало периода Токугава было време-

¹ В оригинале: «文武弓馬ノ道、専ラ相嗜ムベキ事。В Лунь-юй речь идет о文武之道.

нем трансформации самураев из воинов в бюрократов, служащих за жалование и инкорпорированных в общество, которое более не нуждалось в их воинских доблестях, а взамен требовало от них участия в деле обеспечения мира в стране невоенными способами.

Помимо общеисторической причины, у Накаэ была личная заинтересованность в обсуждении этой темы – в молодые годы он состоял на службе в княжестве Одзу, где стал предметом насмешек из-за своего пристрастия к миру учености. В биографии Тодзю, составленной одним из его учеников, описан эпизод, когда завидев приближающегося Тодзю, один из самураев, желая поиздеваться над его взглядами, сказал: «Вот соизволил придти господин Конфуций!»¹ Описанная сценка вполне недвусмысленно указывает на невысокий авторитет конфуцианства в самурайской среде в первые годы эпохи Токугава. Возможно, что напряжение в отношениях с окружающими его самураями стало одной из причин, по которой он довольно рано ушел со службы, самовольно покинув княжество и вернувшись на родину, в деревню Огава провинции Оми, где жила его овдовевшая мать.

Итак, какое же содержание вкладывает мыслитель в понятие «Бун» (文)? Эта конфуцианская категория обладает огромным семантическим полем – её значения варьируются от «знака» до «цивилизованности», от «текста» до «культуры». Какие же смыслы этого понятия актуализованы у Накаэ Тодзю?

¹ Тодзю сэнсэй дзэнсю (Собрание сочинений Накаэ Тодзю), 5 т., Токио, 1940, стр.45.

У него эта категория почти всегда используется в оппозиции с категорией «воинственности» (Кит. «у», яп. «бу»). Первый же вопрос второй части первой тетради касается того, являются ли эти понятия, связанные между собой «словно два колеса повозки или два крыла у птицы», двумя разными сущностями (二色). В ответе говорится, что среди людей бытует неправильное понимание этих понятий. Под «культурными» обычно люди понимают «тех, кто мягок нравом и изящен, кто читает и пишет стихи, или достиг мастерства на литературном поприще», а «воинственными» называют тех, кто «свиреп и грозен нравом, кто занимается воинскими искусствами, такими как стрельба из лука, верховая езда, законы ведения войн и воинское мастерство»¹. А изначально эти два понятия были единой добродетелью и их не разделяли. Они «словно инь и ян», одно не существует без другого. Сравнение этих двух понятий с принципами инь и ян выводит эти категории в план космологии, увязывая их с процессом порождения неба и земли. Подобный контекст свидетельствует о том, что эти категории наделяются универсальным характером.

Как же определяет автор смысл этих понятий?

Приведем его высказывание полностью. «Если считать, что Небо и Земля словно основа и ут́ок, то «культурой» называют хорошее управление Поднебесной и точное следование пути норм пяти отношений. Ежели есть те, кто не боятся Мандата Неба и действуют напере-

¹ Тодзю сэнсэй дзэнсю (Собрание сочинений Накаэ Тодзю), т.3, Токио, 1940, стр.115.

кор Дао, во времена, когда мешают пути «культуры», или когда применяют наказания или, начав войну, покоряют, и подчинив себе всю Поднебесную, правят – это называется воинственностью. Поэтому, объединив вместе два отдельных иероглифа – «клевец»¹ и «остановить», создали иероглиф «воинственный». Когда устанавливается Путь воинственности при отсутствии Пути культуры, то основой пути воинственности является культура. Когда, используя мощь Пути воинственности, превалирует Путь культуры, то в его основе – воинственность. Кроме этого в мириадах вещей нет разделения на «культуру» и «воинственность»². Продолжая развивать мысль, Накаэ Тодзю переходит к еще одной теме: «Культура – другое название для Дао человеколюбия. Воинственность – другое название для Дао долга».

Из этих рассуждений четко видно, что эти понятия рассматриваются автором сразу (точнее говоря, последовательно) в трех плоскостях – сначала на космическом уровне, потом на социальном, и затем уже в пространстве этики. Иначе говоря, здесь выдержан традиционный принцип «Небо-Земля-человек», где в каждом из указанных измерений развертывается оппозиция «культура-воинственность», в сущности являющаяся не оппозицией, а тесно взаимосвязанной парой, от которой невозможно без ущерба изъять один из её компонентов. При этом Накаэ Тодзю выделяет еще одну пару –

¹ Вид древнего боевого орудия с длинной рукояткой

² Там же, стр. 116.

«бунгэй» (文芸) и «бугэй» (武芸), которую условно можно перевести как «изящные искусства» и «воинские искусства». В первую категорию входят литература, история, ритуалы, музыка, во вторую – военное мастерство, стрельба из лука и пр. Однако, и здесь Накаэ Тодзю не забывает четко определить соотношение этих «искусств» с более общими понятиями «культура» и «воинственность»: категория «добродетели» (сюда относятся культура и воинственность) соотносится с искусствами как «корень и вершина».

Проблема соотношения двух начал интересовала Тодзю не столько теоретически, сколько практически. Доказательством тому служит то обстоятельство, что львиная доля первой часть второй тетради «Бесед со старцем» посвящено обсуждению важности и нужности образования или можно сказать, образованности для самураев. И здесь на первый план выходит термин «гакумон» (学問), обозначающий одновременно и процесс обучения, и его результат (который весьма приблизительно можно описать с помощью русского термина «образованность»). Накаэ Тодзю не жалеет красноречия, чтобы показать своим читателям, что процесс обучения (который безусловно связан с областью «культуры») не может отрицательно сказаться на воинских доблестях. Он довольно откровенно порицает самураев, кичащихся своей неграмотностью, а в качестве назидательного примера приводит отважного воина Минамото Ёсицунэ и его оруженосца Бэнкэя. По его словам, они превосходили своих современников образованностью, но ни разу

не потерпели поражения в схватке с противником, став символами безудержной воинской храбрости. Апелляция к этим уже мифологизированным персонажам была рассчитана на широкую аудиторию, однако в первую очередь была предназначена для самураев, которые, по-видимому, составляли большинство в школе Накаэ Тодзю. Ученый, которого шокировало отсутствие интереса к книжной учености и конфуцианским идеям у служивших вместе с ним в княжестве Одзу самураев, не жалел сил для того, чтобы досконально и с разных сторон обсудить эту тему.

Однако чтение «Бесед со старцем» заставляет читателя задуматься, неужели весь пафос и пространные аргументы в пользу необходимости «образования» для самураев имеют своей целью только переориентацию самураев с чисто военной деятельности на гражданскую (или точнее, бюрократическую)? Неужели речь идет только о том, что самураи должны овладеть грамотностью и книжной ученостью? Ведь гуманитарные и военные дисциплины, которыми должны освоить самураи (но и не только они), являются всего лишь «военными» и «изящными» искусствами, то есть своего рода вторичными проявлениями «культуры и воинственности». Конечно, необходимость пересмотра места и роли самураев в структуре общества диктовали важность их «переобучения». Но это была сугубо прагматическая задача, и вряд ли именно она была той сверхзадачей, которую преследовал автор в своем конфуцианском трактате. К чему

тогда Годзю нужны доказательства универсальности принципов «культура» и «воинственность»?

Ответ на все эти вопросы может дать рассмотрение понятия «гакумон». Что это такое? «Образование» в современном смысле слова? Откуда должен черпать знание человек? Из книг? Если нет, то каков же источник того знания, которым должен овладеть человек в результате «учения»? Все эти вопросы разбираются в первой части второй тетради сочинения.

Попытаемся только вкратце перечислить некоторые положения. Во-первых, даже неграмотные люди могут быть «образованными» (в терминологии Годзю, «学問する / гакумон-суру»). Повторим еще раз, что русский термин «образованность» только очень приблизительно передает смысл понятия «гакумон», которое значительно шире его по смыслу и внутреннему наполнению. Оно, скорее, ближе по смыслу к понятию «знание». Однако в нашем контексте мы предпочитаем использовать термин «образованность», потому что оно может обозначать и процесс (образование), и результат (образованность)

Образованность необязательно черпать из книг. Эту мысль Годзю иллюстрирует примером Конфуция, который «не читая «Лунь-юя», знал его». Кажущийся парадокс этого утверждения снимается следующей сентенцией ученого: «В далекой старине, когда еще не было письменности, изначально не было книг для чтения, учились,

взяв за образец слова и деяния совершенных мудрецов»¹. И только позднее, продолжает мысль Тодзю, дабы не утратить нить учения, были записаны книги. Эта риторика по поводу «чтения книг», безусловно, подразумевала более широкий и понятный его современникам контекст – в первую очередь точку зрения Чжу Си (1130-1200). Китайский философ считал, что постижение конфуцианских истин, и, в конечном счете, Дао, возможно только в результате чтения книг. Естественно, не любых книг, а только тех, что были выделены Чжу Си в качестве обязательных канонических текстов. Эта мысль была предельно ясно сформулирована Чжу Си, который писал, что путь обучения «находится не внутри человека, а в книгах»².

При этом сам процесс «чтения» принципиально отличался от того, что обыкновенный человек вкладывает в это понятие. По Чжу Си от читателя требовалось не только уважительное отношение к тексту, но и определенная последовательность в чтении текстов, «вчувствование» в текст. И все же главным был не подробно разработанный Чжу Си метод чтения, а его результат – «умение посредством чтения обнаружить и понять «принципы», лежащие в основе мироздания»³. В конечном итоге, чтение было не просто интеллектуальным

¹ Тодзю сэнсэй дзэнсю, т.3, Токио, 1940, стр.159.

² Цит. по Классическое конфуцианство. Конфуций. Лунь юй. СПб.-М., 2000, стр.216.

³ Подробнее см. статью Daniel K.Gardner. Transmitting the Way: Chu His and his Program of Learning // Harvard Journal of Asiatic Studies, vol.49, N.1, 1989.

упражнением, а скорее интеллектуальным средством достижения моральных и духовных целей¹.

Накаэ Тодзю, конечно, не отрицает необходимости чтения, правда в отличие от Чжу Си он отдает предпочтение Пятикнижью, а не Четверокнижью, выделенному в канон Чжу Си. Однако, ни начитанность, ни широкая эрудиция не являются, по его мнению, целью, к которой должен стремиться вставший на путь учения.

«В учении главное – очистить замутненное сердце и сделать лучше поведение человека»² – такова в сжатом виде программа Тодзю. По его словам, источником подлинного знания является человеческое сердце – иначе говоря, этот источник находится не вне человека, а внутри его. И главная цель обучения – помочь человеку очистить его сердце (сознание) – здесь сказывается, по-моему не только влияние школы Ван Янмина, в которой постулировалась идея врожденного знания добра («благомыслия», по определению Кобзева), к которой явно тяготел Тодзю, но и его юношеские занятия дзэн-буддизмом. Таким образом, «образованность» обозначает в первую очередь моральное и этическое знание, коренящееся в глубинах сердца самого человека. А это означает, что самураи должны не книжки читать, а, занимаясь интроспекцией, находить в себе моральные и этические смыслы бытия. Выражаясь современным язы-

¹ Ibid, p. 151.

² «Тодзю сэнсэй дзэнсю», т.3, Токио, 1940, стр. 159.

ком, Тодзю предлагал довольно утопическую программу по изменению человека, сделав его по настоящему моральным существом.

Как ни удивительно, но образцом «культурного самурая», к воспитанию которого Наказэ Тодзю потратил столько усилий и красноречия, стал сам мыслитель. Он остался в истории как «совершенномудрый из Оми», и даже удостоился чести выступать в качестве образцового представителя японского народа в книге христианского мыслителя и проповедника Утимура Кандзо (1861-1930). И что знаменательно, память и славу ему принесли не его сочинения, и даже не его ученики, а сама его личность, его поведение, ставшие образцом высокой морали для последующих поколений.

Мотрохов А.И.,
ХНУ им. В. Н. Каразина

О религиозно-эстетическом восприятии моря в древней японской поэзии (на примере песен поэтической антологии «Манъёсю»)

Древняя культура, вобравшая в себя множество элементов культуры первобытного строя, в максимальной степени отражает состояние развития тогдашнего общества. Вместе с тем, и исторические хроники «Кодзики» (古事記, 712 г.) и «Нихон сёки» (日本書記, 720 г.), а также первая японская национальная поэтическая антология «Манъёсю» (万葉集, «Собрание мириад листьев», 759 г.), явились отражением максимального проявления мыслительной, чувственной и духовной деятельности древних японцев, которая была тесно связана с их эстетикой и верованиями.

В древние времена японцы называли море *уми* (海, 宇美) или *вата*. Первое слово (*уми*) означает обширное пространство, заполненное водой [7: 186]. Оно также могло означать озеро и болото. Второе слово (*вата*) по смыслу связано с глаголом *ватари* (渡り), означающим «переплывать» и «указывать путь кораблю» [7: 1208]. Например, этот глагол является определением к слову 海中 *ватанака* «на море» в выражении 渡り海中 *ватари ватанака-ни* «свой путь держи морской» (т.1, №62) [3. т.1: 58; 1, т.1: 90]. Для выражения духа моря использовали понятие *Ватацуми* (海神, 渡津海) [7: 1206], например, в выражении 渡津海の豊旗雲に *Ватацуми-но тоёхатакумо-ни* «над водной равниной морского владыки, / где

знаменем пышным встают облака» (т.1, №15) [3, т.1: 47; 11, т.1: 72].

Таким образом, можно предположить, что для выражения такого понятия, как море, использовали слово *уми*, а слово *Ватацуми* – для выражения его могущества.

Рассмотрим на конкретных примерах, как авторы песен «Манъёсю» воспринимали море (т.3, № 388-389) [3, т.1: 137; 11, т.1: 196-197]:

海若は	Ватацуми-ва	Владыка вод!
靈しきものか	кусусики моно ка	Какой чудесник он!
淡路島	Авадзи сима	Авадзи-остров
中に立て置いて	нака-ни татэокитэ	Поместил он в середину,
白波を	сиранами-о	Волнами белыми
伊豫に廻らし	Иё-ни мэгураси	Страну Иё он окружил.
座待月	иматидзуки	В проливе Акаси,
明石の門ゆは	Акаси-но тою-ва	Там, где луна
夕されば	ё сарэба	Раз восемнадцатый
潮を満たしめ	сио-о матасимэ	Сменяется рассветом,
明けされば	акэсарэба	Лишь вечер настаёт,
潮を干しむる	сио-о хисимуру	Его велением
潮騒の	сиосаи-но	Всё заполняет
波を恐み	нами-о касикоми	Набегающий прилив.
淡路島	Авадзи сима	А только рассветает –
磯隠りみて	исогакури итэ	Он заставляет
いつしかも	ицуси камо	Прилив отхлынуть вдаль от берегов...
この世の明けむと	коноё-но акэму то	И так как страшны волны в те часы
さもらふに	саморау-ни	В прилива грохоте,
寐の寝かてねば	и-но нэкатэнэба	На острове Авадзи
瀧の上の	таки-но уэ-но	Средь скал укрылся

Я ОТ НИХ

И ждал с тоской:
 Когда же наконец
 Нам ночь тревожную
 Рассвет желанный
 сменит?

島傳ひ	Симадзутаи	Когда плывя, я огибаю
敏馬の崎を	Минумэ-но саки-о	Мыс Минумэ,
こぎ廻れば	когимирэба	Цепь островов в пути,
大和戀しく	Ямато коосику	Тоскуя о стране Ямато,
鶴さはに鳴く	тадзу сава-ни наку	Там часто плачут журавли...

В песне №388 отражены необычное впечатление от моря, полученное автором в то время, когда он направлялся на о-в Авадзи, а также удовольствие от морского путешествия, последовавшего за тем, как автор провёл ночь на этом острове в ожидании попутного ветра. Эту песню, вероятно, сочинил чиновник, который направлялся на корабле к месту своей службы. Несмотря на то, что у чиновников императорского двора Ямато, не привыкших видеть море, оно вызывало испуг, автор этой песни находился под большим впечатлением от моря. Изображение автором моря, окружающего о-в Авадзи, силы прилива и отлива позволяет нам понять, как он ощущал могущество *Ватацуми* – «Владыки вод – кудесника». В этой песне автор передал своё ощущение сил природы, которые олицетворяло море, и которые пробуждали в нем страх. Ведь ещё первобытным людям море казалось обширным и безбрежным, соединённым с небом. Кроме того, оно представлялось им тем местом, где восходит и заходит солнце, а облака, плывущие по небу, напоминали им острова в море. Поэтому автор в своей песне отобразил с особой выразительностью перво-

бытное ощущение от него. В ответной песне №389 отражена тоска по родному краю Ямато, который предстал перед взором автора, когда его корабль вошёл во Внутреннее Японское море и проходил мимо мыса Минумэ. Тоска передана посредством образа громко плачущих морских птиц. Хотя слово *тадзу* (鶴, 田鶴) означает «журавль», всё же здесь речь идёт не о журавлях, а о водоплавающих птицах, собравшихся на морском берегу. В древности морские птицы, которых встречали в море, являлись знаком предвестия судьбы. Они рассматривались как мистические существа, т.е. духи *ками*. В этой связи следует упомянуть об *Ямато-такэру-но микото*, который обернулся Белой птицей и взмыл вверх [2, свиток 2: 77; 5, т.1: 252]. По нашему мнению, их образ следует воспринимать просто как сильный художественный приём. Эти птицы послужили автору этой песни поводом вспомнить о семье, оставшейся на родине.

Описание чувств в песнях «Манъёсю» также тесно связано с морем. Рассмотрим песню № 12011 (т.7) [3, т.1: 293; 11, т.1: 423]:

大海の	Ооуми-но	В океане,
水底響み	минасоко тоёми	Дно наполнив шумом,
立つ波の	тацу нами-но	К берегам стремится вставшая волна.
寄らむと思へる	ёраму то ноэру	Так и я душой к тебе стремился,
磯のさやけさ	исо-но саякэса	Каменистых берегов краса.

¹ Данная песня имеет большое сходство с песней №1239 (т.7).

В этой песне автор передал своё впечатление от того, как волна, вздымающаяся с океанского дна, собирается вот-вот обрушиться на живописный берег. Поэтому выражение 磯のさやけさ *исо-но саякэса* «каменистых берегов краса» указывает на то, что морское побережье становится чистым и красивым там, где накатываются такие волны. В этой песне отражено свежее впечатление от моря и побережья как единого целого.

В древнеяпонском языке слова 清ら *киёра* и さやけさ *саякэса* были синонимами и имели тот же смысл, что и современное слово 美しい *уцукусий* «красивый». В представлении древних японцев чистота и красота были тождественными понятиями. Морское побережье, постоянно омываемое волнами, было чистым и представляло собой место, куда сходило морское божество. Чистая природа связана с истинной сутью человека. Для того чтобы человек мог приблизиться к божеству, он должен быть чист во всех отношениях. Этим качеством отвечали девушки, которые служили богам, т.е. жрицы или шаманки. Поэтому на морском побережье они совершали обряд увеселения богов (神遊^び *камиасоби*) с помощью танцев [12: 57-59]. Этот обряд имел непосредственное отношение к *Ватацуми*, т.е. Богу-Духу Моря. Это находит косвенное подтверждение в песнях Какиномото-но Хитомаро, которые он сложил, оставаясь в столице в то время, когда императрица Дзито совершала путешествие в пров. Исэ (т.1, № 40-41) [3, т.1: 54; 11, т.1: 82]:

鳴呼見の浦に 船乗すらむ	Ами-но ура-ни фуна-но рисураму	В бухте Ами далёкой, Наверное, в море ладьи выплывают...
をとめらが	отомэра-га	И, возможно, у девушек юных
玉裳の裾に 潮満つらむか	тамамо-но сусо-ни сио мицураму ка	Затопило приливом Подолы одежды жемчужной? ...
くしろ著く	Кусиро цуку	Рука в запястье драгоценном...
手節の崎に	тафуси-но саки-ни	Наверное, у мыса Тафуси
今日もかも 大宮人の 玉藻刈るらむ	кэфу мо камо оомиябито-но тама мо карураму	Сегодня тоже Люди царской свиты Срезают водоросли- жемчуга...

Посещение императрицей Дзито храма Исэ бесспорно содержало религиозный смысл и предполагало объезд местности. Последнее в свою очередь также предполагало проведение обрядовых игр на обширном морском побережье.

Благодаря тому, что Хитомаро был способен понять природу и человеческую душу, он воспринимал действительность как олицетворение красоты, а люди благодаря Хитомаро познавали её истинную суть, которая бессознательно присутствовала в них самих. Можно считать, что в красоте был сокрыта эстетика, которую имела поэзия *танка* [1: 198]. Описание чувств в поэзии *танка* приобретает разнообразные формы. Рассмотрим, например, песню Мутобэ-но Оокими (т.1, №68) [3, т.1: 59; 11, т.1: 91]:

大伴の	Оотомо-но	О раковины «позабудь»
美津の濱なる	Мицу-но хама нару	На славных Мицу берегах
忘貝 家なる妹を	васурэгаи из нару имо-о	В Отомо, Любимую, что там осталась дома,
忘れて思へや	васурэтэ оmozя	Навряд ли я сумею позабыть!

В своей песне автор говорит о том, что он вряд ли забудет свою жену, глядя на раковину моллюска «позабудь» на побережье Мицу. М.Хигаси высказывает предположение о том, что автор песни и его жена разделили двустворчатую раковину этого моллюска и оставили её половинки каждый у себя [14: 46]. Эти раковины обладают необычайной красотой, поэтому они, оставаясь в большом количестве на берегу после отлива, представляют собой величественное зрелище.

Тема древних верований, связанных с морем, и эстетического восприятия моря через жемчуг также нашли своё отражение в поэтической антологии «Манъёсю». В одних песнях жемчуг рассматривается как символ красоты (№№ 904, 1299-1302, 1317-1323, 1325-1327), а в других - его упоминание религиозно мотивировано (№№ 216, 226, 436, 625, 4377-4378). В этих песнях жемчуг воспевали, следуя определённом шаблону. Это, очевидно, было обусловлено тем, что в обычной жизни люди не могли получить особый религиозный опыт. Его могли получить лишь те, кто обладал специфическим восприятием мира. Иначе говоря, только люди с религиозным сознанием могли определить точное местонахождение духа-души. Японцы называют «дух» словом *тама*

(靈), а душу — его проявлением. В свою очередь, предмет, в который входит дух-душа, выражали тем же словом *тама*, которое означает ещё и «жемчуг» (玉, 珠). Это свидетельствует о том, что представления древних людей о жемчуге были тесно связаны с их верованиями. Человек верил, что если дух-душа божества не войдёт в его тело, то он не сможет проявить свои сверхъестественные способности. Поэтому для человека с религиозным сознанием большое значение имеет факт присутствия в его теле духа-души божества, а представления о том, что такие люди точно знают местонахождение духа-души, имеет отношение к жемчугу. Во многих песнях «Манъёсю» прослеживается связь между морским побережьем и жемчугом. Это означает, что в то время имелся большой опыт определения местонахождения духа-души на морском побережье.

Согласно японским верованиям, дух-душа, перед тем как войти в тело человека, временно обитает в различных предметах, например, в камнях. То, что камни своей красотой, цветом или причудливой формой напоминают облик божества, является общепризнанным фактом [4: 91]. Поэтому их стали воспринимать как божество. В число таких предметов входит и жемчуг. Таким образом, он приобрёл мистическую сущность.

В японских исторических хрониках «Кодзики» и «Нихон сёки» отмечено чуткое восприятие людьми того времени звона жемчуга. Древние люди представляли себе местонахождение духа-души с помощью жемчужины, полагая, что жемчуг пробуждает дух-душу и побуждает её действовать [6; 7: 28-29]. Поэтому звон красивых предметов они наделяли мистическим смыслом.

Например, в «Кодзики», встречается выражение 瓊音ももゆらに *нунато мо моюрани* «побалтывая со звоном» [2: 53, 154]. Когда со звоном побалтывали нитью с нанизанными на неё жемчужинами, верили, что из них появляется дух-душа. О жемчуге думали как о месте, где временно пребывает дух-душа до того, как она окажется в теле. Поэтому совершали мистический обряд, чтобы выманить дух-душу из жемчуга.

Восхищение красотой жемчуга в песнях «Манъёсю» подразумевало восхищение духом-душой, заключённой в жемчужине. Об этом говорится, например, в песнях №№ 4377-4378 (т.20) [3, т.3: 290-291; 11, т.2: 318]:

母刀自も	Аматодзи мо	Мать-хозяйка
		славная моя,
玉にもがもや	тама-ни могамоя	Если б жемчугом
		она была,
頂きて	итадакитэ	Я бы взял её,
角髪の中に	мицура-но нака-ни	В причёску бы
		вложил,
あへまかまくも	азмакамакумо	С волосами б её
		вместе уложил!

月日やは	Цукихи я ва	Дни и месяцы
		проходят
過ぐは住けども	сугу ва юкэдомо	Чередой,
母父が	амосиси-га	А отца и матери
		моих,
玉の姿は	тама-но сугата-ва	Словно жемчуг,
		образ дорогой
忘れせなふも	васурэсэнату мо	Не забуду никогда
		в пути моём!

Во второй песне (№4378) образ родителей передан выражением 玉の姿 *тама-но сугата* «жемчужный облик», но предыдущая песня (№4377) кажется более

совершенной. Дело в том, что имеются отдельные песни, в которых либо восхваляли уложенные в причёску жемчужины, либо воспевали их непосредственно. Жемчуг брали с собой в путешествие как частицу духа-души родителей, чтобы он охранял путешественника в пути. Тот, кто оставался дома, отдавал путешественнику частицу своего духа-души. В Древней Японии так поступали главным образом возлюбленные или жёны. Можно предположить, что сюжет этих двух песен возник из веры в разделение на части живой души родителей [6]. По первой песне можно проследить переход от мистического восприятия жемчуга к эстетическому. Если с религиозной точки зрения путешественник хочет отправиться в путь, взяв с собой частицу души матери, то с эстетической – он хочет отправиться в путь, взяв с собой жемчуг в качестве украшения. Во второй песне автор говорит о том, как душа родителей, превратившись в жемчужину, переходит в тело автора, и он, восхваляя облик родителей, воспринимает его как жемчужину.

С этой точки зрения примечательна песня №436 (т.3) [3, т.1: 210; 11, т. 1: 145]:

人言の	Хитогото-но	Все эти дни
繁きこのころ	сигэки коно коро	Шумит молва
		людская!
玉ならば	тама нараба	О, если б яшмой ¹
		драгоценной ты была
手に巻き持ちて	тэ-ни макимотитэ	Я на руки б свои
		надел тебя
戀ひずあらしを	коидзурамаси-о	И верно б, так не
		тосковал, как нынче!

¹ В оригинале «жемчужиной».

Для этой песни характерна причудливая форма выражения мыслей. Здесь обращает на себя внимание две последние строфы. Такой способ выражения мыслей аналогичен ранее упомянутой песне №4377. Подобные песни очень часто сочинялись по шаблону. Это было связано с тем, что в то время существовали представления о том, что дух-душа в определённый момент могла и отделяться от тела и соединяться с ним.

Следует также обратить внимание на песню №652 (т.4) [3, т.1: 270; 11, т.1: 189]:

玉主に	Тамануси-ни	Владельцу жемчуга
玉は授けて	тама-ва садзукэтэ	Жемчужину отдав,
かつがつも	кауцацу мо	Уж как-нибудь
枕と吾は	макура то варэ-ва	С подушкой своею
いざ二人宿む	идза футари нэму	Теперь вдвоём
		попробую я спать!..

В этой песне воспеты чувства матери, выдавшей свою дочь замуж. Поэтому содержание этой песни следующее: «Одарив дочь женихом, я едва ли усну вместе с подушкой» [9]. Слово *かつがつ* *кауцацу* «уж как-нибудь; едва ли» указывает на то, что мать и её дочь вряд ли смогут уже спать вдвоём, а присутствие души её дочери обеспечивалось тем, что она клала у изголовья жемчужину. Во время путешествия, пребывания вне дома или смерти кого-то у изголовья оставляли жемчужину. Это означает, что следующие строфы из песни №216 (т.2) [11, т.1: 98]:

玉床の	тамадоко-но	На ложе жемчужном
外に向きけり	хока-ни мукикэри	Деревянное изголовье
		моей жены
妹が木枕	имо-га комакура	В другую сторону
		была повёрнута...

указывают на то, что супруга автора этой песни скончалась. Возвращаясь к песне №652, следует предположить, что её смысл заключён в следующем: «*И я и моя дочь, которую я выдала замуж, уже расстались, но в мыслях мы продолжаем оставаться вместе*». Поэтому если эти песни толковать, принимая во внимание то, что в то время существовал магический ритуал класть жемчужину у изголовья, смысл этих песен прояснится.

В своей песне №223 (т.2) [3, т.1: 151; 11, т.1: 99] Какиномото-но Хитомаро утверждает следующее:

鴨山の	Камяма-но	Возможно ль, что меня, кому среди гор Камо
岩根しまける	иванэ симакэру	Подножье скал заменит изголовье,
吾をかも	варэ-о камо	Всё время ждёт с надеждой и любовью,
知らにと妹が 待ちつつあらむ	сирани то имо-га матицуцу арамү	Не зная ни о чём, Любимая моя?..

Содержание этой песни следующее: «*Хотя жемчужину следует оставлять у изголовья, правильнее было бы оставлять её у изголовья скал*». Древние японцы только по этому действию понимали, что человек умирает.

Можно предположить, что следующая песня №226 (т.2) [3, т.1: 151-152; 11, т.1: 100]:

荒波に	Аранами-ни	Хочу, чтоб кто-нибудь мог передать тебе
寄りくる玉を	ёрикуру тама-о	О том, чтоб жемчуг драгоценный,
枕に置き	макура-ни оки	Что к берегам прийдёт бушующей волной,
吾ここにありと	варэ коко-ни арито	Ты клала в изголовье, зная,
誰か告げけむ	тарэ ка цугэкэму	Что это я, любимая, с тобой!

была сочинена в подражание чувствам Какиномото-но Хитомаро. Ввиду того, что автор этой песни лёг спать, не положив жемчужину у изголовья, следует предположить, что его возлюбленная скончалась во время его путешествия. Поэтому песня была сочинена ради того, чтобы удовлетворить условие «жемчуг клала в изголовье». Смысл этой песни следующий: «Хотя и клала жемчуг у изголовья, но это изголовье состоит из камней на морском берегу. Кто же сообщит, что я упокоилась там вечным сном?».

С жемчугом связаны не только религиозные, но и эстетические представления древних японцев. Красота жемчуга и его способность отражать естественный свет не оставляли их равнодушными. Ему давали эпитеты 白真珠 *сиросиндзю*, 真玉 *матама* или 白珠(玉) *сиратама*.

В «Манъёсю» есть песня (т.11, №2445), в которой делается намёк на то, что в море Оми (озеро Бива) добывали жемчуг [3, т.2: 276-277; 11, т.2: 13]:

淡海の海	ооми-но уми	В стране, называемой Оми, под волнами моря
沈く白玉	сидзуку сиратама	Дорогая жемчужина есть, погружённая в воду,
知らずして	сирадзуситэ	И не зная её,
恋せしよりは	кои сэсиэри ва	Я любил её всю душою.
今こそ益れ	има косо масарэ	А теперь я люблю ещё больше, чем прежде.

Смысл этой песни заключается в следующем: «О жемчужина, покоящаяся на дне озера, я в мечтах любил тебя, а теперь, когда тебя увидел, я всю душой стал любить тебя больше».

Большую часть красивых жемчужин добывали не только в пресноводных водоёмах, но и в чистых глубоко-

водных бухтах. Выловленные красивые жемчужины подносили морскому божеству за его благодеяния. Однако люди редко могли стать обладателями такого жемчуга. Поэтому можно предположить, что до того, как люди стали применять жемчуг в качестве украшения, они использовали его как религиозный атрибут. Ведь необработанная жемчужина, переливавшаяся всеми цветами, являлась символом чистой сущности моря. Для того чтобы получить силу и благоволение святого существа, являющегося олицетворением «объемлющего» (*das Umgreifende*)¹ исконной красоты, человек должен быть чист, т.е. непорочен. Этому условию, как говорилось выше, соответствовали девушки, которые служили богам (шаманки, жрицы). Можно представить, что они носили на шее и руках нанизанные на нить белые жемчужины. Если допустить, что чистая красота жемчуга является даром бога *Ватацуми-но ками*, т.е. Бога-Духа моря, то в жемчуге обитает его святая сила. Благодаря тому, что шаманки и жрицы носят его на себе, они тоже несут в себе красоту чистоты (непорочности).

Очевидно, во времена, когда составлялась «*Манъё-сю*», древние японцы красоту стали воспринимать шире и уже стали проявлять интерес не только к морю, скрывающему в своих глубинах редко и красиво жемчуг, но и к *ама* (海人)², добывавшим его нырянием в морские глубины. Перед погружением в воду они с молитвой совершали обряд очищения. В этой связи обра-

¹ То, что нельзя перешагнуть и, как таковое, нельзя понять; то, из чего мы существуем; и то, что мы поэтому никогда не сможем мысленно охватить; то, что всегда, тем не менее, остаётся всеохватывающим и всегда определяющим познаваемые нами предметы (по К. Ясперсу).

² Ныряльщицы за жемчугом.

щают на себя внимание песни №№ 1003 (т.6) [3, т.1: 373; 11, т.1: 264], 4103 и 4104 (т.18) [3, т.3: 185; 11, т.2: 246].

海をとめ	ама-но томэ	Как видно, юные рыбацки
玉も求むたし	тама мо томураси	Искать решили дорогие жемчуга,
沖つ波	окицунами	Я вижу, как выходит их ладья
恐き海に	касикоки уми-ни	В открытое море,
船出せり見ゆ	фуна дэсэри мию	Где бушуют волны!

Автором этой песни является *Фудзии-но Мурадзи Оонари*. В песне передан неподдельный испуг автора за ныряльщиц, которые занимаются добычей жемчуга в бурном море.

沖つ島	окицусима	Если мне бы жемчуг дорогой,
い行き渡りて	июки ватаритэ	Что, пlying к далёким островам,
潜くちふ	кадзуку тифу	Говорят, находят на глубоком дне,
あはび珠もが	авабитама мога	Завернув его,
包みて遣らむ	цуцумитэ яраму	Тебе бы я послал.
吾妹子が	вагимоко-га	О, если бы иметь мне жемчуг белый,
心慰に	кокоро нагуса-ни	Что скрыт на дне у островов морских,
遣らむため	яраму тамэ	Чтобы послать тебе -
沖つ島なる	окицусима нару	Моей любимой -
白玉もがも	сиратама мога мо	В дар для утехи сердца твоего.

Эти две песни сочинил *Отото Иэмоти*, когда отправлялся в пров. Этидзэн к новому месту службы в качестве управителя провинции. В своих песнях он выра-

зил желание передать жемчуг в подарок своей жене, которая осталась в Ямато, тем самым пытаясь как-то утешить её.

Обращает на себя внимание и другая песня №1018 (т.6) [3, т.1: 377; 11, т.1: 268]:

白珠は	сиратама-ва	Вот она – сиратама,
人に知らえず	хито-ни сираэдзу	Неизвестна
		она людям,
知らえずともよし	сирадзу томо ёси	Пусть не знают,
		не беда,
知らえずとも	сирадзу томо	Пусть не знают, -
吾し知れらば	варэси сирэраба	Лишь бы я знал
		об этом,
知らえずともよし	сирадзу томо ёси	А другие – пусть
		не знают, не беда!

Полагают, что эта песня принадлежит некоему монаху из храма Гангōдзи. Жалуясь на непонимание людей, он сравнивает свою душу с жемчужиной. В этой песне она ассоциируется с драгоценностью 摩尼珠 *манисю* (санскр. *mani*¹) из сутры Кэгон-кё (華嚴經, «Сутра о Величии Цветка») [8]. Хотя *сиратама* и означает «белая жемчужина», всё же слово «белый» здесь имеет отношение не к цвету, а к чистоте (непорочности).

Рассмотрим песни №1301 (т.7) [3, т.1: 443; 11, т.1: 301]:

海神の	ватацуми-но	Из-за яшмы ²
		прекрасной,

¹ Камень, обладающий свойствами исполнять желания владельца.

² В оригинале «жемчужиной».

手にまき持てる	тэ-ни макимотэру	Что надета на руки
玉ゆゑに	тама юэ-ни	Владыки морского,
磯の浦廻に	исо-но урами-ни	Я, кружа возле
		берега бухты,
潜するかも	кадзуки суру камо	Ныряю на дно
		беспрестанно...

Эта песня, как и две другие песни-аллегии №1317 (т.7) и 1319 (т.7) (比喩歌 *хиюка*) имеют заголовок «Сравнивают с жемчугом, с яшмой» (玉に寄す *тама-ни ёсу*). В фольклоре *Ватацуми-но ками* представлял собой божество уродливого вида, которое принимало вид морских водорослей, моллюсков и панцирных [13: 35]. Он строго охранял жемчуг в морских глубинах, и людям было не так просто заполучить его. Для того чтобы добыть жемчуг, входили в море, совершая омовение тела и поклонение божеству, а также произнося заклинание. На фоне трудностей, связанных с добычей драгоценного жемчуга, эти песни иносказательно повествуют о любви. Отец любимой женщины отождествляется с морским божеством, а любимая женщина – с жемчужиной. Белый жемчуг, сокрытый в морских глубинах, из-за своей естественной чистоты освящается и становится символом телесной чистоты (непорочности). Жемчуг стал тем предметом, которому поклонялись в святилищах. Для человека жемчуг выполнял не только религиозную защитную функцию, но также и являлся украшением. Красота и чистота жемчуга стала аллегорией красоты человеческой души. Ведь, как указывалось ранее, в японском языке слово 霊 *тама* «дух-душа» использовали эквивалентно слову 玉 (珠) *тама* «жемчуг».

Таким образом, жемчуг в «Манъёсю» приобрёл общее название красивых предметов. Например, водоросли её авторы называли 玉藻 *тамамо* «жемчужные травы» (т.3, №360), копьё — 玉鉾 *тамахоко* «жемчужное копьё» (т.1, №78; т.8, №1534; т.11, №2598), тесёмки для подвязывания рукавов на одежде, предназначенной для синтоистских богослужений — 玉たすき *таматасуки* «перевязь белых жемчужов» (т.1, №29; т.2, №199; т.12, №2992; т.13, №3297), сердце (душу) человека — 玉の緒 *тама-но о* «жемчужная нить» (т.12, №3086; т.14, №3358), а гонца авторы этой антологии ассоциируют с 玉づき *тамадзуки* жемчужная ветка» (т.12, №2945), красивую одежду — с 珠衣 *тамагину* «жемчужная одежда» (т.4, №503; т.15, №3441) либо с 玉くしげ *тамакусигэ* «жемчужный ларец» (т.17, №3987) либо с 玉かづら *тамакадзура* «жемчужный плющ» (т.2, №102; т.3, №324; т.12, №3204) и т.п.

Таким образом, древние японцы воспринимали красоту моря и связанных с ним предметов через красоту объёмлющей божественной сущности. Они не сосредотачивали своё внимание лишь на восприятии красоты отдельных предметов, но и обращали внимание на свою духовную ориентированность. Красота чистой сущности и предметов составляли основу красоты, служившей основой морали того времени, и это нашло своё отражение в древней японской поэзии и, в частности, в первой японской поэтической антологии «Манъёсю».

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Глускина А.Е. Заметки о японской литературе и театре. М., 1979.
2. Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1. Мифы / Пер. Е.М.Пинус. СПб, 1994.

3. Манъёсю: Японская поэзия: В 3 т. / Пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А.Е.Глускиной. М., 2001.
4. Накорчевский А.А. Синто. СПб, 2000.
5. Нихон сёки. Анналы Японии. Т.1 / Пер. Л.М.Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб, 1997.
6. 折口信夫. 霊魂の話. www.aozora.gr.jp.
7. 全訳古語辞典. 東京. 1997.
8. 華嚴経. www.todaibussei.org.jp.
9. 現代口語万葉集. www.miyazaki-u.ac.jp.
10. 松村武雄. 日本神話の研究. 第1巻. 東京. 1954.
11. 新訓万葉集. 上下巻. 東京, 1999.
12. 杉本秀太郎. 神遊び. 東京, 2000.
13. 次田潤. 国文学史新講. 上巻. 東京. 1940.
14. 東光治. 万葉動物考. 東京. 1982.

Нечаева Л.Т.,
ИСАА МГУ

Транспонирующие суффиксы письменного стиля японского языка

В японском языке употребляются суффиксы, способствующие переводу лексемы из одной части речи в другую, так называемые транспонирующие суффиксы¹. В этой статье разбираются транспонирующие суффиксы, встречающиеся в письменном стиле японского языка.

СУФФИКС がち

Суффикс *がち*. Суффикс *がち* вносит значения легко возникающей ситуации, преобладания качества или явления, частоты действия. Суффикс *がち* употребляется с существительными ваго, канго, гайрайго и с глаголами в форме 2-й основы, например:

山がちで比較的降水量の多い日本では、河川による侵食・堆積作用がさかんでおる。² Ямагати-дэ хикакутэки кōсүйрē-но ой Нихон-дэ ва, касэн-ни ёру синсёку・тайсэки саё-га сакандэ ору. *В покрытой горами Японии, где выпадает сравнительно много осадков, часто возникает эрозия и нагромождение камней в русле рек.*

このところ会社の状態が不景気で、毎月の給料も遅配がちなのです。Коно токоро кайся-но дзётэй-га фукэйки-дэ,

¹ В.М.Алпатов, П.М.Аркадьев, В.И.Подлеская. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008, стр.530.

² Все примеры взяты из статей ведущих японских газет – Асахи, Ёмиури, Майнити, Нихон кэйдзай.

майцуки-но к̄ор̄ē мо тихайгати-на но дэсу. В данный момент ситуация в компании плохая, **постоянно происходят задержки с выплатой** ежемесячной зарплаты.

処遇の問題でも非常に不十分で、研究者が民間企業にシフトがちである。С̄ēγ̄-но мондай-дэ мо хидз̄ē-ни фудз̄ōбун-дэ, кэнк̄юся-га минкан киг̄ē-ни сифутогати-дэ ару. *И с точки зрения отношений, всё несовершенно, слишком часто меняются исследователи на частных предприятиях.*

日韓は隣り合うだけに歴史的なかわりは深く、感情ももつれがちだ。Никкан ва тонариау дакэ-ни рэкиситэки-на какавари ва фукаку, кандз̄ē мо моцурэгати да. Поскольку Япония и Южная Корея соседи, то исторические связи глубокие, и чувства по отношению друг другу **всегда сложные.**

Слово с суффиксом がち переходит в разряд полупредикативных прилагательных и изменяется как полупредикативное прилагательное, например:

他の評価にも影響を**及ぼしがちな**ことを指します。Та-но х̄ēка-ни мо эйк̄ē-о оёбосигати-на кото-о сасимасу. *Указывают, что это **постоянно оказывает влияние** и на другие котировки.*

小学四年生は欠席がちになった。С̄ēгаку ённэнсэй ва кэссэкигати-ни натта. И 4-классники младшей школы стали **часто пропускать занятия.**

その一因はダムとか、道路とか、ハード面に偏りがちで、どうも民衆のところまで行き届かないところにある。Соно итин ва даму тока, д̄ōро тока, х̄адомэн-ни катаёригати-

дэ, до̄мо минс̄ю-но токоро-мадэ юкитодоканай токорони ару. *Причина в том, что упорно настаивая на строительстве дамбы ли, дороги, твердого покрытия, – они совсем не принимают во внимание мнение граждан.*

特に日中間には歴史的な原因もあって、中国の政府や国民は感情的な日本批判に傾きがちだ。Току-ни Нитт̄ю-ни ва рэкиситэки-на гэн̄бин мо аттэ, Тю:гоку-но сэйфу я кокумин ва кандзётэки-на Нихон **хихан-ни катамукигати да**. *В отношениях между Японией и Китаем в силу исторических причин правительство и народ Китая постоянно эмоционально критикуют Японию.*

Суффикс がち указывает на чрезмерность или частоту явления, действия, при этом слово с суффиксом がち несет отрицательную характеристику, например, 山 *яма гора* – 山がち *ямагати гористая (местность, не подходящая для ведения сельского хозяйства),* もつれる *запутаться, осложниться* – もつれがち *слишком сложная, запутанная (ситуация).*

С суффиксом がち употребляются в основном глаголы во 2-й основе, редко существительные ваго и гайрайго. Существительные канго встречаются чаще, но список существительных, употребляющихся с がち, невелик, в основном, это слова, несущие отрицательную информацию, например: 不眠 *фумин бессоница*, 不足 *фусоку нехватка*, 病氣 *бёки болезнь*, 遠慮 *энрё застенчивость*, 沈黙 *тиммоку молчание*, 遅配 *тихай задержка выплаты*, 肥満 *химан полнота* и др.

Глаголы, употребляющиеся с がち, большей частью также имеют негативную окраску, например: 沈む сидзуму *быть унылым, подавленным*, とぎれる тогирэру *прерваться*, ためらう тамэрау *колебаться*, 嘆息する тансоку-суру *сожалеть, вздыхать*, 失なう усинау *потерять*, われる варэру *разбиться*, 俯く уцумуку *повесить голову*, 偏る катаёру *быть склонным*, 忘れる васурэру *забывать*, 陥る отириу *впасть (во что-либо)*, 遅れる окурэру *опаздывать*, 怠る окотару *лениться*, 伏し目になる фусимэ-ни *нару потупить взор*, 敬遠する кэйэн-суру *сторониться (кого-либо)* и т.д.

Глаголы, имеющие положительное значение, с суффиксом がち описывают действия, повторяющиеся слишком часто, из-за чего возникают неприятные ситуации, т.е. такие глаголы с суффиксом がち передают негативное значение, например: 休む ясуму *отдыхать* – 休みがち *ясумигати слишком много отдыхать (а это плохо)*.

СУФФИКС たる

Суффикс たる употребляется в современном письменном языке как суффикс, превращающий существительные, именные основы в полупредикативные прилагательные в определительной позиции, например:

日本の多国籍企業の代表たる総合商社を叩いて無力化させる。Нихон-но такокусэки кигё-но дайхётару сōгō сёся-о татайтэ мурёкука-сасэру. Наносят удар по японским объединенным торговым фирмам, **представляющим** транснациональные предприятия, оставляют их без денежных средств.

工産物の主たるものは、織物、日用雑貨、金属類である。Кōсамбуцу-но сютару моно ва, оримоно, нитиё дзакка, киндзокуруй-дэ ару. *Главные виды продукции – ткани, различные товары повседневного спроса, изделия из металла.*

Суффикс たる имеет дополнительное значение – качество, выраженное словом с данным суффиксом, характеризуется как превосходное.

СУФФИКС なる

Суффикс なる также употребляется в современном письменном языке как суффикс, превращающий существительные, именные основы в полупредикативные прилагательные в определительной позиции, например:

それは救助の対象には当然なるのでしょ。Sorэ ва кюдзё-но тайсё-ни ва тōдзэннару-но дэсё. *Наверное, это – естественный объект для оказания помощи.*

政府側との関係の深さなどの種々の要素によってさまざまに単なる構造のものがあつたであらう。Сэйфугава-то-но канкэй-но фукаса-надо-но сюдзю-но ёсо-ни ёттэ сама-дзама-на таннару кодзō-но моно-га атта дэ арō. *Вероятно, существовали разнообразные простые структуры, созданные по разным причинам, например, на основе тесных отношений с правительством.*

Суффикс なる употребляется с ограниченным количеством слов, с некоторыми основами суффикс なる в процессе лексикализации образовал новые слова, например: 単なる таннару простой, 聖なる сэйнару святой.

СУФФИКС 難い

Суффикс 難い присоединяется ко 2-й основе глагола, обозначает трудность, невозможность совершения действия, например:

米国側の当事者からのヒアリングも十分とは言い難い。
Бэйкокугава-но тōдзися-кара-но хиарингу мо дзюбун то ва иигатай. *Трудно сказать, что было достаточное понимание со стороны заинтересованных лиц Америки.*

Слова с суффиксом 難い употребляются как предикативные прилагательные, например:

インドネシアは住み難い国です。Индонесиа ва ясумигатай куни дэсу. *Индонезия – это страна, в которой трудно жить.*

現在のところ一般廃棄物の資源化, 再利用は十分とは言い難く, 資源化, 再利用への取り組みが期待される。Гэндзай-но токоро ишпан хайкибуцу-но сигэнка, сайриё ва дзюбун то ва иигатаку, сигэнка, сайриё-э-но торикуми-га китайсарэру. *В настоящее время трудно сказать, в полной ли мере происходит превращение отбросов в ресурсы, и используются ли они вновь, ожидается заключение контрактов на переработку вторичных ресурсов и их использование.*

どれが敵か、だれが味方か、判別しがたい。Дорэ-га тэки ка, дарэ-га миката ка, самбэцу-сигатай. *Трудно различить, кто враг, кто – друг?*

Некоторые слова даются в словаре с суффиксом 難い, например: 耐えがたい таэгатай *невыносимый*, 信じがたい

синдзигатай *невероятный*, *а*りがたい аригатай *желанный*, *добрый* и т.д.

Суффикс 難い употребляется в основном в письменном стиле японского языка.

СУФФИКС にくい

Суффикс にくい также присоединяется ко 2-й основе глагола, обозначает трудность, невозможность совершения действия, например:

輸出拡大への思惑から自国通貨安を容認する欧米各国の姿勢は変えにくい。Юсюцу какудай-э-но омоваку-кара дзикоку цукаан-о ёнин-суру Обэй каккоку-но сисэй ва каэникуй. **Трудно изменить** позицию Америки и европейских стран, разрешающих в целях расширения экспорта обращение своих дешевых валют.

Слова с суффиксом にくい переходят в разряд предикативных прилагательных, например:

各国の足並みがそろいにくい面もある。Каккоку асинами-га сороиникуй мэн мо ару. Есть такие области, где странам сразу **трудно идти всем в ногу**.

通貨価値がどんどん目減りしそうな国は投資資金が集まりにくい。Цука кати-га дондон мэбэри-сисо-на куни ва тоси сикин-га ашумариникуй. В странах, где явно быстро понижается стоимость национальной валюты, **трудно собрать** капитал для инвестиций.

クラスター爆弾を積んだ航空機は、条約批准国では燃料補給などの協力を受けにくくなる。Курасута бакудан-о цунда кōкүки ва, дзёяку хидзюнкоку-дэ ва нэнрэ хокю-

надо-но кѣрёку-о укэникуку нару. *В странах, ратифицировавших договор, самолёту с кассетными бомбами на борту **станет сложно получить помощь** – заправку горючим и др.*

К слову с суффиксом にくい может присоединяться суффикс прилагательных さ, превращая прилагательное в существительное, например:

制度のわかりにくさは、それ自体が不信を招く要因だ。
Сэйдо-но вакариникуса ва, сорэ дзитай-га фусин-о манэку ёин да. ***Трудность понимания системы** – причина, вызывающая сама по себе недоверие.*

Различие в употреблении суффиксов 難い и にくい в том, что にくい употребляется с глаголами действия – 落ちる отиру *падать*, 出る дэру *выходить*, 読む ёму *читать*, 入る хаиру *входить*, 燃える моэру *гореть* и т.п., исключение – глаголы わかる вакару *понимать*, 理解する рикай-суру *понимать*, 解く току *решать*.

Суффикс 難い в основном употребляется с глаголами, обозначающими чувства, эмоции, например, 耐える таэру *терпеть*, 予断する ёдан-суру *предсказать*, わかる *понимать*, 信じる синдзиру *верить* и т.п. Хотя с 難い могут употребляться и глаголы 読む ёму *читать*, 考える кангаэру *думать* и т.п., обозначающие умственную деятельность человека.

СУФФИКС **やすい**

Суффикс **やすい** обозначает легкость совершения или возникновения действия, присоединяется ко 2-й основе глагола, например:

国は地元が**使いやすい**制度を整え、権限と財源をつけて任せる。Куни ва дзимото-га цукаиясуй сэйдо-о тотоноэ, кэнгэн то дзайгэн-о цукэтэ макасэру. Страна создает систему, при которой **легко использовать** местные ресурсы, полагается на свои полномочия и финансовые ресурсы.

子どもの脳症を最も**起こしやすい**タイプである。Кодомо-но но:сё:-о моттомо окосиясуй тайпу-дэ ару. Это — штамм (гриппа), который очень **быстро вызывает** у детей воспаление мозга.

Слова с суффиксом **やすい** переходят в разряд предикативных прилагательных, например:

取りやすいところからとる安易な議論でない。Ториясуй токоро-кара тору анби-на гирон дэ най. Это не дискуссия о том, как взять (средства) оттуда, где их **легко взять**.

その要因を考えるためには、輸出金額を数量と価格に分解して考えると**わかりやすい**。Соно ёин-о кангаэру тамэ-ни ва, юсюцу кингаку-о сүрё-то какаку-ни бункай-ситэ кангаэру то вакариясуй. **Легко понять**, чтобы осмыслить эту причину, анализируют сумму денег от экспорта по количеству товара и его цены.

患者にとって、大づかみに費用を**理解しやすくなる**、とは言えそうだ。Кандзя-ни тоттэ, оодзуками-ни хие-о рикай-сиясуку нару, то ва иэсō да. **Явно можно сказать, что для пациентов легко станут понятны** приближенные расходы.

*Осадча Ю.В.,
Институт литературы им. Т.Шевченко*

**"Общие рассуждения о прозе" ФУТАБАТЭЙ Симэй в
контексте японской литературной критики конца XIX ст.**

Содержание и структура, главные идеи и риторика, пафос какого-либо конкретного критического произведения, хотя и зависят во многом от "внешних факторов" как предпосылок и условий к его созданию, но нередко определяются сознательно или неосознанно заложенной в это произведение прагматикой, особенно если сам автор наделяет его статусом программной работы и/или литературного манифеста. Однако далеко не всегда авторские интенции и побуждения к написанию критического произведения вызывают надлежащий резонанс в литературном сообществе и, как результат, определяют роль и вклад работы в развитие литературно-критической мысли и публицистики своего периода.

В начальный период формирования и самостоятельного развития литературно-критической мысли в Японии, т.е. в середине 80 гг. XIX ст., первые работы (и небольшие заметки, и статьи, и трактаты) зарождавшегося литературоведения — независимо от их злободневности, "узкой" направленности тематики и вызвавших к написанию стимулов — были посвящены, в конечном счете, самому широкому кругу общепозитологических и эстетических вопросов новообращенной в искусство художественной литературы. Причем, при полном или частичном отсутствии у молодых японских литераторов теоретической подготовки и практики, как "культуры" ведения дискуссий, нередко заявленная литерато-

ром полемичность работы оставалась номинальной, декларативной, а сам автор пускался в пространные рассуждения или абстрагированные изложения своих персональных взглядов и концепций относительно интересовавших его тем и проблем.

Статья "Общие рассуждения о прозе" ("Сёсэцу сорон", 1886) Фтабатэй Симэй (1864-1909) была написана, как принято считать, в ответ на трактат "Сущность прозы" (1885-86) Цубоути Сёё (1859-1935) и в качестве критики на роман "Нравы студентов нашего времени" (1886), а также с целью опровержения литературных теорий Цубоути [Садокова; 439]. Однако при более тщательном рассмотрении этого вопроса категоричность подобных утверждений начинает вызывать сомнения. В доступных автору данной статьи материалах, посвященных литературно-критической мысли в Японии середины 80-х гг., эта одна из первых статей Фтабатэй не обсуждается и не упоминается, в связи с чем логично обратиться к исследованиям общелитературного дискурса и публицистики, истории идей и литературных концепций эпохи Мэйдзи. Так, Б.В.Поспелов достаточно осторожно говорит о том, что "в ней нашли решение некоторые важные вопросы литературной теории, которые оставил открытыми Цубоути" [Поспелов; 232], а К.Рехо замечает, что трактат Цубоути "встретил возражение и у Фтабатэй Симэя, но последний выступал с иных позиций – с позиций реалистической эстетики" [Рехо; 61], при этом речь идет не столько об "Общих рассуждениях...", сколько о статье "Сущность искусства" ("Бидзюцу-но хонги") – фактически переводе "Идеи искусства" (1841) В.Г.Белинского (1811-48), напечатан-

ном после смерти автора в полном собрании сочинений лишь в 1928 году, хотя многие литераторы того времени были знакомы с этой работой в рукописном виде [Рехо: 62]. Ссылки Томи ограничивается указанием, что теоретическая работа Фтабатэй Симэй была "написана и опубликована под вдохновением от работы Сёё" [Suzuki; 22], а Дональд Кин отмечает: "Общие рассуждения о прозе" не печатались до 1886 года" [Keen; 106], т.е. до времени выхода последних глав "Сущности прозы". В совокупности с изложенными Фтабатэй идеями это может свидетельствовать, что написание работы не было непосредственно вызвано стремлением к низложению литературных концепций Цубоути, хотя и некоторые моменты в "Общих рассуждениях..." так или иначе отсылают к трактату Цубоути Сёё, но они практически не апеллируют к нему напрямую с целью "жесткой критики".

Первое, что бросается в глаза при чтении "Общих рассуждений...", это ставшие поводом к написанию статьи и изложенные в коротком вступлении обстоятельства: "Определяя хорошее и плохое в людях, не стоит стремиться к наивысшей красоте (идеальности). О произведении не следует судить в категориях "черное и белое". Как и при оценке «Нравов студентов нашего времени» следует постичь главную идею произведения, какой ее изначально задумал автор" [二葉亭四迷; 294]. Далее роман Цубоути "Нравы студентов..." ни разу не упоминается; статья носит исключительно общетеоретический характер, большинство идей изложены схематически, а приводимые автором примеры мало касательны конкретной литературной практики в Японии того

времени. Эти обстоятельства, в свою очередь, дают возможность рассматривать статью и высказанные в ней идеи в следующих аспектах: 1) соотнесенность общетеоретических положений Фтабатэй с идеями Цубоути, высказанными в работе "Сущность прозы", 2) преемственность взглядов Белинского, 3) оригинальность идей (теорий) самого Фтабатэй и 4) влияние и значимость именно этой, одной из первой работ Фтабатэй на развитие литературно-критической мысли в Японии второй половины XIX ст. Учитывая синтетичность и расплывчатость (на этой стадии развития литературных теорий японского писателя) требующих отдельного разговора концепций художественной прозы Фтабатэй, представляется оправданным ограничиться первым и последним вопросами, которые и отвечают особенностям и основным этапам литературно-критическому дискурсу в Японии означенного периода.

Помимо названия романа "Нравы студентов..." во вступлении в статье прямых упоминаний других работ Цубоути Сёё нет, однако Фтабатэй кое в чем все же следует своему старшему коллеге. Текстологический анализ трактата и статьи указал на несколько прямых заимствований из "Сущности прозы", и причем только там, где речь идет о художественной прозе *сёсэцу* 小説 (т.е. в двух последних абзацах статьи), а не искусстве как таковом.

Первое, самое очевидное – это системное использование вслед за Цубоути понятия *сёсэцу* как обозначения художественной литературы нового времени, существенно отличавшейся от японской сюжетной прозы предыдущих столетий – и *моногатари*, и *сэцува*, и

гэсаку, и ёмихон. Кроме того, интересным ”стечением обстоятельств” можно назвать абсолютную идентичность названия первой главы ”Сущности прозы” и статьи Фтабатэя ”Общие рассуждения о прозе”, хотя суть этих рассуждений у двух авторов разная.

Второе – это парные термины для определения новой, современной литературы, а именно: *кантё-сёсэцу* 勸懲小説 (в дальнейшем стал термином, введенным в японское литературоведение Цубоути) как обозначение поучительных повествований, основанных на и одновременно иллюстрирующих и разъясняющих принцип ”поощрения [добра]-наказания [зла]” (английский эквивалент, предложенный Цубоути, – *didactic novel*) в противовес описательным произведениям *мося-сёсэцу* 摸写小説 (или *artistic novel*), где реалистично изображаются чувства, нравы и будничная жизнь героев и общества. Примечательно, что высказывания Цубоути Сёё и Фтабатэй Симэй об этих двух типах художественной прозы во многом созвучны. Так, Цубоути неоднократно и резко критиковал роман ”Предание о восьми псах Сатоми из Нансо” (”Нансо сатоми хаккэн-дэн”, 1814-1841) Такидзава Бакин (1767-1848) за то, что в основу его сюжетной линии положен принцип *кандзэн-тёаку* 勸善懲惡, а восемь главных героев действуют по шаблону и согласно предписанным им нормам и правилам поведения. Такая литература писателей-идеалистов (*рисо-ха* 理想派), по его мнению, должна остаться достоянием прошлого, уступив место произведениям писателей реалистической школы *гэндзицу-ха* 現実派. Фтабатэй, в свою очередь, о поучительно-назидательной прозе *кантё-*

сёсэцу писал: "Но чем, в таком случае, являются назидательные произведения? Презируя принцип главенства реальности (реализм)¹ и следуя учению о двух силах (дуализму)², все явления в этом мире они объясняют, исходя из предположения, что добро — это то, что побеждает зло. Это всего лишь приспешники религиозных догм. Всего лишь религиозные толкования, слегка похожие на художественные произведения. И как их ни назови, но к истинным художественным произведениям ближе они не станут" [二葉亭四迷; 296].

Описательные (или точнее — "копировальные") произведения *мося-сёсэцу* Цубоути в главе "Типы художественных произведений" определил как те, что "по своей природе совершенно отличаются от так называемых поучительных, главная идея в них не что иное, как описание положения вещей в этом мире. А раз так, то если и при создании персонажей, и при создании фавулы, и в реализации главной идеи [произведения], о которой говорилось ранее, когда речь шла о сущности [прозы], персонажи будут совершенно неестественными, живущими и совершающими поступки в вымышленном мире, то такое произведение не может приблизиться к истине. К примеру, подобно тому, как поэт, выплескивая истинные чувства, в стихах описывает подлинный пейзаж, и художник цветом изображает цветы-птиц-горы-воды, и скульптор резцом вырезает фигурки людей или животных, имея перед собой только одну цель — приближение

¹ В оригинале: 主実主義 (リアリズム)

² В оригинале: 二神教 (デュアリズム)

к истине, так и [художественная проза], избрав направление, должна проникать в суть человеческих чувств, создавая тем самым документ эпохи” [坪内逍遙; 167-168].

Фтабатэй сфокусировал внимание не на чувствах и событиях в мире людей, явлений и вещей, которые, по мнению Цубоути, были главных объектом изображения в художественной прозе нового времени, а идеях, которые автор должен донести, материализовать в форме художественного слова. По этому поводу Фтабатэй писал: ”скажу только, что копирование – это отображение вымышленного мира посредством использования картин реального мира и положения вещей в нем. Как уже было сказано ранее, все явления реального мира являют собой идеи природы, но они сокрыты формами случайностей и плохо различимыми. Изображенные в художественной прозе явления также, безусловно, отличаются от случайностей, однако – и тут я повторяюсь – в узоре сюжета, в форме этих случайностей четче отображается идея природы, и именно это [отображение] и есть целью произведений описательных. Это то, что делает текст [произведения] жизненным” [二葉亭四迷; 296]. При этом Фтабатэй обходится только словами *мося* и *уцусу* (т.е. ”подражание” и ”копия”, ”копировать”, ”воспроизводить”, ”отражать”), в то время как Цубоути гораздо активнее чем *уцусу* использует слово *эгаку*, т.е. ”описывать”/”изображать”/”рисовать” (слово *бёся* 描写 – ”изображение”, ”описание” – употребляется очень редко, всего лишь дважды и не системно; в широкое пользование в качестве термина *бёся* войдет несколько позже, в критических статьях писателей-натуралистов).

Примечательно также, что в своем первом романе "Плывущее облако" ("Укигумо", 1887-89) Фтабатэй также "использовал слово *синри* для обозначения психологии его героев", позаимствованное в свое время у Цубоути [Kornicki; 27], хотя в "Общих рассуждениях..." оно не встречается. В главе "Суть прозы" Цубоути называет писателей психологами, а характеры героев, что они создают на страницах произведений, результатом работы психолога: "Следует создавать [характеры] персонажей, опираясь на основы психологии" [坪内逍遙; 163] (хотя здесь и *синрирон* 心理論, и 心理学者 *синригакуся* использованы в общем контексте и относятся больше к 心理 *синри* в значении психологии как научной дисциплины).

Таким образом, не совсем правомерным выглядит рассмотрение "Общих рассуждений..." как отрицание выдвинутых Цубоути Сёё литературных концепций, при которых главным аргументом выступает согласие Цубоути с критикой в свой адрес от младшего коллеги. В то же время, не следует упускать из виду и тот факт, что как представители и первые теоретики одного, реалистического направления в литературоведении Цубоути Сёё и Фтабатэй Симэй "выросли" на разных языковых и национальных традициях литературной критики: Цубоути учился преимущественно у англосаксов, а Фтабатэй — у русских литераторов, в частности В.Г.Белинского, Н.А.Добролюбова (1836-61), М.Н.Каткова (1817-87) и других; и каждый из них в соответствии с собственными интересами акцентировал внимание на тех проблемах, которые на то время были для них актуальны. Несмотря на расхождения во взглядах относительно искусства, принципов написания художественного произведения и

новую японскую литературу оба литератора не противоречили, а скорее дополняли теории друг друга: если Цубоути уделял больше внимания способам и методам построения сюжета и образов главных героев в произведении, художественным приемам, а также функциям и задачам литературы в обществе, то Фтабатэй сосредоточился на взаимном дополнении и соответствии содержания, идеи (意, アイデア) и формы, т.е. сюжета (形, フォーム) в реалистическом произведении.

Эпохальность этой небольшой в несколько страниц одной из первых работ, несмотря на все предложенные японским литератором положения собственной концепции реалистической прозы, сложно воспринимать всерьез. Историки японской литературы и исследователи литературного процесса не отмечают особого влияния на развитие литературной критики и литературоведения в Японии именно этой статьи. Советские исследователи начальных этапов развития японской литературы нового времени, например К.Рехо и Р.Карлина, изучавшие японскую литературную критику и публицистику второй половины XIX ст. на обширном японском материале, в творчестве Фтабатэй Симэй гораздо больше внимания уделяют другим его работам, а "Общие рассуждения..." относят к первым, "студенческим" выступлениям автора. При этом и Поспелов не спешит определять степень значимости этого эссе в истории литературно-критической мысли Японии, а Д.П.Бугаева в работе "Японские публицисты конца XIX века" (1978) едва упоминает имена Цубоути и Фтабатэй как основоположников реалистического метода в японской литературе нового времени.

Западные исследователи литературного процесса в Японии эпохи Мэйлзи тоже достаточно слепжано отзываются о вкладе этой статьи в развитие литературной теории и практики обозначенного периода. Так, Судзюки Томи пишет, что Фтабатэй, "который был более глубоко знаком с литературными традициями Запада в результате интенсивного изучения русской литературы восемнадцатого-девятнадцатого веков и который имел устойчивые представления о европейской поэтике и метафизике, более чем Сёё способствовал перемещению от «изображения человеческих чувств» к «реалистичному изображению правдивых человеческих чувств»" [Suzuki; 22-23]. Несколько противоречивую в конечном счете оценку "Общим рассуждениям..." дал Дональд Кин, утверждавший, что по сравнению с поверхностной "Сущностью прозы" Цубоути Сёё этой работе "следует придавать большее значение при любом рассмотрении литературной революции в эпоху Мэйдзи", однако в этом же абзаце дает окончательное заключение: "Действительно, эссе является куда более утонченной теорией литературы, чем что-либо представленное Цубоути, но Фтабатэй всего лишь переформулировал взгляды Виссариона Белинского с большим или меньшим добавлением собственных суждений. Кроме того, в отличие от Цубоути он не предпринимал попыток связать его теории с программой улучшения японской прозы, поэтому его эссе прошло практически незамеченным другими авторами" [Keen; 106].

В то же время, провозглашение обоими литераторами принципа реалистического изображения, а также утверждение принципа "копирования" *мося* стало поводом — и очень, как кажется, мало обоснованным — для

рассмотрения литературной критики двух авторов как теоретического базиса к основанию реалистического направления в японской литературе конца XIX ст. Похоже, что декларации так и остались заявлениями. Красно-речивым аргументом и свидетельством преждевременности — если не появления, то развития однозначно, — реализма в японской литературе как художественной практике могут быть произведения самих писателей: "Нравы студентов..." Цубоути и "Плывущее облако" Фтабатэй. Тезисы авторов об избавлении от схематичности и искусственности изображения героев произведений, а также отказ от традиционной схемы построения сюжета, основанной на принципе "поощрении добра и наказании зла" *кандзэн-тёаку*, не нашли своей фактической реализации: "Нравы студентов..." были раскритикованы еще современниками Цубоути (и сам автор признавал свою несостоятельность в качестве писателя-реалиста), а роман "Плывущее облако" так и не был закончен. И хотя основным, программным заданием японской критики нового времени и было воззвание к реалистическому изображению в произведениях, но предложенные художественные принципы были подхвачены и воплощены значительно позже — в литературе так называемого японского натурализма или "реалистического натурализма", расцвет которого пришелся на первое десятилетие XX ст. и связан прежде всего с именами Симадзаки Тосон (1872-1943), Таяма Катай (1871-1930) и Куникида Doppo (1871-1908).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бугаева Д.П. Японские публицисты конца XIX века. М.: Изд-во «Наука». 1978. — 168 с.

2. Карлина Р. Творческие связи Хасэгава Фтабатэя с русской литературой // Японская литература. Исследования и материалы, М., 1959;
3. Пospelов Б.В. Из истории литературно-эстетических воззрений в Японии (конец XIX — начало XX века) // Проблемы теории литературы в странах Востока. — М.: Худож. лит., 1964, С.221-264
4. Рехо К. Русская классика и японская литература. — М.: Худож. лит., 1987. — 352 с.
5. Садокова А.Р. У истоков японского реализма: "Общая теория романа" Фтабатэя Симэя // Памятники литературной мысли Востока. — М.: ИМЛИ РАН, 2004, стр. 439-462
6. Keen, Donald. Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era (History of Japanese Literature, Vol. 3). Columbia University Press, NY, 1998. — 1329 p.
7. Kornicki, Peter F. The Reform of Fiction in Meiji Japan. Ithaca Press, London, 1982. — 133 p.
8. Marleigh Grayer Ryan. The Development of Realism in the Fiction of Tsubouchi Shoyo. University of Washington Press, Seattle and London. 1975. — 133 p.
9. Marra, Michael F. A history of modern Japanese aesthetics. University of Hawaii Press, 2001. — 398 p.
10. Suzuki, Tomi. Narrating the Self: Fictions of Japanese Modernity. Stanford University Press, 1996. — 248 p.
11. 坪内逍遥 『小説神髓』 // 日本近代文学全集 4: 坪内逍遥・二葉亭四迷 筑摩書房、1963, с. 150-205.
12. 二葉亭四迷 『小説総論』 // 日本の文学[1] 坪内逍遥・二葉亭四迷・幸田露伴. 中央公論社、1974, с. 294-297.

*Османов Е.М. ,
Восточный факультет СПбГУ*

**Военная система Японии VII-VIII вв.:
особенности комплектования и функционирования**

В отечественной и западной историографии истории созданных в период Мэйдзи 明治 (1868-1912 гг.) японских вооруженных сил зачастую рассматривается с позиции характерной для первого десятилетия этого периода т.н. «вестернизации», в рамках которой Япония заимствовала передовые достижения Запада и адаптировала их к собственным реалиям. При этом, делая акцент на заимствованиях, многие авторы не обращают должного внимания на исторический опыт Японии в деле подходов к комплектованию воинских формирований личным составом, имевший в своей ретроспективе несколько подходов.

Как отмечает М.В.Воробьев, в IV-V вв. военные единицы состояли из отдельных независимых дружин кланов, выступавших в поход в случае заинтересованности государственного режима¹. Кроме того, были отряды так называемой императорской гвардии, куда входили личные войска правителя. Естественно, ни о какой централизованной системе комплектования речи быть не могло. Тем не менее, на протяжении всего VI столетия шел процесс дифференциации между правительственными отрядами, представлявшими собой зачатки будущей

¹ М.В.Воробьев. Япония в III-VII вв. М., 1980. С.154-155.

централизованной армии и личными дружинами правителей. Вооруженные силы нуждались в реформировании своей клановой организации, показавшей крайнюю неэффективность во время военных действий на материке.

Первый в японской истории опыт комплектования вооруженных сил личным составом, набранным на основе воинской повинности, относится к эпохе становления японской государственности – периодам Асука 飛鳥 (593-710 гг.) и Нара 奈良 (710-794 гг.).

К 645 г. относится первая попытка ограничить дружины местных представителей власти, для чего создавались арсеналы для хранения оружия, издавались эдикты, направленные на разоружение членов кланов. Продолжившийся в годы правления императора Тэмму 天武 (631-686 гг.) процесс формирования единых вооруженных сил, необходимость которого диктовалась угрозой возможного вторжения армий Китая или государства Силла, носил последовательный характер. Серия поражений, которые потерпела Япония на материке в начале второй половины VII века, заставили ее отказаться от активной внешней политики и сосредоточиться на внутригосударственных реформах. Осознавая непригодность существующей в стране системы, при которой войска набирались лишь в случае необходимости, Тэмму, опираясь на опыт Китая, приступил к созданию регулярных вооруженных сил. В 675 г. В Японии создается военное министерство – хёбусё 兵部省, задачей которого стала организация централизованной государственной системы комплектования. По указанию императрицы Дзито 持統

(645-702 гг.) в 689 г. устанавливается государственная система воинской повинности, которую должна была отбывать часть мужского населения страны в свободное от сельскохозяйственных работ время. «Централизованный набор рекрутов стал одной из важнейших составляющих процесса по организации государственных вооруженных сил...»¹. В соответствии с новой доктриной, старая, основанная на родоплеменных дружинах, система комплектования упразднялась, ей на смену шла обязательная воинская повинность.

Однако вопрос относительно правил набора на службу до сих пор окончательно не решен. М.В.Воробьев указывает, что на государственную военную службу одновременно призывалась одна четвертая часть боеспособного населения каждой провинции². В свою очередь, А.Н.Мещеряков отмечает, что суть системы сводилась к отбытию воинской повинности каждым четвертым мужчиной в семье³. В Нихон сёки отмечается, что «В каждой провинции надлежит разделить юношей на четыре части, одну из них объявить войском и проводить с ними упражнения в воинском деле»⁴. По словам М.В.Воробьева, известный историк Асакава Каньити считает, что

¹ А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. История древней Японии. СПб, Гиперион, 2002. С.235.

² М.В. Воробьев. Указ. соч. С.202.

³ А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. Указ. соч. С.235.

⁴ Нихон сёки — Анналы Японии. СПб, 1997. Т.2. С.276.

каждую провинцию делили на четыре части и одновременно призывали всех рекрутов одной из частей¹.

На наш взгляд, наиболее правдоподобной представляется система комплектования, указанная в официальных законодательных актах начала VIII века – кодексах Тайхо рицурё (大宝律令) и Ёро рицурё (養老律令), названия которых можно перевести как «Административные и уголовные кодексы годов правления под девизами Тайхо (701-703 гг.) и Ёро (717-724 гг.)». 17-й закон кодекса Ёро рицурё – гумборё (軍防令) «Закон о военной обороне», являющийся, по сути, законом о функционировании вооруженных сил в целом, и состоящий из 76 статей, четко определяет порядок призыва на военную службу. Третья статья закона гласит: «Воинские подразделения всегда следует формировать по признаку территориальности... Во время призыва в армию брать от одного двора из трех взрослых мужчин одного мужчину»². Таким образом, только по одной этой статье можно констатировать, что в основе комплектования созданной указом 689 г. системы лежал принцип территориальности, а на службу с каждого двора (семьи) призывался один новобранец из трех мужчин.

Однако если обратиться к составленному в 833 г. «Рё но гигэ», то оказывается, что принцип «один из трех»

¹ Цит. по: М.В. Воробьев. Указ. соч. С.202.

² Свод законов «Тайхорё» 702-718 гг. XVI-XXX законы. М., 1985. С.16.

появился в «Законе о военной обороне» кодекса Ёро рицурё, а в кодексе Тайхо рицурё существовал принцип «один из четырех»¹. Принимая во внимание, что кодекс Тайхо рицурё был введен в 702 г., Ёро рицурё в 757, а уже в конце VIII века система всеобщей воинской повинности была упразднена, получается, что система комплектования «один из четырех» была определяющей в первом опыте создания вооруженных сил с массовым призывом в масштабах всего государства.

Поскольку «Закон о военной обороне», по-видимому, является первым в японской истории законодательным актом, определявшим систему комплектования вооруженных сил на основе принципа воинской повинности, и, к тому же, учитывая, что положения рассматриваемых кодексов официально действовали до второй половины XIX столетия (хотя на практике эта система начала рушиться еще в X веке), следует остановиться на его рассмотрении более подробно.

Согласно положениям «Закона», призыву на службу подлежало в порядке очередности только свободное население. Забирать людей в армию вне сроков призыва, равно как и увольнять их, запрещалось (статья 36).

Согласно второй статье, армия состояла из двух родов войск – пехоты и кавалерии.

¹ Рё но гигэ (Толкование гражданского права). Токио, Ёсикава-кобункан, 1979. Т.4. С.183.

Относительно возраста призывника можно предположить, что он варьировался в широких пределах — от 21 до 60 лет, что соотносится с понятием взрослого трудоспособного мужчины в то время. При этом, верхняя граница призыва по возрасту устанавливалась 36 статьей в 60 лет. Эта же статья предусматривала освобождение от службы физически слабых и больных людей.

Согласно восьмой статье, срок службы варьировался от одного года в столице, до трех лет в пограничных войсках. При этом время, затраченное на путь к месту службы, в срок службы не засчитывалось. Во время службы каждому воину полагалось 6 то¹ сушеного риса и 2 сё² соли. При этом подчеркивалось, что в случае порчи продовольствия, оно незамедлительно должно заменяться доброкачественным (статья 6). Следующая статья определяла количество и виды вооружения и личных вещей воина. Отдельная статья (27) запрещала брать с собой в поход женщин. 12-я статья определяла градацию военных. Воины, проходившие службу в столице, назывались стражами — эйси (衛士), несшие службу на охране границ именовались пограничниками — сакатори (防人). Отдельное место занимала гвардия, в которую от каждого уезда направлялось по одному человеку из сынов уездной администрации, владеющих боевыми искусствами (статья 38).

¹ То (斗) — мера емкости, соответствующая 10,35 л.

² Сё (升) — мера емкости, соответствующая 1,035 л.

14-я статья предусматривала составление послужных списков на всех воинов, в которых указывались места походов, командировок, принадлежность к группе по налогообложению. Списки составлялись в двух экземплярах, один из которых оставался на месте прохождения службы, а другой отправлялся в военное министерство. Эта же статья устанавливала порядок, согласно которому воины, прошедшие регулярную службу в столице или на границе, освобождались на один и три года соответственно от несения службы в провинции.

Закон предусматривал и льготы семьям военнослужащих. Согласно 16 статье, если в семье есть люди, требующие ухода со стороны воина, последнего нельзя призывать в столицу и пограничные части. Следует отметить, что данная льгота не распространялась на воинов, проходящих службу в территориальных частях по месту своего проживания.

Статьи 20 и 25 определяли ответственность за нарушение дисциплины и меры наказания в боевой обстановке. Во время нахождения войск в походе и возвращения домой со службы воинам запрещалось рассеиваться, обгонять или задерживаться, нападать на крестьян, портить рисовые поля и посевы, повреждать лаковые и тутовые деревья. Во время боевых действий главнокомандующему предоставлялось право самостоятельно наказывать провинившихся в случаях невыполнения боевых приказов и заданий, недостаточном или плохом вооружении.

Статьи с 55 по 63 определяли порядок прохождения службы пограничников. Поскольку японцы постоянно находились под страхом внешнего вторжения (зачастую ничем не оправданным), защита границ считалась делом государственной важности. К тому же, служба в пограничных войсках была продолжительной и, по большей части, проходила вдали от дома воина. Все это способствовало тому, что для пограничников устанавливались особые правила. Так, 54 статья разрешала воину брать с собой к месту прохождения службы слуг, рабов, лошадь и вола. По окончании срока службы воины получали дорожное довольствие и незамедлительно, даже в случае нехватки новобранцев, отправлялись домой (статья 60). Находящиеся на службе пограничники получали пустующие земли, урожай с которых поступал в их довольствие (статья 62). Согласно 63 статье, в случае болезни, пограничнику должна быть оказана необходимая помощь и уход. Эта же статья предусматривала начисление за каждые 10 дней службы одного дня отпуска.

Отдельного упоминания заслуживает система управления войсками и комплектование армии командным составом. Согласно статье 17, войска, численностью свыше 20 человек, могли выступить в поход только с санкции императора. При этом военачальник — тайсё (大將) получал пожалованный императором меч (статья 18). Согласно первой статье, к командному составу относился полусотник — тайсё (隊正), управляющий отрядом в 50 воинов, сотник — рёсуй (旅帥), командую-

ший сотней воинов, командир двухсотки – кои (校尉), управляющий 200 воинами, командир территориального воинского отряда – гундан тайки (軍団大毅) и помощник командира отряда – сёки (少毅) в подчинении которых находилась 1000 воинов. При этом 13-я статья определяла, что должности командира территориального воинского отряда и его помощника должны занимать знатные люди из местного руководства с соответствующим рангом, а на остальные должности надлежало назначать незнатных лиц, в совершенстве владеющих воинскими искусствами. В случае выступления войска в поход, 24 статья предусматривала назначение в штаб армии численностью свыше 10000 человек одного командующего – сёгун (將軍) и двух его заместителей – фукусёгун (副將軍). На каждые три сводные армии назначался единый главнокомандующий – дайсёгун (大將軍). Можно предположить, что самые низшие ступени лестницы командного состава занимали десятники – катё (火長) и командиры пяти человек – готё (伍長), явные указания на существование которых в законе отсутствуют.

Другие статьи закона содержали порядок награждения отличившихся воинов, устанавливали обязанность лечения больных и раненых, порядок набора телохрани-

телей¹ и обращения с оружием, вводили систему сигнальных постов и т.д.

Являясь частью важнейших государственных кодексов, Закон о военной обороне впервые в Японии положил начало формированию института всеобщей воинской повинности. В этой связи чрезвычайно интересным представляется проследить, насколько совпадала и совпадала ли вообще японская система комплектования с китайской, является ли «Закон» актом, созданным в складывающемся государстве вне внешнего влияния, или, как и многое другое в политической, экономической, культурной и социальной сфере, его положения были заимствованы из Китая?

В Китае регулярная армия на основе всеобщей воинской повинности складывается уже в период правления династии Цинь 秦 (221 г. до н.э. — 206 г. до н.э.). Каждый мужчина, годный к военной службе по состоянию здоровья, должен был пройти службу в армии. В 25 г. (династия Хань 漢 (206 г. до н.э.-220 г.)) данная система была упразднена. Были проведены реформы системы комплектования армии, и одним из первых шагов в этом направлении стала отмена всеобщей воинской повинности. В армии остались две категории войск: постоянные (профессиональные) и местные, набирав-

¹ М.В.Воробьев называет телохранителей лейб-гвардейцами. (М.В. Воробьев. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990. С. 70.).

шиеся из крестьян в случае необходимости¹. В период династий Суй 隋 (581-618 гг.) и Тан 唐 (618-907 гг.) китайская система комплектования претерпевает очередные изменения. Создается система воинской повинности, получившая название фу бин 府兵 («система военных округов»), суть которой заключалась в создании военных гарнизонов или поселений. Данная система позволяла Китаю значительно сократить расходы на армию, поскольку в мирное время набранные по призыву воины занимались земледелием, а во время военных походов должны были содержать себя самостоятельно. Похожая система была установлена и в Японии, где воины, несшие пограничную службу и воины территориальных армий, также занимались в мирное время сельским хозяйством, самостоятельно обеспечивая свое существование. Следует отметить, что к концу правления династии Тан данная система стала приходить в упадок. Воинов вовремя не демобилизовывали, использовали их в качестве источника бесплатной рабочей силы. Все это приводило к ослаблению дисциплины и дезертирствам. В итоге, для обеспечения защиты государства, в начале VIII в. Китай был вынужден начать использовать найм и вербовку воинов для службы в пограничных гарнизонах.

Что касается заимствований Танского законодательства Японией, то, сравнивая Закон о военной обороне с соответствующим китайским документом, М.В.Воробьев

¹ И.М.Попов. Армии древнего Китая III в. до н.э. — III в. н.э. М., 2001. С.22-24.

отмечает, что из 76 статей японского закона 35 статей сопоставимы с китайским кодексом. При этом практически полностью совпадает лишь одна первая статья и 5 статей обладают умеренным соответствием¹.

Из наиболее важных с точки зрения исследуемых проблем различий, необходимо обратить внимание на то, что китайская статья, аналогичная статье 36 японского закона, значительно короче японской и определяет только набор раз в три года и демобилизацию по достижении 60 лет. Существуют различия и в системе организации командного состава войск. Однако в целом, перечень статей японского и танского законов совпадает, а различия кроются в их содержании. В тоже время, как отмечает Г. Франке, в отличие от танских законов, в которых на первом месте находится военно-административная составляющая, японские законы чисто военные². В целом, можно констатировать, что создавая раздел кодексов о военной обороне, японские составители всецело опирались на аналогичный китайский законодательный свод, но не просто скопировали его, но адаптировали в соответствии с реалиями и спецификой складывающегося государства.

Относительно практического функционирования установленной кодексами системы нужно сказать сле-

¹ М.В.Воробьев. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё (VIII в.) и право раннего средневековья. С.190.

² Н. Franke. Zum militärstrafrecht im chinesischen Mittelalter. Münch, 1970. Н.3. Р.7.

дующее. Из набранных на основе всеобщей воинской повинности воинов формировались гундан (軍団) – особые местные подразделения, каждое из которых приходилось примерно на четыре уезда –郡 (гун). Численность этих отрядов варьировалась, в соответствии с чем, изменялось и ее название. Подразделение численностью свыше 1000 воинов называлось большим подразделением – тайгундан (大軍団), от 500 до 1000 средним – тюгундан (中軍団) и менее 500 малым – подразделением сёгундан (小軍団) Общая численность гундан составляла порядка 140 единиц.

Комплектовавшиеся на основе воинской повинности подразделения гундан дислоцировались в местах проживания основной массы призывников. Время от времени устраивались сборы, во время которых воины весьма поверхностно знакомились с основами военного искусства. Часть набранных по призыву воинов несла службу по обороне южных рубежей Японии, задействовалась для охраны столицы, участвовала в северо-восточных походах против Эмиси.

Несшие службу в столице подразделения назывались эфу (衛府) – корпуса или охраны. В середине VIII в. общая численность войск, задействованных в охране столицы составляла 5290 человек¹, из которых половина несла службу в гвардейских формированиях, а остальные – составляли подразделения личной охраны (телохрани-

¹ А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. Указ. соч. С.236.

телей) императора и его окружения. Гвардия состояла из пяти корпусов: Привратного защитного управления или дворцовой гвардии – эмонфу (衛門府), двух корпусов (правого и левого) Управления императорской гвардии или лейб-гвардии – эдзифу¹ (衛士府) и двух корпусов Боевого защитного управления или императорской гвардии – хёэфу (兵衛府)². В обязанности эмонфу входила охрана пространства между средней и внешней оградами императорского двора, выполнение полицейских функций.

Подразделения дворцовой гвардии комплектовались рядовым и командным следующим образом. Во главе эмонфу стоял командир – ками (督) и его помощник – сукэ (佐). Затем шли первый и второй старшие офицеры – тайи (大尉) и сёи (少尉) соответственно, первый младший – тайси (大志) и второй младший – сёси (小志) офицеры. Младший унтер-офицерский командный состав насчитывал около 200 человек. Рядовые воины эдзи (衛士) набирались из местных гундан. Их число зависело от ситуации в столице и варьировалось от 400 до 600 человек. По сути, корпус дворцовой гвар-

¹ А.Н.Мещеряков и М.В.Грачев неправильно записывают чтение этих иероглифов – эсифу. См.: А.Н.Мещеряков, М.В.Грачев. Указ. соч. С.237.

² Окуно Накахико. Рицурё гундансэй но хэнсэцу. Хассэйки мацу кюсэйки но гунсэй ни цуитэ (Изменение системы территориальных подразделений установленных рицурё. О военной системе конца VIII – IX вв.). Минсюси кэнкю. Вып. 12. 1974. С.43.

дии являлся единственной грамотной боевой силой столицы.

Подразделения эдзифу были задействованы для охраны самого императорского дворца и считались элитарными формированиями, но в действительности они выполняли скорее представительские, нежели военные функции. Возглавлял лейб-гвардию командир – тайсё (大將), в ведении которого находились старший – тюдзё (中將) и младший – сёсё (少將) помощники. Следующую ступень составлял офицерский корпус, представленный старшими – сёгэн (將監) и младшими – сёсо (將曹) офицерами. Затем следовала прослойка рядового командного состава и собственно рядовые воины – э (衛).

Воины хёэфу использовались для наружной охраны дворцового комплекса и сопровождения императора во время его путешествий. Иерархия воинских чинов в хёэфу совпадала с чинами, существовавшими в эмонфу. Рядовые воины, число которых изначально составляло 400 человек, назывались хёэ (兵衛)¹.

Учитывая выполняемые гвардейскими формированиями функции, эта часть вооруженных сил считалась наиболее элитной, но на практике оказывалась наименее боеспособной. Клановость и наследственность команд-

¹ Подробнее об организации гвардии см. в работе: В.М.Мендрин. История сёгуната в Японии (Нихон гайси). СПб, 1999. Т.2. С.313-320.

ных постов¹, отсутствие практических навыков ведения боевых действий — все это не способствовало повышению боевых качеств гвардии.

Намного более успешной была деятельность подразделений, вступавших в контакт с непосредственным противником, которым являлись Эмиси 蝦夷² на севере страны и корейские пираты, совершавшие набеги на юге.

С одной стороны, созданная в конце VII столетия система комплектования позволяла получить в случае необходимости довольно большое число воинов. Так, во время подавления восстания Фудзивара Хироцугу 藤原広嗣 (?-740 гг.) правительство менее чем за месяц мобилизовало со всех провинций, за исключением острова Кюсю, 17-ти тысячную армию³, спустя две недели усиленную еще 4000 тысячами воинов и без особых затруднений подавило мятеж. В конце 50-х гг. VIII в. для несостоявшейся вследствие отстранения от власти ее организатора военной экспедиции в Корею была подготовлена армия в составе 47 000 пехотинцев и 17 360 матросов на 394 судах⁴.

¹ До середины VIII в. командный костяк гвардейских подразделений составляли выходцы из кланов Оотомо (大伴) и Саэки (佐伯). Со второй половины столетия большая часть командных должностей оказалась сосредоточенной в руках дома Фудзивара (藤原).

² «Жабы-варвары (Востока)» — социо-культурная этническая группа, населявшая северо-восточную часть Японии и полностью ассимилированная к XII в.

³ The Cambridge history of Japan. NY, CUP, 2006. Vol. 1. P. 252.

⁴ А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. Указ. соч. С. 375.

Наконец, общая численность армии, участвовавшей в продолжавшейся с 774 по 811 год «тридцативосьмилетней войне» 三十八年戦争, направленной на подчинение Эмиси, по максимальной оценке достигала 52 тыс. человек¹.

С другой стороны, у системы был один серьезный недостаток, предопределивший ее дальнейшую судьбу – низкая профессиональная подготовка воинов и, как следствие, плохая боеспособность. Войска воевали числом, а не умением. Так, если сравнить воинов регулярной японской армии и воинов Эмиси, первые, являясь, по сути, плохо обученными крестьянами, едва ли могли наносить серьезные удары последним, являвшимся природными наездниками и блестящими стрелками из луков. Еще одним фактором, дискредитировавшим систему обязательной воинской повинности, являлась ее непомерная тяжесть для крестьян. Как отмечает С.С.Пасков, эта тяжесть была настолько велика, что среди крестьян широко распространилась поговорка «Хитори торарэрэба икко хоробу» – «если одного заберут [на воинскую службу], весь двор погибнет» (一人取られれば一戸滅ぶ)².

Необходимо обратить внимание и на еще одно обстоятельство. Японцы вводят систему комплектования

¹ Сакаэри Масаси. Кодай нихон то эмиси-хаято (Древняя Япония и племена Эмиси и Хаято). Токио, Ёсикава кобункан, 2002. С.304.

² С.С.Пасков. Япония в раннее средневековье VII-XII века. М., 1987. С.80.

вооруженных сил на основе воинской повинности исходя из китайского опыта. Однако, существовавшая в Китае система «фу бин», основным преимуществом которой была возможность быстрой мобилизации большого числа воинов при сравнительно небольших расходах на их содержание, по сути, оказалась ненужной Японии. Танский Китай вел регулярные войны с внешними врагами. В отличие от него, у Японии, во многом благодаря ее географическому положению, таких врагов не было, а выдвигаемая в качестве основного аргумента создания системы комплектования, основанной на воинской повинности, возможность вторжения извне оказалась явно преувеличенной. Поэтому, созданная для борьбы с внешними угрозами японская армия оказалась не нужна. Внутренняя территориальная экспансия, осуществляемая на севере руками воинов и являвшаяся, скорее, подражанием действиям Китая, также не приносила практической пользы государству. Японское государство еще не было готово осваивать малопригодные для рисоводства северные территории Хонсю. Расходы на содержание призывной армии значительно превышали приносимую ей прибыль. Неслучайно, первая попытка ликвидации системы гундан относится уже к 739 г., когда большая часть этих подразделений была упразднена и восстановлена в прежнем масштабе только в 746 г. В 780 г. число провинциальных гундан было значительно сокращено, в первую очередь, за счет расформирования подразделений, не занятых в охране важных стратегических пунктов. В произошедшей в 789 г. битве Субусэ 巢伏の戦い шеститысячная правительственная армия понесла

сокрушительное поражение от полуторатысячных войск Эмиси. Это поражение заставило политическую элиту осознать слабые стороны существующей системы комплектования.

В результате, в 792 г. обязательная всеобщая воинская повинность в существующем виде была упразднена, военные дружины большинства провинций ликвидированы¹. Основой вооруженных сил стали такие же, как и у Эмиси профессиональные отряды конных лучников, которые набирались на основе системы рекрутского набора – кондэй (健兒). При этом, число рекрутов из каждой провинции строго регламентировалось и варьировалось от 30 до 200 человек, набравшихся главным образом из числа зажиточных крестьян и мелких землевладельцев. Рекруты были обязаны иметь своих лошадей. Изменения коснулись и пограничных частей. По новым правилам установленным в 795 г., воины пограничных отрядов стали набираться исключительно из крестьян западных провинций, территориально приближенных к месту службы². Это незамедлительно отразилось на боевых качествах армии. Осуществленные в 794 и 801 гг. карательные экспедиции против Эмиси оказались весьма

¹ Подразделения гундан были сохранены в провинциях Муцу, Дэва, Садо и в округе Сакайдо после их подчинения в начале IX века.

² Томимура Такафуми. Нара Хэйан сёки ни окэру хэйсэй но хэнсэн (Изменение военной системы в период Нара и в начале Хэйан). Сисё, 1975. № 4. С. 52.

успешными, и японцы смогли значительно расширить контролируемые территории на северо-востоке страны.

В последующие столетия продолжался процесс развала существовавшей системы комплектования. Пытаясь поднять боевые качества гвардии, в 811 г. гвардейские подразделения подверглись реформированию. Общее число корпусов было увеличено с 5 до 6. Эмонфу было разделено на правое и левое. Корпус эдзифу был переформирован в Близкое защитное управление – коноэфу (近衛府)¹. Но главное изменение заключалось в прекращении набора в ряды гвардейцев на основе обязательной воинской повинности. Структурные изменения происходили и в пограничных формированиях.

В целом, в IX-X в. параллельно шли два взаимосвязанных процесса: официальные государственные вооруженные силы исчезали, на их место приходили «частные» войска, находившиеся в подчинении столичной аристократии, управителей провинций и местных знатных домов. Представляется невозможным провести четкую грань между государственными и частными формированиями, поскольку в них могли служить даже одни и те же люди². Наиболее крупные формирования оказались у глав пограничных провинций. Объединяющим началом государственных и частных военных отрядов являлся тот факт, что они могли начать боевые действия

¹ Окуно Накахико. Указ. соч. С56.

² История Японии / под ред. А.Е.Жукова. М., 1998. Т.1. С.197.

исключительно с санкции императора. В случае нарушения данного правила, нарушитель объявлялся бунтовщиком. Как государственные, так и частные войска комплектовались на основе наёмной системы, просуществовавшей в Японии до второй половины XIX столетия.

Военное дело постепенно сосредотачивалось в руках наиболее влиятельных родов, а доступ к военной службе простых крестьян закрывается. Основой военных формирований становятся средне и низкоранговые аристократы, местные землевладельцы, арендаторы земли и члены их семей, не занятые в сельском хозяйстве охотники и рыбаки для которых военное дело становится наследственным. Не имеющие покровителей профессиональные воины назывались цувамоно 兵 — «оружие». Происходит постепенное формирование сословия самураев¹.

¹ Самурай (侍) — от глагола «самурау» (служить) — военно-феодальное сословие мелких дворян, в руках которых находилось военное дело с IX-X по середину XIX в. В широком смысле термин включает в себя и крупных владетельных князей — даймё (大名), являвшихся крупнейшими военными феодалами. Наряду с термином самурай, в историографии часто используется понятие «буси» — воин (武士), которое не является полным синонимом, поскольку включает не только самураев, но вообще воинов. Подробнее о происхождении самураев см.: Ито Тасабуру. Нихон хокэн сэйдо си (История феодального строя в Японии). Токио, 1953; Оно Такэо. Нихон хэйно сирон (История самурайства и крестьян в Японии). Токио, 1938; Хигути Киёюки. Буси но дзидай (Эпоха буси). Токио, 1956. и др. работы).

Отряды цувамоно начинают широко использоваться во внутренних междоусобных распрях, возникавших, как правило, между землевладельцами из-за земельных наделов. Военное мастерство воинов этих отрядов совершенствуется настолько, что их начинает принимать на службу центральное правительство, а сами воины получают название самураев.

Как отмечает один из немногих отечественных исследователей военных особенностей средневековой Японии А.М.Горбылев, военные дружины этого времени состояли из местных феодалов и их зависимых – профессиональных воинов. В них еще не существовало многослойных вассальных связей, характерных для более позднего периода. Рядовые воины были зависимы от землевладельцев и привлекались на войну в случае необходимости, большую часть из них составляли крестьяне, мобилизуемые в свободное от сельскохозяйственных работ время¹.

В IX в. на авансцену выходят дома Оно (小野) и Окура (大蔵), в следующем столетии военная сила оказывается в руках новых могущественных кланов – Тайра (平) и Минамото (源). Со временем военное сословие усилилось настолько, что вообще перестало нуждаться в императорской власти и начало борьбу за политическую власть. В результате одержанной в 1185 г. победы в войне с домом Тайра, фактическим правителем

¹ А.М.Горбылев. Путь невидимых. Подлинная история нин-дзюцу. Минск, 1999. С.172.

государства стал род Минамото, глава которого – Минамото Ёритомо 源頼朝 (1147-1199) в 1192 г. получает из рук императора титул сэи тайсёгун – великий полководец, умиротворяющий варваров (征夷大將軍)¹ и создает первое в японской истории военное правительство – бакуфу (幕府), институт которого с незначительными перерывами просуществовал до конца 1867 г.

Несмотря на недостатки, приведшие к отмене принятого порядка формирования вооруженных сил в 789 г., созданная на рубеже VII-VIII вв. система комплектования армии представляла собой сложное явление, являвшееся, несомненно, прогрессивным шагом на пути становления и развития японского государства. Командный состав был представлен кадровыми воинами, а рядовые набирались на различные сроки. Трехступенчатая система службы (регулярные столичные подразделения стражников и гвардейцев, пограничные отряды и составляющие своеобразный многочисленный резерв воины территориальных подразделений) при соответствующем профессиональном обучении была бы в состоянии обеспечить необходимый уровень внешней и внутренней безопасности государства. Неслучайно, что данная система с минимальными изменениями была принята в качестве основы структуры уже новой императорской армии во второй половине XIX столетия, после т.н. «реставрации Мэйдзи» – мэйдзи и син 明治維新.

¹ В историографии более распространен сокращенный вариант написания – сёгун (將軍).

Парфёнова О., МГИМО

Этноспецифическая характеристика знаков препинания в японском языке

На рубеже нового столетия роль пунктуации в японском языке и осознание носителями языка того места, которое отводится ей в письменной речи, не изменилось в главном, и ключевое слово в их определении по сравнению с другими языками – индикативность. Действительно, в большинстве европейских языков, пунктуация рассматривается как полноценный раздел языковой графики; более того, в русском языке это равноправный с орфографией раздел *правописания* (Лекант-русский язык, учебник для студентов), представляющий собой систему знаков препинания и *правил их употребления*. Правил – то есть общепризнанных, общественных, обязательных норм, норм общих для пишущего и читающего, а поэтому обеспечивающих отражение на письме звучащей речи таким образом, чтобы её можно было понять и воспроизвести (более или менее) однозначно, без вариантов. Обязательность норм постановки знаков препинания означает, что русская пунктуация носит *директивный* характер (и именно поэтому она обладает статусом равноправного раздела правописания). А судить о том, какое место в повседневной практике отводим пунктуации мы, русскоговорящие люди, можно хотя бы потому, что человека, неверно расставляющего или игнорирующего знаки препинания, мы считаем безграмотным ровно в той же мере, в какой и человека, не владеющего, скажем, правописанием *и* и *ни* в прилагательных и причастиях.

Иное дело в японском языке: здесь пунктуация – не система общеобязательных норм, а простое перечисление, набор некоторых наиболее общих принципов постановки знаков препинания, которым рекомендуется следовать, поэтому она не равноправна с орфографией, а составляет один из вспомогательных разделов графики). И принципами их можно назвать с серьёзными оговорками, поскольку на деле они представляют собой обобщение тенденций употребления знаков препинания, выявленных при сопоставлении некоторого массива современных письменных текстов, и набор предельно гибких рекомендаций по их использованию, вытекающих из уже сложившейся практики. В авторитетных японских изданиях ясно указываются, что в пунктуации нет узаконенных правил, подобных тем, которые есть в японской орфографии (таких как, скажем, правила использования хираганы), а применение некоторыми авторами, к примеру, скобок вместо кавычек для оформления содержания мыслей как варианта прямой речи нельзя назвать ошибочным (безграмотным). Рекомендации для удобства, ориентиры, а не указания – то есть, принципы японской пунктуации носят *индикативный* характер. Само развитие японского языка, включая пунктуацию, не стояло в этот период на месте. Напротив, японский язык, как и культура Японии в целом, переживал на грани двух столетий период бурного развития. Его содержание, несомненно, может дать почву обширному и комплексному анализу, но в связи с тематикой данной статьи, нам представляется возможным особо выделить, во-первых, прогрессирую-

щую компьютеризацию всех сторон жизни японцев, естественно сопровождаемую включением домашних и офисных машин в глобальную сеть Интернет, и, во-вторых, непрерывно углубляющуюся интеграцию Японии в систему международных политико-правовых, торгово-экономических, научно-технических и кредитно-финансовых связей, неизбежно порождающих адекватный бумажный и электронный документооборот. Совокупное действие двух этих важнейших факторов способствовало, среди прочего стремительному совершенствованию техники 横書き (yokogaki) горизонтального строчного письма и, как логическое следствие, значительному расширению сферы и некоторому упорядочению правил применения характерной пунктуации американского образца.

Отношение к пунктуации коренным образом начало меняться только в послевоенный период, когда правительственными учреждениями (в первую очередь, Министерством просвещения, а также Кабинетом министров, ряд важных нормативных документов и научно-методических рекомендаций, направленных на реформирование, "осовременивание" японского языка. В частности, важнейшими из них в области графики и орфографии явились следующие (приводятся в хронологическом порядке):

1. "Правописание заимствованных географических названий и имён собственных. Проект". Издание Научной лаборатории по проблемам родного языка Министерства просвещения. Март 1946 г.

2. "Нормы правописания для изданий Министерства просвещения". Издание Отдела родного языка Министерства просвещения от 20 сентября 1950 г.
3. "Правила дискретного письма латиницей". Доклад подкомиссии Консультативного комитета по проблемам японского языка Министерства просвещения от 10 марта 1952.
4. "Руководство по составлению официальных документов". Циркулярное письмо Генерального секретаря Кабинета министров начальникам секретариатов министерств и главных управлений от 4 апреля 1952 г.
5. "Правила орфографии при письме латиницей". Постановление Кабинета министров от 9 декабря 1954 г.
6. "Руководство по написанию документов при горизонтальном письме". Документ Управления по делам местной автономии Кабинета Министров от 21 ноября 1959 г.
7. "Правописание окуриганы". Постановление Кабинета Министров от 18 июня 1973 г.
8. "Правила и примеры оформления официальных документов Министерства просвещения". Пособие Министерства просвещения. Март 1972 г.
9. "Правописание географических названий. Справочник". Издание Научно-исследовательского центра по разработке учебников от 30 ноября 1978 г.
10. "Перечень иероглифов, рекомендованных к повседневному употреблению". Постановление Кабинета Министров от 1 октября 1981 г.

11. "Об использовании иероглифов в официальных документах". Циркулярное письмо Генерального секретаря Кабинета министров заместителям начальников секретариатов министерств и главных управлений от 4 апреля 1952 г.
12. "Примеры правильного употребления иероглифов в документах Министерства просвещения". Пособие Министерства просвещения. Декабрь 1981 г.
13. "Современные правила использования азбуки кана". Постановление Кабинета министров от 1 июля 1986 г.
14. "Правописание заимствованных слов гайрайго". Постановление Кабинета министров от 28 июня 1991 г.

Приведенный список интересен не столько как биография источников по рассматриваемой проблематике, сколько тем, что он наглядно показывает, как в течение послевоенного периода в Японии поэтапно складывалась (отсутствовавшая до этого) целостная концепция графики и орфографии современного японского языка. Причём программным в этом отношении можно считать правительственное издание 1950 года "Нормы правописания для изданий Министерства просвещения", явившиеся начальной вехой в документальном оформлении. А завершение в общих чертах формирования этой концепции, по всей видимости, следует отнести к началу–середине 80-х гг. (энциклопедия хейбоша-Токио), когда в специальной литературе (энциклопедический словарь японской грамматики) достаточно ясные очертания приобретают понятия 表記 (hyouki) письменность, материальным субстратом которой является письменная речь, текст-文章 (bunshyou), а термином 表意法 (hyouihou)-графика начинают обозначать целостный

раздел языкознания (имеющий самостоятельный предмет, терминологию и аппарат), по отношению к которому уже назвавшаяся "орфография" является лишь подразделом.

Языковая графика исходит из того, что подобно тому, как язык-в общем виде-является воплощением речевой деятельности, представляющей собой в самом простом определении придание мыслительному процессу словесной (устной и письменной) формы так и письменную речь-как частный случай языка вообще-следует рассматривать как проявление и результат особого вида речевой деятельности-письма, в результате которого мысли человека приобретают графическую форму (форму письменного текста). При этом средством придания мыслям графической формы является свойственная каждому языку особая система графических знаков 表記記号 (hyoukikigou), изучения законов функционирования которой и составляет научный предмет, а формулирование и систематизация правил применения которых 表記法 (hyoukihou)-специфическую практическую задачу графики. Как уже отмечалось, все эти дефиниции почти дословно совпадают с принятыми в русском языке. Специфика японского языка позволяет включить в сферу проблематики японской графики следующие 5 кругов проблем:

1. Графическое отображение текста в целом:

- выбор системы письма (смешанное письмо, письмо хираганой, письмо катаканой, письмо латиницей);

- ограничение сферы применения иероглифики (правительственный минимум, школьный иероглифический минимум из 996 знаков, ограниченный телетайпный набор и т.д.);
 - расположение текста (обращений в письмах, адресов на конвертах, подписи в конце письма, заглавия книги и т.д.);
 - выбор размера шрифта (при написании основной и вспомогательных частей текста);
 - выбор направления письма (вертикальное и горизонтальное письмо, реже – правостороннее или левостороннее направление строки);
 - отображение абзацев текста на письме (смена строки, отступ= "красная строка", пропуск строки и т.п.);
2. графическое отображение отдельных предложений:
- использование знаков-разделителей, т.е. основных знаков препинания;
 - сплошное или дискретное письмо;
 - использование знаков дополнительной экспрессии, то есть вспомогательных (по японской классификации) знаков препинания);
3. графическое отображение отдельных слов, то есть правильное знакоупотребление:
- правильное употребление собственно иероглифов;
 - различие в употреблении иероглифов и каны;
 - различие в употреблении канны и латиницы;
 - правильное употребление хираганы и катаканы;

- написание канной изменяемых окончаний слов;
 - фуригана-пометы произношения;
 - правописание заимствованных слов-гайрайго;
 - правильное написание имён собственных и географических названий;
 - правописание числительных;
4. графическое отображение отдельных иероглифов, фактически-каллиграфия 書道 (syodou).
- выбор 字体 (zitai) гарнитуры шрифта (преимущественно это касается печатного текста);
 - выбор индивидуализированного стиля письма (в общем случае выделяются печатные буквы, иероглифический устав, близкий к печатным буквам, полускоропись, скоропись, иногда также готический вариант и наклонный вариант);
 - порядок черт;
5. 5) особенности графического отображения специальных фонем:
- 長音 (tyouon)-длинные гласные звуки;
 - 促音 (sokuon)-удвоенные согласные звуки.

Эта пространная схема позволяет ясно определить место пунктуации в графической системе японского языка: так, первую, четвертую и пятую группы проблем следует относить к собственно графике в узком смысле в той мере, в какой она противопоставляется орфографии (при этом четвертая группа составляет специфическую сферу каллиграфии, а пятая - спеллинга 綴字法 (teizihou). Третья группа проблем составляет специфический предмет пунктуации, причём японская пунктуа-

ция не является, наряду с орфографией, составляющей понятия правописание, поскольку, в отличие от орфографии (а с другой стороны, в отличие от других языков, например русского) её правила не носят обязательного характера, а являются рекомендациями по использованию знаков препинания. В рамках охарактеризованной выше концепции и само понятие пунктуация получило в японском языке более полное определение как система графических знаков, разделяющих предложения и части предложения в целях ясного указания на наличие или отсутствие связи между ними и более чёткой передачи мысли автора (пишущего); пунктуация облегчает правильное прочтение текста (в первую очередь-интонационное) читающим.

Для получения законченной картины, определяющей место японской пунктуации, уместно будет также обратить внимание на различия, существующие в классификации самих знаков препинания в западных языках (она близка к их классификации в русском) и японском языке. Так, в западных языках выделяется 4 пунктуационных группы:

1. Знаки препинания, разделяющие целые (самостоятельные) предложения: точка, вопросительный знак, восклицательный знак;
2. Знаки препинания, разделяющие слова и относительно законченные части внутри предложения: запятая, точка с запятой, двоеточие;
3. Знаки препинания, отделяющие функционально разнородные части высказывания: кавычки, круглые скобки, квадратные и косые скобки, тире, дефис, апостроф и некоторые другие;

4. Дополнительные знаки выделения частей текста: заглавные буквы (капитализация), наклонный текст, (курсив, итализация).

Как уже отмечалось, научная систематизация знаков письменности, в которой более или менее чётко определено место знаков препинания, стала складываться в Японии только в послевоенный период. В её рамках получили достаточно ясные дефиниции многочисленные термины и понятия, которыми оперирует современная графика и орфография.

Так, категория графических знаков (знаков письменности) в широком смысле понимается как совокупность собственно знаков письменности и служебных знаков (помет); в соответствии с буквальным значением этого понятия, среди них выделяются имеющие свои фонетические соответствия собственно знаков письма (куда включаются иероглифы, обе азбуки - хирагана и катакана, знаки латиницы-ромадзи, арабские цифры, буквы греческого алфавита, римские цифры, точечные буквы - шрифт Брайля, знаки стенографии 速記 (sokki) и некоторые другие), и прочие знаки графики, как правило, не имеющие однозначных фонетических соответствий. Среди последних также выделяется несколько групп:

1. 句切り符号 (kugiri fugou) -дословно "фразоразделители", или собственно знаки препинания (в принятом в японском языке понимании слова). В расширенном варианте к ним относятся точка-кружок, японская запятая, срединная точка, связка-знак равенства, двоеточие, точка с запятой, "европейская" запятая, "европейская" (чёрная) точка, разно-

го вида кавычки и всевозможные скобки, и некоторые другие. Как особый знак фразоотделения рассматривается отступ (пробел, спейс), который делается при смене абзаца;

2. 表意符号 (hyouifugou) - "смысловыразительные" знаки, знаки препинания идеографического типа, знаки экспрессии. С точки зрения русского языка это те же знаки препинания, но в японском языке они используются сравнительно редко, и поэтому выделяются в самостоятельную группу (к ним обычно относятся вопросительный и восклицательный знаки, "длинное" тире, "длинное" многоточие, двойной дефис ("знак равенства"), тильда, стрелка и некоторые другие);
3. かぶせ符号 (kabuse fugou) - "налагаемые" (диакритические) знаки, знаки выделения. Это группа графических знаков, специфичных для японского языка. К ним относятся знак долготы в катакане (ー), знак озвончения "нигори" 濁点 (ん) и полуозвончения "хан-нигори" 半濁点 (handakuten), "боковые" выделительные точки (°) 圈点 (kuntten) (。。。), "боковые" подчёркивающие запятые 傍点 (bouten) (、、、), подчёркивающая черта 下線 (kasen _____) и некоторые другие.
4. 繰り返し符号 (furikaesi fugou) - "удвоители", или знаки повтора (々、ゝ、ゞ).

В отдельные группы не включаются, но в реальных текстах присутствуют и другие "нефонетические" знаки-знаки корректуры, индивидуальные (авторские) пометы.

Разумеется, традиционному японскому (вертикальному) письму из знаков препинания естественным

образом соответствуют точка-кружок и правонаправленная запятая. Что же касается находящего всё более широкое распространение горизонтального письма, то применение в нем той или иной разновидности точек и запятых регулируется рядом правительственных документов, приведённых выше, причём их "регуляция" является порою взаимоисключающим. (Правила графики и иероглифоупотребления в я.я.)

Из этого можно сделать только один практический вывод: при горизонтальном письме можно использовать как традиционно японские точку и запятую, так и европейскую запятую с японской точкой, причём при перечислении канго вместо запятой может использоваться срединная точка. В последнее время вместо японской точки-кружка при горизонтальном письме нередко используется обычная чёрная точка. Важно только, чтобы в рамках одного издания (журнала, книги, газеты), а тем более-на протяжении одного текста последовательно использовался один набор знаков препинания. Таково общее требование, которого придерживаются японские редакторы и корректоры.

*Синицын А.Ю.,
МАЭ (Кунсткамера) РАН*

**Об особенностях описания произведений
традиционного японского искусства из собрания
Великого князя Николая Александровича Романова,
привезенных из Путешествия на Восток в 1890-1891 гг.
(по материалам описи № 312 МАЭ РАН)**

Коллекция японских предметов, привезенных наследником российского престола Великим князем Николаем Александровичем Романовым из Японии во время его путешествия на Восток в 1890-91 гг., стала лучшим и самым репрезентативным в России собранием произведений традиционного японского искусства того времени. Оно объединило множество подлинных шедевров самых разных его жанров – от живописи школ Кано и Тоса и старинного оружия до художественной фотографии. Кроме того, в состав коллекции вошли и множество этнографических предметов, иллюстрировавших разные аспекты культуры, быта и ремесел Японии второй половины XIX в. Коллекция эта была столь обширной, что вплоть до настоящего времени подлинное число составлявших ее предметов остается неизвестным.

К сожалению, в своем первоначальном виде это собрание больше не существует. Первый и единственный раз вся японская часть этой коллекции целиком экспонировалась в составе великолепной выставки, организованной в 1891 г. в Эрмитаже Управлением Собственным Его Величества дворцом. Непосредственно организацией выставки и изданием ее каталога руководил действительный статский советник Министерства двора В.И.Сигель,

[Успенский 2004: 143]. Общее управление осуществляя генерал-лейтенант, Антон Степанович Васильковский (1824-1895), гофмейстер Высочайшего Двора, начальник Управления Собственного Его Величества дворца и заведующий делами Августейших Детей Их Императорских Величеств [Военная энциклопедия. Под редакцией В.Ф.Новицкого. СПб, 1911 г. Т.V. С.253-254]. После ее закрытия предметы поступили в различные музейные собрания Санкт-Петербурга; межмузейные передачи части этих предметов продолжались и в последующие годы. И, хотя большая часть коллекции была разделена между Государственным Эрмитажем и МАЭ РАН, отдельные предметы попали в Азиатский музей (ИВРАН), Минералогический музей, в Петергофский дворец (Гос. Музей-заповедник «Петергоф»). Некоторая часть «николаевских» предметов «затерялась» среди других коллекций на местах хранения в результате утраты этикеток, часть — утрачена вовсе, особенно — после 1917 г.; есть основания считать, что некоторые предметы оказались в частных коллекциях.

В настоящее время единого списка предметов старой коллекции цесаревича Николая Александровича по разным музейным собраниям не существует; большая работа в этом направлении была проделана научным сотрудником Гос. Эрмитажа М.В.Успенским (1953-1997), однако его проект по разным причинам не получил должной поддержки и оборвался в связи с безвременной кончиной исследователя в 1997 г. Ряд имевших место в последние полтора экспозиционных проектов,

так или иначе посвященных «Путешествию на Восток», включая прошедшую в 2011 г. в ГМЗ «Царицыно» выставку «Панорама империй. Путешествие на Восток цесаревича Николая Александровича в 1890-1891 гг.», подобной задачи не ставили и ограничились демонстрацией лишь некоторых из предметов, наиболее эффектных, в приемлемом состоянии сохранности и более или менее адекватно атрибутированных. К сожалению, значительная часть коллекции не отвечает подобным требованиям, особенно в области атрибуции.

Далее пойдет речь о специфике оригинального описания этой коллекции по материалам описи № 312 МАЭ РАН.

Важнейшим документом этой описи является типографским способом отпечатанный список предметов т.н. «Японского отдела» из «Каталога выставки предметам, привезенным Великим Князем Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890-91 гг.» [Каталог 1893: 51-76], устроенной в Эрмитаже в 1893-94 гг. Известно, что Каталог, атрибуция и описание предметов были подготовлены В.И.Сигелем в Управлении Собственным Его Величества дворцом под наблюдением генерал-лейтенанта А.С.Васильковского [Успенский 2004: 143]. В этот список (всего – 331 номер) вошли предметы, выставившиеся в японском отделе выставки, в него вошли все предметы оригинального собрания Николая Александровича Романова, атрибутированные как японские, включая и те, что к японским

были отнесены ошибочно. Этот список не отражает последующего распределения предметов по музеям Санкт-Петербурга.

Остальные документы – это два варианта (печатный и рукописный), представляющие собой выдержки из первого списка – в них вошли только те предметы, что были переданы МАЭ, однако сохранилась логика нумерации оригинального списка Каталога выставки 1893 г. Особенностью оригинального списка является двойная нумерация предметов – каждому дан трехзначный основной номер, выделенный жирным шрифтом, и дополнительный, отделенный от основного дефисом и заключенный в круглые скобки.

Оригинальный список примечателен еще и тем, что иногда к соответствующим предметам прилагаются весьма своеобразные и порою весьма пространные описания важнейших искусств, ремесел и декоративных техник, не потерявшие актуальности и для современных этнографов и искусствоведов. Эти описания восхитительны ясностью и изяществом языка, не использующего ни канцеляризм, ни варваризмов, ни узкопрофессиональных терминов. Одним из лучших представляется описание техники лаковых изделий, приведенное на С.53-55:

«На выставке имеется много образцов лаковых изделий разнообразной стоимости и достоинств. Хотя есть указания, что искусство изготовления лаков заимствовано из Китая, но во всяком случае оно привилось в Японии очень давно и доведено до высокой степени

превосходства. Тщательность приготовления, по издавна усвоенным правилам, граничит с невероятностью.

Первым материалом для изделия почти всегда служат тоненькие дощечки, приготовленные из деревьев, срубленных в известное время года и тщательно высушенных и сортированных.

Дощечки в коробках, ящиках и т.п. прилаживаются одна к другой так, что пазы едва можно различать, малейшие неровности закрываются пастою из лака с мелким порошком камня или растительных волокон, и затем все протирают полировальным камнем. Сверх дерева часто наклеивается, особым лаком, тонкая шелковая или бумажная одежда, швы которой совершенно сглажены. После тщательной просушки, последовательно, до пяти раз, накладывается тонкими слоями грунт из смеси лака с тонкими слоями глины и, каждый раз, слой сглаживается полировальным камнем.

Затем начинается собственно лакирование помощью кистей и щеточек из тончайших волос.

Как сорт лака, так и приемы несколько разнятся в зависимости от школы, но всегда соблюдается тщательность в просушке, которая продолжается до 20-30 суток. Лак полируется тонкою бумагою, а также золою от оленьего рога. На изготовленный таким образом фон наводят золотой или серебряный порошок, снова покрывают лаком, который позволяет металлу сквозить.

Рисунки переводятся с бумаги, где они изображаются медленно сохнувшим лаком, вследствие чего черты

отпечатываются при наложении. Для придания рельефности рисункам, они покрываются порошком металла или перламутра и многократно лакируются, так что в некоторых случаях выдаются выше фона, в других же изделиях все покрывается вгладь.

Хороший лак выдерживает пробу горячей водой и даже огнем.

Достоинство работы художников познается по смелости рисунка и чистоте линий. Подпись имени часто бывает скрыта внутри.

Японское правительство долгое время строго воспрещало вывоз лаковых изделий, и поэтому в Европу попадали только единичные экземпляры, ценившиеся непомерно высоко, но с открытием портов для внешней торговли, и с разрушением феодального строя, на рынках появилось их множество, причем наряду с подлинно художественными произведениями оказываются часто различные имитации.

Достоинство современных произведений понизилось, так как теперь и восточные народы стали более дорожить временем и спешить при работе в ущерб тщательности. Горячка коллекционирования лаков для вывоза уже миновала, истощив ресурсы страны, а потому, в будущем, трудно ожидать появления лучших образцов, чем находящиеся ныне на выставке”.

Описание техники перегородчатой эмали, С.58-59: «Изделия клуазонэ (финифть) известны были еще в древности, но японцы начали ее работать не более

трехсот лет назад, и только за последние годы производство усовершенствовалось и разделилось на несколько способов.

Получивший надлежащую форму медный предмет, например, ваза, покрывается иглою гравированным рисунком, затем тонкую сплюсненную проволоку прокладывают по всему рисунку, прикрепляя ее воском, после чего образовавшуюся таким образом сетку, припаивают к самой вещи.

Гнезда сетки заполняются пастой различного цвета на манер мозаики, затем все просушивается, прогревается и полируется.

Клуазонэ, так называемое *champ-levé*, готовится посредством делания углублений в чистых местах между нанесенными на предмет чертами рисунка. Образующиеся между тонкими перегородками, отвечающие рисунку углубления наполняются эмалевой пастой потребного цвета. Стиль мастеров в г. Киото таков, что контуры сетки видны, а в г. Токио достигают полной иллюзии сплошного рисунка, накладывая пасту сверх сетки. Но истинные знатоки считают это извращением мастерства, так же как и наложение финифти на фарфор. Стоимость вещей клуазонэ повышается вследствие большого числа брака при изготовлении».

Небезынтересно и описание особенностей японских традиционных бронзовых зеркал (С.63): «Японские зеркала обладают способностью давать при отражении сильного солнечного света на гладкую поверхность,

например, стены, световое изображение рисунка с обратной стороны, что зависит от различного уплотнения материала при чеканке рисунка. Такие зеркала становятся редкостью потому, что множество из них пожертвовано японскими женщинами на отливку национального памятника.

Находящийся в коллекции Его Высочества экземпляр вполне подтвердил эту способность японских чеканных зеркал».

Иногда имеют место описания не только декоративных техник, а и некоторых элементов японской традиционной культуры, например, традиций самурайского сословия (С.70): «Это собрание оружия включает в себе несколько экземпляров исключительного достоинства, как по отделке, так и по качеству клинков, изготовленных известными старинными мастерами, которым уже нет достойных подражателей.

Еще недавно, когда всякий бой, в понятиях японцев, связывался с понятием о рыцарском благородстве, сабля называлась «душою Самурая» и привилегия носить две сабли была им присвоена в XV столетии.

Одна сабля, большая «Катана», составляла боевое оружие, другая, меньшая, «вакизаши», предназначалась преимущественно для самоубийства распарыванием живота, что было в обычае как последнее средство для поддержания чести.

Благородные юноши специально обучались, как выполнять над собой этот обряд (харакири).

Боевые сабли большей частью были двуручные, но имеются также и облегченные, так сказать, парадные. Кинжалы — айкуши, носили доктора и младшие чиновники.

В ножнах боевых сабель обыкновенно имеются два отделения, для: маленького ножика «Ко-котана» и род шпильки «когай», которая в старину оставалась в теле сраженного противника, чтобы этим отметить свое право. Японские клинки получали высокие качества вследствие особой тщательности изготовления, причем стальное лезвие сваривалось с железным обухом.

Имя мастера и время изготовления помечаются под рукояткою; здесь же иногда записана история сабли, а также поименованы, сраженные ею, знаменитые воины

Эфес, а также ручка маленького кинжала при хороших саблях обыкновенно бывают художественными произведениями, а ножны часто изукрашены до высокой стоимости, в противоположность клинкам, которые чаще совсем гладкие».

Представляет немалый интерес и приводящиеся на с.68 так описания произведений традиционной японской живописи, имеющие формат свитков *какэмоно*: "Куски материи: *сêpe de Chine* (по-японски *чириимэнъ*), шелковой, парчовой, золотой и разной¹.

¹ В другом документе описи №312 эти предметы названы так: «Куски матерчатыхъ обой, (пано) съ бордюрами и разными рисунками: людей, рыбъ, обезьянь, кошекъ и проч.».

Рисунки на кусках материи или на бумаге, которые вешают на стенах по-японски называются «какимоно». Этот род живописи имеет свою историю, начало которой относится ко времени появления буддизма и долгое время художники были только из священнослужителей.

Самая дорогая картина находится в одном из храмов и относится к 607 году по Р.Х. Она – работа буддийского монаха из Кореи, так как через эту страну в Японию вливались струи влияния не только китайского искусства, но даже Индийского и Персидского.

Множество старинных картин погибло при пожарах, которые в Японии повторяются часто.

Китайское происхождение искусства видно до сих пор, как по сюжетам вдохновлявшим художников, так и в способе письма, при котором мягкую кисть держат за конец ручки и быстрыми мазками проводят те линии, которые поражают европейцев своею легкостью и смелостью.

Перспектива заменяется нагромождением предметов, а в трудных сомнительных местах, совершенно по-китайски вводятся, облака.

Указание на первоначальное происхождение искусства не имеет целью умалить специальные достоинства произведений японских художников, которые даже при одних внешних контурах часто заслуживают внимание и в последнее время европейские знатоки признают, что есть нечто, достойное заимствования.

Своеобразная прелесть рисунков объясняется отчасти свободную работою локтем, а не кистью руки и пренебрежением к симметрии и тенями в связи с размещением предметов не так, как они должны быть на самом деле, а в роде того, как их воспроизводит воображение, пораженное некоторыми частями ландшафта преимущественно перед другими или даже в ущерб им.

Японские художники скорее поэты, чем фотографы и могли бы производить великие вещи, если бы не сосредотачивались в ограниченных рамках специализации”.

По стилю этот фрагмент очень напоминает другой пассаж, сделанный князем Э.Э.Ухтомским, сопровождавшим цесаревича в Путешествии: ”Ни один артист на Западе не может сразу передать несколькими штрихами столь реальное и симпатичное изображение растения или животного, или обоих вместе, как это легко дается рисовальщику в ”стране восходящего солнца”, – но дар его изсякает на воспроизведении внешних и низших форм природы: одухотворение ея и создание человека в органической связи с высшим миром (как мы его понимаем) есть нечто недоступное гению японца, чересчур скованному традиционными условностями сонливой китайщины, игнорирующей идеальное на земле: нет ни симметрии, ни перспективы, ни сочетания света и тени! Все носит характер чего-то виньеточного, декоративного” [Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-91). СПб, Лейпциг, 1897. Т.3, с.3.] .

Этот пассаж наводит на размышления об авторстве Каталога и атрибуций предметов для выставки. Труд по организации выставки и подготовки ее каталога является коллективным; царедворцы В.И.Сигель и А.С.Васильковский были «всего лишь» координаторами и «менеджерами» проекта; они не имели соответствующей японоведческой и искусствоведческой подготовки. Поэтому к процессу подготовки Каталога непременно должны были привлекать тех лиц, кто такую подготовку имел. Однако отечественная традиция организации выставок и печатания их каталогов была и остается таковой, что далеко не все имена реальных участников оказываются упомянутыми в официальных источниках. Представляется весьма вероятным, что реальным составителем текстов Каталога мог быть Э.Э.Ухтомский, внесший весомый вклад в развитие отечественного искусствоведческого востоковедения. Он вполне мог бы быть автором цитированных выше комментариев.

Следует также отметить, что в нынешнем состоянии документы, характеризующие коллекцию цесаревича Николая Александровича, не является цельным описанием коллекции. Сама опись № 312 МАЭРАН имеет ряд существенных недостатков и не удовлетворяют современным системным требованиям к музейным описям. Несмотря на приводимые выше ёмкие и интересные комментарии о традициях японского искусства, собственно предметы коллекции оказались обделенными должным вниманием составителей. Многие предметы определены крайне невнятно (например – живописные

свитки какэмоно названы «материи и обои»), иногда – совершенно неправильно. По этим описаниям весьма сложно получить реальное представление не только о конкретных предметах, но даже об их общем числе, ибо под одним номером могут находиться несколько разных самостоятельных предметов, каждый из которых может иметь значительное число составляющих его элементов (которые также могут рассматриваться как отдельные единицы хранения). Подход к самой системе нумерации представляется принципиально ошибочным, ибо часто группирует предметы неадекватным образом, например: под одним номером 312-323.19 значатся «десять деревянных чаш лакированных...», а под следующим номером 312-20-10 – 9 «Десять блюдец деревянных, лакированных...», хотя эти «блюдечки» являются крышками от упомянутых выше чашек.

Тем не менее, представленные в описи № 312 МАЭ РАН документы представляют для исследователя особый интерес, ибо отражают степень понимания и изученности традиционного японского искусства российским японоведческим искусствоведением второй конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военная энциклопедия. Под редакцией В.Ф.Новицкого. СПб, 1911 г. Т.V.
2. Каталог выставки предметам, привезенным Великим Князем государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890-91 гг.» СПб, Императорское общество спасения на водах. 1893 г.

3. Успенский М.В. «Восточное путешествие» наследника престола Николая Александровича и коллекция японского искусства в Петербурге // Успенский М.В. Из истории японского искусства. СПб, Гос. Эрмитаж, 2004..
4. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича. Лейпциг, 1897. Т.III.

Строева М.В.

Японское чрезвычайное посольство на коронации 1896 г.

Летом 1895 г. российскому посланнику в Токио М.А.Хитрово (1837—1896) был отправлен проект циркуляра послам и посланникам относительно присутствия иностранных принцев и принцесс на коронации Николая II в Москве. Согласно этому документу российским дипломатическим представителям предписывалось «собрать ... более или менее точные сведения» о лицах, «которые намерены своим присутствием почтить предстоящее торжество»¹. В начале следующего года посланник сообщил о том, что выбор пал на принца Фусими Саданару (伏見宮貞愛親王, 1858—1923), командовавшего бригадою на Формозе. Принц являлся вторым по старшинству принцем в императорской фамилии после принца Комацу Акихито (小松宮彰仁, 1846—1903), уже посетившего Россию с супругой и свитой из 4 человек в 1887 г.² Хитрово отметил, что принц Фусими «бывал в Европе и несколько понимает по-французски, но стесняется говорить»³.

¹ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.№493. 1895—1897. Д.1735 (Японское Чрезвычайное посольство на коронации 1896 г.). Л.8.

² АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.№493. 1886. Д.1741 (По поводу поездки японского принца Акихито Комацу с супругою и свитою из 4 лиц через Америку в западную Европу и в Россию для ознакомления с военным делом). 32 л.

³ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.№493. 1895—1897. Д.1735 (Японское Чрезвычайное посольство на коронации 1896 г.). Л.11.

Миссии принца Фусими придавалось большое политическое значение: после окончания японо-китайской войны интересы России и Японии активно столкнулись в Корее и возникла необходимость решить вопрос мирным образом путем переговоров между Россией и Японией без участия третьей стороны. Различные фракции в высших правительственных кругах Японии стали предлагать своих кандидатов для предстоящей миссии. Среди претендентов назывались имена Мацуката Масаёси (松方正義, 1835—1924), Ямагата Аритомо (山県有朋, 1838—1922) и других. Затем стали распространяться слухи о том, что глава правительства Итō Хиробуми (伊藤博文, 1841—1909) желает сопровождать принца Фусими на коронационные торжества в Москве. В частной беседе Итō сам подтвердил российскому посланнику своё намерение отправиться в Россию. Хитрово сообщил российскому министерству иностранных дел о том, что «миссия маркиза Итō ... будет независима от миссии принца Фусими: принц будет представлять императора в своём качестве императорского принца, а маркиз же Итō отправится в качестве чрезвычайного посла»¹. Однако российский посланник также добавил, что данный вопрос еще не решен окончательно.

Вопрос о кандидатуре, которая бы отвечала ожиданиям обеих сторон, был непростым. В телеграмме, направленной японскому посланнику в Петербурге Ниси Токудзиро (西徳次郎, 1847—1912), министр иностран-

¹ Там же. Л.13.

ных дел Сайондзи Киммоти (西園寺公望, 1849—1940) объяснял сложность сложившейся ситуации с выбором чрезвычайного посла на коронацию следующим образом: «В силу особых обстоятельств в отношениях с Россией японское правительство в первую очередь рассматривало коронацию, как исключительную возможность, которую можно выгодно использовать и, если необходимо, послать [на коронацию] маркиза Итō в качестве чрезвычайного посла, доверив ему особую политическую миссию»¹. Однако Итō, возглавлявший кабинет министров, не мог покинуть Японию. Вместо Итō в итоге миссию в качестве чрезвычайного посла возглавил Ямагата Аритомо, о чем в конце февраля 1896 г. японский посланник в Петербурге Ниси уведомил министра иностранных дел А.Б.Лобанова-Ростовского (1824—1896)².

К концу февраля 1896 г. между Россией и Японией на дипломатическом уровне была достигнута договоренность о подписании двух соглашений по так называемому «корейскому вопросу»³. В Сеуле начались перегово-

¹ Дайнихон гайкō бунсё. Мэйдзи нидзюкюэнэн. 1896 нэн. (Документы по внешней политике Японии. 29 год Мэйдзи. 1896 г.). Т.29. Токио: Гаймусё дзюхан, 1954. С.808. 大日本外交文書. 明治九年. 1896年. 第二十九卷. 東京: 外務省蔵版, 1954年. 頁 808.

² АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.№493. 1895—1897. Д.1735 (Японское Чрезвычайное посольство на коронации 1896 г.). Л. 26.

³ В начале февраля 1896 г. король Коджон с наследником перешел в русскую миссию (11 февраля 1896 — 20 февраля 1897 г.), совершился «мирный переворот», в результате которого было образовано правительство из сторонников русской ориентации (см. Пак Б.Б. Политика России в отношении Кореи в период пребывания Коджона в 356

В марте принц Фусими со свитой отбыл из Йокогамы в Европу на одном пароходе с российским посланником М.А.Хитрово. В состав придворных чинов свиты вошли тринадцать человек¹, среди которых помощник обер-церемониймейстера маркиз Токугава и церемониймейстеры барон Мадэнокодзи Наохидэ (万里小路正秀, 1858—1914), который обучался в России с 1871 по 1877 гг.² и говорил по-русски, и Итō Хирокуни (伊藤博邦, 1870—1931), сын главы кабинета³. Чрезвычайное посольство японского правительства не смогло выехать одновременно с принцем из-за болезни Ямагата.

Из донесения поверенного в делах в Токио А.Н. Шпейера (?–1916) от 28 февраля / 11 марта следует, что отъезд принца Фусими из Токио вызвал «как в столице, так и в Йокогаме многочисленные сочувственные манифестации со стороны как интеллигентных классов общества, так и, главным образом, простого народа». В японской прессе появились напутственные статьи, тон которых, как отметил российский дипломат, «был скорее сочувствен России», а «некоторые из них [статей]

¹ Фото членов свиты и принца Фусими, а также сопровождавших их лиц, хранящиеся в Центральном государственном архиве кинофото-фонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), размещены на официальном сайте указанного архива: URL: <http://photoarchive.spb.ru:9090/www/showChildObjects.do?object=2000627886> (дата обращения: 21.12.2011)

² По некоторым данным с 1871 по 1881 гг.

³ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп.№493. 1895—1897. Д.1735 (Японское Чрезвычайное посольство на коронации 1896 г.). Л.14.

уже прямо высказывали своё удовольствие по поводу предстоящего соглашения с нами по Корейскому вопросу». По мнению Шпейера, были «полные основания предполагать, что японскому правительству при наличии таких благоприятных условий нетрудно будет достигнуть полного успокоения умов, сильно возбужденных было Сеульским переворотом 30 января»¹.

По прибытию в Европу принц Фусими остановился на несколько дней в Париже, а затем проследовал в Берлин и Варшаву, откуда в особом вагоне в курьерском поезде отправился в Россию. М.А.Хитрово рекомендовал прикомандировать к чрезвычайному японскому посольству на время пребывания в России военного агента в Китае полковника К.Вогака². При представителе японского императора принце Фусими был назначен состоять делопроизводителем VIII класса Азиатского Департамента министерства иностранных дел П.Васильев³.

На время коронационных торжеств принц Фусими и обер-гофмаршал виконт Киёока остановились в доме Мосоловой по Штатному переулку (ныне – Кропоткинский переулоч), а члены свиты – в гостинице «Континен-

¹ Там же. Л.28. Подразумевается переход Коджона с наследником в русскую миссию 11 февраля 1896 г. (по новому стилю).

² Там же. Л.29.

³ Там же. Л.43.

таль». Чрезвычайный посол Ямагата со свитой расположился в доме Беклемишева на Поварской¹.

Перед российским министерством иностранных дел стояла деликатная задача ведения переговоров с представителями трёх государств, заинтересованных в решении корейского вопроса. Корейский король Конджон отправил на коронацию Николая II миссию во главе с Мин Ёнхваном (閔泳煥, 1861—1905), которому было поручено по завершению коронационных торжеств вести переговоры в Петербурге в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра по вопросу оказания помощи российскими военными специалистами и инструкторами в создании надежной корейской армии². На коронации также присутствовала китайская делегация, возглавляемая чрезвычайным послом и государственным секретарем Ли Хунчжаном (李鴻章, 1823—1901). Китайский представитель вёл переговоры, приведшие к заключению 22 мая / 3 июня Союзного договора между Россией и Китаем. Данный договор подразумевал совместные действия против Японии в случае её нападения как на

¹ Коронационные торжества. Альбом Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. М.: Тип. И.Н.Кушнерев и К, 1896. С.30.

² Пак Б.Б. Политика России в отношении Кореи в период пребывания Коджона в русской миссии // Korea and Russia in Historical Perspective: Perceiving and Understanding Each Other. 2010. С.91—92. URL: www.eurasiahub.org/data/ftproot/2010 국제역사/박벨라.pdf (дата обращения: 11.01.2012)

русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи. Договор также предоставлял России право на постройку железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гириинскую провинции в направлении на Владивосток¹.

Ранее 2 / 14 мая в Сеуле представителями России и Японии был подписан Меморандум по корейскому вопросу, состоявший из четырёх статей. Эти статьи оставляли на усмотрение корейского короля вопрос о его возвращении во дворец и формировании правительства, а также устанавливали равное количество стражи для охраны российской миссии и консульств и японской телеграфной линии и японских поселений. По восстановлении порядка войскам обеих сторон следовало покинуть Корею².

28 мая / 9 июня в Москве российский министр иностранных дел А.Б.Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол Ямагата поставили свои подписи под Протоколом по корейским делам. Протокол предусматривал совместное содействие России и Японии в получении Кореей иностранных займов для проведения необходимых реформ. За японским правительством сохранялось право

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / Под ред. Е.А.Адамова, сост. И.В.Козьменко. М.: Государственное Издательство Политической литературы, 1952. С.292—294.

² Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 / Министерство иностранных дел. Петербург: Тип. А.М.Менделевича, 1906. С.146—148.

управления телеграфными линиями, а России предоставлялось право на установление телеграфного сообщения между Сеулом и российской границей. В протоколе также оговаривалась возможность проведения взаимных русско-японских консультаций и переговоров по вопросам, которые могут возникнуть в дальнейшем в Корее¹.

Помимо четырёх открытых Московский протокол содержал две секретные статьи. Первая из «закрытых» статей предусматривала при нарушении порядка в Корее возможность для России и Японии отправки войск сверх указанного в открытых статьях количества при согласии обеих сторон, а также создание «буферной» зоны между войсками двух стран. Вторая секретная статья подтвердила право России осуществлять охрану короля Коджона².

Несомненный интерес представляет правительственное сообщение [касательно Кореи], которое признало меморандум Вебера-Комура и протокол Лобанова-Ямагата «прямым последствием китайско-японской войны и созданного последнею в Корее положения»³. Согласно коммюнике указанные соглашения не нарушали независимость Кореи, а Россия и Япония свидетельствовали «только

¹ Там же. С.159–160.

² Дайнихон гайкō бунсё. Мэйдзи нидзёкюэнэн. 1896 нэн. (Документы по внешней политике Японии. 29 год Мэйдзи. 1896 г.). Т.29. Токио: Гаймусё дзёхан, 1954. С.816-817. 大日本外交文書. 明治九年. 1896年. 第二十九卷. 東京: 外務省蔵版, 1954年. 頁 816-817.

³ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 / Министерство иностранных дел. Петербург: Тип. А.М.Меңделевича, 1906. С.161.

о своей взаимной готовности содействовать Корейскому Королю в деле прочного обеспечения порядка, временно нарушенного вследствие сотрясений, вызванных китайско-японским столкновением»¹. Сообщение признавало меморандум, подписанный ранее в Сеуле, «необходимым пополнением», которое указывало «на общую цель ...: очищение Кореи от всякого, хотя бы даже незначительного по численности войск, иноземного занятия в ближайшем по возможности времени»².

В апреле 1898 г. в Токио посланником России в Японии Р.Р.Розеном (1847—1921) и японским министром иностранных дел Ниси было подписано соглашение о Корее, в котором стороны подтверждали независимость Кореи и воздерживались от вмешательства в её внутренние дела. Однако Токийский протокол, являвшийся продолжением Московского протокола 1896 г., не удовлетворил ни одну из сторон и в 1900 г. начались новые переговоры по корейскому вопросу. Меморандум и протокол 1896 г., а также соглашение о Корее 1898 г. формально действовали до разрыва дипломатических отношений между Россией и Японией в 1904 г.

¹Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 / Министерство иностранных дел. Петербург: Тип. А.М.Менделевича, 1906. С.161.

² Там же. С.162.

*Филиппов А.В.,
Восточный факультет СПбГУ*

**Экономика, политика и социум Японии
(втор. пол. XX – нач. XXI в.) – попытка периодизации**

Япония сегодня – это страна, привлекающая внимание и успехами в экономике, и особенностями традиционной культуры, и спецификой социальных структур. Причин для интереса и возникающих в связи с этим вопросов много. Зачастую, ответы на них возможно найти, изучив этапы развития социума в связи с его современным положением, экономическими и политическими условиями его существования. Такой подход и стал поводом для попытки **определиться с периодизацией этапов экономического и политического развития** страны во втор. пол. XX – нач. XXI в., поскольку формы социально-политической и экономической жизни современной Японии по сути сложились в послевоенный период в чётком соответствии с действующей Конституцией 1947 г. Неизгладимый отпечаток на обществе оставили американская оккупация, «экономическое чудо» и период бурных темпов роста. Не прошли бесследно и несколько «скачков йены» (укрепившие позиции национальной валюты), оказавшись одним из весомых стимулов для очередных витков в перестройке японской экономики. Даже не затрагивая смены приоритетов на новые отрасли при сворачивании старых, невозможно обойти вниманием переход от высоких темпов роста к средним, отказ от опоры на экспортно-ориентированный ширпотреб во имя развития трудосбе-

регающих и наукоёмких направлений производства. Не менее важно обратить внимание на затянувшуюся стагнацию, воцарившуюся в экономической сфере на рубеже веков после буйства «экономики мыльных пузырей». Новым всплеском активности этот этап «плохой конъюнктуры» так и не завершился, плавно погрузившись под волны очередного мирового экономического кризиса уже в нынешнем веке. Пока можно с уверенностью утверждать, что Япония в последние полтора-два десятилетия прочно занимает позиции страны, где жизнь может выглядеть достаточно комфортной благодаря умеренности цен на качественные товары повседневного обихода, произведённые в странах с дешёвой рабочей силой.

Политическая система, в общих чертах сложившаяся при оккупационном режиме, обрела заметное своеобразие. В политике на протяжении около полувека господствует Либерал-Демократическая партия (*далее — ЛДП*) при условном противостоянии Социалистической партии как оппозиции (не способной к превращению в партию правящую). Уникальность этого феномена обеспечило рождение мифа о «полупартийной политической системе» Японии. Крах амбиций ЛДП в нач. 90-х годов оказался явлением непродолжительным, позиции партии как правящей удалось восстановить очень быстро. Но изменения тех лет внесли черту вариативности в политическую жизнь Японии. При некоторой утрате влияния рядом прежних, ставших уже традиционными партий — появилась целая «палитра» совершенно новых

(и часто мелких) политических группировок, крайне разных по своей окраске. Ситуацию, возможно, удалось бы и далее характеризовать как «полупартийную систему». Однако, рассмотрению как «не слишком опасной оппозиции» всего «пёстрого набора» прочих политических группировок — помешал приход к власти новой политической силы в лице Демократической партии Японии (*далее* — ДПЯ) во главе с ХАТОЯМА Юкио осенью 2009 г. Насколько силён удар по ЛДП покажет время — пока же положение отчасти напоминает историю нач. 90-х гг., когда руководство ЛДП приложило максимум усилий, чтобы опорочить ХОСОКАВА Мориhiro, лидера победившего их нового партийного блока. Нападки с целью доказать «коррупционность» нового премьера Хатояма зазвучали через несколько месяцев, а учитывая немалое число предвыборных обещаний — отстоять перед общественностью позиции партии и кресло премьера, судя по всему, оказалось нелегко. Опасение «потерять лицо» (и желание сохранить положение партии) привели к уходу Хатояма с поста премьера, где его поочерёдно сменили другие представители той же ДПЯ (нач. июня 2010 — 63-летний КАН Наото, кон. авг. 2011 — 54-летний НОДА Ёсихико).

Политическая, социальная и экономическая сферы жизни любой страны неразрывно связаны между собой. Условия экономического существования, как правило, определяют тенденции развития социума и господствующих политических тенденций. Поэтому, исходя из посылаки, что «бытие определяет сознание», уместно

предпринять попытку обрисовать периодизацию развития экономики Японии во втор. пол. XX — нач. XXI в. — а затем, опираясь на эту схему, продемонстрировать суть изменений, происходивших в политической и социальной жизни страны.

Периодизация развития японской экономики во втор. пол. XX — нач. XXI в., может быть отображена предлагаемым ниже чередованием этапов взлёта и падения экономической конъюнктуры. Учитывая, что мировое сообщество доньше пребывает под впечатлением от японского «экономического чуда» — думается, данная периодизация будет небезынтересна. В частности, из неё явственно следует, что так называемое «экономическое чудо» стало лишь одним из этапов картины сложных коллизий, пережитых страной за полвека с небольшим. За пределами Японии циклично-стадиальное развитие японской экономики в деталях почему-то освещается весьма редко — тем не менее попытаемся предложить его вниманию читателя.

- 1. Послевоенный восстановительный период 1945-1955.** К нему относятся стадии послевоенной разрухи 1945-1952, экономический бум на фоне американских спецзаказов в годы корейской войны 1950-1953, период послевоенного восстановления 1950-1955.
- 2. I-ая стадия высоких темпов роста 1955-1965.** Строго говоря, это подготовительный период, не всегда относимый ко временам «высоких темпов». Но на этот временной отрезок приходится два экономичес-

ких бума – «процветание Дзимму» 1955-1957 и «процветание *Аматэрасу*¹, покинувшей Небесный грот (*Ивата-кэйки*)» июнь 1958 – декабрь 1961, отделённых друг от друга кратким периодом стагнации «до дна кастрюли (*набэ-фукё*)» на рубеже 1957-1958. Именно длившийся непрерывно 42 месяца *Ивата-кэйки* – первый длительный период высокой конъюнктуры, однозначно относимый к «высоким темпам роста».

3. **II-ая стадия высоких темпов роста 1965-1970.** Темпы роста экономики составляли около 10%. К этому времени относятся конъюнктурный взрыв 1963-1964 (подготовка Олимпиады в Токио 1965); кратковременный спад на фоне страхового обвала 1964-1965; «процветание *Идзанаги*» 1966-1970. **Более классический подход к датировке периода «высоких темпов роста» японской экономики – чаще выражают датировкой 1960-1973.**
4. **18-летний период стабильного роста 1973-1991.** Темпы роста экономики составляли около 3-6%. К данному периоду относятся два «нефтяных шока»

¹ По-видимому, следует обратить внимание читателя на несколько патриотично-националистический окрас в наименованиях каждого конъюнктурного взрыва, каждого очередного «бума» японской экономики. *Дзимму* – мифический основатель поныне существующей в Японии императорской династии. Солнечная богиня *Аматэрасу* – Верховное божество в традиционной японской религии *синто*, прародительница упомянутого первого императора. *Идзанаги* и *Идзанами* – согласно мифам *синто*, древнейшие божества-супруги, брачный союз которых привёл не только к рождению множества богов, но и к появлению самих Японских островов – именно капли с копья, падавшие в море, обратились в землю, на которой с тех незапамятных времён живут японцы.

1973 и 1979; Plaza Accord (заключённое в сент. 1985 в отеле Плаза в Нью-Йорке соглашение о стабилизации валютных курсов); спад на фоне «высокой йены» 1983-1987; конъюнктурный всплеск экономики «мыльного пузыря» 1986-1991.

5. «Потерянное десятилетие», известное и как «стагнация годов Хэйсэй» 1993-2002 — этап, пришедший вслед лопнувшему «мыльному пузырю». Страна вступила в затянувшийся период «плохой конъюнктуры» *фукэйки*, который невзирая на последовавший за ним 5-летний период оживления экономики — можно считать продолжающимся по сей день. Темпы прироста ВВП, начиная с 1991-1992, когда его постоянное сокращение уже началось, и почти до наших дней — можно привести в виде нижеследующей таблицы¹.

1991	3,4%	1997	1,6%	2003	1,4%
1992	1%	1998	—2%	2004	2,7%
1993	0,2%	1999	—0,1%	2005	1,9%
1994	1,1%	2000	2,9%	2006	2%
1995	2%	2001	0,2%	2007	2,4%
1996	2,7%	2002	0,3%	2008	—0,7%

6. «Процветание *Идзанами*», январь 2002 — ноябрь 2007 — длилось 69 месяцев. Несмотря на позитивное

¹ Дается на основе информации, приведённой по нижеследующему адресу URL: <http://www.google.com/publicdata?ds=wb-di&ctype=l&strail=false&nselm=h&cmety=nygdpmktpkdztg&scaley=lin&indy=false&rdim=country&idim=country:JPN&tstart=-283996800000&tunit=Y&tlen=47&hl=ja&dl=ja> (Дата обращения: 25 октября 2010)

восприятие этапа как экономического подъёма — темпы роста в 1-2% (см. вышеприведённую таблицу) вряд ли способны создать стойкую иллюзию подлинного бума.

7. **Мировой финансовый кризис 2007-2010**, известный и как «рецессия конца 2000-х годов». Несмотря на лёгкое оживление экономики при «буме *Идзанами*» — представляется, что период спада и «дурной конъюнктуры», накрывший Японию с 1993, длится по сей день. В таком случае, скоро будет уместно говорить не о «потерянном десятилетии», а о «двух потерянных десятилетиях».

Исходя из вышеизложенной картины, питать иллюзии о благополучии японской экономики сегодня — представляется совершенно неуместным. Детали, определявшие развитие страны на наиболее важных этапах — излагаются далее в тесной связи с тенденциями политической жизни.

* * *

Складывание экономической и административно-политической системы современной Японии, если оставить в стороне национальную специфику, поведенческие особенности и нюансы менталитета — связано со временами американской оккупации по окончании II мировой войны. Директивы Штаба оккупационных войск, возглавлявшегося Дугласом Макартуром, определяли развитие Японии тех лет и оставили неизгладимый след в её истории. Оккупационный период принято делить на два этапа. Первый, обычно именуемый **ранним периодом оккупации**, продолжался до 1948-49 гг. Его

специфику предопределило стремление навсегда лишить Японию военно-экономического и политического потенциала, способного составить угрозу для США. Лейтмотивом, лозунгом раннего периода оккупации стало «Три Д»: демилитаризация, демократизация, декартелизация. В результате чего в ряде сфер были достигнуты «успехи», от которых не удалось избавиться и в дальнейшем, когда позиция американцев изменилась. Так, вступившая в силу в 1947 новая японская Конституция декларировала отказ от права страны на войну и содержание вооруженных сил. Та же Конституция позволила японскому обществу стать весьма демократичным и с точки зрения политического разнообразия, и с точки зрения равенства мужчины-женщины и т.п. Воплощение принципов декартелизации привело к фактическому уничтожению (методом разукрупнения, разрушения корпоративных связей) мощных корпораций *дзайбацу*, на которые в значительной мере возлагают ответственность за ведение II мировой войны.

Вторым этапом оккупации стал «обратный курс», начало которого связывают с 1948-49 гг., а завершение с окончанием американской оккупации в 1952 по итогам мирного договора, заключённого в 1951 г. на конференции в Сан-Франциско (не подписанного СССР). Мотивом для перехода к «обратному курсу» стало изменение политической обстановки в Юго-Восточной Азии. Если до 1948 г. США надеялись видеть верным партнёром в регионе Китай, то в 1948-49 гг. ситуация кардинально изменилась. В канун образования КНР стало

ясно, что силы Гоминьдана, главного противника Компартии Китая (видевшиеся ранее партнёром США), уйдут с территории континентального Китая на Тайвань. США на длительную перспективу утратили мощную и надёжную опору в Юго-Восточной Азии. Но потребность в надёжном партнёре, на которого можно опираться при проведении американской политики в регионе — была налицо. Чаяния США обрести такового — привели к смене позиций в отношении Японии. Соответственно, общие ориентиры «обратного курса» состояли и в отказе от демократизации, и в надежде превратить новую Японию в верного партнёра (в том числе и на пути военных и политических авантюр США в Восточной Азии). Но попытки пересмотра Конституции 1947 г. — безрезультатны по сей день, а устремления к «ремилитаризации» Японии увенчались лишь созданием в 1954 Сил Самообороны на основе Резервного полицейского корпуса, появившегося в 1950. Впрочем, удалось сделать Японию экономическим партнёром и опорой в корейской войне. Американские спецзаказы тех лет, ремонт спецтехники и снабжение американских войск впервые по окончании II мировой войны смогли дать толчок к оживлению и подъёму японской экономики.

Япония вставала на ноги с огромным трудом. Упадочную ситуацию послевоенных лет можно обрисовать как «пассивный саботаж» японских предпринимателей в ответ на все попытки американцев сподвигнуть их хотя бы на уровень самообеспечения. Бесплатные фонды «помощи оккупированным территориям», как и любая

гуманитарная помощь, вели к обогащению неизвестных лиц, не принося конкретных экономических результатов. Однако, к реальным сдвигам в развитии подтолкнули визиты двух американских советников, прибывших для изучения положения в стране. Улучшение ситуации в японской экономике связывают с «линией Доджа» и «миссией Шоупа». **Первый**, видный американский финансист Джозеф Додж, директор Детройтского банка – став главным финансово-экономическим советником Штаба оккупационных войск, с весны 1949 занялся выработкой мер по стабилизации японской экономики. **Второй**, профессор Колумбийского университета Карл Шоуп, с мая 1949 занимался подготовкой налоговой реформы, введением прогрессивной шкалы налогообложения и т.п. В итоге прогрессивный подоходный налог и иные меры создали возможность для преодоления инфляции и достижения бездефицитности госбюджета. 7 марта 1949 г. Дж.Додж на встрече с журналистами весьма ярко определил общую направленность экономических преобразований. «Японская экономика стоит как бы на двух ходулях, одна нога которых представляет собой американскую помощь, другая – механизм внутренних субсидий. Если делать большие шаги на ходулях, можно упасть и сломать себе шею»¹. Главная цель состояла в том, чтобы снять-таки японскую экономику с ходуль и поставить на «собственные ноги». В итоге

¹ Цит. по: История Японии (1945-1975). М.: Главн. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. С.67.

отмена нецелевого субсидирования, переход на жёсткое целевое финансирование и кредитование конкретных направлений — несмотря на сложность их внедрения, смогли стимулировать определённую самостоятельность в развитии японской экономики. Отныне речь шла о субсидировании только доходных отраслей и предприятий.

В послевоенный период отношения между Японией и США, вынужденно ставшие партнёрскими — ни в коей мере не отличались взаимоприязнью. Принятие решений по важным вопросам в большинстве случаев происходило на основе ультимативных указаний американской администрации. Ситуация начала меняться только в 1961, с появлением на политической арене в качестве посла США в Японии Эдвина Рэйшауэра (1910-1990). Родившись в Токио, там же в 1927 он закончил Американскую школу. Специальность японоведа получил в Гарварде под руководством приглашённого из Франции выпускника Санкт-Петербургского университета Сержа Елисеева (впоследствии С.Елисеев и Э.Рэйшауэр стали известны как отцы-основатели американского японоведения). Продолжил образование в университете Токио и других учебных заведениях. Глубокое понимание Э.Рэйшауэром японской культуры и менталитета способствовали становлению взаимовыгодного диалога Японии и США, заложили основы их дальнейшего политического и экономического сотрудничества. Пребывая на должности посла США в Японии с 1961 по 1966, Э.Рэйшауэр смог добиться невероятного — **взаимопонима-**

ния и перехода к обоюдовыгодному эффективному сотрудничеству двух стран. По словам самого Э.Рэйшауэра, он искал пути восстановления «прерванного диалога» двух стран и, в конечном итоге, именно его дипломатия привела в 1972 к возвращению Окинава под японский флаг. Но деятельность в качестве посла США оставила на судьбе самого Э.Рэйшауэра и прискорбный отпечаток. В марте 1964 юный японец, страдавший психическим заболеванием, нанёс ему ранение холодным оружием. Пренебрежение услугами американского госпиталя привело к заражению гепатитом в японской клинике, что в итоге явилось причиной его смерти (спустя два с половиной десятка лет).

Методичные усилия США по возвращению жизнеспособности японской экономике в итоге привели к ожидаемым позитивным результатам. Достаточно быстро начались процессы, которые можно оценить как складывание нового облика страны, имея в виду активное развитие современных отраслей тяжёлой и химической промышленности. В середине 50-х годов Япония однозначно вступила в эпоху, которую потом стали именовать научно-технической революцией (НТР). К концу же 50-х годов Япония по темпам роста обогнала страны Западной Европы и США (и это несмотря на спад и кризисные явления 1954 и 1958 гг.). Именно наметившиеся с **50-х годов беспрецедентные темпы роста и привели к разговорам о «японском экономическом чуде»**. В 60-х годах реальные темпы роста в стране составляли приibl. 10-11%, а к 1968 г. по эконо-

мической мощи Япония прочно заняла II-ое место в капиталистическом мире. Прирост ВВП в 1968 и 1969 составил максимум за всю историю японской экономики – соответственно 12,9% и 12,5%. Из-за кризисных явлений 70-х, начало которым было положено первым из «нефтяных шоков» 1973, а усугублено «высокой йеной» и вторым «нефтяным шоком» 1979 – экономика стабильно демонстрировала уже умеренный, приibl. 5-6%-ый рост.

Ситуация 70-х годов, столкнув страну с целым рядом серьёзнейших проблем, вынудила к усиленным поискам «нового лица» японской экономики в условиях умеренных темпов роста. Для начала 1971 год обрушил на Японию **«шоки Никсона»**. Первый – налаживание американским партнёром отношений с КНР вместо Тайваня. За ним последовал и второй – отмена золотого паритета доллара, став **«долларовым шоком»**. Это в итоге ударило по йене, подняв её с привычной планки 360 йен к 1-му доллару – до уровня 308 йен за 1 доллар. Тогда «высокая йена» явилась лишь провозвестником проблем, связанных со скачками йены. Долгие десятилетия Япония жила в ставших привычными условиях «стабильной йены». Связанные с колебаниями валютного курса проблемы пришлось пережить задолго до того – во время «начального периода оккупации». Если перед II мировой войной курс составлял приibl. 1 йена к 1 доллару, то по окончании войны – уже 2 йены к 1 доллару. За три послевоенных года с 1945 по 1948 произошёл обвал йены в 180 раз, найдя выражение в

курсе 360 йен к 1-му доллару. Это-то соотношение и оставалось стабильным на протяжении более чем двух десятилетий (собственно, период 1949-1971 и принято называть «периодом фиксированного курса йены»). Несколькими годами позже, помимо прочих кризисных явлений 70-х годов, **первый «нефтяной шок»** 1973-1974 привёл к взлёту цен с 1-2 долларов до 11-12 долларов за баррель сырой нефти. **«Второй нефтяной шок»** лета 1979, связанный с событиями в Иране, вывел цены на уровень более 30 долларов за баррель. С последствиями Япония смогла справиться лишь к лету 80-го года.

Следует учитывать, что за последние четыре десятилетия (с начала 1970-х до 2010 г.) Японии пришлось несколько раз столкнуться и пережить такое явление, как **скачки йены**. Если говорить о самых значимых — остановимся на пяти резких скачках.

- ① Уже говорилось, что с конца 40-х до начала 70-х годов курс йены составлял 360 ¥ за 1\$, а в 1971-73 — взлетел до 260 ¥.
- ② После некоторого нивелирования, в 1976-78 последовал новый удар — с 290 ¥ до 190 ¥.
- ③ Очередной шок, 1985-87 — скачок с 240 ¥ до 120 ¥.
- ④ Пожалуй, самый мощный обвал, которого как всегда, не ждали, случился в 1994-95, когда отношение йена—доллар, перевалив опасный порог в 100 ¥ в конце 1994, к 19 апреля 1995 достигло уровня в 79,75 ¥. С учётом того факта, что **порог в 100 ¥** считался долгое время непереносимым для здоровья японской экономики, правительство сделало всё возможное для оздоровления

последней — в период 1998-2000 года йена колебалась в диапазоне 120 ¥ -103 ¥ (впрочем, в 1998 доходила и до 147 ¥); в 2002-2004 гг. — 130 ¥ -100 ¥. В 2004-2007 гг. последовал период некоторого падения йены до 124 ¥. Очередной колебательный подъём начался с осени 2007.

⑤ В 2009-2010 гг. — на фоне мирового кризиса, произошёл очередной, **пятый скачок йены** (в связи с ипотечно-инвестиционным крахом Lehman-shock 2008 и Дубайским долговым кризисом = Dubai-shock 2009). В конце 2009 японская валюта уже переходила порог в 90 ¥ за 1\$, а 14 октября 2010 достигала показателя в 80 ¥. Йена стойко держалась в диапазоне 82-84 ¥ несколько месяцев во втор. пол. 2010, а в 2011 — нач. 2012 фиксируется на уровне 76-80 ¥. Очень важным кажется то, что японская экономика пока в состоянии это переносить.

Заметим, что уже **третий скачок йены в 1987 привёл к тому, что заработная плата в Японии в долларовом измерении стала самой высокой в мире**. Впрочем, с учётом значимых расходов на жизнь и цен на внутреннем рынке — вряд ли её можно считать чрезмерной. Для предпринимателей высокая зарплата становится дополнительным бременем издержек, что ведёт и к необходимости производить товары с максимально высокой добавленной стоимостью, т.е. к очередным виткам перестройки производственной сферы Японии. Таким образом, перестройка экономики страны со сворачиванием ряда отраслей при развёртывании других сфер для Японии — непрерывный процесс уже как минимум с 60-х годов. Однако, не остаётся сомнений,

что уровень обеспеченности среднего японца с середины 80-х можно считать весьма достойным и это могло бы создавать стимулы для поддержания стабильности политической системы со стороны среднестатистического обывателя.

Завершая обзор экономических тенденций 70-90-х годов, напомним, что период с «нефтяного шока» 1973 и до самого конца 80-х годов (в отличие от предшествующего периода «высоких темпов роста») – был периодом стабильного роста экономики в средних темпах. Именно на это время пришёлся и так называемый период экономики «**мыльного пузыря** = *bubble*». Когда «мыльный пузырь» всё же лопнул, с начала 90-х годов страна вошла в **затяжной период «плохой конъюнктуры»** *фукэйки* 不景気. Видимо, этот термин наиболее приемлем, поскольку именовать ситуацию «затяжным застоём», всё же неуместно. При относительных взлётах и падениях, данный этап не завершился и поныне. Начало *фукэйки* практически совпадает и с временной утратой власти ЛДП в 1993-1996. Но и по возвращении ЛДП к кормилу власти в 1996-2009 – страна так и не вошла в стадию очевидного экономического подъёма.

* * *

На обозначенном ранее экономическом фоне – обратимся к **рассмотрению политической ситуации** в Японии. Как уже говорилось – первые решительные усилия по подъёму страны из разрухи во времена «обратного курса» смогли обеспечить и начало экономической стабилизации, и движение к достижению опреде-

лётности в политической жизни страны. Тенденция состояла в отказе от «излишней» послевоенной демократичности, версификации взглядов и пестроты политических организаций. **К сер. 50-х годов завершилось размежевание основных сил в политике**, что стало своеобразной «фиксацией» отхода от яркой палитры партийно-политической жизни первых лет оккупации.

В первые послевоенные годы большой популярностью пользовались **левые силы**. С одной стороны, социалисты, ведущие происхождение от разнообразнейших по политическим взглядам групп социалистов 20-30-х годов, что предопределило поведение партий социалистической ориентации на долгие десятилетия после войны. С другой стороны, небывалыми темпами росла и популярность японских коммунистов. Почти все лидеры японской компартии, созданной в 1922 и успевшей до войны пережить периоды ликвидаторства и отзовизма — провели в тюрьмах чуть не два десятилетия и вышли на свободу только в 1945. Возродившаяся КПЯ поначалу имела бесспорный успех и привлекала массы. Это происходило даже несмотря на нечёткость политической позиции и постоянные, нередко грубые ошибки в оценке политического курса. Однако, популярность КПЯ постепенно пошла на спад в условиях усиления влияния левозэкстремистских групп, стремившихся к неоправданному терроризму. Особо прославился в левом авантюризме и сектантском курсе на вооруженную борьбу СИДА Сигэо. Впоследствии, после его ухода в подполье, он был заочно исключён из КПЯ, но «летучие отряды» в горах, тренировавшиеся в метании

бутылок с зажигательной смесью, надолго оставили негативный осадок на отношении к КПЯ рядовых японцев. Падение авторитета в массах привело к резкому падению численности КПЯ к сер. 50-х годов — до 30 с лишним тыс. человек (при том, что сразу после войны их ряды росли лавинообразно: дек. 1945 — 1 тыс. чел., февр. 1946 — 7 тыс. чел., конец 1946 — ок. 50 тыс. чел.). Впрочем, КПЯ и по сей день пользуется немалым уважением у японцев старшего поколения, которые с удивительным почтением неизменно заявляют о «высокой интеллигентности» лидеров этой партии. Так что увлечение марксизмом не прошло для Японии бесследно (причём в самых разных отношениях).

К 1955 г. сложились условия для формального объединения в рядах одной партии правого и левого крыла Социалистической партии Японии (*далее — СПЯ*). Это вызвало у правящих консерваторов стойкие опасения в усилении оппозиции — и в том же 1955 на базе двух консервативных партий, Либеральной и Демократической, была создана Либерал-Демократическая партия. Поэтому **1955 год и принято считать вехой, завершающей становление крупных противоборствующих лагерей на политической арене послевоенной Японии.** Сложилась так называемая «система 1955 года», нередко именуемая и «полуторапартийной системой». Уже начиная с мая 1946, со времён достижения относительной «политической стабильности в условиях оккупации», кабинеты министров попеременно возглавляли лидеры двух названных консервативных партий (Либеральной и Демократической) — за исключением единст-

венного случая. С мая 1947 по май 1948 премьер-министром Японии был лидер СПЯ — КАТАЯМА Тэцу. С 1955 же года, в течение более полувека вплоть до 2008 г. — кресло премьера прочно занимали представители ЛДП. Исключение составляет лишь краткий период сумбура в 1993-1996. Только в эти годы кресло премьера принадлежало представителям других партий (ХОСОКАВА Морихиро из Новой партии Японии; ХАТА Цутому, возглавлявший тогда Японскую партию обновления *Синсэй-то* 新生党; МУРАЯМА Томиити из СПЯ). Со столь же завидной стабильностью, вплоть до последнего времени, самую мощную силу оппозиции представляла СПЯ. Её представители занимали кресло премьера лишь дважды за послевоенную историю: КАТАЯМА Тэцу в 1947-1948 и МУРАЯМА Томиити в 1994-1996. Прочие партии оппозиции не имели заметной численности в парламенте и могли рассчитывать на весомое оппозиционное противодействие при условии блокирования с другими оппозиционерами. Именно поэтому система и получила название «полупарламентской». Одна — постоянно находившаяся у руля ЛДП, плюс — постоянно составлявшая ей оппозицию, но обычно не побеждавшая на выборах СПЯ. **На протяжении 50-70-х годов имела место тенденция к падению электората ЛДП**, вызывавшая у её лидеров беспокойство. Это обусловило стремления к поиску диалога с СПЯ на уровне формирования отношения к ней, как к партии, которая могла бы чередоваться с ЛДП у кормила власти (пост премьера). Тенденция так и не нашла позитивного восприятия у СПЯ, но способствовала укреплению иллюзий о стойкой «полупарламентской системе». Фактически

ки предполагалась бессменность лидирующей в парламенте политической партии.

Впрочем, на фоне двух нефтяных шоков 70-х годов и регулярных экономических неурядиц говорить о стабильном позитивном отношении японцев к правящей партии было бы, конечно, сложно. Но тем не менее, уже с 70-х годов наметилась тенденция к росту уровня поддержки ЛДП¹. Эта своего рода «новая консервативная волна» была вызвана и очередным этапом развития научно-технической революции, который привёл к общему росту доходов населения². Утверждения о складывании в сер. 80-х годов «общества благосостояния»³ (*welfare*), теории общества «среднего класса» — в значительной мере могут быть оправданы тем, что к середине 80-х впервые в истории уровень доходов, заработной платы в Японии стал действительно высоким и вполне отвечающим интересам среднего обывателя в стране с высокоразвитой экономикой. Имело место и изменение первоочередных жизненных ориентиров: от стремления служить обществу упорным трудом — к желанию наслаждаться «вкусом жизни» *икигай* 生き

¹ Идеино-политические проблемы в Японии. Вып.1. Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С.56.

² Актуальные проблемы современной Японии. Вып. VI (Информационный бюллетень №42). С.95-96.

³ Там же. С.130.

甲斐¹. Безусловно, всё это в комплексе — вполне могло обеспечить рост поддержки правящей консервативной партии, т.е. ЛДП. Но **укрепление позиций консерваторов было недолговечно**. Вернувшись к ситуации **60-70-х годов**, можно обратить внимание на **складывание партий «центра»**: Партия Демократического Социализма (1960), Социал-Демократический Союз (1978), возникшая на базе буддийской организации *Сōка-гаккай* «Партия чистой политики» *Комэйтō* (1964), Новый Либеральный Клуб — некоррупцированная альтернатива ЛДП в 1976-1986. Ряд из них в разные периоды был способен блокироваться с противниками как правого, так и левого толка. При оппозиционном значении, следует учитывать и их готовность поддержать партию правящую (сообразно ситуации). В целом, партийно-политическую ситуацию 60-70-х, и даже 80-х годов можно оценивать как период относительно стабильного существования партий правого, левого крыла и «центра». Но уже к **середине 80-х** вовсю заговорили о существовавшей не первое десятилетие **тенденции к дроблению оппозиции на ряд мелких независимых партий**². Ситуация стала ещё кардинальнее меняться **на рубеже 80-90-х годов** — в связи с появлением **целого сонма новых партий и групп**. При заметном ослаблении влияния партий «с опытом» — силу набира-

¹ Идеино-политические проблемы в Японии. Вып.1. Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С.58.

² Идеино-политические проблемы в Японии. Вып.1. Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С.59.

ют именно новые партии. На этом фоне в 1993 году и произошёл обвал — впервые с 1955 г. ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах. Формирование коалиционного кабинета министров было поручено лидеру новой партии Японии, ХОСОКАВА Морихиро. С трудом пережив шок, ЛДП предприняло максимум усилий для возврата утраченных позиций. В итоге Хосокава был вынужден расстаться с креслом премьер-министра. Его противники умело воспользовались ситуацией с неурожаем риса в стране, а также притянутым к делу скандалом о давних «финансовых махинациях» Хосокава. Это было вполне в духе японских политических игр, хотя и явно не сочеталось с образом свободного от коррупции нового крупного политика, каковым был Хосокава. Как уже упоминалось, затем последовали ещё два кабинета, не связанных с ЛДП. Но с 1996 г. ЛДП удалось вернуться к власти, опять же бесценно удерживая её вплоть до 2009 г.

Партийно-политическая ситуация на сегодня выглядит чрезвычайно разнообразно и пёстро (по данным на 24 октября 2010). Двумя партиями, лидирующими **по числу мест в Парламенте** (всего 722 места в обеих палатах) являются правящая Демократическая партия Японии (412 мест) и ЛДП (201 место). Претензии прочих партий на получение большинства при следующих выборах вряд ли могут оцениваться как реальные. Третьей по числу мест идёт ориентирующаяся на «буддийскую демократию» и «средний путь» *Комэй-тō* (40 мест). Представители ещё трёх партий не имеют в Парламенте и двух десятков мандатов: «Партия всех

= Твоя партия» *Минна-но то̄* – 16 мандатов, у КПЯ – 15, у Социал-Демократической партии – 10. Кроме того, от 1 до 6 мандатов имеют Новая народная партия, Поднимающаяся Япония, Новая партия РЕФОРМЫ, Новая партия ЯПОНИЯ, Новая партия БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ, Общественная массовая партия Окинава, Партия воплощения счастья. В общей сложности, в Парламенте представлено 13 партий. Все новые, если не считать трёх – воссозданную в 1998 *Комэйто̄* (являющуюся продолжательницей прежней *Комэйто̄*, 1964 года образования), ЛДП, ведущую происхождение с 1955 и КПЯ, учреждённую ещё в 1922 (впрочем, упомянутая Массовая партия Окинава возникла в 1950). Из остальных 2 партии – созданы во второй половине 90-х, а оставшиеся 7 – с 2005 по 2009 год. Можно добавить, что существует 4 партии из числа ранее имевших представительство в Парламенте, а также ещё как минимум 13 партий, претендовавших на парламентские мандаты (включая Партию Улыбки). Обобщая, заметим, что общее число упомянутых здесь партий превышает два с половиной десятка. В действительности, политических организаций и групп, принимающих участие в политической жизни страны – больше во много раз. Но всё-таки рано утверждать, что «полупарламентская система» осталась для Японии в прошлом. Возможно, спустя несколько лет (или десятилетий) будет вновь уместно говорить о полутора партиях (только уже не ЛДП и СПЯ). Сильна и вероятность того, что это будут нынешние лидеры – ДПЯ и ЛДП. Так что говорить о крахе «системы 1955 года», видимо, преждевременно. Реально и допущение, что на политической арене Японии может сложиться

система двух партий, попеременно сменяющих друг друга — при существовании массы более слабых группировок, которые порой не всегда способны сопротивляться партиям-лидерам даже при условии блокирования малых партий.

Приход к власти ДПЯ стал реальностью после 30 августа 2009, когда на выборах в ключевую Нижнюю палату Парламента ей удалось получить свыше 300 мандатов из 480. Тем самым, как ведущая партия в Парламенте, ДПЯ получила право определить премьер-министра (простым большинством голосов). Таковым стал 62-летний ХАТОЯМА Юкио, являвшийся Генеральным секретарём ДПЯ (вторым лицом в партии). За избрание его премьером проголосовало 327 из 480 депутатов нижней палаты (первый случай подобного единодушия за всю японскую историю). Его политическая карьера началась поздно, в 1986 (ранее он активно занимался научной деятельностью). В 1993, покинув ЛДП, он с рядом сторонников вошёл в новую партию «Пионер» *Сакигакэ* (в своё время представленную в 8-партийном коалиционном правительстве Хосокава, обрушившего власть ЛДП в 1993). Фамилия Хатояма известна в Японии и России, прежде всего, благодаря деду — ХАТОЯМА Итирō, трудами которого в 1956, в бытность его премьер-министром, были восстановлены дипломатические отношения СССР и Японии, оборвавшиеся с началом II мировой войны. Достижения ХАТОЯМА Итирō тем более значимы, что предполагавшемуся далее подписанию мирного договора так и не суждено было стать реальностью (ввиду муссируемого японской сторо-

ной «вопроса» о принадлежности 4 островов Курильской гряды). Восстановление дипломатических отношений — стало тем минимумом, который обеспечивает поддержание отношений между нашими странами по сей день. Кабинет ХАТОЯМА Юкио находился у власти с 16 сентября 2009 по 8 июня 2010. К числу задач на посту премьера он относил и диалог с Россией вокруг Курил. Укрепление отношений с нашей страной виделось ему тем более важным, поскольку до занятия поста премьера он являлся президентом общества «Япония—Россия». **Историю ухода ХАТОЯМА Юкио с поста премьера**, видимо, следует начинать с околорепутационных скандалов вокруг ОДЗАВА Итирō (одного из лидеров ДПЯ), интерес к которым обострился в январе 2010. Раздувание шумихи было продолжено потом и вокруг имени Хатояма, обвинявшемся в уклонении от уплаты налогов с сумм, полученных на протяжении ряда лет «группой поддержки» Хатояма. Полностью доверявший ведение дел секретарям — премьер оказался под шквалом нападок противников. Приём, давно известный в «политических играх» Японии — скандалы со взятками от компаний Локхид в 1976 (бывший премьер ТАНАКА Какуэй) и Рикруто в 1988 (премьер ТАКЭСИТА Нобору и др.), обвинения в финансовой нечистоплотности ХОСОКАВА Морихиро на рубеже 1993-1994 и проч. Реальным мотивом для ухода в отставку Хатояма стала необходимость сохранить лицо и удержать власть у ДПЯ — премьеру не удалось выполнить предвыборные обещания (каковых было много), в частности, вывести с Окинава американскую военную базу Футэмма.

Летом 2010, и летом 2011 премьер-министрами стали поочерёдно НАОТО Кан, а затем НОДА Ёсихико – как последователи Хатояма по ДПЯ. При всех устремлениях продолжать дело своего предшественника, им приходилось вынужденно сталкиваться с рядом текущих политических и экономических осложнений – трения с Китаем, проблемы падения доллара и, соответственно, рост курса йены. Так, 15 октября 2010 г. Японии впервые за 6 лет пришлось прибегнуть к валютной интервенции во имя поддержания йены. Тем не менее, йена продолжает расти. Трудно дать гарантии – долго ли удастся удерживаться на посту и нынешнему премьеру. Немало забот доставила шумиха вокруг посещения Курил Президентом РФ Д.Медведевым в ноябре 2010. Очередной, небывалый шквал проблем породила ситуация с аварией на атомной электростанции в Фукусима 11 марта 2011. Это и новая волна «атомной аллергии», и «бытовые» сложности с вынужденной экономией электроэнергии (столь непривычная для современного пейзажа ряда японских городов «затемнённость»), и многое другое. Впрочем, складывается впечатление, что Япония сумеет достойно преодолеть и этот новый виток социально-экономических проблем.

* * *

Дальнейшие насыщенные проблемы современной Японии. Завершая обзор, следует остановиться на тенденциях, имеющих отношение не только к экономической и политической, но и к социальной сфере жизни Японии сегодня.

Уже несколько десятилетий за пределами Японии весьма популярен миф о японской системе менеджмента. Написан ряд монографий о её уникальности, ведущие западные фирмы пытаются внедрить у себя её аналоги. Условия пожизненного найма, ощутимый прирост заработной платы в соответствии с выслугой лет, привлечение всех сотрудников к повышению конкурентоспособности продукции (методом создания кружков качества), всемерное укрепление «чувства коллектива», планёрки с пением гимна фирмы и корпоративный «отдых» (в том числе ежевечерний)... Можно вспомнить и о том, как в своё время японцы активно привлекали опыт соответствующей деятельности в Советском Союзе — изучение стахановского движения, форм социалистического соревнования, внедрение в Японии 5-ти и 10-летних планов развития экономики... Однако, на протяжении по крайней мере последних двух десятилетий — Япония всё более отходит от этой системы, несмотря на почти повальное увлечение ею европейцев и американцев. Система пожизненного найма терпит крах. Рядовой японец не может быть уверен в постоянном месте работы, когда множество знакомых уже уволены. И эти проблемы начались значительно раньше столкновения с последним кризисом.

Однако, **экономика** Японии продолжает сохранять ряд специфических черт. Остаётся и мощная плановость (связанная с механизмами государственно-монополистического регулирования), и жёсткость (обусловленная опорой на этнопсихологические особенности японцев: коллективизм, патернализм, механизмы социа-

лизации, статусность, чувство долга и сыновняя почтительность). Японская экономика продолжает оставаться достаточно «закрытой» — даже при заявленной с начала 90-х годов в качестве лозунга интернационализации *кокусайка*. Проникновение на японский рынок продукции зарубежных производителей крайне затруднено. Приходится признать высокую технологичность производственной сферы, но уже не один десяток лет Япония отдаёт себе отчёт в слабости фундаментальных научных разработок в стране.

Социальная сфера также обременена тяжёлым грузом проблем. Очень заметными стали процессы старения японской нации — и на этом фоне возникла новая сложность, катастрофическое опустошение фондов пенсионного обеспечения. Ещё в 90-х годах японцы впервые заговорили о том, что общество впало в состояние «мирной дремоты» *хэйва-бокэ*, когда безмерная загрузка работой, размеренная спокойная и обеспеченная жизнь — стали вести к разрушению важнейших социальных связей в обществе, связей семейных. Превращение обеспеченных подростков в малолетних преступников, отрыв занятых на работе взрослых от собственных родителей и прочей родни (жизненный цикл японца обычно связан с перемещениями по стране, рано заставляя покидать родные края). Поражают и обнаружившиеся летом-осенью 2010 скандалы с многолетним получением пенсий давно умерших «старичков» их родственниками при замалчивании фактов смерти перед официальными инстанциями. Распад в послевоенный период большой патриархальной семьи был продолжен в 80-90-е резким

ростом числа нуклеарных семей (супруги и их дети) — при ослаблении регулярного тесного общения даже и в её рамках (родители всегда на работе, а дети — у репетитора). На детях это в разные годы сказывалось разными перекосами в развитии — от «теледетишек», не отрывавшихся от экрана телевизора до подростков, не ведающих ничего, кроме экрана компьютерного монитора. В настоящее время речь идёт даже о такой проблеме, как деформация больших пальцев рук¹ у подростков и детей ввиду повального увлечения перепиской на мобильных телефонах. Супружество без детей во имя высоких заработков — тоже устоявшаяся реальность (родители DINKs = Double Income No Kids). Приходится вспомнить и о более позднем заключении браков, равно как и об отказе от брака вообще во имя личного комфорта. Вполне уместно признать вопиющим ослабление традиций в рамках семьи — при суровом их внедрении и поддержании в рабочем коллективе. Личную жизнь японца всегда отличала закрытость, своего рода «духовный индивидуализм», что разными путями вело к погружению в собственный внутренний мир. Такие пути сегодня иногда помогают снять стресс обращением к искусству аранжировки цветов *икэбана*, чайной церемонии, каратэ, айкидо, гольфу и проч. Но порой приводят и к пополнению рядов бомжей *хōмурэсу* = *homeless*. Молодёжь, не

¹ Видимо, нереально остановится на всём многообразии процессов трансформации народа. Так, к примеру, перемены в структуре питания японцев после II мировой войны привели не только к изменениям в строении черепа среднестатистического японца, но и к проблемам других систем организма.

нашедшая стабильной работы до 30 лет — перебиваясь заработками «лишь бы еду хватило», также может часто восприниматься, как новое их пополнение. Японская статистика утверждает, что в стране резко выросло число «домашних затворников» *хики-комори*, не покидавших своё жилище на протяжении полугода и более (почти 700 тыс. чел. на осень 2010). Видимо, принятые в Японии жёсткие социальные рамки, в одних случаях имея высокий КПД и принося эффективность экономике и стабильному социуму — в других случаях наносят непоправимый урон, способствуя разрушению не только семьи (логичное продолжение — «и государства»), но и личности.

Сложившийся круг проблем экономической и социальной сфер неизбежно влечёт (на фоне затянувшейся стагнации вкупе с последовавшим кризисом) усугубление и проблем **функционирования политико-административных механизмов**. С укреплением на политической арене влияния Демократической партии Японии — навязчиво зазвучали высказывания о переходе страны от прежней «полупарламентарной системы» 1955 года к «двухпартийной системе». В действительности ситуация, видимо, значительно более сложна. Вполне возможно, что Япония всё глубже интегрируется в мировое сообщество: и не только на экономическом либо политическом уровне — а и на уровне социокультурном. Выстраивать далеко идущие прогнозы на основе предположений — занятие неоправданное. Важнее сохранить стремление держать руку на пульсе текущих изменений, понимать их связь с сохраняющими силу национальными

ми традициями и особенностями этнических стереотипов поведения — суметь оценить nasущные перспективы.

* * *

Изучение этапов развития и тенденций политико-экономической жизни современной Японии проиллюстрировано в трудах отечественных исследователей: Кистанова В.О., Молодяковой Э.В., Маркарьян С.Б., Мещерякова А.Н., Османова Е.М., Сенаторова А.И., Стрельцова Д.В., Цветовой И.А. и др. Тема широко освещена и у зарубежных авторов. Нельзя обойти стороной и множество научных, популярных статей и публикаций в прессе. Значительный пласт материалов может быть уточнён и выверен и благодаря наличию японской сети Интернет. Данные часто сильно различны по жанрам — от научных и аналитических исследований до политических и пропагандистских по стилистике сайтов. Если ориентироваться только на отечественных учёных — то круг соответствующих специалистов крайне узок. Тем не менее, направление остаётся остроактуальным и весьма злободневным — ввиду прямой связи с внешнеполитическим курсом Японии, её весомым экономическим потенциалом и значимыми позициями в мировой культуре. Хочется выразить надежду, что изложенный материал может подтолкнуть к исследованиям в данной области и, явиться новым стимулом для более основательных попыток упорядочения периодизации, изучения этапов развития Страны Восходящего Солнца на протяжении последнего столетия.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2009. С.236.
2. Журн. «Знакомьтесь — Япония».
3. Журн. «Japan Echo».
4. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония: От сёгуната Токугавы — в XXI век / Пер. с англ. Е.А.Красулина. М.: АСТ: Астрель, 2006. С.895.
5. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии: XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. С.528.
6. Османов Е.М. Учебное пособие по курсу «Государственный строй и политические партии современной Японии». СПб.: СПб госуниверситет, 2008. С.194.
7. Прасол А.Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2009. Изд.2-е, дополн. С.416.
8. Япония: Ежегодник, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1994-95, 1999-2000, 2000-2001, 2002-2003, 2004-2005, 2006, 2007, 2008, 2009.
9. Япония наших дней. №1, 2009. М.: ИДВ РАН, 2009. С.152.
10. Япония от А до Я — популярная иллюстрированная энциклопедия / Главн. ред. Перфильев В.О. М.: изд-во «Япония сегодня», 2000. С.640.
11. Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В.Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2007. С.308.

Хронопуло Л. Ю.
Восточный факультет СПбГУ

**Сказочный интертекст и аллюзии
в повести ОЦУ Ити «Исиномэ»**

Оцу Ити 乙一 (псевдоним, настоящее имя Адати Хиротака 安達寛高, родился в 1978 г. в префектуре Фукуока) – один из самых известных современных японских писателей. Он дебютировал в семнадцатилетнем возрасте повестью 夏と花火と私の死体 «*Нацу то ханаби то ватаси-но ситаи*» («Лето, фейерверк и мой труп»), которая была отмечена престижной литературной премией Jump Novel Grand Prix; молодой писатель становится популярным и с тех пор работает главным образом в жанре фэнтези; его произведения сочетают в себе сказочный сюжет с реалистичностью и глубоким психологизмом. После выхода в свет романа 暗いところで待ち合わせ «*Курай токоро-дэ матиавасэ*»¹ («Встреча в темноте», первое издание 2002 г.) Оцу Ити приобрёл также известность как мастер психологического детектива: роман об отношениях молодого человека, обвиняемого в убийстве, и слепой девушки, в доме которой он скрывается от полиции, полюбился читателям, был высоко оценен критиками и экранизирован в 2006 году.

В 1999 году была впервые опубликована повесть 石の目 «*Исиномэ*» (букв. «каменные глаза», Исиномэ – имя сказочного персонажа), которая позднее вышла в

¹ Оцу Ити. *Курай токоро-дэ матиавасэ 暗いところで待ち合わせ* («Встреча в темноте»). – Токио: Гэнтōся, 2002. – 262 с.

сборнике сказочных новелл¹. Главный герой этой повести, молодой школьный учитель рисования S, живущий и работающий в горной деревеньке, отправляется вместе со своим коллегой и другом на поиски останков матери. По рассказам отца и дяди, мать юноши – талантливый фотограф, но эгоистичная и своенравная карьеристка, около двадцати лет назад разлучённая с сыном и предположительно ушедшая в горы, чтобы совершить самоубийство. В этой местности уже несколько веков ходят леденящие душу легенды об Исиномэ – женщине, взглянув в глаза которой, превращаешься в камень. Несмотря на научно-технический прогресс и скептическое отношение к подобным поверьям в мире телефонов и телевизоров, жители горной местности с раннего детства готовятся к возможной встрече с Исиномэ, учась убегать от неё с закрытыми глазами.

Заблудившись в горах, молодые люди попадают в старый дом, где нет никаких признаков цивилизации. Учитель S, обнаружив, что дом окружён бесчисленным множеством статуй, столь похожих на живых людей, что искусство скульптора, казалось бы, не способно передать такого поразительного сходства, не сомневается, что оказался в жилище Исиномэ; друг же, учитель N, высмеивает его догадки. За две недели пребывания в её доме таинственная и, очевидно, пожилая женщина ни разу не позволяет молодым людям увидеть своего лица; она готовит друзьям еду и лекарственную мазь для раненного

¹ Оцу Ити. *Исиномэ 石の目* («Исиномэ») // В сб.: *平面いぬ Хэймэн ину* («Плоская собака»). – Токио: Сёэйся, 2003. – 345 с. С.9-84.

в горах учителя N, но главный герой сомневается в её добросердечности, подозревая, что «Исиномэ» лишь выжидает удобного момента, чтобы «пополнить свою коллекцию» статуй двумя новыми. После того как женщина, превратив в камень птичку, тем самым доказывает друзьям, что она Исиномэ, а учитель S находит в амбаре за её домом вещи, принадлежавшие его матери, учитель N ночью тайком пробирается в спальню хозяйки, чтобы проверить, хранит ли она в потайной шкатулке свои «человеческие» глаза, как о том повествуется во многих вариантах легенды об Исиномэ. Утром обнаружив окаменевшего друга перед комнатой женщины, парень требует отпустить его домой, но та наотрез отказывается указать путь из этого закодированного места, с утра до ночи окутанного туманом. Тогда учитель S решается на убийство; происходит борьба, в ходе которой юноша наносит женщине смертельную рану. Перед смертью хозяйка дома открывается перед ним: она не Исиномэ, а его мать, когда-то выгнанная из дома из-за того, что была увлечена фотографией больше, чем заботой о маленьком сыне. Лишённая родительских прав молодая мать, которой не позволено было встречаться с ребёнком, много лет назад ушла в горы и повстречала там настоящую Исиномэ; они подружились и вместе устроились от суетного мира. Однажды сфотографировав подругу фотоаппаратом «Поляроид», мать главного героя протянула ей фотографию; никто не подозревал, что взгляд Исиномэ не утрачивает своей смертоносной силы даже на изображениях, и удивительное существо обратило в камень само себя. После её смерти мать героя «продолжила дело» Исиномэ, показывая её фотографию всем,

кто приближался к этому дому, и такими убийствами оберегая себя от вторжения уже давно ставшего ей чуждым цивилизованного мира.

Все эти дни несчастная мать боялась признаться сыну, кто она такая, не без основания полагая, что сын уже внутренне примирился с её смертью и готов увидеть и признать мать лишь в виде жертвы Исиномэ – то есть каменной статуи, в которой навечно запечатлена красота незадачливого фотографа. Боясь предстать перед сыном старой и безобразной, женщина до последнего пыталась удержать своего уже выросшего ребёнка возле себя, притворяясь, что она Исиномэ, и ухаживая за ним, – таким образом компенсируя для себя то, чего она не дала ему когда-то в детстве, отдав предпочтение карьере. Примечательно, что мать не ошиблась в своих предположениях: сын, от лица которого и ведётся повествование, ни в глаза, ни за глаза никогда с той поры не назвал её матерью, ограничиваясь словом «она».

Учитель S, повинуясь последней просьбе матери, передаёт ей фотографию Исиномэ; женщина впервые смотрит на изумительно красивое лицо подруги и таким образом убивает себя. Из горящего дома молодой человек забирает с собой шкатулку с фотографией Исиномэ, превращённую с помощью фотографии в камень птичку и ногу своей окаменевшей матери. Каким-то чудом река выносит его на берег к родной деревне, и, выйдя из больницы, молодой человек мало-помалу лишается рассудка, проводя целые дни у реки в поисках утраченной во время спуска по ней каменной ноги матери; он планиру-

ет покончить с собой тем же способом, каким сделала это его мама.

Язык повести чрезвычайно красочен и богат, но при этом, что характерно, лишён всяких элементов разговорного языка – молодёжного сленга, жаргонизмов, заимствованных слов, даже модально-экспрессивных частиц; речь главной героини также насыщена разнообразными вежливыми формами затейливой куртуазности – Оцу Ити намеренно стилизовал язык «Исиномэ» под старину. Несмотря на слабую динамику сюжета, автор достигает напряжённости за счёт искусно передаваемого состояния героя, его сомнений, мучающих его переживаний, которые всё усиливаются в душе нерешительного и трусоватого молодого человека, а достигнув своего пика, приводят его к убийству.

Текст повести мы рассматриваем как интертекст, поскольку очевидно, что тексты многих сказок и сказочных повестей содержатся в нём в самых разных формах, на разных уровнях. Вряд ли можно просто свести интертекстуальность «Исиномэ» к проблеме влияния на творчество Оцу Ити мифов и сказок; коды и формулы, которыми наполнена повесть, могли быть даны автором не всегда осознанно, но попытка обнаружения их источников, безусловно, представляет интерес.

Уже на первых страницах повести, на которых излагается легенда об Исиномэ, мы обнаруживаем аллюзию на древнегреческий миф о Медузе Горгоне; в одной из встречающихся далее по тексту вариациях легенды, которые, по словам рассказчика, разные в каждой мест-

ности, мы также находим аллюзию на одну из версий известного мифа Древней Греции: красавица Медуза Горгона взывала к Афине о помощи, когда на неё напал Посейдон, но Афина не сжалась и превратила девушку в чудовище, чтобы более никто не захотел приблизиться к ней. Согласно одной из легенд, Исиномэ также озлобилась и стала чудовищем вследствие жестокого обращения, после того, как ей выкололи её настоящие, «человеческие» глаза.

Уродство Медузы – сродни «уродству» матери, которая, видя, что сын настроен встретить мать лишь в облике прекрасной статуи, вынуждена скрывать от него обезображенное старостью и страданиями лицо. Любопытно, что, согласно одной из версий легенды, Медуза Горгона не могла причинить вред женщине – только мужчине; и хотя Исиномэ своим смертоносным взглядом разила всех подряд, в повести упоминается, что превратить в камень мать учителя S ей не удалось. Почему это не получилось – остаётся загадкой, однако именно женщина оказалась единственной, кто смог уберечься от кодовской силы Исиномэ.

Оба чудовища жили столетиями, но всё же были смертны. Интересно, что и Медуза, и Исиномэ оставались опасными и после смерти: фотография Исиномэ, как и отрубленная голова Медузы, сохраняла способность обращать в камень.

Говоря уже не об аллюзии, представляющей отчётливый намёк на известный мифологический факт, а об интертексте, следует в первую очередь отметить такие

повороты сюжета, как: 1) поиск пропавшего родственника и обнаружение его у злого волшебника; 2) встреча с «холодным» персонажем, обращающим живое в лёд или камень; 3) насильственное удержание пришедшего; 4) нарушение запрета; 5) обнаружение уязвимого места «зла».

Пять отмеченных фактов, на наш взгляд, включают повесть «Исиномэ» в диалогическое взаимодействие сказочных текстов разных культур.

Первое, что следует рассмотреть, – это сюжет поиска пропавшего родственника и обнаружение его у злого волшебника. Оставляя в стороне многочисленные сказочные сюжеты похищения злым колдуном любимого человека главного героя (или героини), можно выделить ряд текстов, в которых ушедший был обижен, как и мать учителя S, и в этом состоянии обиды «перехвачен» «холодным» персонажем. Таковы, например, сказочные повести Г.Х.Андерсена «Ледяная Дева» и Е.Л.Шварца «Два брата»: в первой Ледяная Дева, взгляд которой был, как и у Исиномэ, «напоён смертью»¹, и которая тоже была «владычицей гор», захватывает главного героя после того, как возлюбленная дразнила его, заставляя испытывать ревность; злоевищий Прадедушка Мороз², также заставляющий всё живое застывать во льду, завладевает

¹ Г.Х.Андерсен. Ледяная Дева // Сказки и истории. Том 2. – Л.: Худож. лит., 1969. – 656 с. С.246-294. С.277.

² Е.Л.Шварц. Два брата // Волшебные краски: Сказки советских писателей / Сост. О.Романченко. – М.: Моск. рабочий, 1982. – 336 с. С.87-106.

Младшим после того, как Старший несправедливо прогоняет того из дома. Мать учителя S попадает в мир Исиномэ, далёкий от мира людей, именно после того, как муж и его родители, придерживающиеся патриархальных взглядов, не принимают её эмансипированную позицию и лишают родительских прав, выгнав из дома при попытке повидаться с сыном. «Холодность» в данном случае можно рассматривать как «окаменелость» чувств, отчуждение, невозможность переступить через непонимание и обиду, – поэтому «холодные» персонажи приобретают особую силу там, где холод царит в отношениях между людьми.

Говоря об обнаружении родственника у «холодного» персонажа, интересно отметить, что зло стремится удержать при себе жертву: так, например, Снежная Королева Г.Х.Андерсена удерживает при себе Кая, Прадедушка Мороз – младшего брата, которого он «добавил» в свою коллекцию ледяных скульптур (то же самое, по первоначальному предположению героя, которое опровергается только в конце повести, сделала Исиномэ – добавила мать в свой «музей»). Помимо того, и Снежная Королева, и Ледяная Дева, и Прадедушка Мороз до поры до времени уберігают свои жертвы от смертельного воздействия волшебных сил, как и Исиномэ, в действительности оказавшаяся матерью героя, – которая до последнего препятствовала столкновению молодых людей с фотографией настоящей Исиномэ.

Интересно проследить мотивацию удержания в такого рода сказочных повестях: как правило, причина кроется и в одиночестве «зла», и в желании «обучить».

Сын «Исиномэ» унаследовал талант матери к изобразительному искусству, и под конец жизни она надеялась воссоединиться с ним для того, чтобы узнать настоящую близость родственных душ. Одиночество и желание воспитать преемника толкают на такой же поступок и Прадедушку Мороза, и Снежную Королеву, которые, как и Исиномэ, признают, что мир людей им абсолютно чужд, но в то же время они не могут без него существовать. Мать учителя S, которую тот принимает за Исиномэ, как и другие «холодные» персонажи соответствующих сказочных повестей, ведёт себя властно и внушает повиновение; сам её повелительный голос, то размеренный и суровый, то хладнокровно-насмешливый, повергает в дрожь и подчиняет впечатлительного юношу. С удержанием мы встречаемся и в сказе П.П.Бажова «Медной горы Хозяйка» – о владычице гор, пытавшейся женить на себе молодого мастера, которому жизнь уже не была в радость после встречи с ней; он спасся, как и главный герой повести «Исиномэ», – но «невесёлый стал и здоровьем хезнул... так на глазах и таял» и умер, храня при себе полученную от Хозяйки шкатулку и каменные слёзы волшебницы; «худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало»¹.

Любопытство и желание проникнуть в суть колдовской силы, которые приводят к нарушению запрета, отличают героев многих японских сказок, типичный персонаж – муж, которому запрещено подглядывать за

¹ П.П.Бажов. Медной горы Хозяйка // Сочинения в трёх томах. Том 1. – М.: «Правда», 1976. – 350 с. С.51-59. С.59.

работой жены; нарушая запрет, он обнаруживает истинную сущность жены, как, например, в сказке «Журавлиные перья»¹. В повести «Исиномэ» этот мотив силён: учитель N, друг главного героя, с наступлением ночи проникает в спальню Исиномэ с целью обнаружить в заветной шкатулочке её уязвимое место – человеческие глаза; примечательно, что отрицательные персонажи сказок обыкновенно так и хранят то, что им особенно дорого (например, Кощей Бессмертный, про которого известно, что «в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла», отвечающая за жизнь Кощея). Как и в японском фольклоре, в повести «Исиномэ» с нарушением запрета «маска падает» и открывается истинное лицо «волшебника»; с обнаружением шкатулочки и сопутствующей этому факту гибелью учителя N, которая приводит учителя S в отчаяние и порождает мысли об убийстве, героиня вынуждена раскрыться: она – мать героя. И так же, как в японских сказках, между раскрывшим тайну и «раскрытым» ложится непреодолимая пропасть.

Общая преобладающая тональность повести «Исиномэ» – серые, тусклые цвета: густой туман, пасмурное небо, сырость, холод, серый цвет статуй и полумрак, обусловленный отсутствием электрического света в доме Исиномэ, – от всего веет унылостью и безнадежностью. Лучи солнца появляются впервые в конце повести вместе с проблесками надежды на спасение – но и тем не суждено сбыться: главный герой постепенно сходит с

¹ Журавлиные перья // Легенды и сказки Древней Японии. – СПб.: «Кристалл», 2000. – 511 с. С.84-87.

ума, что уводит его от персонажей сказочных историй к героям иным – литературы модернизма и постмодернизма. Неспособность учителя S действовать в соответствии со «сказочным» сценарием, проявив отвагу, храбрость, силу духа, сближает его со многими другими героями современной японской прозы, которых объединяет ощущение безысходности, одиночества, собственной ненужности и внутренней пустоты, потерянности в современном мире, отчуждения от общества. Героем произведений японских писателей на рубеже XX-XXI веков часто становится человек, смирившийся и покоровившийся своей участи, не умеющий преодолевать неудачи иначе как с помощью бегства от реальности или преступления. Главный герой повести Оцу Ити «Исиномэ», имевший неосторожность неоднократно заявить хозяйке дома о том, что он готов увидеть лишь молодую мать, красота которой «навсегда застыла в камне», отрезал себе путь к объяснению с ней; состарившаяся, но живая мать оказалась ему не нужна; вообразив себя спасителем, он решил избавить мир от чудовища и напал на «Исиномэ», в то время как ничто не мешало ему просто уйти. Учитель S не нашёл в себе силы принять реальность, далёкую от романтических представлений о загадочной красавице и гениальном фотографe, в плену которых он жил с самого детства; в итоге, как и мать, он теряет связь с действительностью, а вместе с ней и рассудок.

荒川好子、 Санкт・Петербург国立大学 日本学科
АРАКАВА Ёсико, Восточный факультет СПбГУ

震災後に求められたポピュラーソングの歌詞分析 Анализ текста японских песен, которые были популярны после землетрясения

2011 年、日本は震災に見舞われ、大きな被害を被った。そんな中、歌に勇気づけられたという人が多くおり、2011 年は「歌の力」がより注目された年だったのではないだろうか。毎年、年末に放映される歌番組「NHK 紅白歌合戦」は、関東地区平均視聴率 41.6%を記録し、2011 年の最高の視聴率の TV 番組となった¹。また、被災地の仙台や福島では、47%を超える視聴率を記録し、約半数の人が日本を代表する歌番組を見ていたことになる²。このような事実からも、日本の人々が歌をもとめていたことがわかる。

震災後、新聞や雑誌でも、ラジオ局に寄せられるリクエスト曲についての記事が多く見られた。被災地の仙台では、震災直後は音楽なしで、音楽を流したのは 2 日後の 13 日午前 9 時からだったという³。その後、エフエム仙台には震災直後 1 日 20 件程度だったリクエストが約 300~400 件と増えていると、震災後 12 日たった 3 月 24 日の記事で伝えられている⁴。しかし、その一方で、同じく仙台のラジオ局では、震災直後は安否確認や生

¹ 2012 年 1 月 3 日朝日新聞の WEB 記事 <http://www.asahi.com/showbiz/nikkan/NIK201201030007.html>

² 注 1 に同じ

³ 2011 年 3 月 24 日朝日新聞 WEB 記事 <http://www.asahi.com/showbiz/nikkan/NIK201103240041.html>

⁴ 注3に同じ

活情報が最優先されたため約2週間、音楽を流すことはなく、4月中旬までリスナーからのリクエストはほとんど寄せられない中、局でオンエア曲を選んだ、という報道もある¹。いずれにしても、はっきりとした統計データはないが、リスナーのリクエストによるオンエア、局側での選曲によるオンエア、どちらにしても、震災後、歌が求められていたことは確かだと言えよう。

では、どのような歌が求められていたのだろうか。4月8日の朝日新聞の記事では、3月11日に起こった東日本大震災の影響で、ラジオなどで流される音楽は、被災地を応援する内容のものが圧倒的に多くなっている、と報じている²。心理的なストレスを抱える子どもも多く、震災直後は、子どもたちのために「アンパンマンマーチ」などアニメソングが数多く流され、「上を向いて歩こう」(坂本九)「三百六十五歩のマーチ」(水前寺清子)などの旧譜から、「どんなくも」(槇原敬之)「YELL」(いきものがかり)「I believe」(絢香)「負けないで」(ZARD)「福笑い」(高橋優)「希望の轍」(サザンオールスターズ)「I Wish For You」(EXILE)などの前向きに生きることが歌詞に込められたリクエストが多かったようである³。宮城県石巻市のFM局「石巻コミュニティ放送」(ラジオ石巻)では、SMAPの「世界に一つだけの花」、ZARD「負けない

¹ 2011年4月21日読売新聞のWEB記事 <http://www.yomiuri.co.jp/feature/20110316-866918/news/20110421-OYT1T00382.htm>

² 2011年4月8日朝日新聞のWEB記事 <http://www.asahi.com/showbiz/nikkan/NIK201104080019.html> および

2011年5月7日スポーツ報知新聞のWEB記事 <http://hochi.yomiuri.co.jp/feature/entertainment/20070925-479958/news/20110507-OHT1T00106.htm>

³ 注6に同じ

で」、ウルフルズ「明日があるさ」などの前向きなヒットソングのリクエストが多かったと伝えられている¹。

一方で、ラジオを中心に被災者の心情を配慮し、海にまつわる歌が名曲でも歌詞やタイトルによってオンエアが控えられた²。歌詞に「海が割れるのよ」というフレーズが含まれる「珍島物語」(天童よしみ)をはじめ、「北の漁場」(北島三郎)「兄弟船」(鳥羽一郎)「みちのくひとり旅」(山本譲二)「港町ブルース」(森進一)などの演歌、J ポップでも「TSUNAMI」(サザンオールスターズ)は「波」「海」「別れ」など、震災の悲しみを増幅させるようなフレーズが含まれているからだろうと、報道されている³。

「歌は世につれ、世は歌につれ」と言われるように、歌は時代や社会を移す。それゆえ、日本のポピュラー音楽に関する研究は、社会心理学⁴、歴史学⁵、音楽産業論⁶、教育心理学⁷など様々な面から行われており、近年日本のポピュラー音楽に関する学術的関心はさらに高まっていると言える。特に、J ポップは、「若者にとって空気のようにどこにでもあり、かつ、なくては

¹ 注 5 に同じ

² 2011 年 4 月 15 日東京スポーツ新聞の WEB 記事 <http://www.tokyo-sports.co.jp/hamidashi.php?hid=13199>

³ 注 9 に同じ

⁴ 吉岡威史「日本型ポスト青年期の流行歌：『現実』隠蔽システムとしての励まし歌」(『同志社社会学研究学会』2005 年 73-90 p.)

⁵ 倉田喜弘『はやり歌の考古学』(文春新書、2001 年)

⁶ 烏賀陽弘道『J ポップの心象風景』(文春新書、2005 年 3 月)、烏賀陽弘道『ポップとは何か—巨大化する音楽産業』(岩波新書、2005 年 4 月)

⁷ 小泉恭子『音楽をまとう若者』(勁草書房、2007 年)

ならないサウンドケープ」¹になっており、「本を読まなくなった若者にとって、言語の作品として歌詞が持つ重みが相対的に増大している」²。見崎が同書で、繰り返し聴いている歌詞の言葉がサブリミナルのように彼ら(若者)の思考を規定している、というホラーな現状は十分あり得る、と危惧している。難波(2004)も、Jポップが若者たちの潜在意識に働きかける力(サブリミナル効果)をもつことを認め(難波 2004 47)、若者たちの行動や言動の規範となりうる言説を読み解こうとしている。彼は、歌詞の物語の中の主人公が用いる語彙に焦点をあて、歌手の歌い方や生い立ちなどから切り離し J ポップの歌詞を分析している。難波(2004)によると、演歌では「男は強く、女は弱く」という言説が通常であるのに対し、J ポップでは社会の変化を反映し、恋愛の定型が見つからずどうしていいかわからないという若者の姿が現れているという³。ならば、震災後、既存の歌にリクエストが多く集まったということ、人々がそれらの歌を求めたということは、そこに人々が共感するメッセージが込められているということだろう。

本稿では、震災後に人々に求められた歌の歌詞の語彙に注目し、そこから、ラジオのリスナーやラジオ局の担当者たちが歌を通じて伝えたかったメッセージを読み解き、その概念(concept)を見出すことをねらいとする。

分析資料として、震災後の新聞雑誌の記事の中でリクエストの多かった曲・反響の多かった曲・オンエア回数が多かった曲とし

¹ 見崎鉄『Jポップの日本語～歌詞論』(彩流社、2002年12P.)

² 同上13P.

³ 難波江和英『恋する J ポッパー 平成における恋愛のディスコース』(冬弓舎、2004)

て記事に名前が挙がっていたもの 29 曲の歌(1961 年～2011 年)の歌詞を用いた。本稿で分析資料として取り上げた歌の歌詞は、内容が前向きな歌で元気が出る歌とっていいだろう。その中には、被災地出身の歌手の歌(分析資料番号 4. 26. 28. 29)、東北地方土地名の入った歌(資料番号 28)もあり、それは被災地とのつながりを意識する歌である。本稿では震災前からすでにリスナーになじみのあった歌を用いることにするため、この 29 曲の中から震災後にリリースされた 28 番「I love you & I need you ふくしま」(2011 年 3 月)と 29 番「雲の遙か」(2011 年 4 月)は歌詞分析から除くこととする。

《幸せ》

震災後求められた歌の歌詞には、幸せ、喜び、夢、希望という語が多く見受けられる。そして、この語彙場《幸せ》は、含有語彙のメタファーによりさらにその場を広げている。歌詞の中で、希望は光輝くもの(光・虹・明かり)と認知される。

あなたはいつも 新しい / 希望の虹を だいている 「三百六十五歩のマーチ」1968 年
 あなたを照らす光を / 希望という名の光を 「希望という名の光」2010 年
 明日に向かって輝くこの夢ずっと追いかける 「Believe」2009 年
 そう簡単じゃないからこそ夢はこんなに輝くんだと「あとひとつ」2010 年
 なくしかけた光君が思い出させてくれた「あとひとつ」2010 年
 Hey 和絶えない微笑み / Hey 和喜びの唄を / 消せない明かり灯し続けてゆく「Hey 和」

2011 年 1 月

あなたを照らす光を / 希望という名の光を 「希望という名の光」2010 年
 明日に向かって輝くこの夢ずっと追いかける 「Believe」2009 年
 そう簡単じゃないからこそ夢はこんなに輝くんだと「あとひとつ」2010 年
 なくしかけた光君が思い出させてくれた「あとひとつ」2010 年
 Hey 和絶えない微笑み / Hey 和喜びの唄を / 消せない明かり灯し続けてゆく「Hey 和」

2011 年 1 月

幸せや喜びの感情を誰にでも(言語を異にするものにも)わかるように視覚化するものとして笑顔や微笑みもこの語彙場に含む。歌の中では笑顔や微笑みも明るく輝くものである。

きっとこの世界の共通言語は英語じゃなくて笑顔だと思う「福笑い」2011年2月
あなたの笑顔は誰よりも輝き／くもり空まで晴れにになってしまう「みんな空の下」2009年

そして、それは手の届かない上方(=空)にあるものであるが、しかし同時に手の中にあるもの、または手で掴みえるもの、形のあるものである。

幸せは 雲の上に／幸せは 空の上に「上を向いて歩こう」1961年
頭上に悠然とはためく漠然とした夢を掲げ「Believe」2009年
いつの日か 幸せを／自分の腕でつかむよう「大空と大地の中で」1977年
繰り返すまま重ねた日々になくした夢も取り戻すから／
嘘偽りの世界はいらないこの手でつかめる「Believe」2009年
夢を乗せて走る車道「希望の轍」1990年

だから、雲の切れ間から差し込む光(「Hey和」2011年1月)
を求めて歌の語り手は空を見上げ、手を伸ばす。

上を向いて歩う／涙がこぼれないように／思い出す 春の日／
一人ぼっちの夜「上を向いて歩こう」1961年
夜明ける頃 空見れば 輝いていた It's a brand new world /
夢で見た 星一つ 見つめてる「Believe」2009年
見上げた夜空に 君を想うよ「Hey和」2011年1月
何度でもこの両手をあの空へ「あとひとつ」2010年

光や虹といった明るいものとして概念化される幸せや希望は、さらに朝・明日・未来へと移行する。

それでもきっと明日の朝には新しい世界待っているから「この歌を…」2007年
悲しまないでその手の中は未来があふれている「この歌を…」2007年

さらに語彙場《幸せ》は容器のメタファーを介し、扉・窓のある空間(=容器)となる。そして、そこは憎しみが入る隙間もないくらい《幸せ》に満たされた空間なのである。

しあわせの扉はせまい／だからしゃがんで通るのね「三百六十五歩のマーチ」1968年
孤独じゃ重い扉も／共に立ち上がればまた動き始める「Story」2005年
明日の扉開けたならば夢が走り出す「この歌を…」2007年
窓を開ければ明日の空も晴れるはず「きっと大丈夫」2006年
憎しみが入る隙もないくらい笑い声が響く世界ならいいのに「福笑い」2011年2月

《不安》

語彙場《幸せ》を対照する語彙場を《不安》とする。分析資料の歌詞の中には、幸せの対義語である「不幸」という語は見当たらない。つまり、当該資料の歌の中で語り手または聞き手は不幸せではなく、幸せへの通過点(後述《道》参照)に位置し、不安を抱えている状態なのである。この語彙場の主なものは、**不安・困難・つらい・苦しい・悔しい**という語である。この不安な気持ちは、メタファーによってさまざまに語彙場を拡張する。気持ちの身体的な表れとして、**涙・ため息・痛み**。光輝く《幸せ》と対称的な**眠れない夜・暗がり・闇・曇り空**。不安を呼び起こす**困難**をメタファーで表した**北風・強い風・冷たい雨・壁**。

この胸の中に隠れてる **不安**のうず / 目の前にある 自分の進むべき /

道はどれか「I believe」2006年

どんなに**困難**でくじけそうでも / 信じることを決してやめないで 「愛は勝つ」1990年

生きる事が**つらい**とか / **苦しい**だとかいう前に 「大空と大地の中で」1977年

悔しくて苦しくて / がんばってもどうしようもない時も 「何度でも」2005年

泣きやんで / 用意が出来たら返事を その**不安**と**涙**は返上 「この歌を…」2007年

どんなに強がっても / **ため息**くらいする時もある 「Story」2005年

私のこの両手で 何ができるの? / **痛み**に触れさせて そっと目を閉じて 「Jupitaer」2008年

けんかしたり 上手くいかなかったり **眠れない夜**が続いてる 「この歌を…」2007年

僕らはなぜ 答えを焦って 宛ての無い**暗がり**に 自己(じぶん)を探すのだろう 「YELL」2009年

底知れぬ**闇**の中から / かすかな光のきざし 「希望という名の光」2010年

あなたの笑顔は誰よりも輝き / **くもり空**まで晴れにしよう 「みんな空の下」2009年

ふきすさぶ**北風**に / とばされぬよう とばぬよう 「大空と大地の中で」1977年

強い風の吹く日でも いつも僕が そばにいるよ /

冷たい雨の夜でも 怖がらないで 一人じゃないから 「この歌を…」2007年

たとえどんなに**壁**にぶつかっても / その度に乗り越え いつでも Sing a Ling a Ling

「この歌を…」2007年

震災後人々が求めリクエストした歌は不幸や不安をテーマにしたものではなかった。しかし、語彙場《不安》は、語彙場《幸せ》の概念化を対照するものとして、概念(concept)の構成部分である。本稿の資料では、《不安》が**孤独**に起因する物語が多い(**孤独・ひとり・一人ぼっち・遠く・離れる**)。

愛を学ぶために 孤独があるなら / 意味のないことなど 起こりたくない「Jupitaer, 2008 年
ひとりで泣いてた日々も“今”につながって / 大きな花を咲かそうとする

「みんな空の下」2009 年

翼はあるのに 飛べずにいるんだ ひとりになるのが 恐くてつらくて「YELL」2009 年
上を向いて歩う / 涙がこぼれないように / 思い出す 春の日 / 一人ぼっちの夜

「上を向いて歩こう」1961 年

今は遠くに離れてる それでも生きていればいつかは逢える 「それが大事」1991 年

語彙場《不安》のこの孤独が、語彙場《幸せ》の絆を
浮かび上がらせる。歌の語り手または聞き手は、一人じゃない
と思えることで勇気をもつ。この絆が歌の中の語彙場《幸せ》
にさらに語を引き寄せる。一人じゃない・ぬくもり・そば・一緒に・
共に・同じ・みんな・友・ともだち・ひとつになる・つながる・つなぐ・め
ぐり逢う・通じ合う・認め合い許し合う・受け入れて結び合う。

体中に感じる温もり / どこにいたって一人じゃないんだ「Hey和」2011 年 1 月

一人じゃないから / キミが私を守るから「Story」2005 年

どんなに離れてても / 心はそばにいるわ「負けないで」1993 年

今私が笑えるのは / 一緒に泣いてくれたキミがいたから「Story」2005 年

孤独じゃ重い扉も / 共に立ち上がればまた動き始める「Story」2005 年

そんな時 同じ目をした君に出会ったんだ「あとひとつ」2010 年

それだけがこの世界の全てで / どこかで同じように願う人の全て「福笑い」2011 年 2 月

同じ空の下 願う人がいる / 明日もあなたが笑ってられますようって

「みんな空の下」2009 年

そうだ おそれないで みんなのために / あいと ゆうき だけがともだちさ

「アンパンマンのマーチ」1988 年

何も怖くないひとりじゃないよ / みんな空の下「みんな空の下」2009

忘れないでほしいひとつになれた友とこの歌を「この歌を…」2007 年

ひとりじゃない / 深い胸の奥で つながってる「Jupitaer」2008 年

サヨナラは悲しい言葉じゃないそれぞれの夢へと僕らを繋ぐYELL /

いつかまためぐり逢うそのときまで忘れはしない誇りよ 友よ 空へ /

僕らが分かち合う言葉がある ところから ところへ 声を繋ぐYELL「YELL」2009 年

理屈ではないところで僕ら 通じ合える力を持つてるハズ「福笑い」2011 年 2 月

一人じゃ誰も生きられないんだ / 認め合い許し合えたら「HAMO」2011 年 2 月

一つじゃ何も生み出せないんだ / 受け入れて結び合えたら「HAMO」2011 年 2 月

そして、絆を確認するために歌の語り手は名前を呼び、お互いを手の感触や視覚で確認し合う(重ねた手と手・視線がぶつかる・見つめる瞳)。

何度でも何度でも何度でも / 立ち上がり呼ぶよ / きみの名前 声が濡れるまで

「何度でも」2005年

重ねた手と手を かけがえのない日々 / 愛しい... 「Hey和」2011年1月

ふとした瞬間に 視線がぶつかる / (...) どんなに離れてても / 心はそばにいるわ /

感じてね見つめる瞳 「負けないで」1993年

上記の語彙場《不安》の語一人+否定=一人じゃないというパターンは、語彙場《不安》の他の語でも見受けられる。たとえば、心配ない・恐くない・負けない・投げ出さない・逃げ出さない・あきらめない・おそれない・泣かないである。

心配ないからね 君の想いが / 誰かにとどく明日がきっとある 「愛は勝つ」1990年

一人じゃないから / キミが私を守るから / 強くなれる もう何も恐くないヨ... 「Story」2005年

負けないこと 投げ出さないこと 逃げ出さないこと 信じ抜くこと 「それが大事」1991年

僕は信じてるから 君もあきらめないでいて 「あとひとつ」2010年

負けないでもう少し / 最後まで走り抜けて 「負けないで」1993年

そうだ おそれないで みんなのために 「アンパンマンのマーチ」1988年

だからどうぞ泣かないで / (...) どうぞ忘れないで 「希望という名の光」2010年

27 曲の歌を聞くと、励まされているような、元気が出てくるような気がする。それは語彙場の語のせいだけだろうか。選曲した歌の歌詞には、述語の活用形・述語付加形式による①<行為要求>および②<意思>のモダリティが多く見られる。<行為要求>のモダリティでは、歌の語り手(=主体)が聞き手であるリスナーに「歩け・いけ・眠らせるな・あきらめんな・いて・抱きしめて・あきらめないで・負けないで・歩こう・信じよう」と直接働きかける。また<意思>のモダリティではリスナーが歌の物語の中に入り込み、リスナーが声に出してまたは心の中で歌詞を口ずさむことで、物語の語り手(=主体)になり代わり、間接的にリスナーに「歩こう・行こう・踏み出そう」と共同の行為要求

う語が多用されており、**旅・行き先・ゴール・一步・足跡**などや上記の動詞と語彙場を形成している。

一日**一步** 三日で**三步** / **三步**進んで **二歩**さがる「**三百六十五歩のマーチ**」1968年
走り出したらまた別々の**道**を行くけど「この歌を…」2007年
約束したんだひとりひとりひとつひとつ**道**を選んだ「YELL」2009年

歌の物語の中では、**道は、長く、果てしない。たいてい徒歩で、一步一步歩かか走るかする道だが、爽快に通過できる車道**であることもある。

千里の**道**も **一步**から / はじまることを 信じよう「**三百六十五歩のマーチ**」1968年
この風はまぶしく / この**道**は果てない「**明日へのマーチ**」1994年
負けないでもう少し / 最後まで **走り抜けて**「負けないで」1993年
夢を乗せて走る**車道** / 明日への旅 / (...)風の詩(うた)よ黄昏(たそがれ)よためらいの**道**
「希望の轍」1990年

そして、**道**はたいてい語り手や聞き手の前に**伸びているが、その先が見えず、語り手や聞き手の《不安》の要因となる。そのため、この語彙場には回り道や坂道という障害として表現されることもある。**

目の前**にある** 自分の進むべき / **道はどれか**「I believe」2006年
どこまでも**続いてゆく道**で / (...)この**道の先はまだまだ見えず**「Believe」2009年
回り道もたまにはわるくない! / そんなことで 悩んでナイナイ!「きっと大丈夫」2006年
あとひとつの**坂道**をひとつだけの夜を 越えられたなら 笑える日がくるって
「あとひとつ」2010年

歌の物語の語り手は、**擦り切れたブーツ履いて新しい旅に出る。**では、いったいどこを目指して進むのか。

擦り切れたブーツ履いて / **新しい旅に出る**「**明日へのマーチ**」1994年
しあわせは歩いてこない / だから**歩いてゆく**んだね「**三百六十五歩のマーチ**」1968年
歩き出そう **明日の日に** / ふり返るにはまだ若い「**大空と大地の中で**」1977年
(バイバイ)この景色心に焼き付けて **明日へ踏み出そう!**「きっと大丈夫」2006年
ありのままの弱さと向き合う強さをつかみ 僕ら 初めて **明日へと 駆ける**
「YELL」(2009年)
ともに過ごした日々を胸に抱いて **飛び立つ**よ 独りで **未来(つぎ)の空へ**
「YELL」(2009年)

どこまでも続いてゆく道で / **明日に向かって輝くこの夢ずっと追いかける /**
声からして **進んでゆく**「Believe」2009年

「believe myself **あたたかい光**は / まちがっちゃいけない **歩いて行こう**」「believe」2006年
人は時に暗闇に迷い / **一筋の光**を求め / 悲しみを胸に秘めて **歩いてゆく**

「HAMO」(2011年2月)

語り手たちは、**幸せ**を求めて前に進む。目指す先は、**明日・未来(つぎ)の空・明日**に向かって**輝く夢・あたたかい光・一筋の光**であると、上記の例で明らかになった。これらの語は、語彙場《**幸せ**》の中に含まれる語、さらにそのメタファーである。しかしその一方で、語り手や聞き手はどこに進んでいるのか、何のために進んでいるのかわからなくなるときがある。歌の語り手たちは、**人生の道**を前に進むために、**命**や**生まれてきた意味**について考える。

しあわせの隣にいても / **わからない日**もあるんだね 「三百六十五歩のマーチ」1968年

どれくらい頑張ればいい? わからない日が続いてる 「この歌を…」2007年

なんのために生まれてなにをしていきるのか / こたえられないなんてそんなのはいやだ!

「アンパンマンのマーチ」1988年

愛を学ぶために孤独があるなら / **意味のないこと**など起ころはしない「Jupitaer」2008年

この胸に愛をそれぞれの愛を / **生まれてきた意味**を確かめて「Bileave」2009年

一つ一つの**命**の中に / 耳を澄ませば 聴こえてくるだろう /

気付かずいた**生命**(いのち)の声を「Hey和」2011年1月

そして、語り手たちは、**人生の道**を進むために、信じ抜くことが大事で、信じることで何かが始まったり、何か(=福¹)が来たりすると信じている。

どんなに困難でくじけそうでも / **信じる**ことさ 必ず最後に**愛は勝つ**「愛は勝つ」1990年

負けないこと 投げ出さないこと 逃げ出さないこと **信じ抜く**こと /

ダメになりそうなときそれが一番大事 /

(...)ここにはないものを **信じれるかどうか**にある 「それが大事」 1991年

千里の道も 一歩から / **はじまる**ことを **信じよう** 「三百六十五歩のマーチ」1968年

believe myself **信じる**ことで / **全てが始まる**気がするの 「I believe」2006年

何も恐くないさ 広がる可能性 **自分信じて** 「この歌を…」2007年

夢を失うよりも 悲しいことは / **自分を信じて** あげられないこと 「Jupitaer」2008年

¹ ことわざ『笑う門には福来る』『いつもここにこしては笑いが満ちている人の家には自然に福運がめぐって来る』(広辞苑)

あと一粒の涙でひと言の勇気で願いがかなう**その時が来る**って /

僕は**信じて**るから 君もあきらめないでいて 「あとひとつ」2010年
笑う門に訪れる何かを 愚直に**信じて**生きていいと思う 「福笑い」2011年2月

26 曲中 2 曲の歌の名前に「マーチ」とある(「三百六十五歩のマーチ」1968年、「明日へのマーチ」1994年)。マーチとは言うまでもなく行進曲のことで、**人生の道**を前に進むため、何かを始めるための、リズムや力を与えるための行進曲と理解できよう。

そしていつか誰かを愛し / その人を守れる**強さ**を / 自分の**力**に変えて行けるように

「どんなときも。」1991年

涙流さないどんなに辛くても / 誰にも負けない**強さ**持ってるのは /

まわりを悲しませないあなたの優しさ「みんな空の下」2009年
ありのままの弱さと向き合う**強さ**をつかみ僕ら初めて明日へと駆ける /

サヨナラを誰かに告げるたびに僕らまた変わる**強くなれる**かな「YELL」2009年
きみを呼ぶ声 **力**にしていくよ 何度も「何度でも」2005年

野に育つ花ならば **力**の限り生きてやれ「大空と大地の中で」1977年

しかし、選曲した歌の物語でもう一つ注目すべきは、物語の中では道は語り手や聞き手の前に伸び、時間は未来へ進むにも関わらず、語り手たちは、前に進んでも、**景色**や**思い**や**傷つき**ながら**進んだ日々**を忘れるなど聞き手に働きかける(忘れない・焼き付ける・胸に刻む・刻み込む)ことである。

いつかまためぐり逢うそのときまで **忘れ**はしない誇りよ 友よ 空へ

(バイバイ) この**景色**心に**焼き付け**て 明日へ踏み出そう! 「きっと大丈夫」2006年

忘れないでほしいこの時の**思い**を / **忘れない**でほしいひとつになれた**友**とこの**歌**を

「この歌を…」2007年

笑い合ったあの日も 唄い合ったあの日も / **強く深く胸に刻まれて**いく 「YELL」2009年

傷つきながら進んだ日々に見つけた**光** **刻み込む**から 「Believe」2009年

どうぞ**忘れない**で / 移ろう時代(とき)の中から / あなたを照らし続ける /

希望という名の**光**を 「希望という名の光」2010年

あの日の**景色** **忘れない** 「あとひとつ」2010年

癒えることなく**残る傷跡** / 決して**忘れ**ずに僕ら生きる「Hey和」2011年1月

最後に、愛という語について触れる。ポピュラーソングには、異性愛を歌ったものが多い。本稿の分析資料にも愛・恋という

語が見受けられた。ここで意味する愛とは、男女の恋愛についてだけでなく、人間愛や自然愛の意味が込められているのではないだろうか。そして、震災後に求められたポピュラーソング 26 曲の歌詞の中に込められたメッセージは、この「愛」ということだったのかもしれない。そして、この「愛」を概念 (concept) とすることで、語彙場《幸せ》《不安》《道》が包括される。

愛がすべてさ / いまこそ誓うよ / 愛をこめて / 強く強く 「ff(フォルティシモ)」1985 年
どんなに困難でくじけそうでも / 信じることさ 必ず最後に愛は勝つ「愛は勝つ」1990 年
私たちは誰も ひとりじゃない / ありのままずっと愛されてる「Jupitaer」2008 年
無限に広がってゆく 愛に触れたい「Bileave」2009 年
傷付いた心には / 愛という名の絆を 「希望という名の光」2010 年
いつでも君の為に I wish / 幸せを願う事こそが愛 「I Wish For You」2010 年
風よ 海よ 広がる空 続く大地 / 母なる地球に 今日抱かれて生きる /
太陽月の引力に揺れて導かれて / 育み命は宿る そして愛を知る「HAMO」(2011 年 2 月)

2011 年、日本は地震や津波といった自然の驚異により災害を被った。自然は恐ろしいものである。しかし、人々が求めた歌の中の自然は、母のように、人々を胸に抱き、導き、育み、命を宿し、愛を知らしめるものであった。

果てしない大空と広い大地のその中で / いつの日か幸せを自分の腕でつかむよう
「大空と大地の中で」1977 年
ひとりじゃない / この宇宙(そら)の御胸(みむね)に抱かれて「Jupitaer」(2008 年)
Hey 和 咲く花のように / Hey 和 大地は色付く / 捨てない 希望 守り続けてゆく
「Hey 和」2011 年 1 月
風よ 海よ 広がる空 続く大地 / 母なる地球に 今日抱かれて生きる /
太陽月の引力に揺れて導かれて / 育み命は宿る そして愛を知る
「HAMO」(2011 年 2 月)

本稿では、震災後求められたポピュラーソングの歌詞を分析し、そこに視覚化される語彙を通し、語彙場とそこから再構築される概念 (concept) を読み取ることを試みた。分析した歌詞を構成する語彙で形成される語彙場には、《幸せ》《不安》《道》があることがわかった。そしてリスナーに伝えたかった、またはリスナーが伝えたかった概念 (concept) は「愛」だと結んだ。

本稿では、1961年から2011年までのヒットした時期の異なる27曲の歌の歌詞を分析した。J ポップの先行研究では、社会の変化を反映するものとして時代軸に合わせた歌詞の読み取りや社会の中の主体としての歌手の生い立ちに照らし合わせた批評が主だが、震災後求められた歌の歌詞には、ヒットした年代に関係なく共通の語彙の傾向があることがわかった。今回取り上げた歌は1990年代以前のものもあったため、J ポップに特有とされる強制的な読み方の変更¹や文字の使い方²や文法的逸脱³にはふれなかった。しかし、これらは選曲した29曲の歌の歌詞の中にも多くあり、先に触れた見崎(2002)の記述の中にもあるように、活字離れが危惧される現在において、歌は、聴覚だけでなく視覚でも共感できる文化だと言えよう。

最後に、犠牲者の方々のご冥福をお祈りし、被災者の方々にロシアの仲間とともにエールを送りたい。

=== 分析資料曲名 ===

1)坂本九「上を向いて歩こう」1961年 2)水前寺清子「三百六十五歩のマーチ」1968年 3)松山千春「大空と大地の中で」1977年 4)ハウンドドッグ「ff(フォルティシモ)」1985年 5)ドリミング「アンパンマンのマーチ」1988年 6)サザンオールスターズ「希望の轍」1990年 7)KAN「愛は勝つ」1990年 8)大事 MAN プラザーズバント「それが大事」1991年 9)槇原敬之「どんなときも。」1991年 10)ZARD「負けないで」1993年 11)福山雅治「明日へのマーチ」1994年 12)SMAP「世界で一つだけの花」2003年 13)AI「Story」2005年

¹ 井上リミツ『Jポップな日本語』(主婦の友社、2010)

² 秋月高太郎『日本語ヴィジュアル系ーあたらしいにほんごのかきかた』(角川グループパブリッシング、2009年)

³ 野田春美「歌詞における文法逸脱」(『園田語文 10』1996, 83-80 p.)

14) DREAMS COME TRUE「何度でも」2005年 15) 嵐「きっと大丈夫」2006年 16) 絢香「I believe」2006年 17) K×ET-KING「この歌を・・・」2007年 18) 平原綾香「Jupitaer」2008年 19) 絢香「みんな空の下」2009年 20) 嵐「Believe」2009年 21) いきものがかり「YELL」2009年 22) 山下達郎「希望という名の光」2010年 23) EXILE「I Wish For You」2010年 24) FUNKY MONKEY BABYS「あとひとつ」2010年 25) ゆず「Hey 和」2011年 1月 26) 高橋優「福笑い」2011年 2月 27) ゆず「HAMO」2011年 2月 28) 猪苗代湖ス「I love you & I need you ふくしま」2011年 3月 29) 熊谷育美「雲の遥か」2011年 4月

安元隆子、日本大学 国際関係学部
ЯСУМОТО Такако, ун-т Нихон-дайгаку,
ф-т Международных отношений

「さくら」と日本人 ～J-POP から読む現代人にとっての「さくら」～

1. はじめに

「敷島の大和心を人間はば朝日に匂ふ山桜花」(本居宣長の歌¹)を代表として、「さくら」は日本人の精神を象徴する花として長く認められ、古くから文学の世界にも多く取り挙げられてきた。しかし、「さくら」を介して見る日本人の精神は時代と共に変貌を遂げている。これまで「花」と言えば「さくら」と詠われ、「美しく咲き誇ったさくら」の姿が愛されると共に、「散るさくら」の美が詠われてきた。近代以降、「病めるさくら」、「死のイメージと重ねられたさくら」など、様々なさくらが表現されるようになるが、この「散る花の美学」に基づくさくらが表現される時代が長く続いてきたことは事実である。その傾向は現代でも消えてはいないのだが、最近の「J-POP」²と呼ばれる音楽に付された歌詞を見てみると、「散る花の美学」に留まらない、「さくら」に寄せる日本人の新しい美意識が垣間見える。本論では、この J-POP から読む現代人にとっての「さくら」について考察してみたい。そして、現代日本人の精神の一端を「さくら」を介して明らかにしてゆきたい。

2. 日本人とさくら

古来、日本人にとって「さくら」は生活と密接に結びついた花であった。農民たちにとって、さくらの花の開花は山の神が

¹ 『本居宣長全集』(筑摩書房、1993年)

² 1988年 FM ラジオ局の J-WAVE によって作られた言葉。日本のポピュラー音楽の意味。

里に降臨したことを意味し、さくらの花の開花状況は一年の作物の吉凶を占うものでもあった。

但し、唐代の文化を模範として仰いだ奈良時代は、花と言えば「梅」であったことは周知の事実であろう。奈良時代の貴族たちにとって、唐代の中国の詩文に詠われた外来植物の「梅」はエキゾチシズムを感じさせるものでもあったはずだ。『万葉集』には 166 種の植物が歌われているが、最も頻度が高いものは「萩」であり(138 首)、次が「梅」(118 首)、「さくら」は3位である(42 首)。

「ただ花といひて桜のことにするは、古今集のころまでは、聞こえぬ事なり」—これは本居宣長の『玉勝間』の一節¹であるが、この言葉が示すように、平安中期以降、日本人にとっての「花」は「さくら」になった。『伊勢物語』には、「いま狩する交野の渚の家、その院の桜ことにおもしろし。その木のもとにおりみて、枝を折りてかざしにさして、かみなかしもみな歌よみけり。」とさくらを愛でる姿が描かれている²。

世の中に絶えてさくらのなかりせば春の心はのどけからまし
これはその時、在原業平が詠んだ歌であるが、彼の同行者は、
散ればこそいとどさくらはめでたけれ浮き世になにか久しかるべき

とあるように、散るさくらを詠んでいる。そして、貴族たちは山桜を邸内に植樹し、さくらの花を楽しんだ。こうした王朝貴族の心性を代表するのは紀友則の次の歌であろう。

久方のひかりのどけき春の日にしづこころなく花の散るらむ³

¹ 本居宣長『玉勝間』「歌の道 さくら花」(『本居宣長全集』注 1 に同じ)

² 『伊勢物語』「渚の院」(『日本古典文学大系』岩波書店、1982 年)

³ 『古今集』(『日本古典文学大系』岩波書店、1958 年)

また、さくらの魅力に取りつかれた代表的な歌人には、「ねがはくは花の下にて春死なむそのきさらぎの望月のころ」と¹詠んだ西行がいる。

ただ、一方で、さくらの花の下には多くの一般庶民が集い、にぎやかに宴を開いていたことも事実である。江戸時代には、徳川吉宗が狩りによって狩り場の周辺の農民に迷惑を掛けるその慰謝として、狩り場にさくらの樹を植え、それが群桜となり、現在の花見の名所につながっていることを 白幡洋三郎氏²は明らかにしている。

そして、江戸時代は「さくら」に大きな変化が訪れた時でもある。花はさくら、桜は、山桜の、葉赤くてりて、ほそきが、まばらにまじりて、花しげく咲きたるは、またたくふべき物もなく、うき世のものとも思はれず。(『玉勝間』)³

と称賛された「山桜」から、オオシマザクラとエドヒガンが 掛けあわされて、若芽の出る前に開花し、生育が早く見栄えのする「ソメイヨシノ」という品種が 1850 年あたりから流行した。この「ソメイヨシノ」の出現が、爛漫のさくらの花と共にその花びらが散る美しさをさらに強く印象付けるようになった、と言えるだろう。

枝を伸ばし、霞か薄雲のように淡く薄紅色に広がるさくらの花の様子は、「さくらさくら」という日本の古謡に表されている。この歌は、幕末に江戸で子供のための事の手ほどきのために作曲されたものに、明治以降、現在歌われている歌詞が付けられたようだ。歌詞には二通りある。

¹ 『山家習』(『日本古典文学大系』 岩波書店、1961 年)

² 『花見と桜』(PHP、2000 年)

³ 『玉勝間』「花のさだめ」(『本居宣長全集』注 1 に同じ)

さくら さくら / やよいの空は / 見わたす限り / かすみか雲か / 匂いぞ出する / いざや
いざや / 見にゆかん
さくら さくら / 野山も里も / 見わたす限り / かすみか雲か / 朝日ににおう / さくら さくら
/ 花ざかり

いずれにしても、満開のさくらの花の美しさをうたっていることに変わりない。

一方、「ソメイヨシノ」の出現は、こうした満開のさくらの花とともに、さくらの散る美しさを一層印象深いものにしたと考えられる。それは、さくらに「死」のイメージを付加した。換言すれば、「さくら」を生命の象徴と見る傾向が生まれたのである¹。さくらの花の散り際の美しさは、歌舞伎『仮名手本忠臣蔵』の「浅野守匠頭」の切腹の場にも演出として用いられ、潔い武士の死のイメージと結び付けられてゆく。そして、その後、桜と大和魂を結びつける傾向が顕著となっていったという²。

明治末の『陸軍唱歌』の一つである大和田建樹の「歩兵の本領」³には、

万朶の桜か 襟の色 / 花は吉野に 嵐吹く / 大和男子と 生まれなば / 散兵線の 花と散れ
とあり、死の悲壮美が前面に描かれるようになる。その最も顕著な例が西條八十が作詞した「二輪の桜」を基にしてできあがった「同期の桜」⁴であろう。この歌は、第二次世界大戦の末期、特に特攻隊の兵士たちに愛唱されたと言われる。

貴様と俺とは同期の桜 / 同じ兵学校の庭に咲く / 咲いた花なら散るのは覚悟見事散りまし
しょ国のため / (略) / 貴様と俺とは同期の桜 / 離れ離れに散ろうとも 花の都の靖国
神社 / 春の梢に咲いて会おう

¹ 小川和佑『桜の文学史』(朝日新聞社、1991年)

² 注9に同じ

³ 注9に同じ

⁴ 『軍歌 戦時歌謡大全集(下)同期の桜』(コロムビア)

こうした大和魂と結びついたさくらのイメージの一方で、文学の世界では、近代以降、多彩なさくらのイメージが出現してくる。例えば、萩原朔太郎は詩集『青猫』に収めた「憂鬱なる桜」の中で「感覚的憂鬱性！ それははなの酔えた匂ひのやうに、白く埃っぽい外光の中で、いつもなやましい光を感じさせる。」¹と書き、また、「春宵」では「情欲のなやましい性のきざしは／桜の花の咲いたやうだ。」²と書いた。さくらの花の腐臭を嗅ぎ取り、退廃的でエロスとも重なるさくらをイメージし、新たに詩としたのである。梶井基次郎は満開の桜は生の極みであり、その不思議な生き生きとした美しさを「桜の樹の下には屍体が埋まってゐる！」と表現した（「桜の樹の下には」）³。そして、坂口安吾は『桜の森の満開の下』で、満開の老桜の作る暗がり立つ凄絶な鬼女、そして、血まみれの微笑とふきゆく風の音などを描き、さくらを畏怖の対象として描いた。

以上、日本人の描いた「さくら」について、簡略にふりかえってみた。「さくら」は時々の日本人の心性と重なりながら様々なイメージを現出させてきたことがわかる。では、現代人にとっての「さくら」とはどのようなものなのであろうか。先にも記したように、J-POP という人口に膾炙した歌の歌詞を対象に、次にこの点について考察していきたい。

3. J-POP に登場する「さくら」

現代の若者たちが口ずさむ J-POP。インターネット配信が当たり前となり、ミリオンセラーが出にくい時代とも言われるが、

¹ 『萩原朔太郎全集』(筑摩書房、1975年)

² 注 10に同じ

³ 『梶井基次郎全集』(筑摩書房、2000年)

歌が人々の心を癒し、人々が歌を求めることは昔も今も変わらない。そして、歌の歌詞に英語を多用し、「携帯電話」や「メール」に関する語が散りばめられるようになって、不思議と日本の歌に変わらない傾向がある。——それは、春になれば必ず「さくら」を題材にした歌が発表され、大ヒットに結びつくことである。2000年以降の主だった曲を見てみよう。森山直太郎の「さくら」（2002年）、福山雅治の「桜坂」（2006年）、コブクロの「桜」（2006年）、このコブクロは「さくら」という語は用いていないが、さくらを想像させる花が歌われた「風」、「蕾」といった曲も発表している。そして、「いきものがかり」というグループの歌った「SAKURA」（2007年）、「花は桜 君は美し」（2008年）など、多くの人々の記憶にとどまる曲が生まれている。『SAURA SONGS』をはじめとして、さくらを題材にした曲をオムニバスで集めたCDも発売され¹、現代の日本人にとってもいかに「さくら」が大事な存在であるのかを改めて認識することができる。

これら 2000年以降の「さくら」を題材にした歌詞を俯瞰してみると、ある共通点が浮かび上がってくるのがわかる。それは、「さくら」が巡る季節の象徴としてあることである。このことをよく表現しているのが、コブクロの「桜」の一節である。

桜の花びら散るたびに 届かぬ思いがまた一つ / 涙と笑顔に消されてく そしてまた大人
になった²

さくらの花が咲くことで人は一年が過ぎたことを知る。それだけでなく、その間の様々な経験を経た自分の成長も振り返ることができるのである。そして、人は散るさくらの光景に過去を回想し、

¹ 『SAURA SONGS』『SAURA SONGS II』（ユニバーサルミュージック）など。

² コブクロ『ALL SINGS BEST』（2006年）

かつての恋愛、または生活や仲間を重ねる。例えば「桜坂」では次のようにある¹。

愛と知っていたのに / 春はやってくるのに / 夢は今も 夢のままで(略)
光浴びる桜 / 透き通る花びら見上げ登る坂 / これから先きつとまた ここを通ると思い出
す / 二人一緒 夢見てた明日まぶしすぎて手をかざす

さくらの光景に過去の恋人との生活を重ねれば、自然と別れの理由にも想いは巡る。

君だけは わかってくれた / 憧れを追いかけて / 僕は生きるよ

つまり、夢を追いかけるために二人は別々の道を歩くことになったのだ。そして、季節が巡り、再び春が訪れ、二人で過ごした春の日を思い出し、なぜ別れたのかと後悔しても、なす術はない。愛の思い出は幻影に過ぎないことを悟るのみである。

ただ、ここで注意すべきは、さくらの花によって喚起された過去の思い出に沈潜するのではなく、そこから過去の記憶と訣別し、歩き出そうとする志向性が見えることである。

時がくればちりゆく定めと知ってるからより愛しくて / 桜舞い散るこの坂で 今
君の記憶とお別れ

つまり、「散る桜」→「過去回想」(幸せだった日々、しかし、別々の道を生きる二人)→「過去の思い出との訣別」→「未来へ歩き出す」という一つの型が浮かび上がってくるのである。大塚明子氏は、J-POP の歌詞に頻出する言葉の抽出、分析から、J-POP の基本的なテーマは〈巡る「季節」の中で移ろいやすい「時代」に流されまいと「永遠」を求める〉ことだと指摘している²。この巡る「季節」については、「さくら」を題材にした歌にもあてはまる。しかし、大塚氏の言う社会的、歴史的な「時代」への視線ではなく、「さくら」の歌の場合はあくまでも過去に向かう個人

¹ 福山正治『ANOTHER WORKS』(2006年)

² 『日本語なるほど塾 ヒット曲でつづることば物語』(NHK出版、2005年)

的な「時代」に向う。そして、「永遠」を希求する代わりに「未来へ」歩みだす姿が映し出されているのである。こうした型を踏襲していると思われるのが、「いきものがたり」が歌った「SAURA」である¹。

さくら ひらひら 舞い降りて落ちて 揺れる 想いのたけを 抱きしめた / 君と 春に 願
いし あの夢は 今も見えているよ さくら舞い散る
電車から 見えたのは いつかのおもかげ ふたりで通った 春の大橋 卒業の ときが来
て 君は故郷(まち)を出た 色づく川辺に あの日を探すの /
それぞれの道を選び ふたりは春を終えた 咲き誇る明日(みらい)は あたしを焦らせて
 / 小田急線の窓に 今年もさくらが映る 君の声が この胸に 聞こえて来るよ
さくら ひらひら 舞い降りて落ちて 揺れる 想いのたけを 抱きしめた / 君と 春に 願
いし あの夢は 今も見えているよ さくら舞い散る
書きかけた 手紙には 「元気だよ」と 小さな嘘は 見透かされるねめぐりゆく この
街も 春を受け入れて 今年もあの花 つぼみをひらく
君がいない日々を超えて あたしも大人になっていく こうやって全て忘れていくのかな /
「本当に好きだったんだ」 さくらに手を伸ばす この想いが 今春に つつまれていくよ
さくら ひらひら 舞い降りて落ちて 揺れる 想いのたけを 抱きよせた / 君が くれし 強
き あの言葉は 今も 胸に残る さくら舞いゆく
さくら ひらひら 舞い降りて落ちて 揺れる 想いのたけを 抱きしめた / 遠き 春に 夢
見し あの日々は 空に消えていくよ
さくら ひらひら 舞い降りて落ちて 春のその向こうへと歩き出す / 君と 春に 誓いし
この夢を 強く 胸に抱いて さくら舞い散る

この「SAURA」の主人公は「それぞれの道」を選ぶことによって、別れた二人である。「君」はこの街を出ている。「あたし」は今年もさくらの舞い散る光景の中で、「君」との日々を思いおこす。そして、「遠き 春に 夢見し あの日々は 空に消えていき」、「君と 春に 誓いし この夢を 強く 胸に抱いて」「春のその向こうへと歩き出す」のである。過去を回想する主体の性は男女逆になっているが、プロットは前述した福山正治の「桜坂」とほぼ同じであることに気づくはずである。

もちろん、こうした愛の思い出を辿る過去への回想から未来への歩みだしにスムーズに進む例ばかりではない。例えば、コブクロの「風」¹では、

¹ いきものがたり『桜咲く街物語』(2007年)

あなたを忘れてしまう程の 恋が胸をこがす日まで / この道は誰とも歩けないあの日のように / 舞い上がる花びらに吹かれて あなたと見た夢を探す / 小さなつむじ風鳴いている / この風は あなたですか？ 次の春も吹きますか？

というように、新たな恋の訪れは遠く、次の春も「あなた」への想いを拭い去ることができないような予感が示されている。しかし、このように新しい恋のステージにすぐには移れなくとも、人はそこで「本当の自分の 弱さと強さ」と向き合うことになる。

4. 森山直太郎が歌う「さくら」

「さくら」が導き出す過去は過去の恋愛だけとは限らない。学校生活、仲間との日々… 森山直太郎の歌った「さくら」²は、これまでに検討して来たところを体現した最も注目すべきである歌であると考ええる。

さくら

僕らはきっと待ってる 君とまた会える日々を
さくら並木の道の上で 手を振り叫ぶよ
どんなに苦しい時も 君は笑っているから
挫けそうになりかけても 頑張れる気がしたよ
霞ゆく景色の中に あの日の唄が聴こえる

さくら さくら 今、咲き誇る
刹那に散りゆく運命と知って
さらば友よ 旅立ちの刻 変わらないその想いを 今
今なら言えるだろうか 偽りのない言葉
輝ける君の未来を願う 本当の言葉
移りゆく街はまるで 僕らを急かすように

さくら さくら ただ舞い落ちる
いつか生まれ変わる瞬間を信じ
泣くな友よ 今惜別の時 飾らないあの笑顔で さあ

¹ 注 14に同じ。

² 森山直太郎『乾いた唄は魚の餌にちょうどいい』(2002年)

さくら さくら いざ舞い上がれ
 永遠にさんざめく光を浴びて
 さらば友よ またこの場所で会おう さくら舞い散る道の上で

この「さくら」に描かれているのは、友との別離である。友の存在に励まされ過ぎてきた日々。その友にこれまで自分の思いを素直に伝える事ができなかったけれど、今、別れの時を迎え、友との再会を期し、さくら舞い散る中を旅立っていく場面が描く。季節は春。「咲き誇る」さくらは「刹那に散りゆく運命と知って」いる。ここに描かれたさくらは、咲き誇ることと、その時がまた散りゆく時でもある、というさくらの両義性を体現していることに注意したい。また、ここにおいてさくらは「散る」ことに終始していない。ひたすらに「ただ舞い落ちる」のは「いつか生まれ変わる瞬間を信じ」ているからである。この「生まれ変わり」、即ち、「さくら」に「死」を超えた「再生」を重ねるのはこれまでのさくらを題材にした歌詞にはない、注目に値する部分である。換言すれば、この歌の「さくら」は再びの生命の息吹の可能性を示唆しているのである。前述してきた通り、これまでは咲き誇るさくらに大和心を重ねたり、また、感覚的な憂鬱や死の影を投影させてきた。戦時中には潔い死を兵士に喚起させるためにうたわれていたのが「さくら」であった。「舞いあがる花びら」は前述したコブクロの「風」にも見られ、恋の思い出と結びつき、それ以上を示さなかったが、この歌に於いては「死」と「再生」までをも「さくら」からイメージしているのである。そして、巡る「季節」は「輪廻」の意味にまで発展している。ここに、現代日本人の意識の転換を認める事ができるだろう。

こうした「死」と「再生」は、「さくら」の花びらの動きにも、これまでにない様相を添加している。つまり、舞い落ちるさくらの花びらが「死」のイメージだとすれば、「再生」のイメージは「さくら さくら いざ舞い上がれ」の部分にあたる。このさくらの花びらが

舞いあがる、という描写は、これまでにないさくらの花びらの動きであることに注意すべきである。

この描写と比較したいのが、三好達治の「鶯のうへ」¹という非常によく知られ、愛唱されてきた詩の一節である。

あはれ花びらながれ
をみなごに花びらながれ
をみなごしめやかに語らひあゆみ
うららかな聲音空にながれ
をりふしに瞳をあげて
翳りなきみ寺の春をすぎゆくなり
(略)

この詩は、常套句であり使い古された感のある「あはれ」という言葉を冒頭から用い、花びらの散る優雅で美しい情感を表現するのに成功している。「あはれ」「をみなご」という雅語を用いながら、新鮮な情感を醸し出すのに成功しているのは、「舞う」でも「散る」でもない、ひとえに花びらが「流れる」という映画的な表現によるものであろう。流れるように降る花びらの中を二人の少女が何事かを語らいながら歩いていく。その(多分、石畳の上を歩く下駄の)足音が空に響いて消えていく。そして、お寺の屋根が映える美しい空に少女たちは時折目を上げ語らい、歩み去る。こうした風景を描いた後、後半は詩人の孤独が描かれるのであるが、今は触れないこととする。まず、ここでは「花びらながれ」という映画的な新たな表現の登場に着目したい。しかし、花びらは斜め下方に向かっており、落下の運命を辿っていることに変わりはない。この三好達治の採った描写方法は当時かなり斬新な方法であったわけだが²、この詩に於いて「さくら」の花自体に新たなイメージが付与されているわけではない。これ

¹ 『三好達治全集』(筑摩書房、1964年)

² 『現代詩の解釈鑑賞事典』(旺文社、1979年)

に対し、森山直太郎の書いた「さくら」は「舞い散る」「舞い落ちる」という表現に加え、桜の花びら自体の生命を信じているかのよう
に「いざ舞いあがれ」と呼びかけているのである。

このように、現代日本人が J-POP の歌詞に描いた「さくら」は、めぐる「季節」を感じさせるものであり、そしてそれは人を過去回想に誘う。しかし、そこに留まらず、散るさくらの花びらは「再生」のイメージを付与され、つまり、「生」の息吹を感じさせるものとして認識され、「未来への志向」と結びついていく。「さくら」は現代の J-POP において、新しい咲き方を示していると言えるだろう。

5. 終りに —「さくら」が歌詞に登場する理由と今後—

ところで、なぜ、現代の日本人はこのように「さくら」を歌の歌詞に取り入れるのだろうか。—それは、学校年度と関わりがあるろう。つまり、日本のほとんどの学校の新年度は 4 月 1 日から始まる。明治期に学校制度が導入されて以来、途中、年度始めは 9 月、7 月などと変更されたこともあったが、農作業への影響が少ない時期であることなども考慮され、日本は 4 月を新年度とするおおよそ 100 年の歴史を培ってきた。日本人の入学、卒業、そして、入社など、人生の大きな節目は「春」にあったのである。そして、そうした人生の大きな転換期に、人々の傍らに咲くのが「さくら」の花だったのだ。かつて、受験の可否を知らせる電報には、合格が「サクラサク」、不合格が「サクラチル」という言葉が使われていたことは象徴的だろう。人生と春とさくらを結びつけた言葉の好例だ。「さくら」は人々の新たな春の旅立ちの記憶と共にある。そこには、家族、恋人、恩師、仲間らとの別れのドラマも展開される。人々のそうした記憶の背景には、さくらの花が咲き、また、散っているのである。

四季の始まりである「春」を代表する花であり、「咲く花の美しさ」と「散る花の美」を併せ持つ「さくら」は、これからも我々

日本人の心をひきつけてやまないものであろう。だが、今後、「さくら」はこれまでのようには文学や J-POP の歌詞に登場しない可能性がある。というのも、日本の大学の入学時期が変わろうとしているからである。

最近、入学時期の見直しを検討して来た東京大学の懇談会が、学部の春入学を廃止し、秋入学への全面的な移行を求める中間報告をまとめたことが報道された¹。なぜ、このような論議が起こったかと言えば、秋入学を採用する国は世界で約 7 割、欧米では約 8 割に達している現状がある。日本の様な 4 月入学を採っているのはインド、パキスタンなど数えるほどであり、極めて特異な状況だと言う。日本がこのまま春入学に固執していると、学生と教員の国際交流を妨げることになる。つまり、交換留学や、海外の大学との研究や教育の協力関係の点で対応が難しくなり、国際基準から脱落していく可能性があるのである。このような点から、慎重論もあるものの、5 年後を目途に日本の大学は秋入学へ移行する可能性が大である。東大の動きを受け、国立大学、有名私立大学でも秋入学への検討が始まっている。とすれば、今後の入学式や卒業式、入社式は 9 月 1 日に始まることになるが、そこに「さくら」は咲いていない。散るさくらもないのである。人々のさまざまな希望や悲しみを彩って来た「さくら」の代わりに、今後、日本人は何に感情を托すのであろうか。引き続き、関心を持って観察していきたい。

¹ 『毎日新聞』(2012 年 1 月 18 日)など。

СОДЕРЖАНИЕ

Том 1

Рыбин В.В. Будем помнить! (к 120-летию Н.А.Невского)	3
Бакшеев Е.С. Изучение Н.А.Невским языка и культуры Рюкю	10
Борисова А.А. Женщины в системе иэмото в современной Японии	18
Борисова А.С. Круг научных дисциплин, связанных с переводами псалмов на японский (опыт одного исследования)	28
Бреславец Т.И. Концепция аварэ в критике ФУДЗИВАРА Сюдзэй	37
Врадий С.Ю. Китайские сочинения в Японии периода Бакумацу	48
Добринская О.А. О распространении японского языка в Центральной Азии	65
Ибрахим И.С. Анализ средств реализации и особенностей восприятия эмотивной информации в речи носителями разных диалектов японского языка	77
Иванова Ю.В. Театр и драматургия в творчестве АРИЁСИ Савако	100
Исакова П.А. Очерк литературной традиции «сидзэнсюги» (кон. XIX – нач. XX в.)	110
Исса Н.Х. Подписи на мечях эпохи дзёто и раннего периода эпохи кото	119
Климов А.В. Остров Сахалин в дневниковых записях МАЦУДА Дэн-дзюро	136
Климов В.Ю. Интеллектуальный багаж Высокомудрого Рэннё (1415-1499)	155
Коноваленко Н.Л. Особенности узких гласных в диалекте Идзумо	177
Кудояров В.Н. «Новые законы эры Сётоку» 1715 г. как мера по ограничению внешней торговли в Нагасаки	184
Леленкова А.В. Из истории японо-американских противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе до начала вашингтонских переговоров 1941 г. (непримиримость позиций сторон)	192

Том 2

- Лещенко Н.Ф.** «Особенно важно помнить, какие были у нас (и когда-то среди нас) люди» 222
- Малашевская М.Н.** «Пять упущенных возможностей» – концепция истории русско-японских отношений 1956-2002 годов во взглядах ТОГО Кадзухико 242
- Маранджян К.Г.** «Культурный самурай» – представление о «культуре» и «воинственности» в начале эпохи Токугава (на материале «Бесед со старцем» НАКАЭ Тодзю) 254
- Мотрохов А.И.** О религиозно-эстетическом восприятии моря в древней японской поэзии (на примере песен поэтической антологии «Манъёсю») 265
- Нечаева Л.Т.** Транспонирующие суффиксы письменного стиля японского языка 284
- Осадча Ю.В.** "Общие рассуждения о прозе" ФУТАБАТЭЙ Симэй в контексте японской литературной критики конца XIX ст. 293
- Османов Е.М.** Военная система Японии VII-VIII вв.: особенности комплектования и функционирования 305
- Парфёнова О.** Этноспецифическая характеристика знаков препинания в японском языке 328
- Синицын А.Ю.** Об особенностях описания произведений традиционного японского искусства из собрания Великого князя Николая Александровича Романова, привезенных из Путешествия на Восток в 1890-1891 гг. (по материалам описи №312 МАЭ РАН) 340
- Строева М.В.** Японское чрезвычайное посольство на коронации 1896 г. 354
- Филиппов А.В.** Экономика, политика и социум Японии (втор. пол. XX – нач. XXI в.) – попытка периодизации 364
- Хронополо Л.Ю.** Сказочный интертекст и аллюзии в повести ОЦУ Ити «Исиномэ» 396
- 荒川好子= АРАКАВА Ёсико.** 震災後に求められたポピュラーソングの歌詞分析 = Анализ текста японских песен, которые были популярны после землетрясения 407
- 安元隆子= ЯСУМОТО Такако.** 「さくら」と日本人
～J-POP から読む現代人にとっての「さくら」～ 423

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ (общество, культура, язык):

Материалы российских и японских исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых
120-летию со дня рождения Н.А.Невского.

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика 28.02.12
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,27. Тираж 150 экз. Заказ № 31

Отпечатано в типографии «Литография»,
191119, Санкт-Петербург, Днепропетровская ул., 8

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Редакционная коллегия приносит извинения и с сожалением отмечает, что **в исполненной издательством бумажной версии** настоящего издания при печати ряда страниц произошли искажения в воспроизведении иероглифики (ряд знаков изображён в виде пустых клеток).

Несоответствия замечены на следующих страницах тома 2:

266, 283, 298, 408, 412-414, 416-420, 431.

